

Министерство культуры Российской Федерации
Российское военно-историческое общество
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг. И
ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ».
К 165-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
1854–1855 гг.**

Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
Севастополь
7–9 сентября 2019 г.

Севастополь
2020

УДК 94(47).073.5
ББК 63.3(2)521.2-68
К 85

Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя 1854–1855 гг.: результаты и перспективы исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 7–9 сентября 2019, Севастополь: к 165-летию начала обороны Севастополя 1854–1855 гг.— Севастополь: ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник, 2020.—300 с.: ил.

ISBN

Статьи публикуются в авторской редакции. Мнение редколлегии может не совпадать с мнением и позицией авторов. Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка использованной литературы.

УДК 94(47).073.5
ББК 63.3(2)521.2-68

ISBN

Андрей Алексеевич Букатов
кандидат физико-математических наук
заведующий отделом подводной археологии
ФГБУК «Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
г. Севастополь

Andrey Alekseevich Bukatov
PhD in Physico-mathematical sciences
State Historical and Archaeological
Museum-Reserve “Tauric Chersonesus”
Sevastopol

Павел Михайлович Ляшук
научный сотрудник Крымский региональный
центр археологических исследований
г. Севастополь

Pavel Mikhailovich Lyashuk
Crimean Regional Center for Archaeological Research
Simferopol

АНГЛИЙСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ 1854–1855 гг. ИЗ БУХТЫ КАЗАЧЬЯ ENGLISH CERAMIC COMPLEX OF THE CRIMEAN CAMPAIGN PERIOD (1854–1855) FROM KAZACHYA BAY

Аннотация: в 2017–2018 гг. экспедиция отдела подводной археологии музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводила разведки у восточного берега бухты Казачья в рамках реализации научной программы «Гавани Херсонеса». Полевая опись находок насчитывает 225 предметов из керамики, стекла, металла и дерева. Большинство артефактов, найденных в бухте Казачья — археологически целые формы и фрагменты фаянсовой посуды английского и французского происхождения. Часть находок представлена керамическими предметами и глазурованной посудой, не имеющей клейм. Это горшки, бульонницы, кувшины, глазурованные миски и т.д. Клейма предприятий-производителей на обнаруженной керамике датируются 30–50 гг. XIX в., что позволяет связать находки с периодом Крымской кампании 1854–1856 гг. и временем пребывания в Казачьей бухте судов противников России. 54% фаянсовых изделий из сборов в Казачьей бухте являются продукцией британских предприятий. Несомненный интерес представляют фрагмент блюда с эмблемой судоходной компании «General Screw Steam Shipping Company» и чашка с парохода «Fhoebe», принадлежавшего судоходной компании «Union Steam Collier Co. Среди рисунков, нанесенных на столовую посуду, выделяются сюжеты, позволяющие просле-

дить модные течения, памятные события и объекты популяризации.

Керамический комплекс из бухты Казачья периода Крымской кампании 1854–1856 гг. дает своеобразный срез одной из групп мирового рынка потребительских товаров 40–50 гг. XIX в., несёт информацию о процессах развития промышленного производства.

Abstract: the expedition of the underwater archeology department of the Kherones Tauride Museum-Reserve conducted reconnaissance off the eastern shore of Kazachya Bay as part of the scientific program in 2017–2018. The field inventory of finds includes 225 objects made of ceramics, glass, metal and wood. Most of the artifacts found in Kazachya Bay are archaeologically entire forms and fragments of faience dishes of English and French origin. Some of the finds are represented by ceramic objects and glazed dishes that do not have a stamp: pots, broth bars, jugs, glazed bowls, etc. The stamps of manufacturing enterprises on discovered ceramics date back to 30–50 years of XIX century, which allows you to connect the finds with the period of the Crimean campaign in 1854–1856. 54% of faience products from fees in Kazachya Bay are products of British enterprises. A fragment of the dish with the emblem of the shipping company General Screw Steam Shipping Company and a cup from the steamer Fhoebe, owned by the shipping company Union Steam Collier Co are undoubtedly very interesting. Among the drawings painted on the tableware, plots stand out that allow you to trace fashionable trends, memorable events and objects of popularization.

The ceramic complex from the Kazachya Bay of the Crimean campaign period carries information on the development processes of industrial production in one of the groups of the world market for consumer goods 40–50 years of XIX century.

Ключевые слова: Казачья бухта, стоянка судов, Крымская война, керамические изделия, фаянсовая посуда.

Keywords: Kazachya bay, ship parking lot, Crimean war, ceramic products, faience dishes.

В 2017–2018 гг. экспедиция отдела подводной археологии музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводила разведки у восточного берега бухты Казачья в рамках реализации научной программы «Гавани Херсонеса». Глубины на участках исследования от 2 до 8 м, дно представляет собой ил или сильно заиленный песок. За два года работ обследованная площадь составила 80 800 м² (рис. 1). Сборы дали разнообразный материал, начиная от первых веков нашей эры до середины XIX в. Полевая опись находок насчитывает более 200 единиц (225) предметов из керамики, стекла, металла и дерева. Общие итоги подводных разведок были изложены сотрудниками экспедиции в сообщениях на крымских археологических конференциях, посвященных результатам полевых исследований 2017–2018 гг. [1], [2], [3].

Большинство артефактов, найденных в бухте Казачья, представляю

собой археологически целые формы и фрагменты фаянсовой посуды и керамических банок английского и французского происхождения. Клейма предприятий-производителей на обнаруженной керамике датируются 30–50 гг. XIX в., что позволяет связать находки с периодом Крымской кампании 1854–1856 гг. и временем пребывания в Казачьей бухте судов противников России. Часть находок представлена керамическими предметами и глазурованной посудой, не имеющей клейм. Это горшки, бульонницы, кувшины, глазурованные миски и т.д. 54% фаянсовых изделий из сборов в Казачьей бухте являются продукцией британских предприятий по производству керамики, 19% изготовлены во Франции, у 27% центр производства определить не удалось.

Рис. 1. Карта-схема с указанием участков подводных археологических разведок 2018 г. в районе мыса Херсонес (1) и бухты Казачьей (2)

Согласно письменным источникам, с ноября 1854 по июль 1856 г. Казачья бухта являлась местом стоянки кораблей британского флота, принимавших участие в блокаде Севастополя с моря. Сюда приходили транспорты с пополнением и боеприпасами, в бухте также периодически находилась часть французских торговых кораблей, для которых не хватало места в переполненной Камышевой бухте [4], [5, р. 363–364].

На восточном берегу Казачьей бухты в 1855 г. англичане построили два пирса для погрузки и выгрузки необходимого для Королевского Морского двора, на территории которого были учреждены: механическая мастерская, склады угля и провизии для пароходов, флотские пороховые склады. Рядом находился офис электрического телеграфа, связывавшего Казачью с Георгиевским монастырем и, далее, по дну Черного моря,

с Варной. В оконечности бухты располагалась большая французская пекарня и склады французского комиссариата [6, р. 122–123], [7], [8], [9]. (рис. 2, 3).

Среди подводных находок двух полевых сезонов, несомненный интерес вызывает часть тарелки, декорированной по краю темно-серым растительным орнаментом, с помещенным в центре ее внутренней части рисунком земного шара, вокруг которого между канатами частично сохранившаяся надпись «GENERAL [SCREW STEAM] SHIPPING COMPANY». Под земным шаром помещен ремень с якорем, еще ниже внутри стилизованной ленты читается «ROYAL MAIL SERVICE» («Королевская почтовая служба»); на внешней стороне в три строки: «JONATHAN PHILLIPS, | 358 & 359 Oxford Street | LONDON» (рис. 4.1).

«The General Screw Steam Shipping Company» — одна из крупнейших британских паровых компаний сер. XIX в. Существовала с 1848 по 1857 г., в период расцвета ее флот доходил до 26 судов. Пароходы компании, зафрахтованные правительством в качестве военных транспортов, в 1854–1856 гг. активно участвовали в перевозках войск и грузов в Крым и обратно на «туманный Альбион». Среди судов компании наибольшую известность получил «Принц», погибший под Балаклавой в бурю 14 ноября 1854 г. [10].

Рис. 2. Мыс Херсонес, Казачья и Камышовая бухты. Фрагмент карты: Sevastopol, shewing the Russian defence works and the approaches of the allied armies: 1st Sept. 1855: Great Britain. Hydrographic Dept Spratt, T. A. B. (Thomas Abel Brimage), 1811–1888 George R Wilkinson, 1856. Scales 1:126720

Рис. 3. Казачья и Камышовая бухты. Фрагмент карты: Plan of the attacks and positions of the Allied Armies before Sevastopol in 1854–5 / Under the direction of the L. Col. Cameron, R. E. Colonel James. Southampton, 1858. Scales 1:126720

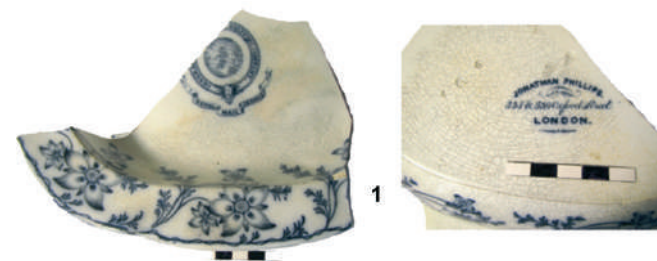

Рис. 4.1 Фрагменты английской посуды. Фаянс. Англия. Середина XIX в. Бухта Казачья

Джонатан Филлипс, торговец фарфоровой посудой, проживавший по адресу: Лондон, Оксфорд стрит 358–359, известен с 1818 г. В 1843 г. человек с таким именем являлся одним из коммерческих директоров Лондонского почтамта и совладельцем кампании по розничной торговле фаянсовой и стеклянной посудой [11, р. 32], [12, р. 326].

Рис. 5.1 Фрагмент чашки с парохода «Phoebe» (1).
Фарфор. Англия. 1851–1856 гг. Бухта Казачья

Еще одна крайне редкая находка: это фарфоровая чашка с парохода «Фиби» (рис. 5.1). Чашка сохранилась на 75%, имеет рельефный волнистый край, высоко выступающую ручку-кольцо, кольцевидный поддон. Внутренняя часть покрыта краской цвета кобальта с росписью золотом (плохо сохранившейся). На дне, на внутренней поверхности в круглой эмблеме в виде пояса надпись «PHOEBE». Снизу на дне подглазурный штамп: корона, под ней «DAVENPORT» «LONGPORT» ниже «STAFFORDSHIRE».

Пароход «Фиби» водоизмещением 613 т и с силовой машиной в 120 л.с. был построен в 1851 г. В 1853 г. приобретен компанией «Union Steam Collier Co» для перевозки угля (рис. 6). В 1854–1856 гг. все пять судов этой компании были зафрахтованы британским правительством и использовались в качестве транспортов и почтовых пароходов для нужд войск в Крыму. В 1857 г. «Фиби» продали компании «Preston & Co, Glasgow» [13].

Не менее интересны сюжеты рисунков, нанесенных на столовую посуду, которые позволяют проследить модные течения, памятные события и объекты популяризации.

Среди подъемного материала достаточно много частей тарелок с популярным псевдо-китайским сюжетом «Blue willow», в основном произведенных фабриками, располагавшимися в крупнейшем английском центре по изготовлению фаянса и фарфора, графстве Стаффордшир. Серия посуды с рисунком по мотивам романтической китайской легенды выпускается до настоящего времени, уже более 200 лет [14]. Всего при археологических разведках в Казачьей бухте было собрано 35 фрагментов фаянсовых тарелок с этим оформлением (рис. 4.3, 7.3).

На некоторых тарелках на внешней стороне дна нанесены клейма и оттиски в виде адмиралтейского якоря. На трёх фрагментах сохранились штампы в виде якоря с обвитым цепью веретеном и надписью «LONDON»,

Рис. 6. Пароход «Phoebe». С литографии.
Англия. Вторая половина. XIX в.

один фрагмент имеет клеймо в виде якоря и надпись по кругу «LINDER & Co», нанесённое синей краской¹ (рис. 4.3).

Среди прочего, хотелось бы отметить находку пиалы с изображением павильона Первой Всемирной промышленной выставки, проходившей в Лондоне с мая по октябрь 1851 г., и кружки, изготовленной в Глазго на предприятии Jon & Matthew Perston Bell [15], с изображениями сцен из романа «Хижина дяди Тома» американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1851) (рис. 5.2). Напомним, что «Хижина дяди Тома» стала для своего времени культурным феноменом, только в Британии и Франции были проданы сотни тысяч экземпляров этой книги. Публикация произведения послужила мотивом для изготовления многочисленных керамических и фарфоровых фигур персонажей, ваз и декоративных тарелок, изображавших сцены из романа. Подобные предметы интерьера создавались в основном для украшения викторианских салонов. Данный экземпляр можно датировать 1852–1856 гг. Фирма-производитель «Jon & Matthew Perston Bell» просуществовала с 1841 по 1912 г. и вошла в историю, как наиболее успешное предприятие по производству керамики в истории керамического производства Шотландии.

¹ На время написания статьи информации о данном производителе найти не удалось.

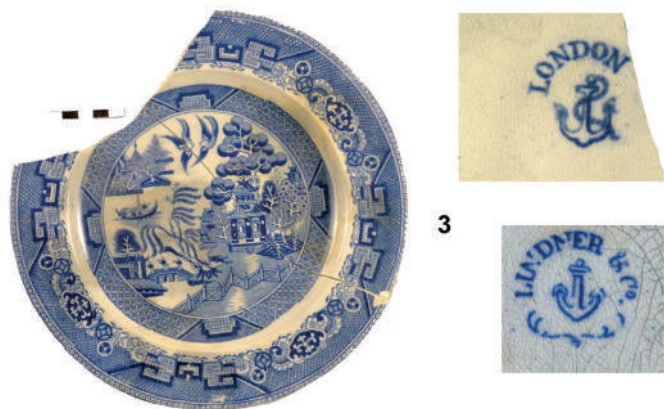

Рис. 4.3 Фрагменты английской посуды.
Фаянс. Англия. Середина XIX в. Бухта Казачья

Рис. 7.3 Фрагменты английской
посуды. Керамика. Англия.
Середина XIX в. Бухта Казачья

Рис. 5.2 Кружка с изображениями сцен из романа
«Хижина дяди Тома» (2). Фаянс. Англия. 1852–1856 гг. Бухта Казачья

Рис. 4.2 Фрагменты английской посуды.
Фаянс. Англия. Середина XIX в. Бухта Казачья

В сборах присутствуют так же фрагменты посуды со штампами фабрик Podmore Walker & Co (сюжет «Asiatic Pheasants») [16]. Компания специализировалась на производстве расписной керамики в «китайском стиле», ее продукция известна на рынке товаров с 1840 г. по настоящее время (рис. 4.2).

Не менее популярна была в Англии в середине XIX в. продукция с изображением сцен семейной идиллии на фоне здания Итонского колледжа. На наших фрагментах двух фаянсовых тарелок с клеймом «Eton College», изображена семья из трех человек прогуливающаяся на природе, на фоне здания этого учебного заведения, основанного в 1440 году королём Генрихом VI. [17]. Двухцветные тарелки и блюда известны в бело-коричневом и бело-голубом исполнении (рис. 7.2).

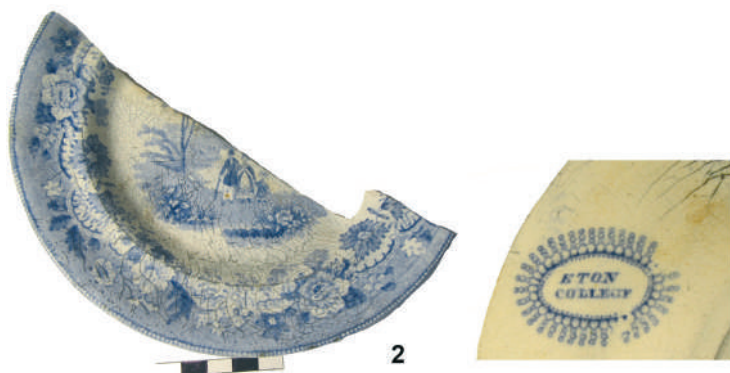

Рис. 7.2 Фрагменты английской посуды.
Керамика. Англия. Середина XIX в. Бухта Казачья

Рис. 7.1, 7.4 Фрагменты
английской посуды.
Керамика. Англия. Середина XIX в.
Бухта Казачья

Призовой медалью Всемирной промышленной выставки 1851 г. в Лондоне было отмечено предприятие Denbu Pottery (Joseph Bourne), наладившее выпуск керамических бутылок и банок, «имевших свойство защиты от воздействия света, что было признано чрезвычайно сложным достижением». Такие бутылки и банки в большом количестве использовались для транспортировки морем товаров в Индию, Австралию, Южную Африку и прочие отдаленные британские колонии [18]. Среди подводных находок в бухте Казачьей присутствует целая серия подобных керамических сосудов различной формы и объема, как условно целых, так и во фрагментах (рис. 7.1, 7.4).

Британский керамический комплекс из бухты Казачья периода Крымской кампании 1854–1856 гг., конечно, не иллюстрирует военное противостояние ведущих европейских государств, но дает своеобразный срез

одной из групп мирового рынка потребительских товаров 40–50 гг. XIX в., несёт информацию о процессах развития промышленного производства.

Часть находок сезона 2017 г. была представлена на выставке «Где волн Понтийских не смолкает шум...» в декабре 2017 — феврале 2018 гг.

Источники и литература:

1. Букатов А. А., Дюженко Т. В. Подводные археологические разведки в бухтах Карантинная и Казачья в 2017 г. // История и археология Крыма. Вып. VIII. Сборник статей / Отв. ред. В. В. Майко. Севастополь: ООО «Колорит», 2018. С. 26–27.
2. Ляшук П. М., Букатов А. А. Комплекс периода Крымской войны из подводных разведок в бухте Казачья // Материалы научной археологической конференции «Подводная археология в России: основные направления исследований». 21–23 марта 2018 г. Феодосия: РА «Арт Лайф», 2019. С. 70–74.
3. Букатов А. А. Находки периода Крымской кампании из бухты Казачья // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Т. I / Отв. ред. А. Д. Васильев; сост. Н. В. Гиньгут, В. В. Лебединский, В. В. Прудников. М.: Пробел–2000, 2019. С. 40–42.
4. De Sainte-Adresse. Kamiesh et Kazatch // L'illustration: journal universel. T. 25. Paris, 1855. P. 11–12.
5. Diary of the Crimean war by Frederick Robinson. London: Richard Bentley, 1856. 443 p.
6. Six month at Sevastopol; being selections from the journal and correspondence of the late major Georg Ranken, royal engineers. By his brothers W. Bayne Ranken. London: Charles Westerton, 1857. 157 p.
7. Sevastopol, shewing the Russian defence works and the approaches of the allied armies: 1st Sept. 1855: Great Britain. Hydrographic Dept Spratt, T. A. B. (Thomas Abel Brimage), 1811–1888 George R Wilkinson, 1856. Scales 1:126720.
8. Plan of the attacks and positions of the Allied Armies before Sevastopol in 1854–5 / Under the direction of the L. Col. Cameron, R. E. Colonel James. Southampton, 1858. Scales 1:126720.
9. Colin Robins. The Royal Navy at Kazatch // The war correspondent: the journal of the Crimean war research society. Vol. 14. Num. 2. July 1996. p. 22–24.
10. General Screw Steam Shipping Company 1848–1857 [Электронный ресурс] // Сайт «Shipping Company Fleet Lists». Режим доступа: <http://www.theshipslist.com/ships/lines/generalscrewssc.shtml>
11. The Poll Book, for Electing Two Representatives in Parliament for the City of Westminster, June 18, to July 4, 1818.

- London: Printed for J.J. Stockdale, Pall Mall, 1818. 236 p.
12. The small edition of the Post office London directory, 1843. London: W. Kelly & Co., [1843]. 1636 p.
 13. Union Steamship Company [Электронный ресурс] // Сайт «Shipping Company Fleet Lists». Режим доступа: <http://www.theshipslist.com/ships/lines/union.shtml>
 14. Our history | Churchill China [Электронный ресурс] // Сайт «Churchill China». Режим доступа: <https://www.churchill1795.com>
 15. John & Matthew Perston Bell & Co Mulberry ironstone transfer ware: Brys antiques / Ruby Lane [Электронный ресурс] // Сайт «Rubylane.com». Режим доступа: <https://www.rubylane.com>
 16. Podmore Walker Asiatic Pheasants China | Archive off sold items | Lovers of blue & white [Электронный ресурс] // Сайт «Lovers of Blue & White the blue & white china and pottery specialists». Режим доступа: <https://www.blueandwhite.com>
 17. См., например: Details about E&G Phillips Eton College blue transferware ironstone plate, 10"D, Ca. 1830s | Vintage blue white China [Электронный ресурс] // Сайт «Pinterest». Режим доступа: <https://www.pinterest.com>
 18. Hopwood, I & Hopwood, G. Denby Pottery, 1809–1997: Dynasties and Designers. Richard Dennis Publishers, 1997. 128 p.

Татьяна Владимировна Вакулова
кандидат политических наук, доцент кафедры «История»
Севастопольский государственный университет
г. Севастополь
Tatiana Vladimirovna Vakulova
PhD in Political Sciences
Sevastopol State University
Sevastopol

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

APPROACHES TO THE STUDYING OF THE HISTORY OF THE CRIMEAN WAR 1853–1856.

Аннотация: *раскрывается необходимость использования цивилизационного подхода для анализа причин и итогов Крымской кампании 1853–1856 гг.. На основании положений теории рассматриваются причины войны, связанные с религиозным фактором. Указывается на главную причину войны — нарушение закрепленного международными договорами права России на покровительство православия в Турции. Утверждается, что закономерным является и другое название этой войны — «битва за Ясли Господни». Именно поэтому главные события этого межцивилизационного конфликта происходили в Крыму и Севастополе, который являлся не только военной базой России на Черном море, но и колыбелью русского православия. Анализируя события, автор приходит к выводу, что итоги войны свидетельствуют о победе православного государства и русской дипломатии, т.к. был сохранён статус-кво Святых мест в результате бескомпромиссной позиции России в деле защиты прав Иерусалимской Православной Церкви в Палестине в соответствии с положением дел, существовавшим со времен Византийской империи.*

Abstract: *the need to use the civilization approach to the analyses of the causes and outcomes of the Crimean war (campaign) 1854–1855 is revealed in this article.*

It analyzes the causes of the war related to the religious factor. To specify the main cause of the war—a violation under international treaties of the Russian law on the protection of Orthodoxy in Turkey. It is argued that it is natural to name this war — «The battle for the Manger of the Lord». That is why the main events of interciviliation conflict is the Crimea and Sevastopol, which was not only the military base of Russia on the Black Sea, but also the cradle of Russian Orthodoxy.

Analyzing the events, the author comes to the conclusion that the outcome of the war testifies the victory of the Orthodox state and the Russian diplomacy,

because the status quo of the Holy places was maintained in accordance with the state of Affairs which had existed in the Byzantine Empire.

Ключевые слова: *цивилизационный подход, европейская цивилизация, православно-славянская цивилизация, крымская война, междоцивилизационная война, конфликт цивилизаций.*

Keywords: *civilization approach, European civilization, Slavic-Orthodox civilization, the Crimean war, a war between civilizations, a clash of civilizations.*

С позиций цивилизационного подхода Крымскую войну можно рассматривать как войну междоцивилизационную, между западной (католической) и славянской (православной) цивилизациями. В этой войне наиболее ярко проявились истинные цели и отношение западной цивилизации к православно-славянской. Крымская война носила общеевропейский характер, именно в ней очевидным было европейское единство против России, соперничество двух цивилизаций. В Крымской войне опасность для России исходила от любой страны европейской цивилизации. Этот факт не давал возможности использовать больше военных сил в Крымской компании, так как они были задействованы по всем границам империи. Считается, что если бы под Севастополь была направлена кавказская армия исход войны был другим.

Причины Крымской войны иногда связывают с «восточным вопросом». Но это не вполне так, главным в ней, на наш взгляд, был вопрос не о разделе османских владений, а о гегемонии в Европе. Известно, что одним из поводов для Восточной войны стал государственный переворот во Франции в декабре 1851 года. Племянник Наполеона I Луи-Наполеон, провозгласил себя императором Наполеоном III, нарушив при этом не только законы французского государства, но и международный договор, который запрещал представителям семьи Наполеона занимать французский престол [3, С. 342]. Европейские государства не реагировали на это нарушение в отличие от России, где Николай I, соблюдая международное соглашение, отказался признавать самозванца императором.

Нужно отметить, что в период до 1853 года во взаимодействии между европейской и славянской цивилизациями, российская дипломатия лидировала. [7]. Мощь России во главе с Николаем I после венгерской кампании и после Ольмюца была очевидной. Можно утверждать, что к началу 50-х гг. XIX века Россия достигла могущества в междоцивилизационном противостоянии. При этом противоречия внутри европейской цивилизации между Англией и Францией существовали, но отходили на второй план перед объединяющей борьбой против России. «Не случайно лорд Г.Д. Пальмерстон приветствовал государственный переворот Наполеона III, его расчет заключался в том, что он увидел в Наполеоне III орудие антирусской политики Англии» [12, С. 127-128].

Таким образом, не столько в русской угрозе, а в стремлении западной цивилизации контролировать и противостоять России заключались

мотивы Крымской войны. Б. Елавич, американский историк писала, что после наполеоновских войн Россия была единственной страной Европы, не имеющей претензий ни к одному из своих соседей. Не России, а ведущим западноевропейским странам, прежде всего Англии, было необходимо разрушение сложившейся системы международных отношений, для осуществления чего выдвигалась военная программа [6, С. 39].

В 1852 году в Европе складываются контуры антирусской коалиции, для отвлечения европейской общественности от обсуждения государственного переворота во Франции использовали ситуацию на Востоке, где на территории Османской империи православные и католики совершали паломничество к Святым местам. Здесь Россия покровительствовала православным, а Франция — католикам. Споры между конфессиями относительно привилегий и прав верующих разрешались на переговорах с Портой. Используя религиозные споры, Наполеон III заявил о преимуществах католиков по сравнению с православными. Его цель была пойти на конфликт с Россией и под религиозным предлогом получить возможность усилить свое влияние на Ближнем востоке.

Николай I отправил в Стамбул посольство во главе с А.С. Меншиковым, который предъявил ультиматум: либо признать за Православной церковью не только религиозные, но и светские привилегии, либо переговоры прекращаются. Султан отклонил ультиматум. Поэтому, 21 июня 1853 года русская армия перешла границу Турции, а 4 июля 1853 года вступила в пределы Дунайских княжеств. Переговоры продолжились, и была выработана «Венская нота». Австрия стремилась к тому, что бы стороны приняли Венскую ноту, при этом Вена гарантирует Стамбулу, что русский царь не намерен в дальнейшем увеличивать свои притязания. Турция с помощью Англии и Франции готовилась к войне и не согласилась с этой инициативой, и 4 октября 1853 года султан объявил войну России [13, С. 63].

Считается, что Россия по нескольким причинам проиграла Крымскую войну. Знаменитое ленинское «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [9]. Или например, Е.В. Тарле описывает агрессивные планы западных государств и России на Ближнем Востоке, отмечает что, дипломатическая борьба закончилась для Англии и Франции победой, а для России поражением «Царизм начал и он же проиграл эту войну, обнаружив ... несостоятельность ... господства дворянско-феодального крепостнического строя» [13, С. 5].

Первая причина поражения была политическая — государства западной цивилизации Англия и Франция объединились против России в междоцивилизационном противостоянии. Европа запомнила победу России после поражения Наполеона в 1812–1814 годах, и боялась повторить свою ошибку. Вторая причина — социально-экономическая. В России сохранялось крепостное право, а это ограничивало развитие промышленности. Третья причина — военно-техническая, согласно которой армия России не была вооружена по новейшим военным технологиям того времени и во многом уступала западным странам. Русские войска были более уязви-

мы, сомкнутый строй русской армии был рассчитан на штыковую атаку, а у французов действовал принцип «нарезные штуцера», когда строй егжей «врассыпную» атаковал русские войска. Стоит отметить, что в России уже знали нарезное оружие (штуцеры), но по количеству оно уступало французам и англичанам.

Боевые действия Крымской войны велись в Крыму, на Дунае, на Кавказе. Кавказскую кампанию Россия выиграла, и при этом турки потерпели поражение. Важно, что инициатором мирных переговоров выступила Франция, а не Россия. Очевидно, что главная причина поражения — политические просчеты России. Англия стремилась в Крым и на Кавказ, здесь столкнулись интересы России, Англии и Франции. Царь надеялся, что Англия будет его союзником, надеялся на поддержку Пруссии, где правил брат его жены, но Фридрих Вильгельм король Пруссии сохранил враждебный нейтралитет.

Возникает вопрос, можно ли борьбу за «турецкое наследство» определить как межкультурный конфликт? Как религиозное противостояние православия, католичества, протестантизма и ислама отразилось при решении «восточного вопроса»? Почему в Крымской войне ведущие европейские страны выступали против России, либо сочувствовали ей, но никто её не поддержал?

Интересно, что эти вопросы волновали русских мыслителей ещё в годы Крымской войны 1854–1855 гг. Именно идея цивилизационного конфликта приобретает особую актуальность в отечественной философской мысли данного периода, и этот факт имеет большое значение, потому что это была попытка уже тогда, в середине XIX века, охарактеризовать Крымскую войну, применяя цивилизационный подход, как конфликт цивилизаций. Ф.М. Достоевский, указывая в качестве причины войны на столкновение цивилизаций, писал, что Запад потерял веру, погряз в алчности с его идеей всеобщего братства и единения [4, С. 47].

Отечественная мысль о соперничестве цивилизаций оформляется уже во второй половине XIX — первой четверти XX вв. В России было сформировано научное направление, в рамках которого вырабатывалось представление о войне как о конфликте цивилизаций. Представителями этого направления были А. Хомяков, Н. Данилевский, Вл. Соловьев, С. Булгаков, В. Эрн, Е. Трубецкой, Н. Бердяев [8, С. 40–41]. Они с цивилизационной позиции показали роль войны в конкретных столкновениях цивилизаций. Источником таких воззрений были традиции русской общественной мысли о судьбе России в русле её мессианского предназначения в мировой истории, в разрешении спора между Восточной (православной) и Западноевропейской цивилизациями. Оправдание межкультурной войны носило у них духовно-нравственную окраску [1, С.52]. Мыслители считали, что ход исторического процесса представляет собой постепенное осуществление истины христианства, а смысл истории заключается в достижении «Царства Божия на земле», т.е. создания совершенного общества

[8, С. 45]. А. Хомяков писал, что политические, экономические и природные факторы в истории подчинены духовно-культурному началу, сформулировал главный признак принадлежности к цивилизации — принадлежность к какой-либо религии [14, С. 6]. И именно это убеждение впоследствии дало возможность с позиций христианской веры обосновать концепцию смысла войны в развитии православной цивилизации и всей мировой культуры. Основные различия линий исторического развития России и Запада заключены во внутренних началах этих цивилизаций — в православной и католической религиях.

А. Хомяков видел роль России в цивилизационном противостоянии, за сохранение православной религии и церкви, потому что считал что «третий Рим» является выразителем истинного (православного, а не искаженного-католического) христианского учения, и в этом заключается историческая миссия России в мировой истории, за это она воюет и побеждает в войнах. Русские философы видели в России носительницу мессианской идеи, они сформулировали «русскую идею» — идею богоизбранности России [2, С. 253].

С началом Крымской войны мессианские настроения приобрели ещё более сильное значение, на Крымскую войну возлагалась надежда реализации «русской идеи» — сохранения и распространения православия, война рассматривалась как средство выполнения «вековой задачи русской истории», которая признавалась оправданной и законной [6, С. 52].

Именно цивилизационная теория служит основой для переосмысления существующих взглядов на причины, повод, характер и итоги войны.

В общественном сознании опровергался миф о Крымской войне как о войне, в которой Россия потерпела поражение, так как была отсталым государством. Это не так, во-первых, потому, что ещё со времен Петра I и до Николая II Россия вела десять войн с турками, а Крымская война была восьмой по счёту. Могло ли отсталое государство вести столько войн? Вряд ли.

Во-вторых, когда Турция объявляла войну России, она была мощной державой, имела огромные пространства Османской империи, занимала земли нынешней Турции, Ирака, Сирии, Кувейта, стран Аравийского полуострова, Египта, Ливии, Туниса, территории, где жили христиане, находившиеся под влиянием исламской цивилизации.

В-третьих, союзниками Османской империи выступали государства западной цивилизации, Британская империя и Франция. Кроме этих врагов, России противостояли империя Габсбургов и королевство Пруссия. Этот факт вынуждал русское командование держать очень крупные войска на западных границах России, вместо того, чтобы перебросить их в Крым, под Севастополь. Можно ли говорить о слабой России? Точнее будет сказать о мощной антирусской коалиции, против которой вряд ли кто-то мог устоять. Очевидной является идея, высказанная С.Г. Киселёвым о том, что западная цивилизация в Крымской войне сталкивала Россию и исламскую цивилизацию [8, С. 222].

Принято считать, что Русский флот не отвечал требованиям того времени. Однако в 1828–1829 гг. Россия вела морскую войну с Турцией — в то время первоклассной морской державой — и выиграла ее, разгромив турецкий флот в Черном море. Только две страны мира имели паровой военный флот, но это не означает отставания России от других стран мира. В России понимали необходимость парового военного флота и занимались его развитием. Единственное, чему не мог противостоять русский флот, это объединенная сила английского и французского флотов. Поэтому, миф об отставании России в период Крымской войны был мнимым [10].

Российский учёный-востоковед В.И. Шеремет считает, что Восточную войну начал Ватикан, решив бороться против стремительного усиления восточно-христианского мира. В своих выводах он опирается на хранящиеся в российских архивах уникальные арабские, турецкие, курдские документы, показания пленных, данные разведки. Историк также сообщил, что в архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ МИД России) обнаружены ранее секретные документы, проливающие свет на конфликт между папой Пием IX и Наполеоном III — с одной стороны, и православным духовенством Иерусалимской Церкви и императором Николаем I — с другой [15].

Обращение к цивилизационной теории, в основе которой лежат духовные составляющие цивилизации — религия, язык и культура, как видим, открывает новые факты и точки зрения на Крымскую войну. Это была война не столько «за корыстные интересы царизма», а «священная война» за христианские святыни, за ключи от храма Гроба Господня и Вифлеемского храма. Это «война против притеснения православных общин Иерусалима и Востока» [15].

Что касается итогов Крымской кампании, то исследователь М.М. Якушев пишет, «статус-кво Святых мест был сохранен кровью русских солдат — в результате бескомпромиссной позиции России в деле защиты преимущественных прав Иерусалимской Православной Церкви в Палестине в соответствии с положением дел, существующим со времен Византийской империи» [15]. Цель, которую преследовала православная Россия, объявляя войну мусульманской Османской империи, — сохранение статуса Святых мест — была ею полностью достигнута.

Подтвердил этот факт Парижский мирный договор от 30 марта 1856 года. Договор явился победой русской дипломатии Александра II. Лишившаяся Черноморского флота Россия все же добилась запрета на пребывание в Черном море военных кораблей не только Турции, но и любых других стран. Империя сохранила свою целостность и суверенитет.

14 июля Александр II учредил в Таврической губернии, как свидетельство победы духа над материальным злом, Космо-Дамиановский монастырь на чудотворном источнике. Учреждение монастыря — естественная форма ознаменования победного финала для войны, «за ясли Господни» [5]. Севастополь стал оплотом православной цивилизации в Крымской войне.

Запад не смог изменить геополитическое пространство Евразии в данной войне. Хотя на юге в ходе обороны Севастополя Россия потерпела неудачу, зато на Кавказе русская армия выиграла все сражения с турками, заставила капитулировать защитников крепости Карс. Военные успехи позволили России впоследствии обменять территории в Малой Азии на Севастополь, которую современники называли «новой Тройей» [5].

Благодаря цивилизационной теории становится более очевидным, что в Крымской войне огромную роль играла именно религиозная, духовная составляющая, межцивилизационное взаимодействие имело сакральный смысл, а война рассматривалась не только как политическая, но священная. Для России вопрос веры оказался с политической точки зрения гораздо более важным, чем вопрос о территориях, которые на время пришлось оставить. В итоге, по договору Россия вернула себе Севастополь и другие города в обмен на крепость Карс, уже в 1870–1871 годах отказалась признавать статьи Парижского мирного договора, запрещавшие ей иметь на Чёрном море военный флот, и западные державы вынуждены были это признать.

Война не была проиграна, потому что её цель с точки зрения цивилизационного подхода — сохранение своих прав к Святым местам в Палестине была выполнена, права Иерусалимской Православной Церкви были сохранены и закреплены международным многосторонним договором. Россия реализовала собственные задачи и выстояла в конфликте с Европой, не допустила своего расчленения, в целом сохранила российские территориальные пределы, и геополитическую ситуацию в мире.

Источники и литература:

1. Вакулова Т.В. Политологический анализ Крымской войны через призму цивилизационной теории / Т.В. Вакулова // Город славы и поклонения: Материалы научно-практической конференции. — Севастополь, 2008. — С. 50–59.
2. Вакулова Т.В. Конфликт цивилизаций как проблема русской философии XIX–XX веков / Т.В. Вакулова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). №3, 2008. — С. 249–260.
3. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Священный Союз от Венского до Берлинского конгресса. 1814–1878. Том 1 / А. Дебидур. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. — 508 с.
4. Достоевский Ф.М. Парадоксалист / Русские философы о войне: Ф.М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн. — М.: Кучково поле, 2005. — 496 с.
5. Дубровин Н.Ф. Первая оборона Севастополя. 1854–1855 гг. «Русская Троя» / Н.Ф. Дубровин. — Москва: Эксмо Яуза, 2014. — 478 с.

6. Елавич Б. Россия и осложнения на Балканах. 1806–1914 / Б. Елавич. — Кембридж, 1991. — 292 с.
7. История дипломатии. Библиотека внешней политики. В 3 тт. / Под ред. Потемкина В.П. — М.: ОГИЗ. Соцэкгиз, 1941–1945. — 1873с.
[Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nnre.ru/istorija/tom_1_istorija_diplomatii_index.php
8. Киселёв С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России / С.Г. Киселёв. — М.: Известия, 2002. — 368с.
9. Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. литературы, 1973. Т. 20. С. 173.
10. Мифы Крымской войны. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rne.org/sfk/0401/0401-16.shtml> (дата обращения: 30.05.2016)
11. Селищев Н.Ю. Крымская война: миф об отсталой России / Н. Ю. Селищев // Русский Вестник. — 2004. — 29 июня.
[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=318133> (дата обращения: 03.11.2016)

Леонид Владимирович Выходков

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века
Санкт-Петербургский Государственный университет
г. Санкт-Петербург

Leonid Vladimirovich Vyskochkov

Grand Phd in historical sciences,
St. Petersburg State University
St. Petersburg

**ОСАЖДЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ В ПИСЬМАХ
А.Д. КАМОВСКОГО К «МИЛОЙ МАРЬЕ АФАНАСЬЕВНЕ»
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН)**

**BESIEGED SEVASTOPOL IN THE LETTERS OF A. D. KAMOVSKY
TO «DEAR MARIA AFANASYEVNA»
(BASED ON THE ARCHIVE OF THE ST. PETERSBURG INSTITUTE
OF HISTORY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)**

Аннотация: впервые вводятся в научный оборот (обнаруженные д.и.н. Т.В. Андреевой) неопубликованные письма управляющего Военно-походной по флоту канцелярией А.Д. Камовского (1815–1863) к «милой Марии Афанасьевне». Как нам удалось установить, «милая Мария Афанасьевна» — М.А. Татищева (1820–1866) — супруга чиновника С.Ф. Татищева, дочь генерал-вагенмейстера А.Д. Соломки и мать дипломата и историка С.С. Татищева. Письма А.Д. Камовского к М.А. Татищевой, отправленные адресату во время Крымской войны (всего 69 писем), охватывают период более года с 23 ноября 1853 по 10 февраля 1855 года. Они содержат информацию, уточняющую его опубликованные дневники и официальную переписку. Анализируемый в статье новый источник личного происхождения существенно дополняет картину военных будней осажденного Севастополя, и его введение в полный объем в научный оборот является актуальной задачей при изучении обороны Севастополя в годы Крымской (Восточной) войны.

Abstract: unpublished letters (discovered by T.V. Andreeva, PhD in historical sciences) of the Military camp for the Navy's office manager A.D. Kamovsky (1815–1863) to «dear Mary Afanasyevna» for the first time introduced into scientific circulation. As we proved, «dear Mary Afanasyevna» was M.A. Tatishcheva (1820–1866), the spouse of the functionary S.F. Tatishchev, daughter of General wagenmeister A.D. Solomko and mother of diplomat and historian S.S. Tatishchev. Letters of A.D. Kamovsky to

M.A. Tatishcheva, which were written during the Crimean war (69 letters), covered the period of more than a year from November 23, 1853 to February 10, 1855. They contain additional information to his published diaries and official correspondence. This new source of personal origin is analysed in the article. It significantly complements the picture of the besieged Sevastopol' s military everyday life and its introduction in full into scientific circulation is an urgent task in the study of the Sevastopol defense during the Crimean (Eastern) war.

Ключевые слова: неопубликованные письма, А.Д. Камовский, М.А. Татищева, новый источник персонального происхождения, Крымская (Восточная война), картина военной повседневной жизни осажденного Севастополя, оборона Севастополя.

Keywords: unpublished letters, A.D. Kamovsky, M.A. Tatishcheva, new source of personal origin, the Crimean (Eastern) war, picture of the besieged Sevastopol' s military everyday life, the Sevastopol defense.

В 2019 г. ведущим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН, доктором исторических наук Т.А. Андреевой в «Собрании рукописных книг» (ф. 115) Историко-научного архиве СПб ИИ РАН были обнаружены неизвестные ранее письма-автографы А.Д. Камовского, адресованные некоей «милой Марье Афанасьевне» [6], о чем она любезно сообщила автору этих строк. Исследователи Крымской войны были знакомы с его прижизненными публикациями. Это была статья с критикой первых сочинений о Крымской войне, опубликованной в «Северной пчеле» в 1859 г. [7], служебные отчеты [8, 9], а также частично изданные посмертно служебная переписка [11] и дневники за 1854–1855 под названием издателя «Под громом Крымской войны» [12]. и за 1859–1862 гг. — «Шумные годы» [13].

Имя Александра Дмитриевича Камовского (после его кончины в правописании также Комовского; 1815–1863), сына обер-секретаря Сената Д.Г. Камовского, в годы Крымской войны управляющего Военно-походной по флоту канцелярией, с 1855 г. тайного советника (гражданский чин III класса, равный генерал-лейтенанту), статс-секретаря, сенатора, известно историкам, хотя, и с нелицеприятной стороны. «Лысрец и карьерист Комовский, делающий карьеру при Меншикове», — писал о нем Е.В. Тарле [17, с. 253]. Прежде всего, Е.В. Тарле имел в виду различные инвективы А.Д. Камовского в сторону В.А. Корнилова и П.С. Нахимова. Его род происходил от польского шляхтича Яна Комовского, внуки которого приняли русское подданство. Камовский, как он писал свою фамилию в прижизненных публикациях, был внесен Герольдией в VI часть Дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии (в данной статье употребляется прижизненная транскрипция фамилии Камовский, также, как и в опубликованных до его кончины публикациях, а в публикациях после кончины — Камовский). Его старшие братья также были известны и продвинулись по службе.

Сергей Дмитриевич Камовский (1798–1880), выпускник Царскосельского лицея, соученик А.С. Пушкина («Лисичка»), помощник статс-секретаря Государственного совета, вышедший в отставку в чине действительного статского советника (гражданский чин IV класса, равный генерал-майору) женатый на дочери графа Е.Ф. Комаровского, бывшей до замужества фрейлиной Двора. Василий Дмитриевич Камовский (1803–1851), действительный статский советник, историк литературы.

Александр Камовский начал службу в 1831 г. в Государственном совете, но в декабре 1834 г. государственным секретарем Совета стал М.А. Корф, отдававший предпочтение его сокурснику по лицу будущему академику Я.К. Гроту. Поняв, что карьеры в Совете он не сделает, около 1837 г. Камовский попросился на службу в военно-походную по флоту канцелярию. Впоследствии он заменил на посту ее директора А.А. Жандра (драматурга и переводчика). После начала Крымской войны, 30 октября 1853 г. он получил письмо от А.С. Меншикова из Крыма, которое заканчивалось словами: «Ежели мне должно будет зимовать здесь, то мне необходимо иметь сотрудника по письмоводству. Могу ли я в таком случае оторвать вас от многосложных дел, вам поручаемых, и просить о командировании вас ко мне. Ожидаю вашего отзыва» [11, т. 91, № 7, с. 145]. В письме на следующий день к великому князю Константину Николаевичу (с 21 января 1853 г. — управляющему Морским министерством) Александр Камовский, написал, что он принял это предложение. До конца февраля 1855 г. Камовский в чине действительного статского советника находился при А.С. Меншикове и после его отзыва в Петербург, вместе с ним отъехал из Крыма. В Николаеве он узнал о новом назначении. Великий князь Константин Николаевич, как написал Камовскому А.В. Головин, пожелал иметь для своих поручений опытного администратора. В письме от 2 марта 1855 года он сообщал о пожаловании А.Д. Камовскому чина тайного советника и назначении «статс-секретарем с причислением к морскому министерству и с сохранением содержания...». И далее: «Великий князь очень доволен этому... Он уже придумал для Вас работу по прибытии в Петербург. А именно обревизование (то есть, ревизия — Л.В.) всех департаментов и канцелярии морского министерства и для начала канцелярии Толстого и комиссариатский департамент, которым уже приказано готовиться к ревизии Вашей. Приезжайте поскорее. Сегодня же я обрадовал Мар. Аф. Татищеву известием о Вашем назначении» [11, т. 91, № 7, с. 156].

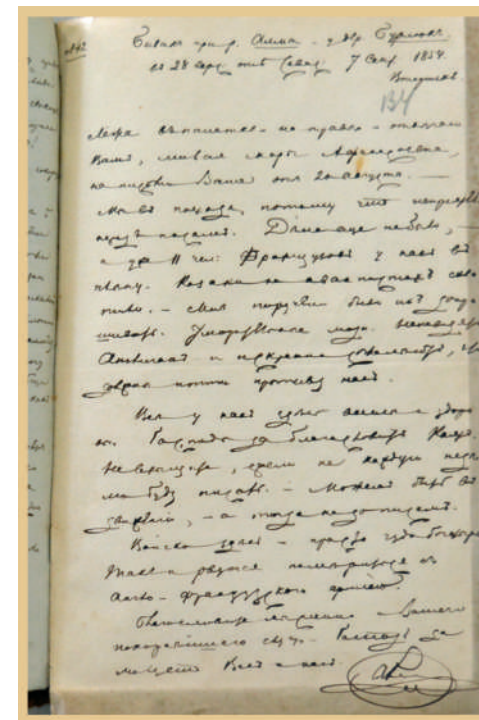
Это письмо — ключ к расшифровке адресата писем А.Д. Камовского. Речь идет о Марии Афанасьевне Татищевой (1820–1866), с 1842 г. — супруге Спиридона Федоровича Татищева (1812–1860), камер-юнкера (1844 г.), статского советника, с 1856 г. при отставке действительного статского советника [18, с. 121–123]. В письмах к Марии Афанасьевне Камовский по-товарищески называет его «Спиrom», передает приветы и «мысленно обнимает». Он был воспитанником Благородного пансиона при Санкт-Петербургском университете и служил по ведомству детских

А.Д. Камовский. Около 1863 г.

приютов, затем с перерывом чиновником Канцелярии Секретариата для принятия прошений. Одно время был предводителем дворянства Гдовского уезда, затем — депутатом дворянства этого уезда (небольшие имения в Гдовском и Лужском уездах). В звании камер-юнкера в ночь с 21 на 22 февраля 1855 г. дежурил у гроба Николая I [18, с. 122].

Судя по всему, Марию Афанасьевну и ее супруга С.Ф. Татищева Камовского связывали какие-то давние дружеские отношения. Вероятно, это дало возможность автору писем достаточно игриво и фамильярно обращаться к адресату как к «милрой мухе» или «милрой мушке» и постоянно обыгрывать этот сюжет. В Севастополе, как явствует из писем, А.Д. Камовский носил на портфеле брелок с мухой, что интриговало и вызывало интерес у севастопольских дам. Отец Марии Афанасьевны — Афанасий Данилович Соломко (1787–1872), часто сопровождавший Александра I в его поездках, при Николае I дослужился до генерал-вагенмейстера Главного штаба ЕИВ (1827), инспектора арсеналов и парков инженерного ведомства (1837), генерал-лейтенанта (1843). Мария Афанасьевна была уроженкой Кролевецкого уезда

Письмо А.Д. Камовского от 7 сентября 1854 г.

Черниговской губернии, за ней числилось село Реутинцы (330 ревизских душ и 4300 дес. земли). На память приходит и некий литературный образ — персонаж романа Бориса Акунина «Пелагея и белый бульдог», помещица-генеральша, по случайному совпадению тоже Мария Афанасьевна Татищева. Фамилия была знаменитая. В браке со Спиридоном Федоровичем Татищевым у нее было трое детей — Сергей (дипломат и историк), Владимир и Ольга. Ее полукровная сестра от второго брака отца Агния Афанасьевна (1831–1853) была замужем за тайным советником князем Валерианом Платоновичем Ширинским-Шихматовым (1825–1886 или 1861), сыном П.А. Ширинского-Шихматова, накануне войны министра народного просвещения (1850–1853).

Как один из «штабных» А.Д. Камовский много знал и был свидетелем повседневной жизни Севастополя до осады и во время осады. «Состоя непосредственно при Князе, — писал он в статье 1859 г., — я, ежели не всё, по крайней мере, весьма многое из событий и распоряжений той эпохи знал даже в малейших подробностях» [7, № 48, с. 189]. Верный своим привычкам, он и Крыму вел дневник,

посмертно опубликованный. А.Д. Камовский придавал большое значение своему дневнику, понимая его ценность, и в упомянутой статье заметил: «При не покидающей меня слишком двадцатисемилетней привычке вести свой дневник, где бы не находился, в эпоху пребывания моего в Севастополе я был более, чем когда-либо, прилежен к нему» [7, № 48, с. 189]. Об этом же А.Д. Камовский писал и Марии Афанасьевне Татищевой в письме из Севастополя от 5 января 1854 г.: «Давно уже у меня поставлено правилом в последний день года непременно писать свой журнал. Обзором всего прожитого, передуманного, перечувствованного я заключаю свой дневник, присоединяю к этому размышления» [6, л. 15].

Анализируемые письма А.Д. Камовского к М.А. Татищевой охватывают период более года с 23 ноября (из Севастополя — с 23 декабря) 1853 г. по 22 марта (из Севастополя 10 февраля) 1855 г. Последнее письмо от 22 марта было послано из Николаева. Они написаны на бумаге разного цвета и плотности (Формат Q), переплетены в кожаную тетрадь с застёжкой. В отделном «кармашке» приложена небольшая фотография А.Д. Камовского, выполненная в фотоателье в С.-Петербурге, кем-то неточно датированная на обороте карандашом маем 1863 г. (он скончался в феврале). Всего 69 писем, не считая приписок, сделанных в другие дни до отправления почты. Почерк достаточно читабельный. По свидетельству будущего министра народного просвещения в 1862–1866 гг. А.В. Головина (сына мореплавателя), именно Александру Камовскому великий князь Константин Николаевич поручил снять копии с 40 писем Екатерины II, обнаруженных им в архиве Павловска в 50-х гг. XIX в. Выбор пал на А.Д. Камовского потому, что «у него отличный был почерк, и он человек был весьма аккуратный» [4, с. 30].

Письма А.Д. Камовского позволяют лишний раз понять трудности поездки в Крым во время распутицы. Прибыв в Москву по железной дороге, 24 ноября А.Д. Камовский продолжил путь по шоссе на Курск в «легкой почтовой карете» (*malle poste*; *мальпосте*), куда прибыл в ночь на 3 декабря. В Курске, задержавшись на 4 дня, пришлось для продолжения пути купить тарантас и переоборудовать его для южного бездорожья. Далее путь следовал через Полтаву, Кременчуг и Николаев (14 декабря). Прибыв в Севастополь, в письме к великому князю Константину Николаевичу, Камовский сообщал: «Я прибыл сюда 17 числа, испытал на дороге по Крыму все неудобства от неожиданной гостии — холодной и снежной зимы!» [11, т. 91, № 7, с. 146].

Как «штабной» А. Д. Камовский описывает действия А.С. Меншикова и реакцию на них (столкновение с А.С. Меншиковым П.С. Нахимова), быт военного руководства и повседневную жизнь в Севастополе. Интересны эпизоды встречи с плененным при Синопе Осман-пашой [6, л.13], посещения прекрасно устроенной офицерской библиотеки и балов в доме офицерского собрания [6, л. 12–12 об, 77], празднования Рождества и Нового 1854 года [6, л.16–17], посещения театра [6, л.17, 121]. Даже начавшаяся война и крейсерство с 1854 г. с целью разведки англо-француз-

ских пароходов у Севастополя, не прервало сначала повседневной жизни города. По-прежнему продолжались и концерты на Графской пристани. В письме от 22 апреля 1854 г. А.Д. Камовский пишет: «... мы каждый день ходим все на телеграф и на высокую часть города, где библиотека, чтобы любоваться, как неприятельские флоты гуляют поодаль, не смея подойти даже на два пушечных выстрела! Их плавание, их крейсерство нисколько не мешает нам каждый вечер собираться на пристани, именуемой «Графскою» или «Екатерининскою» и слушать музыку и песельников трех полков, любоваться прелестью вида Севастопольской бухты и восхищаться свежими букетами — севастопольских красавиц! Пристань напоминает Венецию... и концертов на Графской пристани [6, л.88].

Он передает настроения в севастопольском обществе накануне высадки союзников в Крыму. А.Д. Камовский был одним из многих, кто не считал это реальной угрозой и за двадцать дней до высадки англо-французов под Евпаторией «предложил пари сто противу единицы, что серьёзной драки ни морской, ни сухопутной на Севастополь не будет. Может быть, где-нибудь в Крыму сожгут две лодчонки и три лачужки. Еще одно возможно: чтобы удовлетворить своих крикунов... в парламенте и французских газетчиков, два союзные флота придут к нам всею массою, станут на неблагоприятной ни им, а их отважности свойственной дистанции от наших батарей — и зададут нам фейерверк, ... начнут бросать в нас всевозможные гадости, как то бомбы, гранаты, ядра, ракеты и пр., словом все, чем только можно решительно и достоительно уничтожить нас — в газетах!» [6, л. 126–126 об.].

Возможно, он разделял мнение своего начальника. Многие современники считали, что А.С. Меншиков после пожара в лагере союзников в Варне не верил в возможность высадки в Крыму экспедиционного корпуса. Тогда полковник при Императорской главной квартире Д.А. Милютин, утверждал, что А.С. Меншиков «был убежден, что они (союзники — Л.В.) не решатся предпринять что-либо серьёзное в позднее время года и в таком смысле писал военному министру» [14, с. 276]. Обеспокоенности А.С. Меншикова насчет высадки англо-французских войск не чувствуется в его летних приказах 1854 г. [2, с. 14–23]. Но миф о его полной бездеятельности не подтверждается фактами [19, с. 20]. В частности, 20 августа на Альме А.С. Меншиков произвел смотр 1 бригады 16 пехотной дивизии [1, с. 51]. Один из пяти адъютантов А.С. Меншикова А.А. Панаев в своих воспоминаниях привел ряд приказов А.С. Меншикова, призванных усилить оборону Крыма. [16, с. 120–123]. Оценка А.С. Меншикова как «козла отпущения» в историографии дана К.В. Доник [5].

В письме от 1 сентября 1854 г. А.Д. Камовский описывает со слов других (сам не был) праздник 30 августа в Бородинском егерском полку по случаю тезоименитства августейшего шефа полка, цесаревича Александра Николаевича [6, л. 133], в то время, как А.А. Панаев привязывает праздник к годовщине Бородинского сражения 26 августа [16, с. 124]. И это за несколько дней до высадки противника под

Евпаторией. В письме от 7 сентября за день до сражения («бивак при р. Альме у дер. Бурлюк») А.Д. Камовский сообщает о захвате казаками в плен первых французов и передает настроение войск в ожидании битвы: «Войско здесь просто чудо-богатыри. Так и рвутся помериться с англо-французской армией» [6, л. 134].

Начиная со сражения при Альме («страшной битвы»), появляются осторожные оценки А.Д. Камовского военных действий с точки зрения гражданского человека (не «стратегика»), дается характеристика командного состава. Он долго уговаривал А.С. Меншикова, что подтверждает А.А. Панаев, отправить императору подробное донесение об Альминском деле [16, с. 124]. В письме Камовского от 13 октября («на биваке между Бельбеком и Инкерманом») передаются чувства человека находящегося рядом с осажденным Севастополем: «На самом деле, невыносимо для нерв, для чувств и для мыслей постоянное днем и ночью незамолкаемое бомбардирование Севастополя. И себе вообразите на минуту, какое отвратительное впечатление производит этот гул, свист, взрывы, которые 3-и сутки, слышатся в воздухе безостановочно. Каково же севастопольцам, отстреливающимся от этого? Истинные герои! Я, право, не знаю, какую наградю немислимоу их можно вознаградить?» [6, л. 139–1349 об.]. Это о тех днях, которые последовали после первой общей бомбардировки Севастополя 5 октября.

В письме от 3 ноября 1854 г. («Избушка на курьих ножках на Северной стороне Севастополя») подробно излагается случай с вынужденным купанием А.Д. Камовского во время известного шторма 2 ноября. Тогда перепрыгивая вслед за А.С. Меншиковым с парохода «Громоносец» в баркас, чтобы перебраться на берег, Камовский оказался неожиданно «попал в объятия Нептуна» (в эту секунду борта разошлись) вместе с двумя портфелями и в шубе. Он сообщил Марии Афанасьевне: «Пренеприятная ванна в ноябре месяце! Уйдя с головою в воду, я, разумеется, выпустил из рук портфели и [не теряя?] присутствие духа, отстегнул шубу, ударил руками в воде и тотчас всплыл. И тут уже десять рук протягиваются ко мне с баркаса, вблизи которого я поднялся из воды. Меня вытащили, а за мною и шубу и портфели» [6, л. 140]. В своем дневнике А.Д. Камовский привел и свой ответ на вопрос А.С. Меншикова («Как это Вы упали?»): «Да отвечал я, — вздумалось некстати взять морскую ванну» [12, т. 134, № 3, с. 165]. После этой холодной «ванны» А.Д. Камовскому пришлось долго болеть, лечиться, в том числе употреблять и прописанный врачом морфий.

Еще 23 ноября 1854 г. А.Д. Камовский надеется на скорый исход противника из Крыма: «Мне что-то сдается, что враги должны скоро оставить Крым и мы опять переселимся в Севастополь. [...] А как повторятся бури 2-го ноября? ... Должны бы, кажется, уйти. Штурмовать — значит идти на явную гибель. Зимовать в море, от болезней умереть» [6, л. 151 об.]. В письмах передаются общие

впечатления А.Д. Камовского об основных сражениях под Севастополем, быте осажденного города, рассказывается о посещении Севастополя великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами 23 октября 1854 г. На следующий день, 24 октября, произошло сражение при Балаклаве. В письме от 26 октября А.Д. Камовский сообщает: «Великие князья с нами и были истинно молодцами в деле 24 числа. За их чистоту нрава, души и сердца — Господь их помиловал» [6, л. 144]. До конца ноября великие князья были в Крыму, вернулись в С.-Петербург 11 декабря, но 15 января 1855 г. вновь были в Севастополе, о чем А.Д. Камовский информировал Марию Афанасьевну в письме от 19 января [6, л. 166]. И добавил, что был в Севастополе: «Мои звали обедать и обещали угостить свежими чудными устрицами» [6, л. 167]. А в предшествующем письме от 12 января 1855 г. отмечает: «Слухи носят, будто бы и мир скоро будет...» [6, л. 165 об.].

Отъезд А.Д. Камовского из Крыма был связан с тем, что его начальник А.С. Меншиков после неудачного «Евпаторийского дела» был смещен с поста командующего и отозван в Петербург. Сам А.Д. Камовский получил чин тайного советника и был назначен статс-секретарем «с состоянием по Морскому министерству» (приказ 2 марта), а канцелярия приказом 3-го марта 1855 года упразднена. В 1859 г. А.Д. Камовский опубликовал в «Северной пчеле» критическую статью о «сочинениях», посвященных Крымской войне, в которой использовал свои дневниковые заметки. Было и 75 отдельных отписок статьи, которые Камовский дарил в Сенате, Английском клубе, а также передал для великих князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей [13, № 4, с. 46]. Успех его воодушевил. Судя по всему, А.Д. Камовский имел надежды и на свои литературные дарования. Он опубликовал в расчете на некоторый заработок (оплатить дачу в Петергофе) свои «Письма старика к светской девушке» [10], на самом деле, его невесте, с которой он вступил в брак. Некоторые сведения об этой «Переписке старика», последующей семейной жизни (рождение двух девочек), служебной карьере, отпуске для лечения сохранились в опубликованном посмертно его дневнике за 1859 год под заглавием «Шумные годы». Литературный дебют ожидал «полный успех». Ни один экземпляр его эпистолярно-поэтического труда не был куплен [13, 1884. № 4, с. 49–50]. Как установил историк Крымской войны А.В. Ефимов, Камовский за два года до публикации этой книги вступил в феврале 1857 г. в брак с Анной Мартыновной Кулябко, дочерью Полтавского предводителя дворянства [15], воспитаннице Екатеринбургского института. Он венчался с ней в церкви Сан-Донар в Пизе. В сборнике «Переписка старика» он скрыл ее подлинное имя, назвав Ниной (приношу благодарность за информацию о сборнике и биографические сведения А.В. Ефимову). Ранняя в 48 лет смерть А.Д. Камовского, возможно, была следствием его вынужденной «ванны» в ледяной воде во время шторма 2 ноября 1854 г.

Сравнение личной переписки А. Д. Камовского с другими источни-

ками вносит дополнительные штрихи в картину оборону Севастополя. Дальнейшее изучение и введение в научный оборот этого источника представляется актуальной задачей.

Источники и литература:

1. А.С. Меншиков в Крымской войне. Дневники. Письма. Воспоминания / Сост. А.В. Ефимов. Симферополь: ООО «Антиква», 2018. — 278 с.
2. А.С. Меншиков в Крымской войне. Ч. 2. Приказы 1854–1855 гг. / Сост. А.В. Ефимов. Симферополь: Антика, 2019. — 280 с.
3. Берг Н.В. Записки об осаде Севастополя. М.: Кучково поле, 2016. — 478 с. Включен Севастопольский альбом Н. Берга (М., 1858).
4. Веселовский К.С. Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головине Публикация Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Б.и., 2016. — 120 с.
5. Доник К. В. «Герой проигранных сражений»: фигура князя А. С. Меншикова (1787–1869) в историографии и проблемы исторической памяти // Военная история России XIX–XX веков Материалы X Международной военно-исторической конференции. Под редакцией Д. Ю. Алексева, А. В. Арановича. 2017. С. 125–145.
6. Историко-научный архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 115. Собрание рукописных книг. № 229. Формат Q. Письма А.Д. Комовского, состоявшего при А.С. Меншикове в Севастополе к Марии Афанасьевне. 1853–1855 гг. — 182 л.
7. Камовский А. Некоторые ошибки и заблуждения в рассказах и сочинениях о Крымской войне // Северная пчела. 1859, 4 марта (№ 48). С. 189–191; 5 марта (№ 49). С. 193–195. То же. Отд. оттиск. СПб.: Тип. Н. Греча, 1859. — 36 с.
8. [Камовский А.] Отчет статс-секретаря и сенатора Камовского по обревизиванию Морского министерства. В 2 ч. СПб.: Тип. Морск. м-ва, 1861–1862. Ч. 1. Обревизивание Канцелярии и дел по Адмиралтейств Совету. 1861.[2], 160 с.; Ч. 2. Обревизивание Морского ученого комитета. — [2], 38 с.; Ч. 4. Обревизивание Инспекторского департамента. 1861. [2], 106 с.
9. [Камовский А.] Отчет статс-секретаря Его Императорского Величества и сенатора Камовского по обревизиванию Морского министерства за 1860 и 1862 гг. СПб.: Тип. Морск. м-ва, 1862. Ч. 1. Обревизивание Канцелярии министра. — 83 с.; Ч. 2. Обревизивание Департамента министерства. — [2], 146 с.
10. [Камовский А.] Переписка старика с светскою девушкою и его Медовые досуги. Соч. А. К...го. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко ,

1859. — 111, III с. Автор установлен по автографу на экземпляре РНБ.

11. Комовский А. Д. Из бумаг статс-секретаря А. Д. Комовского: (переписка его с разными лицами) / Сообщ. княгиня А. А. Голицина — графиня Остерман // Русская старина. С. 1897. Т. 90. № 6. (июнь). С. 425–632; Т. 91. № 7. С. 139–163.
12. Комовский А. Д. Под громом Крымской войны (Из дневника, веденного в Крыму во время военных действий) // Русский вестник. 1878. Т. 133. № 2. С. 658–686; Т. 134. № 3. С. 163–197.
13. Комовский А.Д. Шумные годы (Из дневника сенатора, статс-секретаря А.Д. Комовского за 1859–1862 гг. [Предисл. «От редакции»] // Колосья. 1884. № 4. С. 37–69; № 5. С. 74–108; № 6. 167–183.
14. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1856. М.: Российский фонд культуры; Студия Тритэ Н. Михалкова, Ред. альманаха «Российский архив», 2000. — 572 с.
15. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Т. 4. П — Р. Киев: Типо-лит. С.В. Кульженко, 1914. — [4], 832 с.
16. Панаев А.А. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // РС. 1877. Т. 18. №1. С. 109–134
17. Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Собр. соч. в 12 т. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1959. Т. IX. (Ч. 2). — 627 с.
18. Татищев С.С. Род Татищевых. 1400–1900: историко-генеалогическое исследование. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900.–XXVI, II, 399 с.
19. Ченнык С.В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853-1856 гг. В 5 ч. Ч. 2. Альма. Военно-исторический очерк Крымской кампании (1854–1856) Восточной войны (1853–1856). Севастополь: Гала, 2011. — 319 с.

Борис Никодимович Гельман
Союз журналистов РФ г. Севастополя
Заслуженный журналист Севастополя
г. Севастополь

Boris Nikodimovich Gelman
Journalists of the Russian Federation Union in Sevastopol
Honored Journalist of Sevastopol
Sevastopol

ВОИНЫ-ИНОВЕРЦЫ И ИНОСЛАВНЫЕ НА СЕВАСТОПОЛЬСКИХ БАСТИОНАХ NON-CHRISTIAN AND HETERODOX WARRIORS AT THE BASTIONS OF SEVASTOPOL

Аннотация: в докладе, следуя архивным документам и мемуарам участников событий, освещается участие воинов-иноверцев и инославных на севастопольских бастионах в обороне Севастополя в годы Крымской войны 1853–1856 гг. с увековечиванием их памяти.

Abstract: archival documents and the memoirs of the participants show the participation of non-christian and heterodox warriors on the Sevastopol bastions in the defense of Sevastopol during the Crimean War 1853–1856 with the perpetuation of their memory.

Ключевые слова: Севастополь, Крымская война, иноверцы.
Key words: Sevastopol, Crimean War, gentiles.

*«...Клянусь, что желаю и буду служить
Российскому государству, куда и как назначено
мне будет во время службы с полным
повиновением начальству».*
Из присяги рекрутов

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВЕРНАЯ СТОРОНА. ПАНАЙОТОВА БАЛКА

Приказ Минкультуры России от 11.01.2016 г. №2 « О включении города Севастополя в перечень исторических поселений федерального значения, утверждения границ территории и предмета охраны исторического поселения город Севастополь».

ВЕРНЫЕ ХРАНИТЕЛИ ЗАБЫТОГО ПАМЯТНИКА

В эти сентябрьские дни отмечается историческая дата — 165-летие начала обороны Севастополя 1854–1855 гг. В такие юбилейные события представители национально-культурных обществ города отправлялись на Северную сторону. Здесь на территории стивидорской компа-

Памятник воинам-евреям — участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. Вид после реставрации. 2009 г.
Фото Б.Н. Гельмана. Северная сторона г. Севастополя

нии «Авлита», на берегу Панайотовой бухты, их привлекал памятник воинам-евреям, сражавшимся в составе русской армии за Севастополь.

У мощной подпорной стены предстает пятиметровый белокаменный трехгранный обелиск, окаймленный по основанию шестиугольной звездой.

За прошедшие полтора столетия, несмотря на войны, оккупацию Севастополя гитлеровцами, памятник чудом уцелел, израненный и осколками, и ударами варварских рук. Монументу грозило полное исчезновение. Но памятник, установленный здесь в 1864 году, удалось реконструировать. Среди тех, кто способствовал его возрождению, академик архитектуры Адольф Львович Шеффер. Он поделился воспоминаниями:

— Впервые посетив лет двадцать назад этот дальний уголок Морзавода, я увидел сиротливый памятник великой и кровавой обороны. В числе мемориалов Франсуа Вернета — скульптора XIX века, итальянца, открывшего художественную мастерскую в Одессе, возведен одним из первых в Севастополе и вошел в плеяду военных архитектурных ансамблей, посвященных Крымской войне. Благодаря заводчанам с участием генерального директора Морзавода А.А. Череватого, долгие годы сохранявшим эту реликвию, мы получили возможность в наши времена почтить светлую память, служивших в российской армии, еврейских солдат — героев первой обороны Севастополя.

Историю возникновения памятника открыл журналист Борис Гельман. Благодаря работе реставратора Евгения Борецкого в 2004 году этот мемориал вышел из тени забвения. Для меня лично соучастие в проектировании и реставрации этого некрополя явилось ещё одним приобщением к святому делу восстановления памятников Севастополя.

Фрагмент памятника воинам-евреям — участникам обороны Севастополя 185–1855 гг. Вид после реставрации. 2009 г. Фото Б.Н. Гельмана.

Северная сторона г. Севастополя.
«Драгоценна в глазах Всевышнего смерть его праведников»
(на иврите). Книга псалмов

Фрагмент памятника воинам-евреям — участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. Вид после реставрации. 2009 г. Фото Б.Н. Гельмана.

Северная сторона г. Севастополя

СЛУЖИТЬ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

С первых дней войны, принимая присягу, рекруты-евреи произносили вслед за раввином над свитком Торы слово в слово по-еврейски: «Именем Всемогущего и Вечного Бога Израиля клянусь, что желаю и буду служить Российскому государству, куда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением начальству...» [1].

В соответствии с приказом, изданным в начале Крымской войны, солдаты-евреи носили установленные религиозным обрядом значки, по которым на войне их можно было отличить среди погибших воинов и хоронить по иудейскому обряду. Назначенные старосты из солдат-евреев следили за соблюдением этого приказа.

На то, что в российской армии сражались и евреи, тогдашняя пресса не обращала внимание. На фоне противоборства военных титанов того времени несколько тысяч евреев в армейском снаряжении не влияли на ход сражения, не укладывалось в обычные рамки освещения Крымской войны как в дореволюционные, так и в советские времена. И в трудах исследователей-историков не упоминались еврейские имена. Хотя на основе Указа императора Николая I от 27 августа 1827 г. иудеев призывали к «рекрутской повинности, от них требовали по десять новобранцев с каждой 1000 человек ежегодно» [2]. По утверждению «Еврейской энциклопедии» [3] «для надобностей Севастопольской кампании было произведено два набора, которые дали по 30 рекрутов с 1000 лиц мужского пола».

Призванные в период 1850–1854 гг., направляемые на театр военных действий, составили 16985 рекрутов. Это только кантонисты без учета тех, кто нес солдатскую службу в войсках... Точное количество евреев, которые впервые за долгие столетия оказались в составе регулярной армии в Крымской войне, не установлено.

Состав российской армии не был однородным. По строгой отчетности Морского министерства России можно проследить движение нижних чинов на ЧФ по годам войны. Таблица составлена по Памятным книжкам Морского министерства, которые хранятся в Санкт-Петербурге в Российском Государственном архиве ВМФ [4].

Но благодаря строгой отчетности в Морском министерстве России есть возможность проследить движение по годам войны по нижним чинам на Черноморском флоте. Таблица составлена мною по Памятным книжкам Морского министерства, которые хранятся в Петербурге в Российском государственном архиве Военно-морского Флота.

Вероисповедание	1852–53	1853–54	1854–55	1855–56
Православные	28232	32554	49461	1852
Лютеране	148	10344	11484	64
Католики	5784	5100	6178	2443
Евреи	1081	1410	1539	486
Магометане	515	750	908	200

Первые три года количество нижних чинов (рядовых) роследовательно прибывает: бастионы требуют пополнения от всех народностей России. Резкое сокращение войск происходит после окончания войны. Скорее всего разницу составляют погибшие и раненые. По евреям «убыль» нижних чинов — 1053 человека...

Известно, что на еврейском братском кладбище упокоилось более 500 воинов-евреев. Об этом свидетельствует и установленный здесь памятник. На обелиске надписи на русском и иврите: «Памяти еврейских солдат, павших за Отечество при обороне Севастополя во время войны 1854–1855 гг.»

Всех оставшихся в живых воинов правительство наградило знаками отличия. В виде исключения даровало евреям-участникам этой кампании разрешение проживать в Севастополе. Стали известны потомки участников первой обороны Севастополя: Зусмана, Вайнриба, Исаака Слуцкого, Якоба Штернера, Лейба Пантофеля, Давида Кацлана, Мордуха Колтуновского.

Мемориальная доска памятника воинам-евреям — участникам обороны Севастополя 1854–1855 гг. 2009 г.
Фото Б.Н. Гельмана. Северная сторона г. Севастополя

ПРИМЕР БЕСКОРЫСТИЯ И САМООТВЕРЖЕНИЯ

После окончания Крымской войны получили оценку и медики за спасение раненых воинов русской армии. По ходатайству военного министра на имя императора Александра II орденом Св. Станислава III степени удостоились и группа врачей «за самоотверженную работу в госпиталях во время Крымской войны». Военный министр России Н.О. Сухозанет отмечал, что «шесть вольных частных врачей еврейского закона: отставной титулярный советник Розен и не имеющие чинов Маргулиус, Шорштейн, Бертензон, Дрей и Пинскер явили собой блистательный пример бескорыстия и самоотвержения» [2].

Заботу о создании памятника евреям-солдатам первым проявил севастопольский купец Савелий Шмерлинг. В статье «Севастополь», опубликованной в 1861 г. в издании «Разсветь» — еврейском журнале

на русском языке, выходившем в Одессе, он бросил клич: «собрать деньги для благоустройства еврейского кладбища в Севастополе». Его поддержал «Разсветь», объявив о сборе пожертвований [5].

Среди тех, кто внес свой вклад, были и православные, в частности от Керченского градоначальника контр-адмирала А.П. Спицына, его брата контр-адмирала П.П. Спицына, полковника З.Н. Алтухова. Эти высокие военные чины проявили сочувствие к памяти рядовых солдат. Во все времена находились такие люди, которые действовали наперекор предрассудкам.

Пожертвования поступали из крупных городов и далеких мест. Конечно, Петербург и Москва, Севастополь, Одесса и Симферополь, из Томска и села Чунихина, всего 48 городов и поселков.

Одесский комитет, который возглавлял раввин Ш. Швабахер, получив разрешение Морского ведомства в июле 1864 г., поручил организовать работы в Севастополе именно Савелию Шмерлингу.

Памятник был изготовлен в Одессе скульптором Франсуа Вернетом. Как отмечено в отчете комитета, обелиск был установлен в Севастополе на склоне Панайотовой балки в октябре 1864 года при личном участии Франсуа Вернета [6].

Уже в наши дни этот военный монумент мог бы не удержаться на своем месте и рухнуть. Вокруг Панайотовой балки стивидорная компания «Авлита» развернула в 2003 году работы по прокладке железнодорожной ветки. В связи с этим правление еврейской общины обратилось в Севастопольскую городскую госадминистрацию. Главный инвестор стивидорской компании «Авлита», в то время ливанский бизнесмен христианин Рафик Булос Дау, принял решение о выделении средств на реконструкцию всей мемориальной зоны и реставрацию обелиска.

С участием главы городской администрации Л.М. Жунько, ветеранов-фронтовиков, делегаций национально-культурных обществ города 29 августа 2004 г. состоялось открытие обновленного монумента воинам-евреям, павшим за Отечество при обороне Севастополя 1854–1855 гг.

Выступивший тогда председатель Ассоциации национально-культурных обществ Севастополя Валерий Милодан отметил особое значение национальных памятников, которые знакомят жителей города с героями и традициями представителей разных народов, способствуют их взаимопониманию.

Его поддержал Олег Доскато, предложивший от имени Клуба любителей истории города и флота продолжить поиск потомков участников первой обороны, при возможности издать книгу об их судьбах.

— Об этом памятнике известно достаточно давно, — отметил председатель Союза журналистов Севастополя Сергей Горбачев. — Оказавшись здесь впервые, я увидел настоящий воинский монумент, достойный внимания севастопольцев. Все, кто отдал свою жизнь за наш город, заслуживают быть отмеченными на его скрижалях.

...Уже через два года после Крымской кампании газета Военного министерства России высказалась по этому поводу: «Военному ли забыть о евреях или сказать о них укорительное слово, когда в рядах русской армии есть десятки тысяч евреев, честно и верно исполняющих свой долг Государю и Отечеству, и когда твердыни многострадального Севастополя, наравне с кровию русских, обогреты также кровию еврейских солдат...» [7].

Звучит, как завет нынешним поколениям.

В городе Севастополе над могилой 500 (по другим сведениям — 3000) павших российских воинов-евреев был сооружен памятник с надписями на русском и на иврите: «Памяти еврейских солдат, павших за Отечество при обороне Севастополя во время войны 1854–1855 гг.». Памятник находится на режимной территории Морского завода. По иронии судьбы, эти воины пали при защите города, в котором тогда было запрещено проживать их единоверцам.

Десятки еврейских имен появляются в списках убитых и раненных на страницах «Морского сборника» в период Крымской кампании 1854–1856 годов. Это солдаты и матросы, служившие на Черноморском флоте. Характерные записи: матрос Айзек Войнаровский, 34 флотского экипажа, Киевской губ., местечка Млын, из евреев, в вылазке на 4 бастионе 30 ноября 1855г. ранен в правую ногу; мастеровой Мошка Гольберг, 17 рабочего экипажа, на Корниловском бастионе осколком в правое плечо, рукой владеть не будет; матрос Яков Басов, 28 портовая рота, 6 ноября на третьем бастионе ядром оторвана левая нога... И в списках пяти томов «Морского сборника» за 1855–1856 гг. набралось 134 имени и фамилий, не вызывающих сомнений в их национальном происхождении [8]. Известный писатель Н. Чернышевский, исследуя популярный журнал за 1855 г., отметил: «Морской сборник» составляет одно из замечательных явлений литературы. Особенно почетное место занял журнал с нынешнего года, когда официальный отдел его расширился вследствие известий о подвигах и судьбах защитников Севастополя» [9].

РУКОПИСИ НАСЛЕДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЕ

Участие воинов-евреев в обороне Севастополя 1854–1855 гг. не заметили самые известные авторы, писавшие об этой памятной для России военной кампании. Тем важнее документальные свидетельства.

На выставке редких книг библиотеки «Таврика» в Симферополе выделялся четырехтомный «Сборник рукописей, представленный Его Императорскому Высочеству Государю наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами» (1872). В 1-м томе опубликованы воспоминания полкового адъютанта Владимирского пехотного полка поручика Н.А. Горбунова. Он писал: «Во 2-й мушкетерской роте был ря-

довой Белинский (иудейского закона), о котором нельзя не вспомнить. Он был хороший портной и отличный стрелок, храбро дрался на вылазках и во время нападений. Не желая перейти в Православие, он уклонялся от всех предлагаемых ему снисхождений, не желал производства поэтому в унтер-офицеры и не получил знака отличия военного ордена, который вполне и неоднократно заслужил. Словом, личность этого еврея-солдата заслуживает вдвойне похвалы — как храброго защитника, так и твердого в убеждениях человека» [10]. Подобной характеристики никогда более встречать не довелось.

ГРЕЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН У БАЛАКЛАВСКОГО БЕРЕГА

Ранним утром 26 сентября 1854 г. два британских парохода показались на виду Балаклавы. Они стали на расстоянии одной мили от берега. Городок оказался практически беззащитным. Одна рота Балаклавского греческого батальона, возвращаясь из Новороссийска, попала в плен. Вторая располагалась в Бахчисарае, третья несла службу по охране побережья от Севастополя до Феодосии.

Лишь четвертая, оказавшись на крепостной горе мортирной батареи, подняла все силы малочисленного гарнизона Балаклавы. Держали оборону 80 строевых офицеров и солдаты, 30 отставных служителей.

Командир батальона майор А. Манто потребовал к себе майора Маландраки. Высадившиеся англичане были поражены стойкостью местного войска. Пришлось вступать в рукопашный бой. Рота греческих гренадеров выступила 13 февраля 1855 г. против англо-французских войск при Сулине и под Очаковым. Волонтеры (750 воинов) приняли неравный бой. Во время второй бомбардировки Севастополя проявили храбрость корпуса флотских штурманов, награжденные за отличия в бою орденом Святой Анны.

По данным историков, в том числе известного в Севастополе П.М. Ляшука, в обороне города участвовали около 3000 греческих воинов.

Примером мужества стойкости и самопожертвования стал подвиг капитана 2 ранга Константина Егоровича Попандопуло, который командовал на 3-м бастионе в день первой бомбардировки города 5 (17) октября 1854 г. и его сына, командира батареи молодого мичмана Харлампия Попандопуло (1836–1854), смертельно раненного в тот день ядром [11]. Трогательная сцена прощания отца с сыном получила отражение в книге полковника А.М. Зайончковского «Оборона Севастополя», в кинофильме «Оборона Севастополя» режиссера А. Ханжонкова.

Сведения евпаторийского музея:

В то время в российскую армию не призывали караимов, освобожденных императором Николаем I от рекрутской повинности. По материалам Евпаторийского музея истории и этнографии крымских караи-

мов, которые предоставил председатель Севастопольского караимского общества «Фидан» Евгений Баккал, установлены 16 караимов, принявших добровольное участие в боевых действиях. В том числе: И. Аккал, А. Бабович, С. Гаммал, С. Кефели, С. Коджак, А. Фуки, М. Шапшал и др.

История Севастополя на всех этапах своего развития неразрывно связана с историческими судьбами разных народов, каждый из которых внес свой вклад, защищая город от штурма вражеских войск, восстанавливая и возрождая его к новой мирной и процветающей жизни.

Источники и литература:

1. Фисшлиш Э. Кантонисты. Тель-Авив, 1995.
2. РГАВМФ
3. Еврейская энциклопедия. М., Брокгауз-Эфрон, 1913. т. 3
4. Гельман Б. Забвению не подлежит: Сб. очерков и документов о памятнике воинам-евреям в Севастополе. Севастополь, 2000. — С.29.
5. Разсветь, 1861.
6. Гельман Б. Непогашенный очаг кантониста. — Севастополь, 2010. С.39.
7. Русский инвалид: газета военного министерства России, 1858, №39.
8. Морской сборник, 1855, т. XIV–XIX; 1856, т. XX.
9. Чернышевский Н. Собр. соч., т.2. — М., 1949, С. 580.
10. Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. — СПб, 1872. Т. 1.
11. Монсхури И.В. Греки в истории Севастополя. Ч.1. — Севастополь, 2005. — С. 403.

Татьяна Ивановна Давыдова
г. Истра, Московская обл.
Tatyana Ivanovna Davydova
Istra, Moscow region

ПОЛЕВОЙ ИНЖЕНЕР В.Н. НАСАКИН

FIELD ENGINEER V.N. NASAKIN

Аннотация: статья о рядовом участнике обороны Севастополя во время Крымской войны 1853–1856 гг. и его товарищах-выпускниках Главного инженерного училища (с 1855 года — Николаевское инженерное училище). Статья написана Татьяной Ивановной Давыдовой, правнучкой Вениамина Николаевича Насакина, родного брата Валериана Николаевича Насакина, участника обороны Севастополя 1854–1855 гг.

Abstract: the article is about an ordinary member of the defense of Sevastopol during the Crimean War 1853–1856 and his comrades-graduates of the Main Engineering School (from 1855 — Nikolaev Engineering School). The article was written by Tatyana Ivanovna Davydova, great-granddaughter of Veniamin Nikolaevich Nasakin, brother of Valerian Nikolaevich Nasakin, a participant of the defense of Sevastopol in 1854–1855.

Ключевые слова: саперный батальон, Малахов курган, Восточная война, Симбирская губерния, военный инженер, Насакин.

Keywords: sapper battalion, Malakhov Kurgan, Eastern war, Simbirsk province, military engineer, Nasakin,

Насакин Валериан Николаевич родился в 1835 году в селе Поникий ключ Сызранского уезда Симбирской губернии (сейчас — село Поники Николаевского района Ульяновской области). Административный центр Николаевского района — Николаевка назван в честь отца Валериана капитана Насакина Николая Александровича потомственного дворянина.

Мать Валериана — Александра Николаевна — из старинного известного дворянского рода Бекетовых. Представители симбирской ветви Бекетовых дважды становились симбирскими воеводами.

Дворянский род Насакиных менее известный, однако, весьма многочисленный — различные ветви этого рода были внесены в родословные книги Симбирской, Пензенской, Тульской, Лифляндской, Эстляндской, Смоленской, Московской, Рязанской и Владимирской губерний. История рода уходит вглубь веков и теряется в ижорских землях, богатых драматическими событиями. Происхождение же Симбирской ветви рода хорошо известно. Насакин Воин Дмитриевич и его сыновья в XVII веке несли службу на Атемарской засечной черте в рейтарских полках, отражая грабительские набеги кочевников, защищая и расширяя границы Русского Государства. Рейтары — черные всадники, как их называли в Европе (нем. Schwarze Reiter), были облачены в специальные доспехи,

не пробиваемые пулей, и вооружены огнестрельным оружием: рейтарскими длинноствольными пистолями и карабином.

В России рейтарские полки стали формироваться после указа царя Михаила Романова, изданного летом 1632 года. Это был первый шаг к созданию профессиональной регулярной армии в России. Спустя 19 лет царем Алексеем Михайловичем был учрежден специальный Рейтарский приказ. Рейтары считались настоящей «элитой русской» армии.

Насакины — дети (сыны) боярские вместе с дворянами составляли высший Вазряд «служилых людей по отечеству» и несли обязательную службу «до немощи». В результате сословных реформ Петра I боярство, дворянство, дети боярские слились в единое сословие, за которым впоследствии утвердилось общее название «дворянство».

Один из сыновей Воина Насакина — рейтар Илья Кузьмич (Военович) за службу получил землю на территории будущей Симбирской губернии, с этого и началась история Симбирского рода Насакиных.

В 1850 году Валериан поступает в кондукторские классы Главного инженерного училища. В училище было два отделения: трехгодичное кондукторское готовило инженерных прапорщиков со средним образованием и двухгодичное офицерское, которое давало высшее военное образование. В училище принимали детей потомственных дворян от 14 до 18 лет, успешно сдавших вступительные экзамены [1, с.82]. Валериан был зачислен в кондукторский класс, где обучались самые младшие воспитанники, не достигшие на день зачисления (15 августа) 16 лет, а ему 10 августа исполнилось только 15.

Поступить в училище было не просто, а учиться ещё сложнее. В кондукторских классах на третьем году обучения изучались аналитическая геометрия и дифференциальное исчисление, полевая фортификация, черчение машиностроительное, артиллерия и артиллерийское черчение, история, русский и французский языки и др.

Училище было создано в 1819 году по инициативе Великого Князя Николая Павловича на базе Санкт-Петербургского инженерного училища. Для размещения нового учебного заведения была выделена одна из царских резиденций — Михайловский замок, переименованный по этому случаю в Инженерный. В 2019 году этому ведущему военно-учебному заведению Русской императорской армии исполнилось 200 лет.

21 февраля 1855 года училище в память основателя было названо Николаевским. Через полгода офицерские классы были преобразованы в Николаевскую инженерную академию, а кондукторские классы — в Инженерное училище, которое оставалось в одном здании с Академией и под общим руководством. С созданием этого учебного заведения претворилась в жизнь мечта Петра I о подготовке в России «...искусных инженеров и саперных офицеров...».

В 1853 году юнкер Насакин завершает трехгодичное обучение в кондукторских классах и отправляется в армию, в 6-й саперный батальон. В это время Российская Империя, под руководством Николая I, вступает

в войну, которая в историю вошла, как Крымская (1853–1856 гг.). Главное событие этой войны — героическая оборона Севастополя 1854–1855 гг. Среди оборонявших город был и полевой инженер Насакин. 349 дней солдаты и моряки; мужчины, женщины и дети — жители Севастополя отстаивали город в борьбе с численно превосходящей армией антиросийской коалиции в составе Османской империи, Англии, Франции. В апреле 1855 года к коалиции присоединилось Сардинское королевство.

Оборона Севастополя продемонстрировала высокую профессиональную подготовку военных инженеров. Под руководством прославленного Эдуарда Ивановича Тотлебена героически трудился большой отряд выдающихся русских военных инженеров: Ползикова, Мельникова, Преснухина, Геннериха, Зацепина (погиб) и других воспитанников Главного (впоследствии Николаевского) инженерного училища. За короткий срок была создана развитая система укреплений, которая позволила отражать атаки превосходящих сил противника.

6-й саперный батальон, в котором начинал свою службу юнкер Насакин, был дислоцирован в Севастополе с 6 (18) апреля 1854 года, поэтому он принимал участие в строительстве укреплений с самого начала.

С южного сухопутного направления была возведена бастионная система укреплений: 1-й, 2-й бастионы, Малахов курган (Корниловский бастион), 3, 4, 5, 6, 7 бастионы. Это была главная оборонительная линия.

Героическая оборона Севастополя началась 13 сентября (25 сентября по новому стилю) 1854 г. и продолжалась 349 дней. 5 (17) октября 1854 г. началась первая бомбардировка. Армия коалиции рассчитывала разрушить сухопутные укрепления крепости и штурмом овладеть ею. Атака была успешно отражена.

К весне 1855 года ситуация обострилась. Севастопольский гарнизон нес большие людские потери. Не хватало полевых инженеров и рабочих для восстановления поврежденных неприятелем укреплений и возведения новых. В это время товарищи Валериана, с которыми он учился в кондукторских классах Главного инженерного училища в 1850–1853 годах, завершали двухгодичное образование в офицерском отделении.

Все рвались в Крым. Наиболее успевающие были аттестованы по результатам полугодового экзамена. Досрочно завершив курс, в осажденный Севастополь отправились поручики: Бульмеринг, Рерберг, Есипович, Бурмейстер, Эвертц, Ленчевский, Роше, Чередыев и Ильин [1, с.189]. К сожалению, полевой инженер-поручик Андрей Есипович 17 (29) мая на Камчатском люнете был тяжело ранен штуцерной пулей и на следующий день скончался.

Те, у кого успехи в учебе были не столь убедительны, просто прервали обучение и все равно прибыли в Севастопольский гарнизон. Это были прапорщики: Орда, Зигерн-Корн, Смирнов, Геммельман и Зальцман [1, с.189]. После войны они вернулись в академию и успешно окончили курс. Например, А.П. Орда впоследствии был назначен преподавателем фортификации; в 1877 г. был избран адъюнктом-профессором,

в 1883 г. произведён в генерал-майоры.

Некоторые из вновь прибывших офицеров, пытаясь выбить неприятеля, захватившего Малахов курган, 27 августа (8 сентября) станут участниками последнего его штурма под командованием инженер-полковника Геннериха.

Впоследствии многие из воспитанников инженерного училища сделают блестящую военную карьеру. Впереди у них победы и поражения, Русско-турецкая война (1877–1878), награды за ратные подвиги, но оборона Севастополя 1854–1855 гг. останется одним из главных сражений в их жизни.

Самыми тяжелыми для всего гарнизона Севастополя стали три дня с 24 по 27 августа (с 5 по 8 сентября) 1855 г. 25 августа (6 сентября) Насакин находился на почти разрушенном 2-м бастионе, где к тому же бушевал пожар, пламя могло достигнуть большого порохового погреба, служившего постоянной целью для батарей противника. «Неприятель, заметив дым, сосредоточил на этом пункте жесточайшую канонаду и весьма сильный навесной огонь; но, несмотря на то, пожар угрожающий страшным взрывом, был потушен геройскими усилиями сапер и рабочих Замостского полка под началом Томского полка прапорщика Насакина, причем был ранен этот отличный офицер и пало до 30-ти нижних чинов» [2, с.84].

В полдень 27 августа (8 сентября) превосходящие силы армии коалиции бросились на последний штурм Севастополя. Главный удар был направлен на второй бастион и Малахов курган. Преодолевая яростное сопротивление обороняющихся, французам удалось захватить Малахов курган благодаря огромному превосходству сил. Несмотря на то, что почти все офицеры были убиты или ранены, не хватало патронов, оставшиеся в живых рвались в бой, пренебрегая численным превосходством противника, не допуская мысли, что курган может остаться в руках неприятеля.

Инженер-полковник Геннерих с горсткой офицеров организует штурм кургана. Во главе «шли офицеры: инженеры: капитан Влангали, штабс-капитан Рерберг и поручики: Эвертц, Бурмейстер и Ленчевский; саперы: поручик Софронов, подпоручик Постельников и прапорщик Жуков и прикомандированные: Томского полка подпоручик Насакин и Екатеринбургского полка подпоручик Бениславский, с двумя ротами 6-го и 4-го саперных батальонов...». К небольшой колонне наступающих примкнули «часть 49-й курской дружины, полковника Черемисинова, и команда матросов, под начальством капитан-лейтенанта Ильинского» [2, с.119].

Штурмующих курган встретил жесткий огонь — пришлось отступить. «Вторичная атака сапер и моряков, вместе с двумя пехотными ротами, так же не имела успеха. Полковник Черемисинов был смертельно ранен, Насакин убит, Постельников тяжело ранен» [2, с.119].

Впоследствии товарищ Валериана по учебе в инженерном училище и службе в 6-ом саперном батальоне Петр Орда писал: «Сперва воспитанник инженерного училища, потом юнкер 6-го саперного батальона и наконец, прапорщик Томского егерского полка, прикомандированный к

6-му саперному батальону. Он с начала до конца обороны не сходил с оборонительной линии, заведовал различными надземными работами, производил их всегда успешно, настойчиво преодолевая все препятствия и затруднения, с отвагой, кипучей деятельностью и толковой распорядительностью. Несколько раз контуженный, раз раненый осколком в голову с отрыванием уха, он не покидал никогда работ, несмотря на свои страдания. Боевые заслуги его обратили внимание начальства, и между прочими наградами он получил, будучи юнкером, Знак отличия Военного ордена. К крайнему сожалению, 27 августа 1855 года при штурме Малахова кургана он кончил свою славную боевую жизнь и пал геройской смертью, пораженной штуцерной пулей в лоб» [3, с. 24]. Знак отличия Военного ордена (неофициальное название — Георгиевский крест) одна из самых почитаемых наград в Русской армии.

Полевой инженер Валериан Насакин похоронен на Братском кладбище на Северной стороне Севастополя.

Малахов курган считался ключевой позицией, от которой зависела оборона всего города. С его потерей дальнейшее сопротивление было бесполезно. Несмотря на то, что на других направлениях атаки были отбиты, линия обороны оказалась прорванной как раз в том месте, от которого зависела ее надежность в целом.

Главнокомандующий Крымской армией князь М.Д. Горчаков отдал приказ взорвать пороховые погреба, верфи и укрепления и, затопив на рейде оставшиеся суда, оставить Южную сторону.

Из приказа главнокомандующего князя М. Горчакова:

«Храбрые товарищи! Грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь Отечества в 1812 г. Москва стоит Севастополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородиным. 349-дневная оборона Севастополя превосходит Бородино!» [2, с.174].

Отход всей армии с артиллерией и тылами был осуществлен в течение одной ночи. Томский и Тобольский полки покидали город на рассвете в числе последних, прикрывая отход товарищей.

Насакин Николай Александрович, не намного пережил своего сына, узнав о его гибели. Крестьяне, сочувствуя барину, на собственные средства построили маленькую деревянную церковь в честь мученика Валериана, которая была действующей вплоть до 1917 года.

Источники и литература:

1. Исторический очерк развития Главного инженерного училища 1819–1869 / Сост. М. Максимовским. — Санкт-Петербург, Тип. Императорской академии наук, 1869, — 183 С.
2. Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов. Том IV. — М.: Принципиум, 2019 г. — 512 С.
3. Орда А.П. Наши родные богатыри, саперы в Севастополе. Рассказ очевидца А. Орды (Приложение к солдатской беседе). — СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. — 64 С.

Александр Викторович Ефимов
Руководитель отдела нематериального наследия
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
г. Москва
Efimov Alexandr Viktorovich
Head of Intangible Heritage
D.S. Likhachev Russian Research Institute
of Cultural and Natural Heritage
Moscow

МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ ЧИНОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА, ПАВШИХ ПРИ ЗАЩИТЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ (1854–1855 гг.)

BURIAL PLACES OF RANKS OF THE BLACK SEA FLEET WHO FELL DURING THE DEFENSE OF SEVASTOPOL (1854–1855).

Аннотация: в публикации систематизированы сведения, собранные командованием Севастопольского порта в 1857–1858 гг., о местах погребения чинов Черноморского флота, погибших и умерших от ран при обороне г. Севастополя в 1854–1855 гг.

Abstract: publication systematizes the information, collected by the Command of the Port of Sevastopol in 1857–1858 about the burial places of the Black Sea Fleet Ranks, killed and died of wounds during the defense of Sevastopol in 1854–1855.

Ключевые слова: Севастополь, Крымская война, некрополь, Черноморский флот, биографии.

Keywords: Sevastopol, Crimean War, necropolis, Black Sea Fleet, biographies.

Составление списков мест захоронений офицеров и адмиралов Черноморского флота погибших, умерших от ран и болезней, началось вскоре после возвращения в г. Севастополь российского морского управления.

В Российском государственном архиве Военно-морского флота в мае 2019 г. были выявлены наиболее ранние документы штаба Севастопольского порта по розыску сведений о местах погребения чинов Черноморского флота, павших при защите города в 1854–1855 гг. [4]

В августе 1857 г. из Главного управления Черноморского ведомства дежурному штаб-офицеру штаба командира Севастопольского порта капитан-лейтенанту А.Г. Стаалу [3, с. 592–593] поступило указание об организации розыска могил братьев: лейтенанта Н.П. Чистякова (1833–

1855) и мичмана В.П. Чистякова (1830–1855) [4, с. 148–150], о чем их мать просила командование Морской частью в Николаеве.

По сведениям матери сыновья были похоронены вместе на Северной стороне Севастополя «между Николаевским и Северным укреплением, могилы коих соединяет один крест» [4, л. 3].

19 августа и 26 сентября 1857 г. штаб командира Севастопольского порта сообщал, что могилы найдены не были, «хотя несколько раз рассматривали на всех кладбищах все памятники» [4, л. 12]. Для установления обстоятельств погребения Чистяковых было затребовано объяснение у чинов, служивших вместе с братьями.

2 октября 1857 г. сослуживец Н.П. Чистякова капитан-лейтенант Исаков (Вероятно капитан-лейтенант Исаков Ф.И., о нем [2, с. 253–254]) сообщил следующее: «Имею честь уведомить, что действительно я распоряжался погребением всех господ офицеров 40 экипажа; в том числе и Чистякова, но могилы точно указать не могу, потому, что он похоронен на большом кладбище за бывшем хутором 41 экипажа. Одно могу сказать, что на всех могилах были поставлены черные кресты, с известной надписью и, кроме того, на могиле Чистякова на насыпе был выложен крест из небольших камней. Могилы же брата его вовсе не знаю» [4, л. 24].

Было установлено, что кладбище, на котором был погребен лейтенант Н.П. Чистяков, это нынешнее Братское кладбище на Северной стороне г. Севастополя. (В 1870-е гг. на могиле Н.П. Чистякова был установлен белокаменный памятник в виде креста. Памятник сохранился). Могила же мичмана В.П. Чистякова в 1857 г. была уже утрачена [1, с. 148].

24 сентября 1857 г. для систематизации сведений о захоронениях чинов флота Главное управление Черноморского ведомства направило командиру Севастопольского порта список из 165 имен адмиралов, штаб и обер-офицеров, павших при защите г. Севастополя, с просьбой: отметить, кто на каком именно кладбище похоронен [4, л. 13].

Копии списка были направлены: в Штаб начальника дивизии Черноморских флотских экипажей и исправляющему должность начальника морской артиллерии в г. Севастополе; исполняющему должность начальника штаба Черноморского ведомства; командующему 19-м рабочим экипажем.

В августе 1858 г. были получены ответы [4, л. 46–48, 51–52 об.]. Из 165-ти внесенных в список имен, не получены сведения по 16 именам. Из 149-ти чинов Черноморского флота погребены за пределами г. Севастополя: 1-на р. Бельбек; 3-в г. Симферополе. Останки капитан-лейтенанта М.Л. Серебрякова (1820–1855) были перезахоронены отцом в собственном имении.

В связи с важностью этих сведений для изучения истории Крымской войны мы подготовили к печати свод обобщенных данных, собранных командованием Севастопольского порта в 1857–1858 гг. (прим. оригинальный список не имеет распределения имен по алфавиту).

**СПИСОК ГОСПОДАМ АДМИРАЛАМ,
ШТАБ И ОБЕР-ОФИЦЕРАМ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА,
ПАВШИМ ПРИ ЗАЩИТЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ**

1. **Адешелидзе Фрол** — комиссар, титулярный советник, 29 фл. эк. 23.07.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На городском кладбище. 2. На Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20об, 48, 52.
2. **Адрузский Яков** — капитан. 8.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне на старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об, 48.
3. **Александров Александр** — поручик Арестантских рот. 24.11.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, 36.
4. **Алексеев Иван** — капитан-лейтенант 38 фл. эк. 8.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной стороне, на общем большом кладбище. 2. Похоронен на Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об, 47 об., 51 об.
5. **Алексеев Федор** — подпоручик Корпуса Морской Артиллерии. 6.06.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище на Северной стороне Северного укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., 31, 39.
6. **Алтуфьев Владимир** — мичман 37 фл. эк. 3.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., 30.
7. **Анпилов Павел** — поручик по Адмиралтейству. 11.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной на общем кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, 32.
8. **Антипенко Леонтий** — комиссар 9 класса 18 раб. эк. 2.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на городском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, 47.
9. **Артемьев Иван** — подпоручик Корпуса Морской Артиллерии. 12.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На Северной стороне повыше Михайловской батареи. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, 31, 39.
10. **Ахременко Петр** — капитан Корпуса Морской Артиллерии. 2.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На общем кладбище Северной стороны. На Северной стороне близ укрепления. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об., 30 об., 38 об.
11. **Бабенко Николай** — мичман фл. эк. 21.07.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне г. Севастополя на кладбище за Михайловской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об., 52.
12. **Банков Петр** — лейтенант 37 фл. эк. 27.08.1855 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21.
13. **Барзов Алексей** — подпоручик 12 раб. эк. 23.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18об, 38об.
14. **Баскаков Николай** — мичман. 8.10.1854 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной стороне на общем кладбище. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15об, 29, 36.
15. **Батьянов Лев** — лейтенант 34 фл. эк. 7.12.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне на Старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15об, 47об.
16. **Бегичев Иван** — мичман 42 фл. эк.. 28.05.1855 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об.
17. **Белавенец Николай** — лейтенант 34 фл. эк. 24.10.1854 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной стороне около кремальерной линии. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., 29, 36.
18. **Белявский (Билявский) Григорий** — прапорщик Корпуса Штурманов ЧФ. 22.05.1856 г. (умер от ран). Место погребения: на большом кладбище на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 38 об.
19. **Берсеньев Николай** — лейтенант 21 фл. эк. 20.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., 52.
20. **Богданович Виктор** — лейтенант 30 фл. эк. 31.03.1855 г. (убит). Место погребения: на кладбище Северной стороны, которое близко от пристани. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, 29 об.
21. **Болтин Митрофан** — мичман. 20.12.1854 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16.
22. **Бровков Степан** — прапорщик 19 раб. эк. 25.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне против Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 39 об.
23. **Броневский Митрофан** — мичман 37 фл. эк. 29.03.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 37 об.
24. **Будищев Лев** — капитан 1 ранга, командир 40 фл. эк. 6.06.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления.

2. На Северной стороне, на 3-м бастионе близ госпитальной стены (Так в тексте.). Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 31, л. 39.
25. **Бурцев Николай** — мичман 43 фл. эк. 26.05.1855 г. (убит). Место погребения: похоронен на Северной стороне вблизи Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об, л. 52.
26. **Бутаков 7-й Александр** — лейтенант 5 фл. эк. 15.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 30.
27. **Бутаков Дмитрий** — лейтенант 37 фл. эк. Место погребения: В Симферополе. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 32 об., л. 41.
28. **Варламов Александр** — прапорщик Корпуса Флотских Штурманов. 26.12.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16.
29. **Варницкий Иван** — лейтенант 44 фл. эк. 24.03.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 37.
30. **Васильев Григорий** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 25.05.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной стороне на правую сторону Северного укрепления. 2. На Северной стороне на большом кладбище [...] балки. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 31, л. 38 об.
31. **Васильев Дормидонт** — комиссар 13 класса 44 фл. эк. 12.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 38.
32. **Ветров Максим** — капитан 18 раб. эк. 29.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на городском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 48.
33. **Викорст Егор** — лейтенант. 14.07.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище Северной близ укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об.
34. **Владыкин Петр** — отставной лейтенант 30 фл. эк. 24.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной на большом общем кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 47 об.
35. **Волоцкий Николай** — капитан-лейтенант 37 фл. эк. 23.11.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной на Старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об, л. 47 об.
36. **Воробьев Илья** — капитан-лейтенант 42 фл. эк. 17.07.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. Выше Михайловской батареи. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об., л. 39 об.

37. **Вукотич 2-й Николай Михайлович** — командир 2 бригады 4 флотской дивизии, вице-адмирал. 23.07.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На кладбище Северной близ укрепления. 2. На Северной стороне близ Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об, л. 39 об.
38. **Гагеймейстер Михаил** — лейтенант 31 фл. эк. 5.09.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище около Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об, л. 32 об.
39. **Гиргас Павел** — прапорщик Корпуса Флотских штурманов. 14.10.1854 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне на Михайловском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об., л. 35 об.
40. **Гладышев Иван** — подпоручик Севастопольской Инженерной команды. 8.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 36.
41. **Говоров Константин** — капитан-лейтенант 29 фл. эк. 15.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на кладбище Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 32.
42. **Годзевиц Петр** — мичман 33 фл. эк. 27.04.1855 г. (убит). Место погребения: В Ушаковой балке. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, 38.
43. **Головин Михаил** — лейтенант 35 фл. эк. С 10 на 11 апреля 1855 г. (убит). Место погребения: В Ушаковой балке, близ могилы капитан-лейтенанта Серебрякова. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об, л. 29 об.
44. **Головин Сергей** — лейтенант 33 фл. эк. 14/26.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: Умер в плену. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 31 об.
45. **Головинский Константин** — лейтенант 37 фл. эк. 19.06.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об, л. 39 об.
46. **Гордеев Илья** — подпоручик Морских Арестантских рот. 3.12.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 36.
47. **Грекулов Степан** — поручик Севастопольской Морской Арестантской роты. 18.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об, л. 38.
48. **Губа Герасим** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 27.08.1855 г. (убит). Место погребения: на 3-м бастионе. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 40 об.
49. **Гусликов Александр** — начальник портовых рот в Севастополе,

- полковник. 28.07.1855 г. (умер от болезни).
Место погребения: 1. На кладбище Северной стороны.
2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об, л. 39 об.
50. **Данилов Николай** — поручик Николаевских Морских Арестантских рот. 8.10.1854 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об, л. 35 об.
51. **Долман Лев** — помощник капитана над Севастопольским портом, капитан 2 ранга Состоящий по флоту. 19.06.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На большом кладбище Северной стороны. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 31, л. 39.
52. **Дорохов Александр** — презус Комиссии Военного суда, учрежденной при Севастопольском порте, состоящий по флоту капитан 1 ранга. 17.10.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: В городе около полковой церкви. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об., л. 47.
53. **Елисеев Никита** — цейхвахтер титулярный советник Корпуса Морской Артиллерии. 1.07.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной на общем кладбище. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 31, л. 39.
54. **Закревский Людвиг** — капитан Арестантской № 19 роты. 10.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об., л. 37.
55. **Звягин Илья** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 30.03.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На общем кладбище Северной стороны. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 30, л. 37 об.
56. **Зубов Павел** — лейтенант 40 фл. эк. 9.11.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище близ Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 29.
57. **Иванов Александр** — поручик Корпуса Морской Артиллерии. 2.05.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной стороне на общем кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 30 об., л. 38.
58. **Иванов Александр** — поручик Арестантских рот. 21.10.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 35 об.
59. **Иванов Федор** — мичман. 25.09.1854 г. (убит). Место погребения: Зарыт в неприятельских траншеях против 5 бастиона. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об, л. 29.
60. **Ивашкин Александр** — лейтенант 34 фл. эк. 6.12.1854 г.

- (умер от ран). Место погребения: на Северной на Старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об, л. 47 об.
61. **Истомин Владимир** — командир 3 бригады 4-й флотской дивизии, контр-адмирал. 7.03.1855 г. (убит). Место погребения: 1. В одной могиле с адмиралом Лазаревым. 2. В городе в склепе адмирала Лазарева. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об, л. 29 об., л. 37.
62. **Кашин Деомид** — комиссар 13 класса 38 фл. эк. 14.08.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. В Симферополе. 2. В г. Симферополе. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 48, л. 52 об.
63. **Кекуатов Алексей, князь** — лейтенант 36 фл. эк. 27.08.1855 г. (убит). Место погребения: на большом кладбище Северной стороны. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 32 об.
64. **Колесников Андрей** — капитан 19 раб. эк. 7.10.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14, л. 35.
65. **Кондогури Пантелеймон** — капитан-лейтенант 41 ФЭ. 31.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 35 об.
66. **Кондратьев Виктор** — подпоручик Арестантской № 19 роты. 1.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: Вблизи Михайловской батареи на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об, л. 40 об.
67. **Корганов 2-й Леон** — лейтенант 42 фл. эк. 15.08.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище близ укрепления Северной стороны. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 32.
68. **Корнилов Владимир Алексеевич** — начальник штаба Черноморского флота и портов, генерал-адъютант, вице-адмирал. 5.10.1854 г. (убит). Место погребения: 1. В одной могиле с адмиралом Лазаревым. 2. В городе в склепе адмирала Лазарева. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14, л. 28, л. 35.
69. **Корольков Иван** — полковник Корпуса Флотских Штурманов. 28.11.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. За кремальерной линией на малом кладбище. 2. За Северным укреплением. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об., л. 29 об., л. 37.
70. **Кохановский Николай** — штабс-капитан Севастопольской Инженерной команды. 23.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 36.
71. **Коцебу Михаил** — капитан 2 ранга 41 фл. эк. 27.08.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления.

2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 32, л. 40 об.
72. **Кошкин Гавриил** — капитан 17 раб. эк. 19.01.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: против Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 36 об.
73. **Крыжановский Иван** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 6.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об, л. 40.
74. **Кузнецов Виктор** — подпоручик Корпуса Морской Артиллерии. 10.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной стороне на общем кладбище. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 31, л. 39.
75. **Кумани Николай** — лейтенант 41 фл. эк. 11.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об, л. 30.
76. **Куприянов Николай** — мичман. 5.10.1854 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об.
77. **Лазарев Егор** — подполковник Корпуса Флотских Штурманов. 7.12.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне на Михайловском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16.
78. **Лазарев Николай** — лейтенант 30 фл. эк. 9.09.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На общем кладбище Северной стороны. 2. В Ушаковой балке. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 32 об., л. 40 об.
79. **Лейбин Иван** — капитан Арестантских рот. 15.01.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 36 об.
80. **Лескотов Алексей** — прапорщик, состоящий по арсенальным ротам. 6.08.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об, л. 40.
81. **Лесли Евгений** — капитан-лейтенант 33 фл. эк. 5.10.1854 г. (убит). Место погребения: В Доковом овраге. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 47 об.
82. **Ливанский Владимир** — прапорщик Корпуса Флотских штурманов. 11.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15.
83. **Липкин Николай** — ассесор Комиссии военного суда учрежденной при Севастопольском порте; капитан 2 ранга, состоящий по флоту. 26.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне у Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 38.

84. **Ловягин Николай** — помощник капитана над Севастопольским портом, капитан 2 ранга. 6.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об, л. 38 об.
85. **Лосев Михаил** — комиссар 14 класса 33 фл. эк. 23.02.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об.
86. **Лосев Роман** — поручик Корпуса Морской Артиллерии. 12.09.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Бельбеке близ имения Бабинова. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 40 об.
87. **Лукашевич Павел** — штабс-капитан Лабораторной № 2 роты. 3.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 41.
88. **Львов Алексей** — лейтенант 30 фл. эк. 28.03.1855 г. (умер от ран). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17.
89. **Любович Андрей** — поручик Корпуса Морской Артиллерии. 17.01.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной стороне в балке, пройдя Голландию. 2. За Парижской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об, л. 29 об., л. 36 об.
90. **Макалинский Николай** — лейтенант 45 фл. эк. 7.09.1855 г. (умер от ран). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об.
91. **Макшеев Николай** — лейтенант 43 фл. эк. 19.06.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 39 об.
92. **Малов Семен** — комиссар 13 класса 35 фл. эк. 16.08.1855 г. (убит). Место погребения: на общем кладбище Северной стороны г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 52 об.
93. **Мартын Александр** — лейтенант 31 фл. эк. 24.08.1855 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21.
94. **Матвеев Федот** — подпоручик 16 раб. эк. 26.05.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 38 об.
95. **Матишев Гавриил** — комиссар 9 класса 32 фл. эк. 24.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 51 об.
96. **Мельников Андрей** — прапорщик Корпуса Штурманов ЧФ. 6.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне на Михайловском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л.

19, л. 38 об.

97. **Мессер Иван** — мичман. 2.12.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Южной стороне Севастополя у Армейской церкви. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об, л. 29.
98. **Мещеряков Константин** — штабс-капитан Портовой № 28 роты. 29.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 38.
99. **Михайлов Харитон** — поручик Корпуса Флотских Штурманов. 8.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: неизвестно. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об., л. 37.
100. **Можаров Иван** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 1.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На кладбище на Северной стороне у Северного укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об., л. 32, л. 40.
101. **Молохов Афанасий** — прапорщик Корпуса Флотских Штурманов. 3.04.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне на большом кладбище, где строится новая церковь. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, 37 об.
102. **Мордовин Лев** — штабс-капитан Корпуса Морской Артиллерии. 24.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37., л. 17 об., л. 30, л. 37 об.
103. **Наелов Модест** — мичман 39 фл. эк. 7.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 30.
104. **Наленич Рачинский Эспер, граф** — капитан-лейтенант 38 фл. эк. 5.10.1854 г. (убит). Место погребения: в Доковой балке. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14, л. 28.
105. **Нахимов Павел Степанович** — начальник 5-й флотской дивизии, адмирал. 30.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. В церкви св. Владимира. 2. В городе в склепе адмирала Лазарева. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 31, л. 39.
106. **Никифоров Дмитрий** — унтер-цейхвахтер 13 класса Корпуса Морской Артиллерии. 7.08.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На общем кладбище Северной стороны. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об., л. 32, л. 40.
107. **Новиков Антон** — подпоручик Военно-рабочей № 10 роты. 5.06.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 38 об.
108. **Ногин Григорий** — унтер-цейхвахтер, коллежский регистратор Корпуса Морской Артиллерии. 22.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На Северной стороне близ укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л.

19, л. 31, л. 39.

109. **Нужнов Андрей** — штабс-капитан 18 раб. эк. 21.01.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20.
110. **Обухов Степан** — капитан Корпуса Инженеров. 27.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об, л. 39 об.
111. **Озерский Александр** — лейтенант 25 фл. эк. 28.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной на старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 48.
112. **Орлов В[е]чеслав** — капитан-лейтенант 33 фл. эк. 19.07.1855 г. (умер от ран). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об.
113. **Орлов Всеволод** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 27.08.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об, л. 40 об.
114. **Осадший** — командир 2-й половины Лабораторной № 2 роты маиор. 8.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на кладбище против Михайловской батареи. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об., л. 35 об.
115. **Парохневский (Порохневский) Гавриил** — прапорщик Корпуса Флотских Штурманов. 28.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 40.
116. **Переплетов Александр** — капитан. 23.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной стороне, выше Михайловской батареи. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 30, л. 37 об.
117. **Петров Федор** — лейтенант 29 фл. эк. 11.05.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На общем кладбище на Северной стороне. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 30 об., л. 38.
118. **Петровский Сидор** — командир севастопольских морских арестантских рот, подполковник. 21.09.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На кладбище Южной бухты. 2. На городском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14, л. 28, л. 35.
119. **Повало-Швыйковский Гавриил** — мичман 41 фл. эк. 28.03.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной стороне на общем кладбище. 2. На Северной стороне, где строится храм. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 30, л. 37 об.
120. **Попандопуло Харлампий** — мичман. 20.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: В Симферополе. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 29.

- 121. Похолкин Эварест** — капитан 19 раб. эк. 21.06.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, л. 39.
- 122. Прокопович Василий** — капитан-лейтенант 36 фл. эк. 10.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На Северной на старом кладбище. 2. На общем кладбище Северной стороны г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 48, л. 52.
- 123. Путятин Дмитрий, князь** — мичман. 8.10.1854 г. (убит). Место погребения: 1. У армейской церкви. 2. В церковной ограде в Севастополе Брестского пехотного полка. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 29, л. 36.
- 124. Раллет Николай** — мичман. 14.12.1854 г. (убит). Место погребения: на кладбище около армейской церкви. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 47 об.
- 125. Рамклу Петр** — капитан-лейтенант 39 фл. эк. 25.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15.
- 126. Самарин Пантелеймон** — комиссар 13 класса 30 фл. эк. 14.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на городском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об., л. 47.
- 127. Самойлович Михаил** — лейтенант 32 фл. эк. 8.08.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На Северной близ укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об., л. 32, л. 40.
- 128. Самотаев Алексей** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии. 22.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19, 39.
- 129. Семененко Николай** — мичман 31 фл. эк. 25.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на кладбище близ Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, л. 28 об.
- 130. Семенов Степан** — титулярный советник, состоял в причислении к 18 раб. эк. 2.12.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 36 об.
- 131. Серебряков Марк** — капитан-лейтенант 37 фл. эк. 23.03.1855 г. (убит). Место погребения: 1. В Ушаковой балке. Увезен отцом в деревню. 2. В Ушаковой балке. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 29 об., л. 37.
- 132. Сеславин Николай** — мичман 30 фл. эк. 14.08.1855 г. (убит). Место погребения: сведения не представлены. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об.
- 133. Сиверин Максим** — цейхвахтер коллежский секретарь Корпуса

Морской Артиллерии. 27.02.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на кладбище между Михайловской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16 об., л. 29 об.

- 134. Скаловский 3-й Михаил** — лейтенант 36 фл. эк. 29.12.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 30, л. 38.
- 135. Скаловский 5-й Петр** — лейтенант 37 фл. эк. 20.04.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 30, л. 38.
- 136. Скарятин Апполон** — мичман 41 фл. эк. 22.06.1854 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На городском общем кладбище. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16, л. 29.
- 137. Скоробогатов Антон** — командующий 36 фл. эк., капитан 2 ранга. 5.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: в Доковой балке. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14, л. 28.
- 138. Соколовский Апполон** — лейтенант. 26.05.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной на старом кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об., л. 48.
- 139. Станиславский Николай** — капитан Корпуса Морской Артиллерии. 18.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На кладбище за Михайловской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21, л. 32, л. 40 об.
- 140. Сызранский Николай** — мичман. 9.10.1854 г. (убит). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об, л. 36 об.
- 141. Танский Апполон** — поручик Арестантских рот. 28.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15, 35 об.
- 142. Таран Дмитрий** — унтер-цейхвахтер губернский секретарь Корпуса Морской артиллерии. 12.10.1854 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 16.
- 143. Тироль** — капитан-лейтенант. Место погребения: на кладбище около армейской церкви. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об., л. 47.
- 144. Титов 1-й Владимир** — лейтенант 40 фл. эк. 31.03.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 37.
- 145. Троицкий Петр** — лейтенант 33 фл. эк. 9.11.1854 г. (убит). Место погребения: Без вести пропал. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 47 об.
- 146. Тучапский Николай** — лейтенант 34 фл. эк. 15.10.1854 г. (убит).

- Место погребения: 1. На малом кладбище Северного укрепления
2. На Северной на малом кладбище за 4-й батареей.
Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 29, л. 36.
- 147. Уваров Павел** — поручик Корпуса Флотских штурманов.
16.11.1854 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне за Северным укреплением. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 14 об, л. 35 об.
- 148. Филиппов Антон** — штабс-капитан Арсенальной № 27 роты.
12.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на городском кладбище. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 48.
- 149. Фирсов Иван** — цейхвахтер титулярный советник Арсенальной № 7 роты. 22.05.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об., л. 38.
- 150. Челеев Геннадий** — лейтенант 44 фл. эк. 30.03.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 51 об.
- 151. Черкасов Никифор** — капитан Корпуса Флотских Штурманов.
21.08.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: 1. Выше Михайловской батареи. 2. На Северной стороне на кладбище за Михайловской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об., л. 39 об.
- 152. Чистяков Василий** — мичман 44 фл. эк. 30.05.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На Северной на старом кладбище.
2. На Северной стороне г. Севастополя. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об, л. 48, л. 52.
- 153. Чистяков Петр** — лейтенант 40 фл. эк. 28.05.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На Северной на старом кладбище.
2. На Северной стороне г. Севастополя на кладбище за Михайловской батареей. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об, л. 48, л. 52.
- 154. Швенднер 3-й Михаил** — капитан-лейтенант 34 фл. эк. 5.04.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17 об., л. 30, л. 37 об.
- 155. Шемякин Михаил** — лейтенант 33 фл. эк. 28.03.1855 г. (убит). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 37.
- 156. Ширинский-Шихматов Иван, князь** — капитан 2 ранга, 43 фл. эк. 26.04.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18, л. 30 об., л. 38.
- 157. Ширинский Шихматов Николай, князь** — лейтенант 40 фл. эк. 9.10.1854 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище Северного

- укрепления. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 15 об., л. 29, л. 36.
- 158. Щелоков Александр** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии.
26.08.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 21 об., л. 40 об.
- 159. Эбелинг Эммануил** — лейтенант 34 фл. эк. 1.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: на кладбище Северного укрепления. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об., л. 30 об.
- 160. Эсаулов Павел** — унтер-цейхвахтер коллежский регистратор Корпуса Морской Артиллерии. 24.03.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 17, л. 37 об.
- 161. Юрковский Николай** — капитан 1 ранга, командир 39 фл. эк. 11.06.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 19 об., л. 31, л. 39.
- 162. Юрьев 4-й Семен** — лейтенант 39 фл. эк. 26.05.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления. 2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 18 об., л. 30 об., л. 38 об.
- 163. Явленский Константин** — капитан-лейтенант 29 фл. эк. 13.07.1855 г. (умер от болезни). Место погребения: на кладбище Северной стороны. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об.
- 164. Яновский Иван** — лейтенант 45 фл. эк. 30.07.1855 г. (умер от ран). Место погребения: 1. На кладбище Северного укрепления.
2. На Северной. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20, л. 31 об, л. 40.
- 165. Яшниченко Осип** — прапорщик Корпуса Морской Артиллерии.
29.07.1855 г. (убит). Место погребения: 1. На кладбище на Северной стороне, Северного укрепления. 2. На Северной стороне. Источник: РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37, л. 20 об., л. 31 об, л. 40.

Источники и литература:

1. Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. — Симферополь: ООО «Издательство «ПолиПРЕСС», 2005. — 256 с.
2. Общий Морской Список: Т. 10 — Петербург: тип. В. Демакова, 1898.
3. Общий Морской Список: Т. 11 — Петербург: тип. В. Демакова, 1900.
4. РГА ВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 37. Отыскивание могил павших при защите г. Севастополя генералов и офицеров, с пометкой на списке кто в каком месте похоронен. — Л. 52.

Никита Дмитриевич Иванов
научный сотрудник
ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»
г. Севастополь
Nikita Dmitrievich Ivanov
Federal State Cultural Institution
“Sevastopol Military-Historical Museum-Preserve”
Sevastopol

**КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1853–1856 гг.)
В ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН
THE CRIMEAN WAR (1853–1856)
IN THE HISTORY OF INFORMATION WARS**

Аннотация: в работе рассматриваются особенности информационной войны против России накануне и в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Автор показывает основные методы информационного противостояния того периода. Отмечены цель и задачи Англии и Франции, связанные с дискредитацией России в глазах европейского сообщества. Тема исследования сохраняет актуальность в связи с тенденциями усиления информационного противостояния в современной политике.

Abstract: the article considers the features of the information war against Russia on the eve and during the Crimean (Eastern) War 1853–1856. The author shows the main methods of informational confrontation of that period. Although the purpose and tasks of England and France related to the discreditation of Russia in the eyes of the European community are noted. The research topic remains relevant due to the trends of increasing informational confrontation in the modern politics.

Ключевые слова: Крымская война, информационная война, дискредитация, сатирические иллюстрации, средства массовой информации.

Keywords: Crimean War, information war, discreditation, satirical illustrations, mass media.

Средства массовой информации являются мощным психологическим фактором воздействия на мировоззрение большинства людей нашей планеты и формирования массового сознания и идеологии. Начало XXI в. совпало с многочисленными конфликтами как в Европе, так и в других регионах мира. В сложившейся на настоящий момент обстановке «роль информационного фактора в реализации политики некоторых стран возрастает и приобретает особую значимость для общества в познании действительности» [1; 2, с. 105]. В связи с этим возрос интерес к особенностям и средствам информационного воздействия, которые используются для

оправдания агрессивной политики государств и дискредитации политического противника.

Однако мало кто сегодня вспоминает о том, что один из первых осознанных способов информационной дискредитации государства в мировом сообществе, который западные страны использовали против России, можно отнести к периоду Крымской (Восточной) войны 1853–1856 г.г. [3, 4]

Исследования отечественных и зарубежных авторов [5, 6] отмечают, что антироссийская агитация в Европе начала проводиться с середины 1830-х годов XIX в. Информационная война со стороны Англии и Франции была направлена на оправдание необходимости военных действий против России, дискредитацию российской власти, армии, флота и велась во всех слоях общества. Правительства этих стран хотели выступить перед своим народом как армия-защитница Турции от Русского посягательства и освободительница черноморского побережья от российского «варварства и дикости». Для этого использовались все существующие в то время средства массовой информации — газеты, журналы, появившиеся первые фотоснимки, мемуарная литература, дипломатическая переписка [7]. Названия французских изданий того времени уже несут негативную информацию о России: «Кнут и русские» Жермена де Ланьи, 1853 г.; «Русский манекен» Луи Люрена, 1854 г. Для дискредитации использовались произведения русских писателей-классиков — И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя, которые переводились на французский язык с сильными искажениями, чтобы показать дикость и неразвитость русского народа, процветающее казнокрадство и взяточничество [8, с. 305–314]. Нельзя оставить без внимания выражение английского статс-секретаря по иностранным делам лорда Кларендона, «цивилизация вела битву против варварства», которым Англия оправдывала военные действия против России.

В ходе военной компании темпы дискредитации русской армии, флота и Российской Империи в целом только усилились. В мае 1854 г. в парижском журнале «L'Illustration» появился специальный репортаж о Синопском сражении 18 (30) ноября 1853 г. В этой статье французской и английской общественности сражение было представлено как акт агрессии русских против мирного населения города. Отмечалось, что несколько турецких вооруженных судов, находившихся в бухте города, не представляли никакой опасности, но были атакованы. Эту новость подхватили французские газеты, которые писали, что при таком вероломстве «европейские державы» должны вмешаться, «чтобы воспрепятствовать возобновлению Синопской резни» [9]. При этом на далекой периферии внимания газет остался тот факт, что русско-турецкая война длилась уже два месяца: Османская империя объявила войну России еще 4 (16) октября 1853 г. Войска Российской империи уже вошли в Дунайские княжества; шли бои на Кавказе. К. Маркс и Ф. Энгельс так писали о публикациях союзников того времени «...Хвастливые речи наряду с ничтожной

активностью; огромные приготовления и жалкие результаты;...» [10].

В 1854 г. вышла книга «Драматическая, живописная и карикатурная история Святой Руси», иллюстрированная французским художником Гюставом Доре. Примечательно, что сатирическая книга Г. Доре начинается с «чёрного квадрата», подписанного — «происхождение российской истории теряется во мраке веков». Цитируя Е.В. Тарле: «кнут, нагайки, целые страницы кроваво-красных пятен, пытки, рабы, лежащие связанными «пачками» на картонном столе, где игроки их проигрывают и выигрывают, — вот главное содержание иллюстраций» [11]. Говоря об иллюстрациях нельзя не отметить карикатуры, которые активно создавались в этот период. Ведь именно Англия, а затем Франция были центром сатирической графики с конца XVII до середины XIX вв. Сатирическая графика была направлена на:

- дегуманизацию (обесчеловечивание) противника и создание образа руководителя трубадура;
- преувеличение агрессивных действий русских;
- возвышение благородства западных стран, которые защищают слабого и наказывают его обидчика.

Именно благодаря карикатурам, в европейском общественном сознании закрепились многие национальные стереотипы и образы России, такие как медведь, казаки, кнут, мороз и др., которые используются до настоящего времени.

Важной частью информационной повестки того периода в контексте рассматриваемого вопроса можно считать работы некоторых русских соотечественников, которые имели явный антиправительственный характер и скептическое отношение к Крымской войне. В частности А.И. Герцен, осуждая войну как развязанную в интересах самодержавия, писал: «Николай начал войну, пусть же она падет на одну его голову, пусть она закончит печальный застой наш...» [12, с.4]. Обращаясь к русским офицерам, которые находились во время Крымской войны в Польше, А.И. Герцен писал: «Вы в Польше защищаете правое царское притязание, вы защищаете царя, а не народ... Ваша участь всех хуже. Товарищи ваши в Турции — солдаты, вы в Польше будете палачами» [12, с.5]. В 1855 г. Б.Н. Чичерин в своей статье «Восточный вопрос с русской точки зрения» писал:

«Если Турция не может возбуждать нашего сочувствия, то это единственно потому, что ее политическое устройство ведет к угнетению подвластного народонаселения; неужели мы пойдем на освобождение угнетенных в Турции, тогда как у нас самих все общественное устройство основано на том же начале, тогда как наша же Польша страдает под бременем ненавистного ей ига?» [13].

Таким образом, хорошо подготовленная информационная война противников России была более успешной, чем англо-французский экспедиционный корпус в Крыму. Ведь если политические последствия Восточной войны русская дипломатия сумела смягчить уже на Парижском кон-

грессе 1856 г. и окончательно ликвидировать к 1870–1880-х гг., то многие идеологические штампы, созданные в ходе Крымской войны, существуют до сих пор.

Источники и литература:

1. Панарин И.Н. Информационная война и мир. // И.Н. Панарин — М., 2003. — 85 с.
2. Николайчук И.А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. //И.А.Николайчук — М., 2015. — 229 с.
3. Бесов А.Г. Зеленина Л.В. и др. О мифах и тайнах Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bayda-site.ucoz.ru/publ/2-1-0-49>. (дата обращения: 20.06.2020).
4. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. //В.Г. Шавшин –Севастополь, Киев: «Телескоп», «Арт-политика», 2004. — 287 с.
5. Волковский Н.Л. История информационных войн: В 2-х т. // Н.Л. Волковский — СПб, 2003.
6. Орехов В.В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1855 гг. // В.В. Орехов –Симферополь, 2003. — 105 с.
7. Панарин И.Н. Информационная война и дипломатия //И.Н. Панарин — М., 2004. — 80 с.
8. Клеман М. «Записки охотника» и французская публицистика 1854 г. // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С. Орехова.— Л., 1934. — С. 305–314.
9. Россомахин А., Хрусталева Д. Синопский бой и информационная война. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://art1.ru/2013/12/11/sinopskij-boj-i-informacionnaya-vojna-27945>(дата обращения: 20.12.2019)
10. Маркс К., Энгельс Ф. Англо-французская война против России. Собр. сочинений в 59 томах [Т. 11] // К. Маркса и Ф. Энгельс. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955–1981 гг.
11. Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. //Е.В Тарле — М.-Л.: 1941–1944.
12. Машукова Е.М. Герцен и Крымская война /Вестник Русской христианской академии. 2018. — 7 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gertsen-i-krymskaya-vojna/viewe>.
13. Чичерин Б.Н. Восточный вопрос с русской точки зрения. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007840736/.

Игорь Евгеньевич Карачевцев
старший научный сотрудник
ФГБУК «Государственный мемориальный и природный заповедник
«Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»
г. Тула
Igor Evgenievych Karachevtsev
The State Memorial and Natural Preserve
“Leo Tolstoy Museum-Estate “Yasnaya Polyana”
Tula

**ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ТУЛЕ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНАМИ
УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 гг.,
ГЕНЕРАЛА А.П. ХРУЩОВА И Л.Н. ТОЛСТОГО
SITES IN TULA, CONNECTED WITH THE PARTICIPANTS
OF SEVASTOPOL DE-FENSE IN 1854–1855
GENERAL A. KHRUSHCHEV AND LEO TOLSTOY**

Аннотация: в статье на основе архивных документов освещается история городской усадьбы дворян Хрущовых в Туле, связь этой семьи с представителями рода гр. Толстых. Впервые дается описание дома Хрущовых по состоянию на 1867 г., когда в нем проживала свояченица писателя Т.А. Кузминская. Освещаются проблемы сохранения материальной памяти о герое обороны Севастополя 1854–1855 гг. генерале А.П. Хрущове и его брате адмирале А.П. Хрущове.

Abstract: the article deals with archive documents revealing the history of the Tula mansion of the noble family of the Khrushchevs and their relations with the Tol-stoys. It is the first time when the Khrushchev house is described according its condi-tion in 1867, when Leo-Tolstoy's sister-in-law Tatyana Kuzminskaya was living there. The author discusses the problems of preservation of material objects and sites connected with the hero of the defense of Sebastopol in 1854–1856 General A. Khrushchev and his brother Admiral A. Khrushchev.

Ключевые слова: М.А. Гартунг, Т.А. Кузминская, городская усадьба, дворяне Хрущовы, Л.Н. Толстой, Крымская война, «севастопольские» рассказы, Г.А. Хрущов-Сокольников, М. М. Филиппов.

Key words: Maria Gartung, Tatyana Kuzminskaya, town mansion, the noble-men Khrushchevs, Leo Tolstoy, the Crimean War, “Tales from Sebastopol”, G. Khrushchev-Sokolnikov, Mikhail Philippov.

Портреты генерала от инфантерии Александра Петровича Хрущова (1806–1875) и поручика артиллерии гр. Льва Николаевича Толстого (1828–1910) размещены в альбоме «Севастопольцы», составленного участником

боевых действий Петром Федоровичем Рербергом и посвященного памяти героев 11-месячной обороны Севастополя в 1854–1855 гг. [21, с. 7, 57]. Правда, связывает их не только участие в Крымской войне, но и место рождения. Родовые имения Толстых и Хрущовых находились в 10 км друг от друга. И если Ясная Поляна сегодня известный во всем мире музей, то усадьба Хрущовых в селце Басове до наших дней не сохранилась. Нет сегодня и достоверной информации о знакомстве знаменитого русского писателя и прославленного генерала. Однако события, которые во второй половине XIX в. происходили в Туле, Севастополе и Москве свидетельствуют о том, что нельзя сбрасывать со счетов такую возможность. Рассказ необходимо начать издавна, как это ни покажется странным — с семьи А. С. Пушкина.

6 апреля 1860 г. старшая дочь поэта Мария Александровна (1832–1919) вышла замуж за ротмистра лейб-гвардии конного полка Леонида Николаевича Гартунга (1832–1877). Спустя два года супруги поселились в селце Федяшево под Тулой. Но жили здесь не постоянно, только в летние месяцы, а в городе снимали квартиру, в частности, в доме г. Хрущова на Дворянской улице. Эту информацию можно найти в Адрес-календаре Тульской губернии на 1868 г. [1, с. 44]. Дворянская улица — это одно из прежних официальных названий современной улицы Гоголевской в Советском районе Тулы. В разное время она называлась Дворянской, Большой Дворянской, Верхней Дворянской. В 1902 г. в связи с 50-летием со дня смерти писателя улица была переименована в Гоголевскую.

Сколько супруги Гартунги прожили в доме Хрущова, не известно, но из воспоминаний свояченицы Л.Н. Толстой Татьяны Андреевны Берс (1846–1925), в замужестве Кузминской, мы знаем, что Гартунги должны были съехать с квартиры в конце зимы 1868 г. [18, с. 470]. Здесь необходимо подробнее остановиться на воспоминаниях Татьяны Андреевны и ее бракосочетании с Кузминским.

Младшая сестра Софьи Андреевны Толстой (1844–1919), жены писателя, обвенчалась со следователем Тульского окружного суда Александром Михайловичем Кузминским (1844–1917) 24 июля 1867 г. в маленькой сельской церкви недалеко от Тулы. До настоящего времени оставалось загадкой, в каком храме произошло таинство бракосочетания. Родственникам пришлось приложить немало усилий, чтобы найти священника, который согласился обвенчать двоюродных брата и сестру. Матери молодоженов были родными сестрами, в девичестве Иславины.

Кузминская пишет, что Л.Н. Толстой и ее будущий муж почти ежедневно ездили в сельские церкви отыскивать священника и кому-то из них удалось найти старика, который за несколько сотен брался обвенчать [18, с. 456]. Им оказался священник Василий Павлович Гимнософистов, а запись о венчании недавно была найдена в метрической книге Спасо-Преображенского храма с. Рогожни, на окраине Тулы [16, с. 389–390]. Неизвестно, случайно они нашли эту церковь или кто-то подсказал обратиться к местному священнику, но здесь имеет место интересное совпадение. Дело в том, что в Рогожинский приход входило селцо Басово

Александр Петрович Хрущов. Литография по рис. К. Гиллера

Степан Петрович Хрущов. Литография по рис. Крегера

— родовое имение дворян Хрущовых. Вскоре после венчания Татьяна Андреевна попросила мужа поменять квартиру, и в начале октября 1867 г., супруги переехали, как пишет Кузминская, на «Старую Дворянскую улицу, в дом Хрущева» [18, с. 474]. Незадолго до переезда свояченица Л.Н. Толстого с подругами ходила смотреть новую квартиру и описала ее в своих воспоминаниях [18, с. 469–470].

Сколько Кузминские прожили в доме Хрущовых, тоже не известно, но, по крайней мере, их старшая дочь Даша родилась здесь. С.А. Толстая была у сестры в день рождения племянницы 13 мая 1868 г. Позже туда приехал и Л. Н. Толстой [14, с. 182]. Надо сказать, что писатель часто навещал Кузминских в Туле, ночевал у них, и, кстати, на вечер в дом генерала Тулубьева, где Толстой познакомился с М.А. Гартунг, он тоже поехал из дома Хрущовых, об этом вспоминает свояченица писателя. Как известно, черты внешности М.А. Гартунг отразились в портрете Анны Карениной [18, с. 481–482].

О том, что супруги Кузминские и Гартунги жили в доме Хрущовых, было известно давно, но его местонахождение оставалось загадкой. Однако благодаря изысканиям тульского краеведа К.В. Струкова относительно недавно выяснилось, что дворянам Хрущовым принадлежал сохранившийся до наших дней деревянный дом на углу современных улиц Гоголевской и Свободы [24]. А найденные в тульском архиве проекты перестройки городской усадьбы Хрущовых 1859 г. [6] позволили соотнести дошедшее до нас здание с домом, описанным Т.А. Кузминской [14, с. 183–185], т. к. после реконструкции, оконченной в 1860 г. [9, л. 171 об.], в общих чертах он мало изменился.

Сохранилось описание этого дома и в оценочной описи 1867 г., т. е. как раз в тот период, когда в усадьбе поселились Кузминские:

Дом деревянный одноэтажный на каменном фундаменте шириной по Новодворянской улице (Свободы) — 24 арш., длинной (по ул. Гоголевской) — 21 арш.: в нем окон на обе улицы — 14, на двор — 6, комнат разной величины — 9, на доме антресоль (мансарда) длинной — 15 арш., шириной — 9 арш.: в ней окон на двор — 4, комнат разной величины — 3, к дому чрез сени пристройка деревянная длинной (по ул. Гоголевской) — 31 арш., шириной — 18 арш.: в ней окон на улицу — 8, на двор — 8, комнат разной величины — 8.

Флигель деревянный одноэтажный, шириной по улице (Свободы) — 9 арш., длинной по двору — 10 арш., в нем окон на улицу — 3, на двор — 3, комнат разной величины — 3, над флигелем кухня, в ней 3 окна.

Каретный сарай и конюшня деревянные, длинной — 30 арш., шириной 9 арш., погребница деревянная, длинной и шириной по 8 арш.

Все строение, кроме пристройки к дому, «посредственно», а пристройка прочна. Дом с пристройкой крыт железом, а прочее тесом. Пристройка к дому построена в 1860 г., а прочее назад тому более 25 лет.

«Место» (общий по городу № — 112) принадлежит адмиралу

Степану Петровичу Хрущову, шириной по Новодворянской улице — 15 ½ саж., длинной (по ул. Гоголевской) — 24 саж. [9, л. 171–171 об.]

Известны некоторые сведения о владельцах дома Хрущовых.

Мы не знаем, как так случилось, что Кузминские венчались в церкви, прихожанами которой были Хрущовы, а затем жили в их доме. Правда, Хрущовы приходились очень дальними родственниками Берсам, вернее свойственниками, т. е. родство было не кровное. Однако, сведений о том, что до свадьбы Берсы, А.М. Кузминский или Л.Н. Толстой были знакомы с кем-то из Хрущовых нет, хотя не знать о них писатель не мог.

В России было несколько родов с фамилией Хрущовы. Дом на Гоголевской принадлежал потомкам Ивана Ивановича Хрущова. В 1493 г. он приехал в Россию из Польши. Служил в Москве и был пожалован великим князем Иваном III поместьями в Туле и Веркуше (река в Веневском районе Тульской области) [23, с. 612].

В 1835 г. его потомок титулярный советник Петр Яковлевич Хрущов (1760–1841) приобрел дом у Екатерины Агеевны Мясной, вдовы капитана Василия Алексеевича Мяснова. Купчая была оформлена на жену Хрущова Елену Степановну (урожд. Есипову, 1770–1852). Мяснов, в свою очередь, купил участок в 1803 г. у госпожи Арсеньевой, а она приобрела это «место» в 1776 г. у «первоначального владельца» купца Меховникова [5]. У Хрущовых родилась дочь Наталья и восемь сыновей. Старший Николай и Василий умерли в детстве. Четверо сыновей: Яков, Степан, Иван и Борис учились в Морском Кадетском Корпусе и связали свою дальнейшую жизнь с флотом. Двое младших сыновей Александр и Николай окончили 2-ой Кадетский корпус в Петербурге и связали жизнь с армией [2].

Самые известные из восьми братьев — адмирал Степан Петрович Хрущов (1791–1865) и генерал от инфантерии Александр Петрович Хрущов. Интересно, как некоторые факты их биографии тесно связаны с жизнью Л.Н. Толстого и его родственников.

В 1849–52 гг. Степан Петрович Хрущов исправлял должность военного губернатора Севастополя и командира порта. В том числе и его стараниями перед самой Крымской войной строились севастопольские укрепления, проводились задуманные командующим Черноморским флотом адмиралом М.П. Лазаревым преобразования флота. Знания и боевой опыт Хрущова были востребованы и во время Крымской войны. В 1854 г. его назначили военным губернатором Архангельска и главным командиром порта. Хрущов руководил подготовкой к обороне побережья Белого моря от возможных действий английского флота. В апреле 1855 г. он получил чин адмирала. Заметим, что за 55 лет до этого, в 1799 г., военным губернатором Архангельска был дед Л.Н. Толстого по матери кн. Николай Сергеевич Волконский (1753–1821). Он командовал особым корпусом, составленным на случай высадки в городе французского десанта [11, с. 30–31].

Младший из братьев Хрущовых, командир Волынского пехотного полка Александр Петрович Хрущов, прославился как один из руководителей обороны Севастополя. Его имя в то время облетело всю Россию и

особенно часто звучало в сводках боевых действий. В первые месяцы осады Севастополя Волынский полк занимал самый опасный участок обороны — четвертый бастион, где впоследствии служил Л.Н. Толстой. Он описал происходившие там события в рассказе «Севастополь в декабре месяце». В день последнего штурма Севастополя 27 августа 1855 г. генерал А.П. Хрущов возглавлял войска первой дистанции обороны и принял на себя один из главных ударов неприятеля. Отступление русских войск из осажденного города прикрывали Тобольский, Волынский и Минский полки под началом Хрущова. Он вспоминал, что в сопровождении капитана Воробьева покинул легендарный город последним [29, с. 153]. В этом бою тоже принимал участие Л.Н. Толстой [25, с. 335]. События штурма отражены в его рассказе «Севастополь в августе 1855 года», который многие читатели восприняли «как реквием павшим героям» [22, с. 101]. Издатель «севастопольских» рассказов Н.А. Некрасов одним из первых отметил их главное достоинство и основную черту толстовского таланта — «ни перед чем не отступающую правду» [12, с. 224]. Написанная А.П. Хрущовым военно-историческая работа «История обороны Севастополя» впоследствии выдержала несколько изданий и была высоко оценена академиком Е.В. Тарле за объективность и достоверность [22, с. 103].

Последние годы своей жизни братья Хрущовы провели на родине в Туле. Как видно из проектов перестройки городской усадьбы, сделанных в 1859 г., адмирал С.П. Хрущов значительно расширил старый дом, сделав его доходным. Среди первых жильцов этого дома как раз были супруги Гартунги и Кузминские. Похоронены братья на приходском кладбище села Рогожни возле Спасо-Преображенского храма [30, с. 172]. Над их могилами, согласно последней просьбе генерала А.П. Хрущова, была построена кирпичная часовня. К сожалению, до наших дней она не сохранилась [15, с. 15–16].

Род Хрущовых по мужской линии на этом пресекся. Потомков оставил только рано умерший лейтенант флота Иван Петрович Хрущов (1794–1826). 16 марта 1824 г. у него родилась дочь Елена. В 1844 г. она вышла замуж за подпоручика в отставке Александра Гавриловича Сокольников (1919–1853). У них родился сын Гаврила (1845–1890) [23, 634]. К сожалению, его отец тоже рано ушел из жизни. Гавриле Александровичу было всего восемь лет и один из братьев — действительный статский советник Борис Петрович Хрущов (1795–1870) — стал его опекуном. Так как своих детей у братьев не было, то они дали внучатому племяннику свою фамилию Хрущов-Сокольников, а затем он унаследовал и все их имущество [24, с. 99–100]. Гаврила Александрович в свое время был известен как автор многочисленных комедий, рассказов, очерков и стихотворений. Его перу принадлежат романы «Чудо-богатырь» (о Суворове), «Стенька Разин», «Грюнвальдский бой или славяне и немцы», «Москва без маски» (о театральной Москве), «Провинция» (о частной и общественной жизни 1860-70-х гг. в Тульской губернии) и др. Он сотрудничал в различных

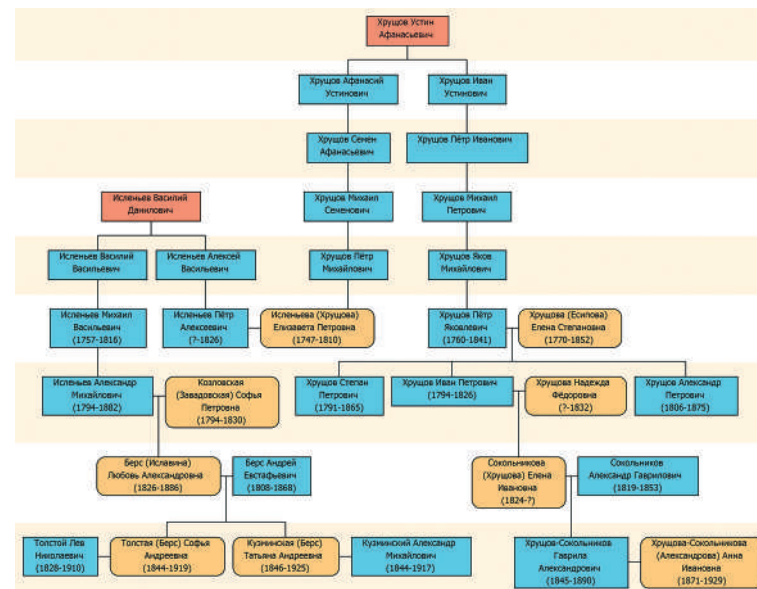
журналах. Печатался под псевдонимами Г. Клечанов, Гавриил Московский, Лорер, Лоррер, Муха, О. Сандомирский, Т.О. Карый, Точка, Х.С., Хрущев, Цилиндр, L и др. [19, с. 503] В 1876–1877 гг. издавал собственный еженедельный журнал «Московское обозрение». В № 1–10 этого журнала за 1876 г. опубликована автобиография генерала А.П. Хрущова, а в № 9–31 за 1877 г. напечатаны его же «Записки по истории Севастопольской обороны». И если факт знакомства Л.Н. Толстого с братьями Хрущовыми в настоящее время не установлен, то их воспитанника писатель знал.

В 1870–гг титулярный советник Гаврила Александрович Хрущов-Сокольников увлекся фотографией. В то время он уже жил в Москве и уговорил известного фотографа Ивана Григорьевича Дьяговченко продать ему фотозаведение в доме князя Голицына на Большой Лубянке.

С июня 1876 года оно стало обслуживать посетителей под названием «Фотография Сокольников, бывшая Дьяговченко». Зашел как-то в заведение и Л.Н. Толстой. Фотография получилась удачной. Портрет Толстого пользовался успехом у рисовальщиков, которые брали его за основу при создании своих гравюр [32, с. 36].

В личной библиотеке Толстого хранится журнал «Русское богатство» № 8 за 1885 г. с рассказом Хрущова-Сокольников «Дело коммерческое». Страницы журнала разрезаны, по всей видимости, Толстой этот рассказ читал. Через много лет он снова встретит имя своего московского фотографа в книге Михаила Михайловича Филиппова (1858–1903). В 1888–89 гг. в Петербурге вышел его исторический роман «Осажденный Севастополь», который в советское время неоднократно переиздавался. В мае 1904, почти через год после смерти автора, в Ясную Поляну приехала его вдова Любовь Ивановна (урожд. Столярова, 1859–1929) в сопровождении старшего сына Леонида. Она просила писателя прочесть «Осажденный Севастополь» и рекомендовать его для переиздания [28, с. 66–70]. В ответном письме от 10 июня 1904 г. Толстой отметил, что прочел книгу и «поражен богатством исторических подробностей» [26, с. 124]. У Филиппова есть эпизод из детства Хрущова-Сокольников, который мог соответствовать действительности. Из романа следует, что какое-то время Гаврила жил со своей матерью в Крыму на даче двоюродного деда А.П. Хрущова, героя обороны Севастополя, который очень полюбил смуглого темноволосого Гаврика. Мать внучатого племянника была женщина образованная, даже печаталась в женском журнале «Северном цветке». По словам Филиппова: «От нее Гаврик унаследовал страсть к сочинительству и девяти лет уже сочинял маленькие рассказы, в которых, разумеется, описывал невероятные битвы с черкесами и с турками и подвиги героев, как две капли воды напоминавших самого Гаврика».

К сожалению, финансовое положение Хрущова-Сокольников было довольно тяжелым. В 1880-е гг. он продал имение в сельце Басове и дом в Туле тоже. Поэтому в конце XIX в. совладельцами городской усадьбы были другие люди: коллежский асессор Павел Дмитриевич Матвеев и коллежский секретарь Николай Петрович Черносвитов [8, л. 41 об.-42].

Родственные связи дворян Хрущовых и Берсов. Сост. И. Е. Карачевцев

План городской усадьбы адмирала Степана Петровича Хрущова в Туле, 1859 г. ГАТО

Лев Николаевич Толстой, 1876 г. Москва. Фото Г.А. Хрущова-Сокольникова

Затем право на ½ часть от Матвеева перешло к Вере Павловне Дмитриевской [7, л. 42 об.–43], а в 1899 г. дом купила Вера Александровна Борисова (1858–?). Она сделала в нем капитальный ремонт и владела усадьбой до 1918 г. [4, л. 188].

По данным переписи населения 1916 г., дом Хрущовых был поделен на три квартиры. В одной жила семья и прислуга В.А. Борисовой (12 комнат и 2 кухни), а две другие она сдавала внаем. В одной квартире жила семья и прислуга Сары Зон (7 комнат и 1 кухня), и еще одну комнату занимал преподаватель Коммерческого училища К.К. Меньшиков [14, с. 192–193]. В 1918 г. в результате муниципализации усадьба перешла в фонд местных советов [27, л. 3–3 об.]. Дальнейшая судьба Борисовой не известна. Однако по новым сведениям она продолжала владеть, по крайней мере, частью недвижимого имущества до 1923 г. В архивном деле «О муниципализации предприятий, домовладений и дач г. Тулы» за 1922–1925 гг. сохранилось заявление (справка) В. А. Борисовой в Тульский городской коммунальный отдел от 26 октября 1922 г., в котором она указала:

1. Владение на Гоголевской под № 59 состоит из одноэтажного деревянного дома и надворной постройки сарая–конюшни и прачечной.
2. В доме 14 комнат.

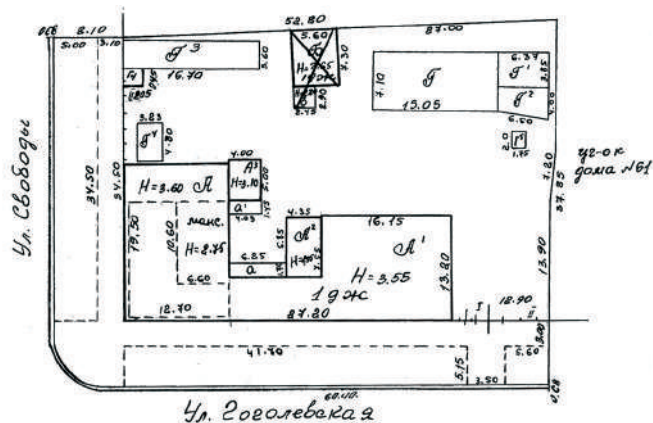
3. С 1917 по 1919 г. дом занимала Борисова и квартиранты. С половины 1919 г. дом занимали: управление Рау-спирт, политпросвет и курсы милиционеров, причем две комнаты занимал квартирант Д.П. Милованов до 1922 г. На момент составления справки в доме находились только курсы милиционеров (ускоренные курсы губ. милиции).
4. Плату с 1919 г. Борисова не получала, ремонт не производила. «Очистку» и мелкий ремонт делали учреждения сами «материалом, снимаемым с потолков этих же зданий». Вследствие чего, по разрешению Жилищно-го отдела, Борисова снесла полуразрушенный сарай на топку.
5. Владение это куплено 4 марта 1999 г. за 20 тыс. руб. у Дмитриевской (нотариус Косяков) [3, л. 52–52 об.].

С течением времени дом превратили в коммуналку. Сейчас он разделен на 19 комнат/квартир [27, л. 48–49]. Советская эпоха и длинный жизненный путь наложили свой отпечаток — дом сильно изношен, но есть надежда, что он будет музеефицирован. 15 октября 2016 г. жилой дом 59/36 на пересечении улиц Гоголевской и Свободы включен в Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Тульской области [20].

В статье «Семья трех губернаторов» К.В. Струков справедливо замечает: «Сейчас как-то забылось, что древний тульский дворянский род Хрущовых дал нашей стране в одном поколении сразу трех крупных военных и государственных деятелей» [24, с. 98]. Забывают о них не только в Туле, примером может служить улица Хрущева в Севастополе. Даже местные жители искренно считают, что она носит имя Н.С. Хрущева, который в 1954 г. подарил Крым Украине. Вероятно, виной всему буква «ё» в фамилии на уличных указателях. На самом деле она носит имя героя обороны Севастополя в 1854–1855 гг. А.П. Хрущова, фамилия которого пишется через букву «о». Кроме этой улицы, названной в его честь, память о выдающемся генерале в городе практически стерлась [17].

Сегодня о жизни в Туле представителей древнего дворянского рода тоже мало что напоминает. Их усадьба в сельце Басове не сохранилась. Территория старого приходского кладбища, на котором были похоронены Хрущовы, застроена частными домами Рогожинского поселка. Сейчас он входит в Центральный район Тулы. Возведенная в конце 1780-х гг. попечением Хрущовых каменная Спасо-Преображенская церковь [10, л. 1–2 об.] сильно пострадала при обороне города во время Великой Отечественной войны.

В конце 1940-х г. полуразрушенное здание разобрали [15, с. 18–19]. Предположительно церковь стояла на перекрестке современной ул. Циолковского и переул. Котовского. Как отмечал тульский журналист, архитектор Н.Д. Шапошников: «Стены многих домиков в поселке

- А, А¹ - жилой дом
 А², А³ - жилые пристройки
 а, а¹ - пристройки (сени)
 Г¹, Г², Г³, Г⁴ - сараи
 Г⁴ - гараж
 Г⁵ - уборная
 Б - жилой дом. снесен в 1990-е г.

План усадебного участка по состоянию на 1997 г. по ул. Гоголевской, 59. БТИ

сложены из ее кирпича» [31]. Остался только деревянный дом под № 59 на ул. Гоголевской. Но мало кто из туляков, тем более гостей нашего города знает, кому он принадлежал.

Несмотря на то, что дом включен в Перечень выявленных объектов культурного наследия, опасения за усадьбу все равно остались. Весной 2015 г. в министерство культуры и туризма Тульской области поступило предложение от группы архитекторов пересмотреть режимы использования земельных участков в центре Тулы с целью их комплексного освоения [13]. Как раз к этой территории примыкает участок, на котором находится дом Хрущовых. Сейчас в нем живут люди, а вокруг растут новостройки. Старые дома разбирают. Отопление в доме до сих пор печное, на дворе сложены диковинные для глаз городского обывателя поленицы дров. Нет привычных для нас удобств, нет горячей воды. Для капитального ремонта дома, его реставрации требуются большие средства. Что будет дальше с усадьбой дворян Хрущовых, в которой жили Гартунги, Кузминские и бывали гр. Толстые, не известно.

В доме мог бы расположиться, например, культурный центр, связывающий Тулу и Севастополь, тем более в виду последних событий — «возвращения Крыма в родную гавань».

Дом Хрущовых в Туле, 2015 г. Фото И.Е. Карачевцева

Дом Хрущовых в Туле, 2016 г. Вид со двора. Фото И.Е. Карачевцева

Спасо-Преображенская церковь в Рогожне, 1942 г.
Из кн. «Правда о религии в России» (М., 1942)

Источники и литература:

1. Адрес-календарь Тульской губернии на 1868 год. Тула, 1868.
2. Бражникова О. М. Хрущовы и их потомки по женским линиям в военной службе на море и на суше // Известия Русского генеалогического общества. Вып. шестой. СПб., 1996. С. 37–45.
3. ГАТО (Государственный архив Тульской области), ф. р-1396, оп. 1, д. 747.
4. ГАТО, ф. р-2711, оп. 2, д. 38.
5. ГАТО, ф. 22, оп. 1, д. 197.
6. ГАТО, ф. 84, оп. 6, д. 23 а.
7. ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 3, д. 5135.
8. ГАТО, ф. 174, оп. 1, т. 5, д. 9991.
9. ГАТО, ф. 518, оп. 1, т. 5, д. 15079.
10. ГАТО, ф. 1770, оп. 2, т. 1, д. 324.
11. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954.

12. Жданов В. Некрасов (ЖЗЛ). М., 1971.
13. Какая участь ждет исторический дом в центре Тулы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://newstula.ru/fn_156337.html (дата обращения: 06.04.2017).
14. Карачевцев И. Е. Владельцы и гости городской усадьбы дворян Хрущовых // Тульские усадьбы. История и судьбы. Тула, 2017. С. 179–197.
15. Карачевцев И. Е. Из истории Спасо-Преображенского храма в Рогожне // Областные церковно-краеведческие чтения при Тульской Духовной семинарии. Тула, 2015.
16. Карачевцев И. Е. К вопросу о месте венчания Т. А. Берс и А. М. Кузминского // Материалы Международной научной конференции «Толстовские чтения — 2015» и Научно-фондовой конференции «Гороховские чтения — 2015». М., 2016. С. 388–398.
17. Косенко В., Фомин Д. Совсем не тот Хрущев. «Севинформбюро». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.nts-tv.com/people/17020-sovsem-ne-tot-khrushhev.html> (дата обращения: 05.04.2016).
18. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986.
19. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960.
20. Приказ инспекции Тульской области по государственной охране объектов культурного наследия от 15.09.2016 № 121.
21. Рерберг П. Ф. Севастопольцы. Сборник портретов участников обороны Севастополя в 1854–1855 годах. Вып. 1. Ч. 1. СПб., 1903.
22. Романов Д. М. Бурям на встречу. Тула, 1986.
23. Руммель В. В., Голобцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. II. СПб, 1887.
24. Струков К. Семья трех губернаторов // Тульский краеведческий альманах. 2006. № 4. С. 98–100.
25. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 59.
26. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 75.
27. Тульский филиал ФГУП «Ростехинвентаризация – Федеральное БТИ». Инв. дело на жилой дом по адресу: Тула, Советский р-он, ул Гоголевская, д. 59.
28. Филиппов Б. М. Тернистый путь. М., 1969.
29. Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1889.
30. Чернопятав В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. VII (XVI). Некрополь. М., 1912.
31. Шапошников Н. Спасо-Преображенский, что в селе Рогожня, храм // Тульские епархиальные ведомости. 1997. № 2. С. 5.
32. Шипова Т. Из истории одной фирмы // Советское фото. 1991. № 2. С. 36–37.

Людмила Вадимовна Кортацци
г. Истра, Московская область
Lyudmila Vadimovna Cortazzi
Istra, Moscow region

Елена Вадимовна Вепренцева
Протвино, Московская область
Elena Vladimirovna Veprenceva
Protvino, Moscow region

ДОСТОЙНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА. ЧАСТЬ I THE WORTHY SONS OF THE FATHERLAND. PART I

Аннотация: статья содержит две части, в которых сестры Людмила и Елена Кортацци представляют материал об их предках из дворянских родов, служивших на благо России в военное и мирное время. Среди них: Кортацци Иван Егорович (астроном), Анастасьев Виктор Константинович (юрист), Анастасьев Александр Константинович (Государственный деятель), Юрковский Николай Федорович (Капитан 1-го ранга), контр-адмирал Федорович Иосиф Иосифович. Людмила Вадимовна Кортацци — праправнучка И. Е. Кортацци, Елена Вадимовна Вепренцева — праправнучка В. К. Анастасьева.

Abstract: the article contains two parts in which the sisters Lyudmila and Elena Cortazzi present material about their ancestors from noble families who served for the benefit of Russia in wartime and peacetime. Among them: Kortazzi Ivan Egorovich (astronomer), Anastasiev Viktor Konstantinovich (lawyer), Anastasiev Alexander Konstantinovich (Statesman), Yurkovsky Nikolai Fedorovich (Captain of the 1st rank), Rear Admiral Fedorovich Joseph Iosifovich. Lyudmila Vadimovna Kortazzi is a great-great-granddaughter of I.E. Kortazzi, Elena Vadimovna Veprentseva is a great-great-granddaughter of V.K. Anastasiev

Ключевые слова: Кортацци Иван Егорович, Анастасьев Виктор Константинович, Анастасьев Александр Константинович, участник обороны Севастополя 1854–1855 гг.

Key words: Kortazzi Ivan Egorovich, Anastasiev Victor Konstantinovich, Anastasiev Alexander Konstantinovich, participant of Sevastopol defense 1854–1855.

«Севастополь! Сердце каждого русского невольно дрогнет при этом имени. Без душевного трепета невозможно ступить на эту землю, каждая пядь которой полита невинной кровью». Так начинается книга «Оборона Севастополя» Клавдии Лукашевич, написанная в 1904 году [7]. В своем рассказе я, праправнучка двух участников первой обороны Севастополя,

опиралась на нее, что бы живее показать картину, жестокой, бесчеловечной битвы за свой город, свою родную землю.

ИВАН ЕГОРОВИЧ КОРТАЦЦИ

Мой прапрадед, Иван Егорович Кортацци, участник 1-й обороны Севастополя 1854–1855 гг., представитель старинного венецианского рода. Родился 17 февраля 1839 года в Измаиле. Пятнадцатилетним юношей вступил в службу унтер-офицером в Волынский пехотный полк под командованием Лушкова Михаила Ивановича. 8 сентября 1854 вместе с полком участвовал в Альминском сражении [7]. Это было боевое крещение моего Деда, совсем юного воина.

И.Е. Кортацци. [Конец 1850-х гг.]. Фото

День был солнечный, с утра русская армия совершила молебен во славу Божию... А в полдень началось... Англичане в красных мундирах открыли огонь по нашим боевым позициям, первая атака была отбита сильнейшим огнем русских воинов. Но врагу постоянно поступало пополнение. Взрывы, грохот, нечеловеческие крики, земля вставала дыбом, ясного неба не было видно, груды убитых тел, стоны тяжело раненых. Под градом пуль русские воины бесстрашно шли в рукопашную. Но силы были не равны. На исходе дня пришлось отступать, раненых уносили с собой. Остатки войска русского двигались по Севасто-

польской дороге к реке Каче. Отступление прикрывал Волынский полк [16]. Хотя сражение было проиграно, но бойцы русской армии храбро и отважно удерживали несколько часов непрерывный натиск врага, превосходящего численностью и вооружением.

В Севастополе Иван с полком находился на пятом бастионе и на передовых укреплениях оборонительной линии Корабельной стороны. Где постоянно велись бои, участвовал в ночных вылазках к вражьи окопам, чтоб захватить языка, оружие, небрежно оставленное противником, а бывало, и прихватить какую-нибудь снедь.

В промозглом и неласковом феврале 1855 года Кортацци участвовал при заложении Селенгинского и Волынского редутов, Камчатского люнета.

Разведка донесла, что противник готовится к атаке на Малахов курган, если его захватить, то и Севастополю не устоять. У союзников закипела работа. Они строили ложементы, ставили батареи. И наше командование приняло решение строить укрепления перед Малаховым курганом. В ночь на 11 февраля 1855 г. началось возведение Селенгинского редута, на котором должны быть устроены батареи для отражения вражеских атак. Ночами шли непрерывные работы по возведению сооружений на расстоянии одного ружейного выстрела от новых вражеских укреплений. Работы велись под прикрытием Волынского полка. Противник неоднократно пытался отвоевать построенный редут, бомбил его, нападал в атаках, но был отбит, а наши бойцы ночами опять брались за восстановление редута. Командование приняло решение в четырехстах шагах заложить еще один редут и люнет, за работу взялись Волынский и Камчатский полки. Так эти укрепления называли: Селенгинский, Волынский, Камчатский. Неприятель был очень удивлен, увидев у себя под носом еще два новых укрепления. Конечно, они рассвирепели, ведь на месте новоявленного люнета командование союзников задумало выстроить свое укрепление. Бомбежка была страшная, кровопролитие немыслимое. Три этих героических полка называли в Севастополе «тремя отроками в пещи огненной», так как французская артиллерия обстреливала эти укрепления круглые сутки, вплоть до конца мая месяца [17]. Неустрашимые защитники Севастополя своей отвагой и героизмом надолго задержали наступление врага.

В ночь с 10 на 11 марта 1855 г. Иван Кортацци участвовал в вылазке под командованием генерал-лейтенанта С.А. Хрулева, которая превратилась в целое военное сражение, причем победное! В ней приняли участие около 5 тысяч человек [10].

27 марта пришла Пасха Христова. Небольшая передышка, так как католическая Пасха в тот год совпала с Православной. А потом снова завязались ожесточенные бои за Севастополь. В ночь с 10 на 11 апреля 1855 г. в одном из таких боев перед Шварца редутом Иван Кортацци был ранен в левую пятку ружейной пулей навывлет. Раненого оперировал доктор Н.И. Пирогов.

Известный художник-баталист Василий Верещагин в своем рассказе «В Севастополе» описывает эпизод, который я хочу процитировать. «Рассказывал доктор Николай Иванович Пирогов, что раз при нем в операционном зале дошла очередь до молодого офицера, раненного в пятку. Приходилось вырезать много наросшего дикого мяса, да прихватить и не дикого. — Мамаша, сядьте около меня, — сказал раненый сестре милосердия. Она села, и он ее обнял.

Началась операция, которую офицер наблюдал, стиснув зубы. Сам он молчал, но толстая сестра милосердия вопила. Казалось, как же это так? Неужели раненый уполномочил ее кричать вместо себя? Оказалось, что от боли он судорожно впился в ее жирный бок, и она кричала совершенно искренно, за свой собственный счет» [6].

После ранения Кортацци получил четырех месячный отпуск и вернулся на военную службу вплоть до 1861 года. За участие в Крымской войне 1853–1856 г.г. имеет награды: орден св. Владимира 4 ст., Знак отличия Военного ордена св. Георгия, серебряную медаль «За защиту Севастополя», бронзовую медаль «В память о Крымской войне 1853–1856 гг.», чин прапорщика.

Памятник Волыному полку

На Братском кладбище на Северной стороне Севастополя установлен памятник по проекту архитектора А.Г. Гронвальда с надписью: «Штаб, обер офицерам и нижним чинам Волынского пехотного полка, павшим при защите г. Севастополя в 1854 и 1855 годах. От общества офицеров Волынского пехотного полка». Волынский полк находился в гарнизоне Севастополя с 19 октября 1854 г. до конца обороны 27 августа (10 сентября) 1855 г. и понес значительные потери: 3896 человек убитыми и ранеными [18].

В 1861 году Кортацци сдал экзамены и поступил на геодезическое отделение Академии Генерального Штаба в чине поручика. По окончании учебы был направлен на стажировку в Пулковскую обсерваторию, где работал около двенадцать лет. Сначала под руководством директора Отто Струве. А потом и сам стал обучать молодых офицеров. Топографические съемки и сложную подготовку к ним Иван Егорович проводил на Северном Кавказе, Крите, в Турции. За последнюю работу был награжден Его Величества султаном Османской империи Абдул Азизом I орденом Меджидие 3-ей степени [1].

В 1872 году профессор Кортацци получил назначение директором в Николаевскую Обсерваторию, где и проработал до конца своей жизни. Вначале нужно было обсерваторское хозяйство привести в порядок. На это уходило много времени и сил. Необходимое оборудование и астрономические приборы для научных изысканий и исследований он заказывал за границей и бывало, сам привозил его в обсерваторию, руководил строительством зданий под оборудование. Николаевская обсерватория была создана для определения точного времени и в помощь морским судам, чтоб шли по заданному курсу, не отклоняясь. Так же занимались проверкой и ремонтом хронометров и другого штурманского оборудования, очень ответственная и кропотливая работа.

По поручению международного астрономического общества Иван Егорович в течение многих лет вел наблюдение положения звезд. Результатом этого титанического труда стал Каталог положений 5976-ти звезд, который был опубликован в 1900 году [1].

Иван Егорович проводил наблюдения комет, планет Солнечной системы. Одним из первых предпринял исследования земной коры при помощи маятника, составил астрономические навигационные таблицы для определения координат корабля, проводил важные наблюдения «покрытия звезд» во время полного лунного затмения. Супруга Зинаида Осиповна и сыновья помогали ему, особенно в астрономических опытах, замерах, так как штат обсерватории был совсем невелик. Таким образом, Кортацци стал выдающимся ученым и автором множества научных статей по астрономии, геодезии, картографии, математике, которые печатались в отечественных и зарубежных научных журналах. Участвовал в международном предприятии составления зонных каталогов. За свои заслуги получал награды Российской империи – получил звание полковника, был Действительным статским советником,

И.Е. Кортацци у колонны Обсерватории

Действительным членом русского Астрономического общества, назначен императором Николаем II членом постоянной Сейсмической комиссии Российской империи [1].

В 1880 г. в Николаеве был открыт отдел Императорского общества садоводов для «распространения интересов к садоводству и для засаждения степных и песчаных окрестностей Николаева». Иван Егорович был первым председателем этого общества. Облагораживал и территорию Обсерватории. Сад, посаженный им, до сих пор процветает.

В сентябре 1903 г. в Николаеве на Адмиральской набережной был организован благотворительный вечер, непосредственным участником которого был Кортацци. Здесь-то и случилось несчастье. Иван Егорович простудился очень сильно, следствием этого стала пневмония с летальным исходом. 13 сентября 1903 г. его не стало. Похоронили Ивана Егоровича в фамильном склепе Федоровичей, его сватов.

Через сто лет после смерти вышла книга Г.М. Петрова и Г.И. Пинигина «Иван Кортацци — астроном Черноморского флота» [1].

Иосиф Иосифович Федорович — контр-адмирал. Его правнучка Татьяна Кочергина живет в Севастополе, до сих пор исследует и пишет

историю династии Федоровичей, одним из героев которой и был Иосиф Иосифович. Участник Синопского боя и 1-й обороны Севастополя. Служил в Черноморском флоте, бороздил моря и океаны от Кронштадта до берегов Японии и Китая [11]. Его дочь Татьяна вышла замуж за старшего сына Ивана Егоровича — Георгия, впоследствии генерал-майора. У них родился сын Иван. В традиции семьи Кортацци было называть старших сыновей Георгием и Иваном.

Младший Ваня окончил Николаевское кавалерийское училище, три года отслужил в конно-гренадерском полку, а за тем стал одним из первых русских летчиков. В период Первой Мировой войны воевал на Юго-западном фронте. Погиб в 26 лет, 13 октября 1917 года. Достойный продолжатель своих Дедов служить Отечеству [8, 9].

Иван Кортацци (внук)

У Ивана Егоровича и Зинаиды Осиповны было четыре сына. Георгий, генерал-майор, эмигрировал, скончался в Париже. Так же эмигрировал сын Сергей, инженер судостроительного завода, через остров Лемнос, где навеки осталась его годовалая внучка Ирина Кортацци. Третий сын Кортацци, Александр, мой прадед, был инженером-мелиоратором в Крыму. Репрессирован. В 1999 г. реабилитирован. Младший сын Андрей заведовал кафедрой Одесского университета. Так же был репрессирован.

Александр Иванович Кортацци в конце 1930-х годов написал историю рода Кортацци, которую сохранила его младшая дочь Нина. Он сообщает, что Кортацци были представителями знатного венецианского рода. В Золотой Книге, хранящейся во дворце Дожей, записано несколько поколений сенаторов Кортацци. История рода ведется с XIV века. Они служили верой и правдой на о. Крит, в Константинополе, на Балканах. В начале XVIII века Кортацци получил назначение на должность венецианского консула в г. Смирну (Измир) на берегу Мертвого моря. Эта должность передавалась от отца к сыну в течение ста лет. В начале

Справа сидят — И.Е. и супруга. Стоят Георгий, Ваня, Андрей

Сыновья Андрей, Сергей, внук Иван

XIX века, во время русско-турецкой войны, командир русского корабля Спиридон Милонас прибыл в Смирну, когда умер последний Кортацци из этих консулов. И вывез в Россию оставшихся сирот: девушку Клару Кортацци с малолетним братом Джорджем. На Кларе Милонас вскоре женился. Джордж стал Егором и достойно служил на благо России.

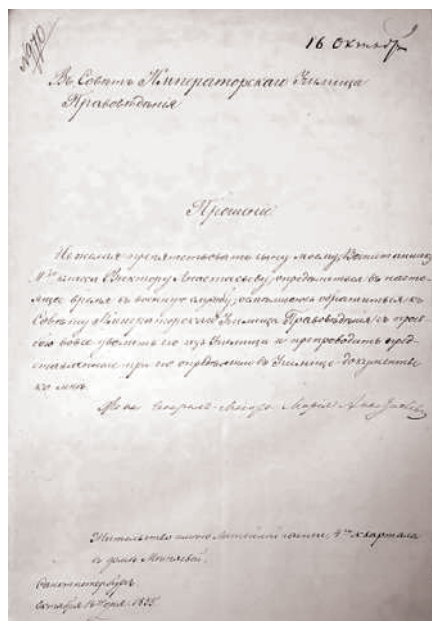
В 1839 году у него в Измаиле родился сын, Иван Егорович Кортацци.

Автор Л.В. Кортацци

ДОСТОЙНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА. ЧАСТЬ II THE WORTHY SONS OF THE FATHERLAND. PART II

ВИКТОР КОНСТАНТИНОВИЧ АНАСТАСЬЕВ

Мой прапрадед, участник 1-й обороны Севастополя. Представитель известных греческих фамилий Анастасьевых и Мавромихали. Родился 23 марта 1836 года в Елизаветграде. Окончив гимназический класс и два курса императорского правового училища, молодой Анастасьев был отчислен по собственному желанию, чтобы отправиться на фронт в Севастополь и бороться с противником. Его матушка, Мария Павловна поддержала сына, написав прошение в Совет училища об его отчислении, в котором сообщала, что не будет препятствовать сыну, вступить в военную службу для защиты Родины. В Севастополе уже воевал младший брат Виктора — Александр [4].

24 октября 1855 года Анастасьев вступил в службу в Минский пехотный полк унтер-офицером, и сразу же принял участие в Инкерманском сражении, т. е. окупнулся в самую гущу кровавых событий [7]. В тот день шел противный осенний дождь, дул сильный морской ветер. Войска расположились на Инкерманских горах. Стемнело. Ночь. Дрема. И вдруг! Приказ: срочно готовиться к выступлению. Молча, без лишнего шума, но быстро, по военному все стали готовиться к бою с англичанами, которые в этот предрассветный час спали, ничего не подозревая. Наши войска, можно сказать, подкрались к неприятелю. И во вражеском лагере началась паника. Прозвучала тревога, но уже раздались выстрелы русского оружия, захвачены передовые укрепления и орудия противника. Несмотря на оборонительные залпы, наши войска захватили английскую батарею, на подступах к которой завязался кровопролитный рукопашный бой. Англичане стали отступать. И тут врагу подоспела подмога. Их гвардия отбила эту батарею. Но и русским войскам пришли свежие силы, которые ударили в тыл врага. Батарея опять в наших руках. Бои шли ожесточенные. Взрывы, крики, стоны раненных, тела убитых. В наших рядах никто не думал о смерти, дрались за родную землю. Англичане начали отступать. Уже был отдан приказ кораблям готовиться к принятию остатка вражеских войск. Но, в последний момент примчались французы и алжирские стрелки, подтягивалась артиллерия, свежие батальоны. Силы оказались не равны, но русские воины продолжали сражаться храбро и отчаянно, много было совершенно подвигов нашими героями во время этого адского сражения. Но силы слабели, ряды редели. Пришлось отступить под огнем противника, усталые, в грязи и крови горстки наших бойцов давали ответный бой превосходящему числом врагу.

После боя Инкерманские высоты представляли собой жуткую картину. Груды убитых солдат, офицеров, трупы лошадей, обломки оружия, лафеты. Все залито багряной кровью, ото всюду раздаются стоны. Раненых вывозили на гребных судах в Севастополь, о чем распорядился адмирал Нахимов. Так закончилась первая битва Анастасьева, за которую он был награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте и получил чин прапорщика.

После окончания боевых действий полк был расформирован и молодого офицера перевели на службу в Тобольский пехотный полк его императорского величества великого князя Сергея Александровича, в рядах которого Виктор принимал участие в походах против вражеской коалиции: англичан, французов, турок. В августе 1856 года, после заключения Парижского мирного договора, полк отправлен в резерв. И Анастасьев был переведен в Киевский гусарский полк. Так и продолжал нести военную службу, пока в 1858 году не был уволен по болезни [4].

Свою трудовую деятельность Виктор Константинович начал с должности уездного следователя в Ялте, затем — товарищ прокурора Одесского окружного суда. Но уже в 34 года его назначили прокурором Симферопольского окружного суда. Анастасьев занимался не только

юридическими делами, но и принимал активное участие в реформе самой работы правовой системы, которая в ту пору никуда не годилась. Через восемь лет, Виктор Константинович уже возглавил Елизаветградский окружной суд. Спустя некоторое время Анастасьева выбрали в почетные мировые судьи Ялтинского округа. После вынужденного выхода в отставку Виктор Константинович обосновался в Одессе и занялся адвокатской практикой, применив в этой работе свой богатейший опыт. Выступал во многих громких процессах [4].

Как и его Матушка, Анастасьев был меломаном, ценил и разбирался в высоком искусстве. Усадьба его супруги Нины Робертовны в Магараче была музыкальным центром Южного берега Крыма. Ее посещали регулярно друзья Виктора Константиновича А.К. Глазунов, Н.А. Римский-Корсаков, А.А. Спендиаров. Зять Феликс Блуменфельд был музыкантом, писал музыку [5].

В Магарач Виктор Константинович вернулся уже больным, можно сказать доживать свою жизнь, полную славных дел. Последний сердечный приступ случился 1 июля 1897 года. Похоронили его на старом кладбище в Никитах, недалеко от знаменитого Никитского ботанического сада. Надгробный камень, под которым упокоился мой Дед, до сих пор сохранился.

Виктор Константинович Анастасьев

Потомки Виктора Константиновича по сию пору ухаживают за могилой. Ведь рядом лежат с миром его супруга, дочери и даже шестилетний внук Алеша Кортацци.

У супругов Анастасьевых родилось девять детей. Сын Глеб стал морским офицером. Дочери вышли замуж и разъехались из родового имения. Но все время приезжали с детьми, мужьями в отчий дом.

Моя прабабушка Наталья Викторовна Кортацци унаследовала усадьбу матери Нины Робертовны, урожденной Джаксон, и местные жители стали называть ее дачей Кортацци.

Мемориальная доска на «даче Кортацци». Магарач

Старое кладбище. Никита

Супруга, дочери, внуки В.К. Анастасьева. Магарач

Заботливой и любящей матерью братьев Анастасьевых была Мария Павловна. Красавица, с живым характером, прекрасно образованная, деятельная. Незаурядный знаток музыки, проводила музыкальные и театральные вечера в своем имении Бурлюк на реке Альма. Отец ее, Павел Стефанович Мавромихали, служил на флоте под командованием Ф.Ф. Ушакова. По окончании военной службы был одним из первых полицеймейстеров Одессы, сподвижник и друг герцога Ришелье. Отец Павла – знаменитый предводитель греческого восстания, Стефан-Бей Мавромихали, правитель горной области Майна (Греция). При Императрице Екатерине II приехал в Россию, возглавил греческий Балаклавский батальон. Получил земли в Крыму. Похоронен у стен Георгиевского монастыря [5].

АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ АНАСТАСЬЕВ

Мой двоюродный прапрадед, младший брат Виктора Константиновича Анастасьева. Родился 23 мая 1837 года в Елизаветграде. Воспитывался дома и в частном учебном заведении. Вступил в службу рядовым Минского пехотного полка 3 июня 1854 года. 15 августа, сдав экзамен, получил чин унтер-офицера. И уже 8 сентября принял боевое крещение в Альминском сражении [7].

Пока вражеские союзники высаживались на берег Крыма в районе Евпатории, наши войска со всех сторон острова подтягивались к левому скалистому берегу реки Альма. Отсюда открывался вид на море, где виднелись вражеские корабли и три деревушки, в одной из которых, а именно Бурлюк, было имение матушки Александра Марии Павловны [5]. Рукой подать и можно очутиться в теплом и уютном родном доме, в кругу самых близких людей. Но сначала необходимо освободить родную землю от вероломного врага.

Холодная тревожная ночь перед сражением проходила в томительном ожидании. И вот, на заре с вражеского корабля раздался залп пушки.

Французы, англичане, турки зашевелились. Раздались первые выстрелы. Запылал родной до боли Бурлюк, показались красные мундиры англичан. Началось сражение за свою землю, за Севастополь! Кровавая, ожесточенная битва, казалось никогда не кончится... Дорого она обошлась, не только нам, но и противнику. Герцог кембриджский, увидев поле после битвы, произнес «Еще одна такая победа, и у Англии не будет армии» [1]. В сумерках этого тяжелейшего дня на поле боя — тысячи убитых и раненых, слетелось воронье, карканье которого было невыносимым... После поражения нужно было приходить в себя и готовиться к следующим боям...

С конца сентября 1854 года Александр нес службу в гарнизоне Севастополя и на шестом бастионе. 12 октября 1854 года молодой офицер удостоен «Монаршей искренней душевной признательности за непоколебимое мужество, примерную стойкость и достохвальное самоотвержение при бомбардировании г. Севастополя англо-французами 5 и 6 октября 1854 года». В эти дни союзники устроили ад Севастополю. Это было первое бомбардирование города. Накануне в лагере врага началась подготовка. Все пришло в движение. 5 октября на море и город спустился туман. Но севастопольцы с утра пораньше готовились. Укреплялись батареи, на бастионах ставились орудия, раздавались приказы за приказами, баркасы, лодки сновали туда-сюда. Когда рассеялся туман, началось вражеское бомбардирование. Ожесточенное и непрерывное. Союзники открыли огонь по всей линии. Все смешалось. Земля, люди, бомбы, гранаты, камни. Вдруг наступил мрак, солнце заволокло едким дымом. Начался ад, самый настоящий. Стрельба по городу и укреплениям с каждым часом усиливалась. Люди гибли в домах и на улицах многострадального города. Негде было укрыться. К вечеру канонада стала стихать. Город устоял, но понес невосполнимую потерю: погиб адмирал Корнилов.

27 августа 1855 года Анастасьев был участником отражения последнего штурма Севастополя. Когда союзники захватили неимоверными усилиями Малахов курган. Мясорубка была страшная. Разруха полная, курган был полит кровью. Но некоторые бастионы держались до последнего.

Александр Константинович за оборону Севастополя был награжден орденами св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», св. Станислава 3 ст. с мечами, серебряной медалью на Георгиевской ленте «За защиту Севастополя», получил чин прапорщика.

Службу окончил в связи с семейными обстоятельствами летом 1861 года.

Александр Константинович Анастасьев сделал блестящую карьеру на государственной службе. Сначала служил чиновником особых поручений при генерал-полицеймейстерстве в Царстве Польском. Там он проработал пятнадцать лет, исполняя особо важные поручения, получая повышение чина, оклада и награды.

Вернувшись в Россию, Александр Константинович занимал должности Полоцкого и Тамбовского вице-губернатора, а за тем губернатора Пермского и Черниговского, член Государственного совета.

Александр Константинович Анастасьев

Принимал активное участие в разработке проекта о реформе местного самоуправления [5]. Где бы он не служил, всегда проводил политику сильной исполнительной власти, категорически негативно относился к разным политическим обществам, деятельность которых носила антигосударственный характер, к взяточничеству, казнокрадству, кумовству. Но поощрял общества взаимопомощи, благотворительности. Активно выступал и способствовал усилению правительственного контроля над деятельностью земских органов власти, то есть радел за справедливость для жителей управляемых им губерний. Если же возникали все охватывающие конфликты, Александр Константинович лично выезжал на место «бунта», выявлял зачинщиков и, не церемонясь, предавал их наказанию, в тяжелых случаях приходилось использовать самую настоящую порку. Конечно, в его адрес неслись осуждения, недовольства. Но порядок был наведен.

Где бы не служил Анастасьев, везде уделял большое внимание благотворительности и благоустройству. Ему активно помогала супруга Татьяна Даниловна.

В Перми усилиями губернаторской семьи было построено здание Мариинской женской гимназии, разбит сквер возле оперного театра, высажены деревья на пустынных улицах. Пермский губернатор способствовал скорейшему завершению строительства железной дороги в Сибирь, от Екатеринбурга до Тюмени.

Будучи губернатором Чернигова, Александр Константинович, так же занимался благоустройством города и благотворительностью. За семь лет его губернаторства были высажены деревья на пустынных улицах, разбит сквер возле оперного театра, создан замечательный губернский хор Вознесенского собора. Отремонтированы Борисоглебская и Спасская церкви, восстановлены фрески, иконостасы. Прихожане Спасской церкви избрали Анастасьева старостой. Был обустроен сквер на Гимназической площади, на которой к столетию А.С. Пушкина был установлен бюст поэта.

Татьяна Даниловна Анастасьева, дочь крупного полтавского помещика Шкляревича, стала попечительницей детского приюта, где были отремонтированы помещения и храм св. Марии Магдалины, увеличилось материальное положение приюта. Благотворительное общество, возглавляемое Т.Д. Анастасьевой, оказывало ежемесячную материальную помощь свыше сотни беднякам города. Умерла она 20 марта 1890 года от тяжелой болезни. В кафедральный собор, где прошло отпевание, попрощаться с усопшей приходили люди со всех концов города.

С 1892 года Анастасьев, произведенный в тайные советники, назначен членом Государственного Совета, имел присутствие в департаментах государственной экономики, закона гражданских и духовных дел. Жил в Санкт-Петербурге [19].

Умер на Черниговской земле, в городе Любече, находясь в гостях у графа Григория Александровича Милорадова. Случилось это 15 августа 1900 года. За несколько дней до кончины, Александр Константинович, глядя на окрестности сказал: «Как хорошо здесь, вот бы где лечь мне» [5]. Отпевали его в Любеческой Покровской церкви, в ограде которой и схоронили.

Священник Николай (Нагорский) над гробом усопшего сказал: «Памятна нам твоя горячая любовь к Родине, когда ты, будучи юношей, при славной защите Севастополя готов был лечь костями с другими сынами Земли Русской за веру, царя, Отечество. Божественному промыслу угодно было сохранить твою жизнь в то время и призвать тебя к новому служению на ином поприще — гражданском, где проявилась твоя не менее горячая любовь к Родине. И нам словно и сейчас слышится твое увещание — любить царя и Отечество, почитать власть, как божественное установление, строго соблюдать закон, наблюдать порядок, всем жертвовать ради оной пользы. Плодотворная деятельность твоя была отмечена Монархом, и ты был призван им на высшую ступень государственного служения, которому и посвятил остатки своей угасающей жизни, давно подорванной в трудах. Сильный любовью к царю и Отечеству, ты был силен верою и любовью и к церкви Христовой: щедротами твоими и трудами высятся обновленные тобою и благоуукрашенные златоглавые храмы

в древле-стольном Чернигове и в далекой Биармии. Любовь к родной семье ты ярко выразил передачею в пользу ее всего своего достояния еще за долго до кончины... Не будем касаться других черт твоей верующей, любящей души, скажем лишь, что всем нам ты во всем явил образ достойный подражания».

Во всей Черниговской губернии Анастасьева уважали, ценили и любили. Во множестве газет появились некрологи и статьи о нем. Пришло много телеграмм с соболезнованием, которые принимала его старшая дочь Ксения Александровна Казнакова. Государственный секретарь В.К. Плеве сообщил, что Государственный совет в связи с кончиной А.К. Анастасьева составил специальную меморию, на которую император Николай II наложил собственноручную резолюцию: «Всегда с уважением относился к его деятельности» [20].

Отец Александра и Виктора — Константин Николаевич Анастасьев, инженер-генерал-майор корпуса инженеров путей сообщения, председатель комитета для построения сухих доков в Севастополе [5].

Основатель этого рода Анастасий жил в греческом городе Корон, активный участник антитурецкого восстания, начавшегося во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [3]. Со слов генерала И.А. Ганнибала и графа Ф.Г. Орлова «этот грек делал все возможнейшие российскому флоту услуги, сопряженные с великими его издержками, за которые он никакой платы и награды не требовал. Имел за собой недвижимое имение, состояние в земле и прочем, которое тогдашнее турецкое правление у него отняло в рассуждении службы их и преданности Российской империи. Турецкое войско в глаз всего Российского флота, разграбив дом, предало оный огню, где погибло все имущество и купно с ним многие документы на знаменитое достоинство фамилии. Сам Анастасий едва спас свою жизнь на русском корабле «Святой Евстафий». Так, греки оказались в России. Сын Анастасия Николай взял себе фамилию Анастасиев, а уже Константин и все его потомки стали носить фамилию Анастасьев [3].

Вот такие Героические Люди живут в сердцах своих обыкновенных потомков.

Помним. Гордимся!!!

Автор — Е.В. Вепренцева

Источники и литература:

1. Петров Г.М., Пинигин Г.И. Иван Кортацци — астроном Черноморского флота. Николаев. 2006 г. С. 9, 17, 63, 75, 105, 114.
2. Кортацци А.И. История рода Кортацци (рукопись). 1938 г.
3. Иванов Е., Коронелли Ю. Кто вы, капитан Анастасиев? «Русская Америка» № 454, Москва. 2012 г. С. 1.
4. Прокуратура Республики Крым. Прокуроры Крыма досоветского периода. С. 14, 15.
5. Сапожников С.А. Стефан Мавромихали и его потомство (рукопись). 1992 г.

6. Верещагин В.В. Мои пути-дороги. В Севастополе. Изд. Дом «Коктебель», Феодосия — Москва. 2018 г. С. 22, 43.
7. Лукашевич К. Оборона Севастополя. И.Д. Сытин. Москва. 1904 г. С. 5, 19, 58, 185, 200.
8. Журналы Крылья Родины. № 8. 1987 г. С. 36.
9. Журналы Крылья Родины. №10, 1989 г. С. 37.
10. Шавшин В.Г. Бастионы Севастополя. «Таврия-Плюс». 2000 г. Севастополь. С. 5, 8, 9.
11. Кочергина Т. Севастопольская морская Династия. Севастополь. 2015 г. С. 25.
12. «Морской сборник». № 12, 1854 г.
13. «Морской сборник». № 1, 1855 г.
14. Ястребцов Е. Юрковский Николай Федорович. СПб.— М. 1896–1918.
15. Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. 1898.
16. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. 1900 г. С. 322.
17. Смирнов А.А. Севастопольская страда. Крымская кампания 1854-1856 годов.
18. Веникеев Е.В. «Родина — сыновьям». Севастополь. 2018 г. С. 122, 155, 110.
19. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб. 1897 г.
20. Вопросы истории: А.К. Анастасьев. 2014 г. № 2.

Павел Павлович Кутлер
общество «Потомки участников войны 1812 г.»
г. Москва

Pavel Pavlovich Kutler
society "Descendants of the participants of the war of 1812"
Moscow

**ВИКТОР ИЛЛАРИОНОВИЧ ВАСИЛЬЧИКОВ И
МОИ ПРЕДКИ В ГОДЫ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.
VICTOR ILLARIONOVICH VASILCHIKOV AND MY ANCESTORS
IN THE YEARS OF THE EASTERN WAR 1853–1856.**

Аннотация: в статье приведена краткая биография В.И. Васильчикова, его отца и брата; представлена информация о трех братьях Кутлер на разных театрах Восточной войны 1853–1856 гг.: в Турции, на Балтийском побережье, в Средней Азии.

Abstract: the article contains short biography of V. I. Vasilchikov, his father and brother; information about three Kutler's brothers in different theaters of wars in 1853–1856: in Turkey, on the Baltic coast, in Central Asia.

Ключевые слова: Восточная война 1853–1856, Виктор и Илларион Васильчиковы, Тарле Е. В., оборона Севастополя, Меншиков А.С., Хрулёв, Тотлебен, братья Кутлер, оборона Санкт-Петербурга.

Keywords: Eastern war 1853–1856, Victor and Illarion Vasilchikovs, Tarle E.V., defense of Sevastopol, Menshikov A.S., Khrulev, Totleben, Kutler brothers, defense of St. Petersburg.

В объёмном труде советского историка Е.В. Тарле¹ «Крымская война» приведено более 50 ссылок с упоминанием Виктора Илларионовича Васильчикова. Данная статья о В.И. Васильчикове и о прямых предках автора в войнах 1853–1856 гг.

В истории Европы войну 1853–1856 гг. называют Восточной войной, т.к. сражения были и в Дунайских княжествах, в Крыму, на Чёрном, на Азовском море, на Кавказе, и на Балтийском море, на Камчатке, при бомбардировке Соловецкого монастыря. Это была вторая европейская война XIX века с Россией после периода войн с Наполеоном. Однако она не имела такого же победного конца для Российской империи. Несмотря на проигрыш России в Крыму, мировая элита была поражена геройскими усилиями российских воинов и народа на всех вышеуказанных пунктах военных действий.

Относительно Севастопольских событий той войны Тарле в годы ещё более страшной войны 1941–1945 гг. пишет: «Тяжкая война покрыла новой славой русское имя благодаря воинскому искусству, беззаветной храбрости и горячей любви к родине Нахимова, Корнилова, Истомина,

Васильчикова, Хрулева, Тотлебена, 16 тысяч нахимовских матросов, из которых было перебито 15 200 человек, десятков тысяч солдат, легших костями в Севастополе и вокруг Севастополя»².

К этому времени в России жило всего три брата в роду Кутлер (Николай — 1826 года рождения — прадед автора статьи, Фёдор — 1828 года рождения, Павел — 1830 года рождения), сирот с 1831 г. при парализованном с 1834 г. отце Кутлере Фёдоре Львовиче (1788–1840) ген.-майоре (1834), командире (в 1831–1834) Астраханского кирасирского полка. Братья на разных «театрах военных действий» участвовали в военных событиях в 1853–1856 гг. Жизнь их и их родных была связана и с Васильчиковым, и с Хрулёвым, и с Тотлебенем. О близкой родне автора в той войне краткая информация ниже, т.к. статья посвящена более яркому участнику Севастопольской обороны — В.И. Васильчикову. Его роль в обороне Севастополя 1854–1855 гг., по словам адмирала П.С. Нахимова³, наивысшая: «Раз встретил его [Нахимова] барон Остен-Сакен и начал говорить: «Не бережете вы себя, Павел Степанович, жизнь ваша нужна России...» Павел Степанович внимательно слушал, махнул рукой, да в ответ ему: «Эх, ваше сиятельство, не то говорите вы! Севастополь беречь следует, а убьют меня или вас — беда не велика-с! Вот беда, как убьют князя Васильчикова или Тотлебена. Вот это беда-с»⁴.

За короткое время совместной работы с Нахимовым по обороне Севастополя Васильчиков сумел завоевать любовь и уважение адмирала.

Е.В. Тарле, критикуя высшее руководство военными действиями в Крыму, очевидно, «перегибает палку», допуская такие колкие характеристики в адрес Александра Сергеевича Меншикова⁵: «...как военный сам-то он пигмей сравнительно с такими людьми, как Нахимов, Корнилов, Тотлебен, Хрулев, Васильчиков ... он как дипломат — совершенный нуль»⁶. Сравнение военачальника такого ранга, каким был тогда Меншиков, со способными военачальниками, но не столь высокого ранга, не делает чести опытному человеку. Хотя бы потому, что за многими решениями военачальника Меншикова стоял фактический приказ императора Николая I, для которого Севастополь был важным, но одним из мест сражения с армиями неприятелей, включая тогда важнейший дипломатический фронт. Так было с неудачей при Инкермане, при штурме Евпатории. Однако «злослышность» Меншикова факт достоверный. Достаточно ознакомиться с известными многим его «колючими шуточками»⁷.

Как и почему Нахимов, а почти через столетие и виднейший советский историк-академик Е.В. Тарле столь высоко ставили роль в Севастопольской обороне недавнего флигель-адъютанта Виктора Васильчикова? Чем Васильчиков заслужил любовь и уважение геройских воинов, медперсонала и немногочисленных штатских лиц в осаждённом городе? Почему именно Васильчиков не побоялся взять на себя историческую ответственность за оставление в ночь на 28 августа (9 сент.) 1855 г южной части осаждённого 349 суток города? На эти вопросы попытаемся дать ответы в данной статье.

Род Васильчиковых один из древнейших. Его происхождение ведут от Индриса, который в последующих поколениях дал и Толстых, и Федцовых, и Дурново, а к 1500 годам и Васильчиковых. К этому роду принадлежали одна из жён Ивана Грозного и один из фаворитов Екатерины II. Представители княжеского (с 1839 г.) рода Васильчиковых внесены в 5-ю часть дворянских родословных книг Московской и Петербургской губерний. Только генералов Васильчиковых в российской императорской армии 17 человек. Из них после конца Восточной войны и до 1917 г. всего трое⁸, т.е. Виктор был четырнадцатым генералом в большом роде Васильчиковых.

Виктор родился 3 (15) мая 1820 г. и по окончании Пажеского корпуса 8 августа 1839 г. определён на службу корнетом в Лейб-гвардии Конный полк. Он был сыном Иллариона (Лариона) Васильевича (1775, есть и др. даты рождения — 21.02.1847) крупного военачальника Российской армии, заслуженного героя войн с Наполеоном; генерал-лейтенанта с 31.10.1812, генерала от кавалерии с 12.12.1823, кавалера многих российских и иностранных орденов. Прекрасен его портрет (автор Дж. Доу) в галерее генералов 1812 года в Эрмитаже (прим. имеется ввиду Военная галерея Зимнего Дворца). Судьба сына — стать военным — предreshена положением отца в обществе.

Портрет генерал-лейтенанта Иллариона Васильевича Васильчикова (1-го). Военная галерея Зимнего Дворца. Худ. Дж. Доу. Июнь 1819-октябрь 1821 гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Портрет Иллариона Васильевича Васильчикова. Е.И.Ботман. Эрмитаж

Об И.В. Васильчикове в советское время мало публикаций, т.к. он был видным членом Верховного суда над декабристами. Отец, а с ним и нисходящее потомство этой ветви в роду Васильчиковых с 06.(18).12.1831 становятся графами, а с 01.(13).01.1839 князьями. Отец — фаворит императора Николая I, занимает высшие должности: председатель Комитета министров и Государственного совета (1838–1847). В духовном завещании Николай I напишет: «Душевно благодарю князя Иллариона Васильевича за его постоянную ко мне привязанность... он был мне другом, наставником и впоследствии первым помощником в государственных делах»⁹. «Государи должны благодарить небо за таких людей»¹⁰. В дни предсмертной болезни И.В. Васильчикова Николай I часто у его постели. На похоронах князя присутствует и семья Николая I.

Княжеская ветвь Васильчиковых жива и сегодня. Князь имел много детей от двух браков. От первой жены урождённой Протасовой Веры Петровны¹¹ (1780–14(26).10.1814, умерла от чахотки) имел сына — Иллариона (1805–1862), и дочь — Екатерину (1807–1842).

Илларион Илларионович — генерал-адъютант, в 1852–1862 гг. — киевский военный губернатор, подольский и волынский генерал-губернатор, с 1861 г. член Государственного Совета Российской импе-

рии. В годы Восточной войны его и другие южные губернии помогали в снабжении крымской армии. Был женат в 1840 г. на Екатерине Алексеевне Щербатовой (1818–1869), фрейлине двора с 1836 г., дочери генерал-адъютанта Алексея Григорьевича Щербатова (1776–1848), который с 1843 г. был градоначальником Москвы. О близости к семье Романовых говорит то, что их свадьба была в Петербурге в присутствии всего двора во главе с императором Николаем I. Отметим, что девиз в гербе Васильчиковых: «Жизнь — Царю, Честь — никому».

Екатерина Илларионовна Васильчикова — крестница Александра I и императрицы Марии Фёдоровны, что также говорит о близости семей; она с 1831 года супруга генерал-лейтенанта Ивана Дмитриевича Лужина (1802–1868), который помог женитьбе А.С. Пушкина на Наталье Гончаровой¹².

С ветвью И.И. Васильчикова (единокровного брата Виктора Илларионовича) у автора статьи есть родственная связь, т.к. мать Иллариона — двоюродная сестра Александры Васильевны Кутлер (урождённой Протасовой) (179?–1831) — прапрабабушки автора статьи. Виктор четвёртый сын от второй жены (с 1816 года) Татьяны Васильевны Пашковой (25.07.1793–03.04.1875). Но два её старших сына скончались в раннем детстве, поэтому зачастую указывают, что Виктор — второй её сын.

Многие представители ветви И.В. Васильчикова оставили заметный след в истории России. Интересны публикации представителей этого рода в годы ельцинской демократии¹³.

В России в годы юности В.И. Васильчикова молодые люди даже крупных государственных деятелей, оканчивающие привилегированные военные заведения, «командировались, по жребию, на Кавказ, для узнания военного дела на практике. В 1842 г. пришлось ехать туда»¹⁴ и молодому князю Виктору Васильчикову, который, «состоя адъютантом у командовавшего войсками на Кавказской линии генерала [Павла Христофоровича] Граббе, принимал участие во многих военных действиях против горцев». Он хорошо проявил себя в непростых военных операциях с горцами и награждён орденом св. Анны 3-ей степени с бантом¹⁵.

После Кавказа, в январе 1844 г. назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества; сопровождает императора в поездках в Берлин, Гаагу и Лондон, а в 1845 г. — в поездке по итальянским государствам. Молодой флигель-адъютант получает опыт государственной службы, наблюдая за рекрутскими наборами в различных губерниях (1844–1845), в инспекционных поездках по Европейской части России и Сибири (1850–1852). Этот опыт поможет ему в трудные месяцы Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Известный художник Гау оставил нам его прекрасный портрет, когда ему было 26–29 лет

В эти годы Виктора часто, если позволяла служба, видели на придворных балах. Там он встречался с Александрой Андреевной Толстой (1817–1904), фрейлиной Марии, любимой дочери Николая I. А.А. Толстая — родственница начинающего писателя Льва Николаевича Толстого

Портрет флигель-адъютанта штабс-ротмистра князя Виктора Илларионовича Васильчикова. Альбом лейб-гвардии Конного полка. 1846–1849 гг. Худ. В.И. Гау. Литературный музей ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

(1828–1910). «Она любила танцевать и среди кавалеров предпочитала Виктора Васильчикова, сына одного из самых влиятельных лиц петербургской знати»¹⁶.

Александрин, как звал её Лев Николаевич в многолетней переписке с нею, приходилась племянницей прапрабабушки автора статьи — Кутлер (Протасовой) Александре Васильевне. Так, что фамилия Протасовых хорошо была известна и А.А. Толстой и В.И. Васильчикову, тем более что раннее детство Александры Толстой прошло в имении Протасовых под Мценском, которое по наследству перешло к роду Кутлер. В фамилии сохранена легенда, что два бережно сохраняемых в нашей фамилии шкафа из красного дерева принадлежали семье графа Андрея Андреевича Толстого — отца Александры Андреевны.

Васильчиков в венгерских событиях направлен в действующую армию, где состоял при генерал-фельдмаршале князе Паскевиче до июня 1849 г., когда был послан им с депешами к императору, затем командирован в драгунский корпус. В августе 1849 г. произведен в полковники. За боевые отличия был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Немного истории.

Николай I и его дипломаты стали оказывать давление на Турцию, желая получить свободный проход в Средиземное море и другие уступки. Дело дошло до объявления войны с Турцией, которой, не желая усиления России на Балканах и в Чёрном море, активно стали помогать Англия и Франция. Васильчиков был послан императором в Бухарест к командующему Южной армией князю Горчакову Михаилу Дмитриевичу¹⁷ для передачи ему личных взглядов государя на запутанное политическое положение.

23 декабря 1853 (4 января 1854) англо-французский флот вошёл в Чёрное море. Не найдя дипломатического решения возникших противоречий, 9 (21) февраля Россия объявила войну Великобритании и Франции. В июне — июле англо-французские войска высадились в Варне, а превосходящие силы англо-франко-турецкого флота (34 линейных корабля и 55 фрегатов, в том числе большинство паровых) блокировали русский флот (14 линейных парусных кораблей, 6 фрегатов и 6 пароходо-фрегатов) в Севастополе. Понимая, что без ввода войск в Крым война бессмысленна, 2 (14).09.1854 союзный флот начал высадку под Евпаторией 62-тыс. англо-франко-турецкой армии. 8 сентября эта армия разбила у р. Альма русские войска под неудачным руководством А.С. Меншикова и, обойдя Севастополь с юга, приступила к его осаде. Союзники по антироссийской коалиции рассчитывали, что город будет захвачен за неделю, однако они недооценили стойкость оборонявшихся русских войск.

Когда началась война с Турцией, переросшая в Восточную войну, с поручениями Николая I Васильчиков был отправлен в Дунайские княжества, где исполнял должность начальника штаба молдо-валахского отряда, а затем, после начала вывода русских войск из Дунайских княжеств, был откомандирован в Крым, со следовавшей туда 12-ю пехотной дивизией.

«Высадка союзников в Крым и осада Севастополя призвали князя Васильчикова к новой блестящей деятельности, доставившей ему громкую известность, всеобщую любовь и уважение»¹⁸. Но это пришло не сразу.

По прибытию в Крым, Васильчиков был неласково встречен командующим А.С. Меншиковым, которому всегда мешались люди, имеющие возможность независимого выхода на семью или даже на самого императора Николая I, единственного человека, которому Меншиков в своей многогранной деятельности подчинялся. Сначала Меншикову удалось «выжать» Васильчикова из армии, но, благодаря вмешательству великих князей Николая и Михаила Николаевичей, а также М.Д. Горчакова, В.И. Васильчиков после неудачного штурма при Инкермане был назначен исполняющим дела начальника штаба севастопольского гарнизона. Великие князья лично инспектировали Крым, ожидающий сражений с союзными войсками Франции, Англии, Турции. Они переписывались с отцом (Николаем I) и могли влиять на решения командующих в Крыму. Великие князья, знающие Васильчикова с его детства, видели большие неурядицы в организации армии в Крыму, фактическое отсутствие единоначалия и знали о недружественных отношениях между военачальниками разных

ведомств (сухопутного и морского). Эта опасная неразбериха и ожидала полковника Васильчикова в Севастополе. Отметим, что в штабе Меншикова был и другой начальник штаба армии, с которым надо было строить непростые отношения.

В Севастополе отношения Васильчикова с Меншиковым испортились окончательно, когда Виктор Илларионович, «не имея служебного права», 10 (22) декабря 1854 г. написал Меншикову письмо, где стал давать советы по обороне города и «не только как бы укорял главнокомандующего в апатии и полном бездействии: он еще разоблачал бездарную дислокацию войск, допущенную Меншиковым...»¹⁹ Каково?

На любой войне заинтересованный исследователь прошлого может фантазировать многие варианты возможных событий, жёстко критиковать военачальников всех рангов. Труд Тарле даёт огромную пищу для такой критики, особенно в адрес Александра Сергеевича Меншикова.

Интересен нижеприводимый факт «взаимодействия» высших руководителей всей армии и флота в Крыму — Меншикова с вице-адмиралом Корниловым.

Сразу после бездарного поражения наших войск под Альмой 8 (20) сентября 1854 г., отхода основной армии вглубь Крыма и оставлении лишь небольших сил для защиты Севастополя, 9 (21) сентября 1854 года В.А. Корнилов сообщил командному составу подчинённого ему флота, что положение Севастополя практически безнадежно. Он считает, что флот должен атаковать противника на море, невзирая на огромный численный и технический перевес врага. Отметим, что 1 (13) сентября 1854 мимо Севастополя прошло более 350 «вымпелов» кораблей противника, т.е. в 3 раза больше, чем флот под командой Корнилова. Корнилов, очевидно под впечатлением недавнего успеха Нахимова в Синопском бою с турецким флотом, убеждал, что пользуясь беспорядком в расположении английских и французских кораблей у мыса Улюкола, русский флот должен напасть первым, навязав противнику абсордажный бой, взрывая, если потребуется, свои корабли вместе с кораблями противника. Это бы позволило нанести вражескому флоту такие потери, что дальнейшие его операции были бы сорваны. Отдав приказ готовиться к выходу в море, Корнилов отправился к князю Меншикову и объявил тому своё решение. В ответ князь повторил отданное Корнилову ранее приказание — затопить корабли, чтобы перекрыть противнику свободный вход в порт, сняв на бастионы пушки. Корнилов отказался повиноваться приказу. Тогда Меншиков распорядился отправить Корнилова из Крыма в г. Николаев, а командование передать вице-адмиралу М. Н. Станюковичу. Корнилов: — «...самоубийство... то, к чему вы меня принуждаете... но чтобы я оставил Севастополь, окружённый неприятелем — невозможно! Я готов повиноваться вам»²⁰. Кто может поручиться, что прав был Корнилов, а не Меншиков? Отметим, когда позже Меншиков сообщил Николаю I о вынужденном затоплении ещё нескольких кораблей, император с грустью напишет примерно так: что же это — мы сами топим свой флот.

«Историческая роль матросов и солдат и многих из рядового офицерства и тех единичных личностей в командном составе, какими явились Корнилов, Нахимов, Истомин, Тотлебен, Хрулев, А. Хрущев, Васильчиков, была исключительной. Эти люди были брошены в полном смысле слова на произвол судьбы — сначала без верховного руководства вовсе, потом при таком руководстве, которое делало одну за другой грубейшие ошибки»²¹.

Безмерно уважая деятельность в эти месяцы Нахимова, «Васильчиков, давно его пристально наблюдавший, нисколько не обманывался в тайных побуждениях адмирала: «Не подлежит сомнению, что Павел Степанович пережить падения Севастополя не желал. Оставшись один из числа сподвижников прежних доблестей флота, он искал смерти и в последнее время стал более, чем когда-либо, выставлять себя на банкетах, на вышках бастаионов, привлекая внимание французских и английских стрелков многочисленной своей свитой и блеском эполет»²². В своей деятельности в осаждённом Севастополе Васильчиков уделял большое и постоянное внимание к нуждам раненых и местного населения. Его единокровный старший брат Илларион Илларионович, будучи руководителем южных губерний, оказывал большую хозяйственную помощь войскам в Крыму. Он подтолкнул брата обратиться к частной местной благотворительности, т.к. обозы из России опаздывали, питание и одежда по дороге исчезали, зимние вещи приходили весной и летом гнили в случайных хранилищах. Местное население и богатеи обеспечили защитников бельём, бинтами, корпием. Удалось превратить хорошие каменные здания, из которых в основном уехали от войны хозяева, в лазареты; найти сестёр милосердия. Выпущенные из тюрем арестанты стали хорошими помощниками в бесконечных трудах по восстановлению защитных редутов, люнетов, траншей и т.д. Заметно улучшилось продовольствие благодаря пожертвованиям торговцев. Постоянную путаницу с дневными и ночными нарядами на многочисленные необходимые работы Васильчиков урегулировал, как и важнейшую проблему экономии пороха и снарядов, строго запретив напрасную их трату. Следует помнить, что в эти месяцы талантом Тотлебена велась упорная «подземная» война с подобными специалистами союзников. Эта война требовала много пороха, которого всегда не доставало артиллеристам.

В связи с критикой историком Тарле почти через столетие главнокомандующего А.С. Меншикова, хотелось бы понять по каким причинам в небольшой брошюре, написанной В.И. Васильчиковым незадолго до его смерти и переизданной²³ для массового читателя в 1891 г, автор, близко знавший А.С. Меншикова, не допускает такой дерзкой критики командующего. Что это — наружная или внутренняя цензура очевидца тех событий через ряд лет, когда умудрённый житейским опытом В.И. Васильчиков переосмысливал свою жизнь?

С отставкой Меншикова и воцарением императора Александра II после неожиданной болезни и смерти Николая I (17.02.(2.03).1855) военная

карьера В.И. Васильчикова заметно ускорила. Он в апреле 1855 г. произведен в генерал-майоры с назначением в свиту ЕИВ и сделан помощником начальника вновь учреждавшихся тогда стрелковых батальонов.

Особенно отличился Васильчиков при успешном отражении штурма союзных армий 6(18).06.1855, за что награждён орденом св. Георгия 3-й степени: «оказал блистательную храбрость и примерное мужество».

Как известно, командующий М.Д. Горчаков не взял на себя ответственность за приказ об оставлении южной стороны Севастополя, предоставив подписать соответствующую диспозицию скромному начальнику штаба гарнизона — В.И. Васильчикову. Все понимали, что Горчаков отвёл от себя возможное недовольство императора. Васильчиков в ночь 28.08 (10.09).1855 одним из последних по шаткому наплавному мосту перешёл на северную сторону сражающегося Севастополя. «Город был подожжён, пороховые погреба — взорваны, военные суда, стоявшие в бухте, — затоплены. Союзники, однако, не решились преследовать российские войска, считая город заминированным, и только 30.08. (11.09) вступили в дымящиеся раз-валины Севастополя»²⁴.

Васильчиков «по оставлении южной части города был назначен генерал-адъютантом»²⁵. Такой оборот в карьере В.И. Васильчикова произошёл не столько из-за его превосходной военной характеристики, сколько из-за высокого положения фамилии Васильчиковых при дворе Романовых. Государь повелел в зале Пажеского корпуса, где Васильчиков получил свое образование, начертать на мраморной доске: «Князь Виктор Васильчиков. Выпущен в 1839 г. 1854–55 г. Севастополь».

В декабре 1855 г. Васильчиков был назначен начальником штаба Южной армии и затем председателем комиссии для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий. Будучи членом комиссии по улучшению военной части, представил записку о состоянии русской кавалерии, результатом которой стала идея создания Кавалерийской академии в России. В апреле 1857 г. он назначен директором канцелярии Военного министерства и произведен в генерал-лейтенанты. Содействовал отмене откупной винной системы по всей России. В апреле 1858 г. Васильчиков — товарищ (заместитель) военного министра, а в мае — управляющий Военным министерством. В 1861 году²⁶ уволен по болезни в бессрочный отпуск, а в июле 1867 г. подал прошение об отставке. Фактически последние годы активно и весьма успешно хозяйствовал в своём тамбовском имении Трубетчино Лебедянского уезда, писал статьи по проблемам крестьян, давал рекомендации по передовому ведению хозяйства. Виктор Илларионович Васильчиков умер 5 (17) октября 1878 г.

КРАТКО О БОЛЕЕ БЛИЗКОЙ РОДНЕ В ТОЙ ВОЙНЕ

Судьба распорядилась так, что в те годы все мужчины рода Кутлер в России (всего трое родных братьев первого поколения, рождённого в России) оказались на трёх разных театрах военных действий, хотя начи-

нали свою военную карьеру в престижном Семёновском полку.

Павел Фёдорович Кутлер (1830–1877) — младший брат прадеда, с 1854 г. поручик лейб-гвардии Семёновского полка, охраняющего наиболее опасное и весьма уязвимое Балтийское побережье. Здесь в ожидании нападения возможного десанта союзных флотов Англии и Франции русское командование сосредоточило огромную армию в 272 батальона пехоты, 145 эскадронов кавалерии, 42 казачьих сотни и 436 орудий, в общей сложности 302 785 человек. Сухопутных сражений тут почти не было, но был захват и разрушение союзниками некоторых пунктов при активном участии их флотов и незначительных десантах. Впервые активным командованием весьма удачно использовались морские мины, которые так и не успели организовать для Крыма.

Активное участие на Кавказском театре военных действий принял средний брат **Фёдор Фёдорович Кутлер** (1828–1858). На Кавказском направлении все три боевых года русская армия была турок, несмотря на трёхкратное численное превосходство турецких войск. Ф.Ф. Кутлер был награждён орденом св. Георгия 4-й степени²⁷ за участие в первом крупном сражении кампании 1854 г. при реке Чолок, недалеко от Батуми. Здесь 4 (16).06.1854 русские войска под руководством князя Андроникова (10000 чел. при 13 орудиях) наголову разбили войска (34.000-й корпус при 13 орудиях) Селим-паши, рассеяв весь его корпус. Наши потери — 1500 чел. Перебито 4000 турок, взято 36 знамён и значков и все 13 орудий²⁸. Одно из орудий взято при жестокой атаке турецких укреплений ротой Куринского полка, которой командовал Ф.Ф. Кутлер²⁹. В этом сражении 26-летний Фёдор был тяжело ранен, что послужило причиной его ранней смерти в 30-летнем возрасте. Женат, но бездетен.

Прадед автора статьи — **Николай Фёдорович Кутлер** (1826–1888) в эти годы также участвовал в боевых действиях, но в районе Аральского моря. Пока Англия ввязывалась в вооружённую борьбу с Россией на Балканах и в Крыму, военное руководство России торопилось решить российские проблемы в Средней Азии. В формулярном списке моего прадеда несколько строк об этом периоде: «Определен на службу подпоручиком в Оренбургский линейный батальон № 3 — 18.03.1853. Назначен в должность Адьютанта к бывшему командиру Отдельного Оренбургского корпуса Генерал-Адьютанту Перовскому, с зачислением по кавалерии Корнетом — 1.07.1853. Поручиком — 14.12.1853. Штабс-Ротмистром — 26.01.1855. Награждён орденом Св. Станислава 3-й ст. — 23.05.1856. Ротмистром — 3.04.1859. Уволен от службы по домашним обстоятельствам — 9.05.1860»³⁰. В эти годы прадед с войсками Отдельного Оренбургского корпуса при участии генерал-адьютанта Василия Алексеевича Перовского (1795–1857), участвовал в походе и взятии укрепленной крепости Ак-Мечеть в мае 1853 г. Здесь он познакомился с С.А. Хрулёвым, будущим героем Севастопольской обороны, который помог войску Перовского сделать удачный подкоп и взорвать стену крепости. Через этот пролом русские войска ворвались в крепость³¹. Найти информацию о личном участии

прадеда в делах Оренбургского отдельного корпуса автору статьи пока не удалось. Но в роду, по легенде, Николай Фёдорович Кутлер был старшим адьютантом, следовательно, был вблизи своего начальника. За покорение Коканда и взятие крепости Ак-Мечеть В.А. Перовский был возведен в графское достоинство (1853). Он удачно заключил в 1854 г. договор с хивинским ханом, а в самом начале 1857 г. по состоянию здоровья оставил Оренбург и был назначен членом Государственного Совета. Для улучшения здоровья Перовский поселился в Крыму. Однако вскоре он умер на руках своего брата и графини Александры Андреевны Толстой, которую семья Романовых послала к умирающему их дальнему родственнику. Он захоронен в Свято-Георгиевском мужском монастыре близ Севастополя в склепе Кресто-Воздвиженского храма. Добрые люди добиваются сегодня разрешения на установку памятной доски над его прахом. Монастырь этот находится на побережье Черного моря между Севастополем и Балаклавой.

Вскоре после отставки В.А. Перовского прадед с семьёй «в 1859 г. переехал в Петербург, где ему граф Э.И. Тотлебен предложил место начальника отделения в Главном Инженерном Управлении (с квартирой в Инженерном замке)»³². В знак дружеского отношения с подчинённым оба начальника моего прадеда сделали ценные подарки: Тотлебен подарил свою фотографию, а Перовский ценное цветное изображение времён первого (неудачного) похода из Оренбурга к Аральскому морю в 1839 г.

Так прадеду удалось близко наблюдать Хрулёва и Тотлебена — двух героев Севастопольской обороны, которая до сих пор является примером мужества и стойкости армии и флота России.

Автор статьи у портрета Иллариона Васильевича Васильчикова в Военной галерее Зимнего Дворца, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Фото П.П. Кутлера, 2003 г.

Источники и литература:

1. Тарле Евгений Викторович (27.10 [8.11].1875–5.01.1955) российский, советский историк, академик АН СССР (1927). Почетный член многих зарубежных исторических обществ. В данной работе цитаты его интереснейшей книги в двух томах «Крымская война» (первые издания её были в 1941–1944 гг.) приведены по страницам доступному всем по Интернету поиску по: Tarle_Krymskaya-voyna. bFY00g.258275.fb2.
2. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 12
3. Нахимов Павел Степанович (1802–1855). 25.02.(9.03) 1855 г. назначен командиром Севастопольского порта и временным военным губернатором города; в марте произведён в адмиралы. Энергично руководил обороной города. Солдаты и матросы звали его «отцом-благодетелем». 28.06 (10.07) 1855 г. на Малаховом кургане смертельно ранен пулей в голову. Скончался 30.06.(12.07)1855 года. Похоронен во Владимирском соборе в Севастополе.
4. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 2675, взято Тарле из ГПБ, Рукописн. отд., Q. IV, 365/2, л. 29–31.
5. Меншиков Александр Сергеевич (1787-1869) — светлейший князь, правнук сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова; генерал-адъютант, адмирал, морской министр Российской империи в 1836–1855 гг., генерал-губернатор Финляндии в 1831–1856. Один из главных виновников поражения русской дипломатии в предвоенные к той войне годы, а также, как считает большинство исследователей, военачальник, серия ошибок которого в Севастопольской обороне привела к поражению армии в Крыму; в феврале 1855 г. Николай I назначил на эту должность Михаила Дмитриевича Горчакова.
6. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 1231
7. Князь Александр Сергеевич Меншиков. Анекдоты — Шутки и остроты. // Русская старина, 1875. Т. 12. № 3. — С. 638–653.
8. См. www.rusgeneral.ru
9. Блудов Дмитрий Николаевич (1785–1864). Завещание и последние дни жизни императора Николая Первого. — Москва: Тип. А. Евреинова, 1856. — с. 7.
10. Воленкамф Г.В. Памяти истинно-русского вельможи кн. И. В. Васильчикова. СПб., Типография Е. Фишера, 1847.
11. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Протасовы. Графы и дворяне — Т. 2, СПб., 1895. — с. 141–150.
12. Плынов А. Иван Лужин: декабрист-искусствовед //Газета МВД РФ «Щит и меч» 4 марта 2017.
13. - Васильчикова Мария Илларионовна (в замужестве Харнден) [11(24).01.1917–12.8.1978], во время 2-й мировой войны работала

- в Информационном отделе герм. МИД, была близка к участникам заговора 20 июля 1944 против А. Гитлера, автор знаменитого «Берлинского дневника, 1940–1945» (опубл. на рус. яз. в 1994).
- Васильчикова Лидия Леонидовна. Исчезнувшая Россия: Воспоминания княжны Лидии Леонидовны Васильчиковой, 1886–1919. {Авт. предисловие Татьяны фон Меттерних-Васильчиковой}. - СПб.: АОЗТ «Петербургские сезоны», Азбука, 1995.
- Васильчиков И.С. (Иларион Сергеевич). То, что мне вспомнилось. — М.: ОЛМА-ПРЕСС звёздный мир, 2002.
14. Васильчиковы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах — СПб., 1890—1907.
 15. Брошюра «Генерал-лейтенант князь Виктор Илларионович Васильчиков». СПб., 1872.
 16. Толстая А.А. Записки фрейлины: Печальный эпизод из моей жизни при дворе. — М.: «Энци. российских деревень», 1996 г. — с.
 - Толстая А.А. Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857–1903, СПб., 1911 и расширенное её переиздание: — Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). — М.: Наука, 2011 (серия «Литературные памятники»).
 17. Горчаков Михаил Дмитриевич (8.02.1793–18.05.1861, Варшава) — русский военачальник, генерал от артиллерии (1844), генерал-адъютант, командующий войсками, вошедшими в 1854 в Дунайские княжества, а по возвращении его войск в пределы империи Горчаков назначен главнокомандующим Южной армией, расположенной на северо-западном побережье Чёрного моря и на реке Прут. Активно помогал Меншикову в Крыму. После отставки Меншикова, ещё Николаем I, с февраля 1855 г назначен командующим армии в Крыму. С 1856 г. наместник Царства Польского; дед премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина. Родился в семье писателя Дмитрия Петровича Горчакова, имел брата-генерала Петра Дмитриевича. В 1807 г. поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, с которой в Отечественную войну 1812 г. участвовал в сражении при Бородино; награждён орденом Святого Владимира 4-й степени (1812). Во время Заграничных походов 1813–1814 годов участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене, Дрездене, в битве народов при Лейпциге.
 18. «Генерал-лейтенант князь Виктор Илларионович Васильчиков». СПб., 1872.
 19. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 2409.
 20. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 2196.
 21. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 2072-2073
 22. Tarle_Krymskaya-voyna... с. 3208.
 23. Васильчиков В.И. Севастополь: Записки начальника штаба Севастопольского гарнизона князя Виктора Илларионовича Васильчикова // Русский архив. — 1891. — Кн. 2. — № 6. — С. 167–256.

24. Военный энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, «РИПОЛ КЛАССИК», 2002 г. /статья «Севастопольская оборона 1854–1855».
25. Генерал-лейтенант князь Виктор Илларионович Васильчиков. СПб., 1872.
26. Васильчиковы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона
27. «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия»: — М., РГВИА. 2004 в разделе «Список кавалеров ордена Св. Георгия 4-й степени, награждённых в 1769-1869 гг.» за 1855 год, на с. 333 / отв. Составитель В.М. Шабанов.
28. Большая российская энциклопедия в 30 томах. — М.: Т. 16, 2010, с. 151.
29. Кутлер П.П. Участники боевых действий на Кавказе Ф.Ф. Кутлер и В.А. Полторацкий. // «Крымская война 1853–1856 гг. в воспоминаниях потомков её участников». Изд. РДС: — М., 2016, с. 42–45.
30. Кутлер П.П. Подарки приятеля поэта своему адъютанту Николаю Кутлеру. // сб. «Отечественная война 1812 года в Подмосковье. Отечественная война 1812 года. — с. 185–196; А.С.Пушкин». XVI Пушкинская конференция. XV Троицкие чтения. Материалы международной научной конференции 6–7 октября 2012 года. — М.: «Мелихово», 2012. © Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, 2012
31. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания.— : Оренбургское книжное издательство. 1999.
32. Кутлер П.Н. Прошлое нашей фамилии и её родственные связи (рукопись, датированная 23.12.1940 г, находится в семейном архиве П.П. Кутлера).

Геннадий Иванович Макаренко
доцент кафедры правоведения
Севастопольский экономико-гуманитарный
институт (филиал) Крымского федерального
университета имени В.И. Вернадского
г. Севастополь
Gennady Ivanovich Makarenko
Sevastopol Economic and Humanitarian Center
Institute (branch) of the Crimean Federal University
Sevastopol

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ПО ИТОГАМ ВОСТОЧНОЙ (КРЫМСКОЙ) ВОЙНЫ REGULARITIES OF CHANGES IN ETHNIC AND CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF CRIMEA FOLLOWI THE RESULTS OF THE EASTERN (CRIMEAN) WAR

Аннотация: в статье исследованы некоторые факторы общественной и политической обстановки Крыма, а также внешнеполитической обстановки Российской империи, которые могли предопределить изменения этнической и конфессиональной структуры Крыма во второй половине XIX века – непосредственно после окончания Крымской войны, а также указаны некоторые закономерности деятельности христианской и исламской конфессий в регионе в указанный период.

Abstract: the article investigates some of the factors of social and political situation of Crimea, as well as the foreign policy of the Russian Empire, which could determine the changes in ethnic and confessional structure of the Crimea in the second half of the nineteenth century, directly after the Crimean war, as well as some patterns of activity of the Christian and Islamic faiths in the region during this period.

Ключевые слова: народы Крыма, Российская империя, крымские татары, эмиграция, ислам, православие.

Keywords: peoples of Crimea, Russian Empire, Crimean Tatars, emigration, Islam, Orthodoxy.

Для Российской Федерации, как многонационального и поликонфессионального государства, важное значение имеет изучение исторического опыта совместного проживания различных народов, исповедующих различные религии, во взаимосвязи с государственным влиянием на межэтнические и межконфессиональные отношения. Особенно полезно ис-

следование такого опыта в периоды массовой миграции населения, что и было отмечено историками при анализе периода 20–40 лет после окончания Крымской войны.

...С завершением Крымской войны 1854–1856 гг. в Крыму продолжился разносторонний процесс укрепления российской государственности, прямо повлиявший, в том числе, на этнический и конфессиональный состав населения.

Важнейшей характеристикой Крыма того периода должно указать специфический этнический и, как следствие, конфессиональный состав. На период начала и конца Крымской войны основную часть населения региона составляли исповедующие ислам крымские татары — от 73 до 77,8 %. придерживались ислама, а количество русских было от 6,6 до 12,6% [1; 2; 3]. Общее же количество христианского населения (православных, католиков, протестантов и т.д.) — чуть менее четверти от общего числа населения. Таким образом, Крым имел такую специфику национального и конфессионального состава, которая не просто отличала его от других губерний, но, в условиях географического нахождения в зоне политического (и военного) противостояния внешним противникам Российской империи, делала данные характеристики объективно неблагоприятными для государства.

Подавляющее большинство мусульманского населения, как минимум безразличного по призыву к прямому врагу — Османской империи, являлось для российского государства важным и в период Крымской войны. Не случайно А.А. Непомнящий и А.В. Севастьянов указывают, что у татар в ходе войны «присутствовали протестные настроения, выразившиеся в неповиновении властям в Евпаторийском и Ялтинском уездах» [2, с.272], а С.А. Усов успокаивающе сообщает о том, что факт сотрудничества с оккупантами не приобрел массового распространения [4, с.83]. Из этого можно сделать вывод о том, что, очевидно, вопрос сотрудничества татар с врагом как минимум реально будоражил власти Крыма тех времен. Потому, наверное, историки и утверждают, что сразу после войны в Крыму активно распространялись слухи о выселении (в современной терминологии — депортации) татар куда-то за Урал, при этом конкретно называлась Оренбургская губерния [2, с.272; 5; 6;]. Власти же, очевидно, как минимум, не развенчивали эти слухи и тем самым вольно или невольно оказывали сильное моральное давление на татарское население.

В этой связи любопытны положения статьи 5 заключенного по итогам Крымской войны Парижского мирного договора 1856 года: «Их величества Император Всероссийский, Император Французов, Королева Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, Король Сардинский и Султан даруют полное прощение тем из их подданных, которые оказались виновными в каком-либо в продолжение военных действий соучастии с неприятелем» [7, с.226–227].

Указанное положение Договора действовало до его отмены в 1871 г. [2, с.273]. Однако, можно предположить, что та часть татарского населения, которая как-либо сотрудничала с англо-франко-турецкими войсками в военный период, вполне могла и раньше (с 1856 по 1871 годы) опасаться наказания и потому могла стремиться избежать его. При этом государство и без международных обязательств либо в обход их всегда имеет эффективные способы воздействия на граждан для достижения намеченных политических целей. О действительных целях же имперской государственной политики должно судить исключительно по ее результатам.

В частности, одним из наиболее эффективных средств достижения результата является экономика. А уж в российской экономике того периода есть что проанализировать. Так, подавляющая часть крымских татар тогда проживала в селах, занимаясь сельским хозяйством. Но, в условиях крепостного права именно эта категория граждан жила крайне трудно. Можно было бы допустить, что подобные трудности касались всех народов империи, однако именно для Крыма этого сказать нельзя. Так, немцы, болгары и иные иностранцы, по решению российских властей активно переселяемые на полуостров с начала XIX века, бесплатно получали по 60 десятин земли [8, с.15; 9]. Однако, коренное население — татары таких подарков от российских властей не получило и подавляющее большинство его являлось малоземельным (исключение — татары дворянского сословия и часть духовенства). В 1860 г. этот факт подтверждает один из героев Крымской войны генерал-адъютант Э.П. Тотлебен, которому было поручено изучить вопрос о причинах выселения крымских татар. Он указывал на крайне тяжелое их материальное положение именно по причине малых участков земли, а также массовые злоупотребления в сфере земельных отношений российских чиновников, которые «часто присваивают себе земли, принадлежавшие татарам» [10].

Отмена крепостного права в 1861 году фактически ничего не изменила. Обезземеливание татарского населения стало повсеместным. Ю.Н. Лаптев указывает, что в начале 80-х годов XIX века татар в Крыму было примерно в 7–8 раз больше, чем немцев, однако, крымские татары имели в Крыму 142 560 десятин земли, а крымские немцы-колонисты — 209 913 десятин [8, с.14]. Г.П. Левицкий в 1882 г. писал, что захват земельных участков татар «стал законом». Среди других экономических причин эмиграции исследователь указывает на «тягость налогов и повинностей», а также «неуравнительность пособий» за убытки, понесенные во время Крымской войны. Выплаты «производились самым несправедливым образом и сильно поколебали привязанность татар к русскому правительству» [11].

Все указанные выше факторы, безусловно, повлияли на коренное население полуострова и сразу после окончания Крымской войны вновь (как и после присоединения Крыма к России) произошла массовая эми-

грация татар в Турцию. Только в первой половине 1860-х годов их уехало от 140 000 до 180 000 человек. При этом, что любопытно, у историков нет указаний о том, чтобы власти Крыма или центральная власть России принимали бы какие-либо активные меры для противодействия эмиграции. Ни обещаний, ни реальных предложений по улучшению условий жизни для предотвращения и (или) остановки исхода татар фактически не предпринималось. Определены были лишь правила продажи собственности (в т.ч. земли), порядок уплаты налога за нее, получение документов и т.д., т.е. сугубо «технические» вопросы, на которых, кстати, местные чиновники еще и изрядно наживались [2; 5]. Уже в 1864 году удельный вес татар на полуострове составлял лишь 50,3% (русских и украинцев — 28,5%, греков — 6,5%, евреев — 5,3%, армян — 2,9%, немцев — 2,7%).

Эмиграция татар продолжалась и в 1870-х годах. При этом одновременно властями всячески поддерживалось переселение на полуостров граждан из русских губерний, чему способствовала та же отмена крепостного права. Всероссийская перепись населения 1897 года уже указывала на преобладание в этническом составе населения Крыма русских и украинцев: вместе они составляли 44,9% населения (русские 33,1% и украинцы 11,8%). Доля крымских татар сократилась до 35,6% [2, с.275].

Конфессиональная политика государства тогда тоже имела свои особенности. Свод Законов Российской Империи устанавливал главное положение этноконфессионального строительства, которое напрямую затрагивало интересы населения Крыма: «Первенствующая и господствующая вера в Российском государстве есть Христианская Православная Кафолическая восточного исповедания» [12, ст.62]. В развитие этого базового принципа государство принимало акты управления, прямо направленные на укрепление православия в регионе. В частности, 16 ноября 1859 г. императору Александру II был представлен доклад Святейшего Синода с ходатайством от «жителей Таврического полуострова» об открытии собственной епархии Русской православной церкви. В итоге царь сделал на докладе Синода надпись: «Быть по сему» [13, с.251–252].

Основные расходы по содержанию и обустройству православной епархии, причем, абсолютно все, какие только запрашивались Синодом, были отнесены на счет государственной казны и в значительных суммах. Такой финансовой помощи от государства не получали никакие иные конфессии Крыма, в том числе и мусульмане. Как представляется, это указывает на целенаправленную деятельность и приоритеты царских властей, к тому же — на фоне послевоенной разрухи и, казалось бы, первоочередной необходимости тратить деньги на восстановления региона.

Обобщая вышеуказанное, следует указать, что резкое изменение этнической и конфессиональной среды в Крыму во второй половине XIX века произошло по ряду причин. Объективными факторами можно полагать существующий классово несправедливый общественный строй,

обусловивший характерную для того периода истории России социальную политику государства, создававшую имущественное и сословное неравенство граждан, тяжелое материальное положение населения Крыма. Одновременно и системно имели место элементы дискриминации в отношении татарского населения, выразившиеся, прежде всего, в создании неравных в сравнении с представителями других народов экономических условий — в предоставлении меньших земельных наделов и фактическом отказе решать данные проблемы, создании административных условий для его массового разорения и лишения прав землепользования.

Существенным фактором, который оказал влияние на общественно-политическую обстановку и способствовал изменениям в регионе, следует признать законодательное установление доминирующего положения и приоритетную государственную поддержку православной церкви, а также поощрение государством переселения в Крым христианского населения, чуждых татарскому населению, исповедующему ислам.

Результатом действия этих (и иных, не рассмотренных в настоящем исследовании) факторов стала массовая эмиграция татар, коренным образом повлиявшая на этнический и конфессиональный расклад в регионе. В итоге за 20–40 лет после окончания Крымской войны было достигнуто такое соотношение этнического и конфессионального состава населения, которое обеспечивало стабильное внутреннее положение в регионе, а также прогнозируемо благоприятное отношение большинства населения к российской державе на случай международных конфликтов.

Источники и литература:

1. Петроградская А.С. Динамика численности и расселения крымских армян, болгар, греков и немцев (по данным всеобщих переписей XIX–XXI вв.) / Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: География. 2010. Т. 23 (62). № 2. С. 149–160.
2. Непомнящий А.А., Севастьянов А.В.. Южный фасад империи. Крым во второй половине XIX — начале XX века / С. Кодзова (ред.). История Крыма. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 463 с.
3. Лашков Ф.Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX-го столетия / Ф.Ф. Лашков // ИТУАК. — №53. — Симферополь, 1916. — С. 158–176.
4. Усов С.А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края // Крым. 1928. № 1 (5). Вып. 1. С. 72–73, 79–83.
5. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию // Известия АН СССР. — Л., 1928. — № 4. С. 375–405.
6. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар / В.Е. Возгрин — М.: Мысль, 1992. — 224с.
7. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе.

- Том XXXI. Отделение первое. 1856. СПб., 1857. — 942 с.
8. Лаптев Ю.Н. Немцы в Крыму. Deutsche auf der Krim. Очерки истории и культуры / сост. Ю.Н. Лаптев. — Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. — С.11–21.
 9. Скрипниченко В.Д. Крымские немцы — путь в 200 лет / В.Д. Скрипниченко, Н.П. Долдо — Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2009. — 320 с.
 10. Тотлебен Э.И. О выселении татар из Крыма в 1860 году // Русская старина. — 1893. — Т. 78. — С. 531–550.
 11. Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. — 1882. — Октябрь. — С. 596–639.
 12. Свод Законов российской Империи в 16-ти т. 4-е изд. / [под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова]. — СПб : изд. Товарищества «Общественная польза», 1904.
 13. Полное собрание законов Российской империи. С 1830 по 1881 годы. Т. XXXIV. 1859. — СПб, 1860. — 402 с.

Екатерина Сергеевна Малиновская
 научный сотрудник
 ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»
 г. Севастополь
Ekaterina Sergeevna Malinovskaya
 Federal State Cultural Institution
 “Sevastopol Military-Historical Museum-Preserve”
 Sevastopol

АНГЛИЙСКИЕ ВОИНСКИЕ НЕКРОПОЛИ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг. ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ BRITISH MILITARY NECROPOLISES THROUGH THE PERIOD OF THE CRIMEAN WAR 1853–1856. HISTORIOGRAPHY AND SOURCES OVERVIEW.

Аннотация: цель статьи заключается в выявлении и анализе источников и литературы, отражающих процесс возникновения и существования на территории Севастополя и его окрестностей британских воинских кладбищ периода Крымской войны и осады Севастополя. Автор не ставит задачу осветить подробно историю самих некрополей, ограничиваясь общими сведениями из их 165-летней истории. Основное внимание сосредоточено на отражении данной темы в трудах отечественных и иностранных историков с момента появления кладбищ и до наших дней.

В статье широко представлены и введены в научный оборот источники и литература на английском языке, не всегда доступные исследователю, ввиду языкового барьера.

Abstract: In the article the author goal to identify and analyze the range of the sources and literature, concerning the emergence and existence of British military cemeteries near Sevastopol.

The author doesn't aim to consider the history of English military necropolises, but to give the general information of the burial-grounds through their 165-years history. The main attention is focused on the reflection of the theme of British memorial places in the Crimea in the research papers of native and foreign sci-entists and authors.

In addition, the article introduces the new Anglophone sources and literature that are often unavailable for the Russian-speaking researchers due to the language bar-rier.

Ключевые слова: Английское кладбище в Севастополе, Каткартов холм, британские захоронения в Крыму, утраченные памятники, Крымская война.

Keywords: *English cemetery in Sevastopol, Cathcart's Hill, British graves in the Crimea, the lost monuments, Crimean War.*

Крымская (Восточная война) — крупнейший общеевропейский военный конфликт в промежутке между Версальским миром 1815 г. и Первой мировой войной. Центральным событием Крымской войны стала героическая 349-дневная Оборона Севастополя. Осада города англо-французскими войсками, по данным штаба гарнизона, унесла жизни 17 015 тысяч русских воинов, еще 58 272 тысяч были ранены, 15 174 — контужены и 3 164 — пропали без вести. Но и противнику эта победа далась нелегко. После Крымской войны в окрестностях Севастополя остались многочисленные захоронения воинов иностранных государств, осаждавших город. На землях Севастопольского военного порта находилось 112 иностранных кладбищ, ещё 52 кладбища — на землях Балаклавского греческого батальона, остальные захоронения располагались на землях частных владений [17, с. 113]. За период боевых действий в Крыму потери английской армии составили 22 182 человека. Из них 4 602 человека были убиты в сражениях, 2 755 человек погибли в ходе ведения осадных работ, 1 847 скончались от ран, 17 580 умерло от болезней [40, с. 179].

На территории Крыма от Севастополя до Балаклавы и от Камышовых бухты до реки Чёрной (не считая Альму и Керчь) располагались 130 английских кладбищ и мемориалов. Кладбища сильно отличались как по своему местоположению, так и по размерам. Некоторые находились в скалистых оврагах, спускавшихся к осадным траншеям, в то время как другие размещались на холмах и низинах, окружающих Балаклаву, отдельные из них притаились в укромных долинах близ селений Кадыкой и Карань. Большая часть кладбищ располагалась на пустынном плато перед Севастополем, на котором так долго стояли армейские лагеря [37, с. 274]. (Рис. 1).

Упадок и разрушения, нанесенные кладбищам погодой, людьми и временем принудили британское правительство в 1882 г. без перезахоронений объединить разрозненные небольшие кладбища в один большой общий некрополь, возникший на базе офицерского кладбища 4-й пехотной дивизии. Это место получило еще в начале осады наименование «Каткартова холма». Здесь находился наблюдательный пункт генерала 4 дивизии сэра Георга Каткарта, погибшего в ходе Инкерманского сражения 5 ноября (24 октября) 1854 года. На одноименном холме он и был захоронен, сначала вместе с офицерами своей дивизии, а затем здесь хоронили высший офицерский состав других подразделений и представителей знатных родов Великобритании. (Рис. 2.)

Кладбище на Каткартовом холме просуществовало до середины XX столетия: оно было сильно разрушено в годы Великой Отечественной войны. Через его территорию дважды пролегла система оборонительных укреплений — в период второй обороны Севастополя в 1941–1942 гг., а затем при освобождении города от немецко-фашистских захватчиков в

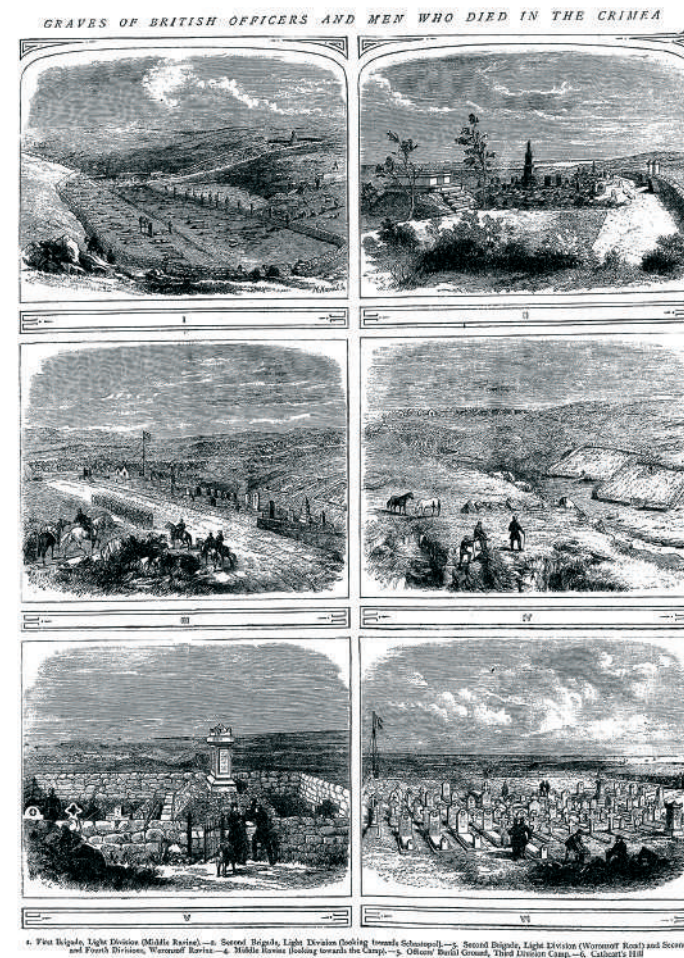

Рис.1. Могилы офицеров и солдат, погибших в Крыму

1. Первая Бригада, Легкая Дивизия (в «среднем овраге» — Middle Ravine — Доковая балка)
2. Вторая Бригада, Легкая Дивизия (в направлении Севастополя)
3. Вторая Бригада, Легкая Дивизия (Воронцовская дорога) и Вторая и Четвертая Дивизии (Воронцовская балка)
4. «Средний овраг» — Middle Ravine (Доковая балка) в направлении лагеря) Офицерское кладбище в лагере Третьей Дивизии
5. Каткартов Холм

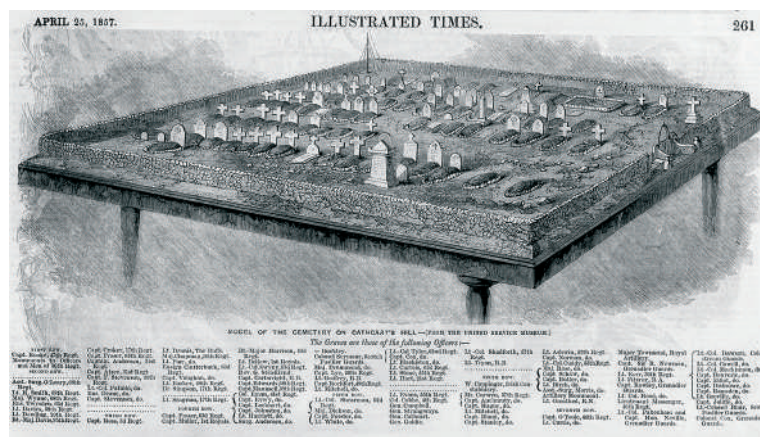

Рис. 2. Модель кладбища на Каткартовом Холме из Объединенного Музея Службы (The United Service Museum, сейчас The Royal United Services Institute).
Иллюстрация из газеты «Illustrated Times» от 25 апреля 1857 г.

1944 г. Руины надгробий и кладбищенских построек сохранялись вплоть до 70-х гг. XX века. С 1957 г. часть территории кладбища попадает в состав садового товарищества «Сапун-гора» и силами дачников буквально исчезает с лица земли.

В статье автор не ставит целью развить тему истории английских воинских захоронений, но хочет проследить освещение данной темы отечественными и иностранными историками с момента появления некрополей и до наших дней. Во второй части статьи представлен обзор исторических источников по теме, использованных автором в ходе исследовательской работы. Автор не претендует на полноту представленных сведений, особенно источников, ввиду того, что полноценная разработка темы требует многолетнего труда и изысканий в отечественных и иностранных архивах. Говоря об английских воинских некрополях периода Крымской войны, имеются ввиду некрополи, возникшие в окрестностях Севастополя в период осады и пребывания британской армии на Крымских берегах (1854–1856 гг.). Воинские некрополи, возникшие на Босфоре, в Галлиполи и Варне до начала и во время Крымской кампании, а также военные кладбища, разбитые британцами близ госпиталя в Скутари, не рассматриваются.

Отечественная история и её события после 1917 и 1991 гг., изменение системы государственного устройства и подходов к истории, заставляет отечественных историков при рассмотрении историографии и источников разделять их хронологически и идеологически на дореволюционные, советские и современные.

На дореволюционном этапе в России каких-либо специальных работ, посвященных истории создания английских кладбищ, создано не было. Все упоминания английских некрополей под Севастополем встречаются в исторических путеводителях по Севастополю и его окрестностям. Подобные упоминания, как правило, весьма скудны. Одно из первых, отличающееся от многих последующих своей подробностью, оставлено участником обороны Севастополя [8, с. 106–107] Дмитрием Матвеевичем Афанасьевым в очерке «Севастополь и его окрестности в настоящее время», опубликованный в журнале «Современник» в январе 1857 года. В нём Д.М. Афанасьев описывает изящное убранство множества памятников кладбища, перечисляет отдельные выдающиеся личности, упокоенные там: «капитан гвардии баронет Лидстон Ньюман, сын лорда и члена парламента, генерал-лейтенант Каткарт, генерал Стренгвейс». Автор отмечает наличие на памятниках как англоязычных, так и русскоязычных эпитафий, расположение некрополя, каменную ограду, возведенную вокруг [2].

Сведения очерка частично дублируются на страницах «Путеводителя по Севастополю, его бастионам и окрестностям», выпущенного Д.М. Афанасьевым в том же году. К описанию некрополя добавляется рекомендация побывать там хотя бы из-за «обширного вида на Севастополь с его бухтами и укреплениями». Важно то, что после кладбища на Каткартовом холме Афанасьев сообщает о другом английском офицерском кладбище, расположенном справа через балку, на котором «много общих памятников по полкам и бригадам» [1, с. 48–49].

Изданный в 1874 г. путеводитель Ф.В. Ливанова «Севастополь до Крымской войны и после оной» не говорит о конкретных воинских некрополях, но отмечает, что «окрестности Севастополя усеяны могилами... по какой Вы не пойдете дороге к Балаклаве ли, или к Инкерману, Вы везде наткнетесь на огороженные места, среди которых лежат жертвы войны». Он же отмечает наплыв туристов в Севастополь, прибывающих в поисках могил близких, из любопытства, за впечатлениями от военных развалин или поклониться «священным могилам». Подобные путешественники прибывали не только из России, но и из Европы [23, с. 118].

Выпущенный в 1894 г. «Путеводитель по Крыму» Н.А. Головкинского не дает описания британского мемориального комплекса на Каткартовом холме. Зато в разделе, описывающем маршрут путешествия из Севастополя в Ялту и достопримечательности, которые можно посетить по пути, как возможное место для визита рассматривается бывшая квартира главнокомандующих британской армии на хуторе Бракера [4, с. 331–332]. (Рис. 3.) Неподалеку от дома, который занимал Лорд Раглан, в путеводителе сообщается о гранитной плите, расположенной вблизи колодца, и «извещающей о смерти английского главнокомандующего лорда Раглана 16 июня 1855 года от холеры». В более позднее время эту гранитную плиту ошибочно путали с надгробным камнем Раглана. В частности, после визита в Севастополь в феврале 1945 г. премьер-

Рис. 3. Кладбище близ Главной квартиры английской армии
(у дома главнокомандующего на хуторе Бракера).
Иллюстрация из газеты «Illustrated London News» от 12 июня 1869 г.

министр Великобритании У. Черчилль в своих воспоминаниях писал: «Мы посетили его могилу утром и были очень поражены заботливостью и вниманием, с которым за ней ухаживали русские» [26, с. 540]. В действительности, первый главнокомандующий скончался 28 июня 1855 г., тело его было доставлено в Казачью бухту. 3 июля 1855 г. гроб с телом был погружен на борт корабля «Caradoc». 24 июля 1855 года «Caradoc» прибыл в Бристоль, а 26 июля останки Лорда Раглана были захоронены в фамильном склепе в Бэдминтоне [10].

В разделе «Севастополь» путеводителя Н.А. Головкинского представлена информация по различным сферам общественной жизни города в 1894 г. Поскольку маршрут к британскому кладбищу был одним из посещаемых туристами, в путеводителе приводится такса поездок. Так, вояж из центра города в конном экипаже к английскому мемориальному комплексу на Каткартовом холме с простым в 1 час для прогулки по некрополю оценивался в 2,5 руб. за путь туда и обратно [4, с. 272–273].

Ряд путеводителей был выпущен при подготовке к празднованию 50-летия Севастопольской обороны [22, с. 58; 3, с.162–163]. Из них выделяется путеводитель подполковника Генерального штаба Д. Парского [19, с. с. 31, 194–195, 210, 217, 233, 234]. Он не только дает описание английского кладбища на Каткартовом холме, его наиболее известных захоронений и состояния на начало XX в., но к описанию прилагает фотографию входа на кладбище и домика смотрителя. (Рис. 4.) Парский так же описывает английские памятники, установленные на

местах сражений, дополняя свои слова литографическими иллюстрациями. Описывая памятник Инкерманскому сражению, возведенный англичанами в 1856 г., он упоминает находящееся неподалеку от него небольшое английское кладбище «убитых в этом бою».

Работ советского периода, затрагивающих историю английских захоронений под Севастополем, автором не было обнаружено. К вопросам истории британских некрополей исследователи обратились уже в современный период.

Из отечественных исследователей, наиболее комплексно подошедших к изучению истории английского кладбища, можно назвать севастопольских краеведов В.Г. Шавшина и В.Б. Иванова.

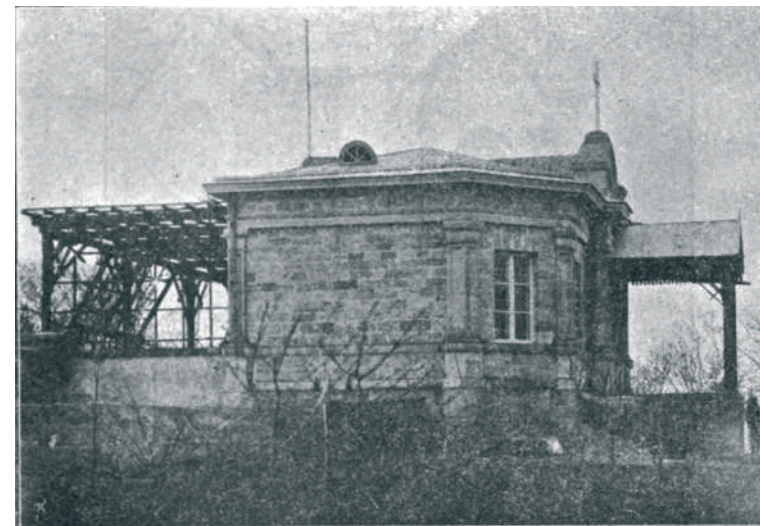

Рис. 4. Здание у входа на английское кладбище в Севастополе, 1902 г.
Иллюстрация из книги Д. Парского - Севастополь и памятники его обороны

В. Г. Шавшин — известный специалист по истории города в годы Крымской войны и в области архитектуры и охраны памятников Севастополя. С 1990-х гг. он выпустил ряд работ, посвященных истории Балаклав, событиям обороны Севастополя, его архитектуре, включая утраченные памятники [27, с. 125–133; 28, с. 163; 29, с. 115–123; 30, с. 269–270; 31, с. 271–274; 32, с. 92–102;]. Большая часть изданий имеет научно-популярный характер и ввиду этого не снабжена справочным аппаратом. В этом отношении выгодно отличается книга «Долина смерти». Посвященная Балаклавскому сражению, она содержит в себе обширные сведения по увековечиванию памяти воинов, в том числе и об английском кладбище в Севастополе. Раскрывая историю некрополей от момента их передачи в

ведение Севастополя после отбытия союзников из Крыма, автор прослеживает её вплоть до наших дней, включая попытки восстановления кладбища в 1990-е гг. и появления новых мемориальных комплексов в начале XXI века. Из используемых источников автор упоминает «Доклад о состоянии Крымских кладбищ, составленный в 1872 г. генералом Адье и полковником Гордоном». Этот доклад не только содержит описание состояния кладбищ в конкретный временной период, но и является документом во многом повлиявшим на концепцию формирования общего английского некрополя под Севастополем. Вероятно, именно после его публикации британским правительством было принято решение не эксгумировать тела своих павших воинов по примеру французов, осуществивших это в 1863 г., а сохранить прах в местах первоначального захоронения.

В.Б. Иванов — автор книг по истории Балаклавы и Севастополя. В книге «Балаклава 2500 лет. Историческая летопись» [9, с. 169–175], изданной в 2004 г., опубликована обширная статья по истории английского кладбища. Издание научно-популярное и ссылок на используемые источники и литературу не имеет, но в тексте автор упоминает некоторые из них, например, «Последний приют храбрых» (такой вариант перевода названия издания предложен в книге В.Б. Иванова. В характеристике источников автор предлагает следующий перевод наименования этого издания: «Последние из храбрых. Места упокоения наших павших героев в Крыму и Скютари») — важнейший источник по истории всех кладбищ павших английских воинов в Крыму и Скютари. Издание хорошо проиллюстрировано, особый интерес представляют английские литографии периода Крымской кампании и второй половины XIX в. и фотографии мемориального комплекса, возведенного В.Б. Ивановым на Каткартовом холме в 1993 году.

Историю создания мемориального комплекса близ Каткартова холма и свое видение причин, по которым мемориал уже к 1998 г. пришел в упадок, В.Б. Иванов высказывает в своем «Севастопольском альбоме» [24, с. 42–43], изданном в 2008 г. и посвященном 150-летию начала Крымской войны.

Остальные работы современных историков напрямую не связаны с британскими воинскими некрополями, но упоминают о них в контексте основных тем исследований.

Кандидат ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова Александр Анатольевич Орлов в своей работе [17, с. 113–125; 18, с. 72–84] рассматривает комплекс мер, предпринятых русским и английским правительствами по борьбе с мародерством на английских кладбищах в Севастополе. Как один из результатов этого долгого разбирательства автор отмечает назначение смотрителя для присмотра и ухода за кладбищами, услуги которого бы оплачивались из казны Великобритании. Статья имеет обширный справочный аппарат, в качестве основного источника А.А. Орлов использует материалы Архива внешней политики

Российской империи (СПб). Главным выводом историка является признание вины обоих государств, как России, так и Великобритании в плачевном состоянии британских воинских некрополей в Севастополе и его окрестностях в 60-е–80-е гг. XIX века.

Владимир Николаевич Гуркович, долгое время бывший старшим научным сотрудником Государственного комитета Республики Крым по охране культурного наследия, в своей статье, посвященной французскому военному кладбищу, уделяет несколько страниц истории британского некрополя. Особенно интересны визит Константина Симонова, судьба кладбища в годы Великой Отечественной войны и о посещении остатков «Каткартова холма» Уинстоном Черчиллем. Как и прочие исследователи, Гуркович отмечает, что документальных тому подтверждений нет (что неудивительно, ведь фотографии, запечатлевшие премьер-министра Великобритании на Каткартовом холме, были обнаружены Министерством Обороны Российской Федерации в 2020 г. к 75-летию юбилею Ялтинской конференции). (Рис. 5.) Немаловажны также и приводимые им сведения о присмотре за иностранными кладбищами в 20–30-е годы XX века. Его, как пишет Гуркович, осуществляли уже граждане СССР, а «правительства Франции, Англии и Италии перечисляли определенную сумму в валюте на содержание кладбищ» [5, с. 12–13, 112–125].

Е.Н. Деремедведь в нескольких своих статьях повествует о визите в Крым и Севастополь путешественницы Терезы Грей по материалам её дневниковых записей. Грей была в свите принца и принцессы Уэльских, побывавших в Севастополе в апреле 1869 года. В числе многих мест посетили они и Каткартов холм [6, 7].

Рис. 5. Сэр Уинстон Черчилль на Каткартовом холме во время визита в Севастополь в феврале 1945 г.; из фондов Центрального архива Минобороны РФ

Автор данной статьи ранее так же обращалась к отдельным эпизодам истории английских воинских захоронений. В работе «Деятельность иностранных органов внешних сношений в Таврической губернии (конец XIX — начало XX века)» рассматривается роль иностранных консулов в уходе за английскими кладбищами в Крыму и Севастополе. Наличие в городе воинских захоронений стало основной особенностью консульского присутствия в городе. По материалам архивов и периодических изданий удалось так же выяснить, что захоронения на английском кладбище совершались и после окончания обороны (в 1894 г. — жена английского консула Морея, в 1920 г. — британский корреспондент Клод Хей) [15].

Из последних работ по теме — статьи сотрудницы Музея Оборона Севастополя И.Е. Шпаковой [33, с. 73–75; 34, 35, с. 219–223]. Работы эти носят преимущественно компилятивный характер и описывают все военные некрополи на территории Севастополя, возникшие в период обороны города. Кроме известных публикаций историка В.Г. Шавшина, автором привлекаются материалы Севастопольского городского архива и газеты «Крымский вестник».

Британская историография вопроса представляет особый интерес. Начинает ее «Война в Крыму», написанная 1891 г. генералом Сэром Эдвардом Хамли [50, с. 305–307]. В книге подробно разбираются события Крымской войны на всех театрах. Наряду со множеством других вопросов автор освещает увековечивание памяти погибших под Севастополем. Каткартов холм в его описании представляется местом, к которому англичане должны совершать паломничество, ведь «лишь здесь они могут своими глазами увидеть места памяти героев, о которых так много говорят на родине». Заботят автора так же и случаи мародерства на кладбище. Как способ решения этой проблемы автор советует улучшить снабжение средствами лиц, осуществляющих присмотр за кладбищем.

В 1894 г. свой труд создает военный историк Джеймс Грандт. Автор серии книг «Британские битвы на суше и в море», одну из них он посвящает Крымской войне. В 2013 г. эта часть переиздается под редакцией Боба Кэррутера с названием «Крымская война» [47]. Часть главы 11 об окончании Крымской кампании посвящена могилам павших воинов. Описывая труды англичан по облагораживанию территорий кладбищ перед отбытием на родину, автор дает описание не только кладбища на Каткартовом холме, но и унтер-офицерского кладбища Гвардейской бригады. Эти сведения уникальны, поскольку малые кладбища практически не известны исследователям, а здесь автор на основании источников, активное использование которых подчеркивает редактор во вступительной статье, дает описание гвардейских частей, воины которых там упокоены. Здесь же приводится описание наиболее видных надгробных памятников. Анализируя сведения рапорта Адье и Гордона 1872 г. автор соглашается с тем, что российская сторона достаточно тщательно следила за некрополями, а основные разрушения нанесли погода и время.

В последние годы появился целый ряд новых исследований, многие

из которых опубликованы в журнале «Военный Корреспондент» общества по изучению истории Крымской войны. Публикации материалов, связанных с британскими некрополями в Севастополе и его окрестностях, производятся обществом с 1984 по 2018 гг., ежегодно публикуется 4 выпуска издания в год. Информация, связанная с английскими кладбищами, представлена в приветственных словах редакторов журнала, разделе «письма, запросы и разное», предшествующему основным статьям каждого сборника, персональных статьях-воспоминаниях членов общества о совершаемых ими периодических поездках в Севастополь для посещения полей бывших сражений и памятных мест периода военных действий в Крыму в 1854–1856 годах. Члены общества и британские военные в период с 90-х гг. XX в. неоднократно открывали сборы добровольных пожертвований на восстановления британских памятников в Севастополе. Удрученные состоянием английских памятных мест в окрестностях города при открытии нового сбора средств в 2013 г. редакторы журнала полностью посвятили выпуск издания Севастопольским мемориалам. [67; 56 с. 11–18] Значительное количество номеров журнала «Военный корреспондент» представлено в библиотечном фонде Севастопольского военно-исторического музея-заповедника, однако полностью ознакомится со всеми статьями, написанными членами общества по данной теме, автору не удалось.

Наибольшую ценность представляют статьи, касающиеся истории некрополей британских воинов. Наиболее полной из них является статья Глена Фишера «Места упокоения героев, павших в Крыму» [44]. В основе лежат документы национального архива Великобритании, преимущественно рапорты консульских представителей о состоянии Британских кладбищ рядом с Севастополем, а также материалы газеты Таймс за 1859–1888 гг., среди которых именные и анонимные впечатления от посещения британских некрополей, подробные описания их состояния, сообщения о случаях мародёрства. В целом, статья рассматривает всю эволюцию британских кладбищ, мер по уходу и охране, трудностях предотвращения регулярных хищений и процесса объединения мелких разрозненных кладбищ в один основной некрополь на Каткартовом холме. Автор прослеживает его историю вплоть до середины 20 века. Период упадка, забвения и окончательного разрушения некрополя после Великой Отечественной войны в представлении автора связан с эрой Холодной войны. По мнению Фишера и других британских ученых, эти процессы происходили при инициативе и участии Н.С. Хрущева, по словам «отдавшего приказ сровнять памятники Каткартова холма с землей».

В статье «Крымское турне по полям сражений 1993 года» [57, с. 10–12] майора Колина Робинса, кроме общих впечатлений, дается сравнительный анализ положительных тенденций в обустройстве памятников британцам, погибшим под Севастополем, наметившихся в начале 90-х гг. XX века. Кроме происходящих на тот момент работ по созданию комплекса на Каткартовом холме в статье сообщается о результатах рестав-

рационных работ, произведенных за счет британцев над памятниками, расположенными на р. Альме.

Филипп Хейсортсвейтс в статье «Кладбище на Каткартовом холме» уточняет имена и места захоронений, сравнивая между собой две версии известной литографии В. Симпсона «Офицерское кладбище на Каткартовом холме» и литографию с расшифровкой представленных захоронений, напечатанную в газете «Иллюстрированные новости Лондона» [51, с. 17].

Статья Кея Смита «Севастополь в 1904 году» [62, с. 18–19] — это по сути выдержки из книги путешественницы Аннет Микин, которая посетила город осень того года. Кладбище в ее описании предстает цветущим садом, за которым следят смотритель-садовник, проживающий на его территории и два его помощника. За посещение плата не осуществлялась, а единственные средства к существованию смотрителя были 20 фунтов в год, которые смотритель получал от Великобритании через консула в Одессе.

Интересна так же и статья «Британский мемориал на Каткартовом Холме» [45, с. 8–11], где речь идет уже о современном комплексе, возведенном «КИЦ Севастополь» в 1993 г. рядом с местом английского кладбища. Во время визита в 1995 г. британских туристов встретила женщина-смотритель, объяснив, что комплекс является частной собственностью жены В.Б. Иванова — Нелли, а за его посещение следует заплатить. Туристы направили жалобу в редакцию журнала, а его редактор в статье предпринял попытку разобраться в сложившейся ситуации. Статья-расследование раскрывает аспекты строительства данного комплекса, нюансы сбора средств на его возведение. Британские представители утверждают также, что на момент сбора средств и начала строительства начало строительство английская сторона была не в курсе, что земля находится в частной собственности.

Обширная монография по истории британской медицинской службы была написана Джоном Шеппардом в 1991 г. [59, с. 140, 507–508, 677]. Говоря об общем состоянии медицины и хирургии, Шеппард приводит также сведения о потерях английской армии. Наиболее интересны имеющиеся в книге фрагменты британских эпитафий в Крыму. Среди них есть и женские: некоторые жены военнослужащих следовали за супругами на место исполнения воинских обязанностей. Шеппард отмечает, что среди женщин в Крыму основной причиной смерти были роды. Беременность, как возможный повод для высылки обратно на родину, тщательно скрывалась. Роды, по этой же причине, производились в тайне. Проведенные без медицинского сопровождения в походных условиях они часто заканчивались летально для матери и/или младенца. Среди похороненных под Севастополем англичан упоминает автор и некоторое количество детей разных возрастов.

Целый ряд исследований появился в последнее десятилетие. Среди них интересна работа американца Андрию Китинга, опубликованная в журнале «Артиллерия: Война + Архитектура + Пространство»

Ирландского колледжа «Юниверсити» [53, с. 223–226]. Статья «Британские солдатские могилы в Крыму и истоки современного увековечивания памяти воинов» описывает процесс трансформации полей сражений в места увековечивания именно на примере Крымской войны, поскольку именно в этот период начинают появляться первые британские военные некрополи.

Эту же тему он развивает в своей докторской диссертации «Империя мертвецов. Британские кладбища за рубежом и формирование национальной идентичности» [54, с. 78–93, 97–99].

Близка по теме диссертация канадского ученого Джереми Гаррета «Дань павшим. Эволюция канадских воинских захоронений в годы Первой мировой войны» [46, с. 36–40]. Ученый обозначает Крымскую войну как отправную точку в переосмыслении роли павших за Родину и формировании у общественности и государства чувства ответственности за воинские некрополи за рубежом. Автор отмечает: именно с Крымской войны становится принятым хоронить погибших в том месте, где они отдали жизнь, случаи захоронения в Великобритании единичны и только подчеркивают общее правило. Отмечает автор и социальные различия при упокоении павших. Офицеры хоронились на отдельных кладбищах в индивидуальных могилах. Рядовые погребались практически на месте гибели в братских могилах. Для этого зачастую использовались даже уже вырытые в военных целях траншеи. Это во многом объясняет широкий разброс английских некрополей по территории Херсонесского полуострова.

Источники по теме английских военных некрополей довольно обширны. Наиболее ценны материалы ежегодных консульских докладов, отправляемых в Великобританию её посланниками из Севастополя, Крыма и Одессы. К сожалению, они хранятся в фондах Национального архива Великобритании, что в условиях территориальной удаленности и санкций делает их недоступными для отечественных исследователей. Подобная корреспонденция дублировалась и российскими канцеляриями, но эти документы требуют длительных поисков в столичных архивах внешнеполитических ведомств, доступ к которым ограничен.

Анализируя доступные британские источники, следует начать с общегосударственных документов. Исследователь может обратиться к протоколам заседаний палаты общин [64]. 7 марта 1856 г., еще до подписания парижского мира депутат Сэр Джеймс Фергюссон выразил обеспокоенность судьбой некрополей после отбытия армий союзников на родину. Лорд Пальмерстон заверил депутата, что данный вопрос будет поднят при переговорах с Российской делегацией. Сэр де Лейси Эванс уже тогда предложил арендовать территории некрополей у России, а самим кладбищам обеспечить хорошую охрану. Подобная обеспокоенность судьбой павших товарищей присутствовала и у других представителей военного альянса. Известно, что командование союзных армий в Крыму обратилось к русскому главнокомандующему А.Н. Лидерсу с просьбой «об уважении и исполнении воинских и христианских традиций по отношению ко

всем павшим воинам — бывшим противникам в Крыму и сохранении их памятников, кладбищ и захоронений» [16, с. 146].

К ряду официальных документов можно также причислить 4-й ежегодный отчет имперской комиссии по надзору за военными памятниками. Подобное ведомство в Великобритании было создано только после Первой мировой войны. Согласно сведениям отчета на 31 марта 1923 г. на территории Европейской части уже Советской России числилось 464 памятника [52, с. 3].

Первый по важности статистический источник начал создаваться еще до отплытия британских войск из Крыма. Приказом главнокомандующего английскими войсками в Крыму лорда Кодрингтона была создана группа под руководством капитана Джона Колборна и королевского инженера Фредерика Брейна. Она занялась подсчетом и упорядочиванием английских воинских некрополей. По возвращению на родину в 1857 г. была издана книга «Последние из храбрых. Места упокоения наших павших героев в Крыму и Скутари» [43]. В ней представлены именные списки захороненных на кладбищах с перечислением количества могил, материала из которого изготовлено надгробие, с приведением текста эпитафии. Некоторые памятники схематично зарисованы. В конце издания помещены 9 цветных литографий отдельных кладбищ, на одной из которых представлены изображения основных типов памятников, характерных для некрополей в Крыму и Скутари. К книге также прилагалась карта, на которую были нанесены места расположения кладбищ [39]. Издание, по-видимому, было востребовано и претерпело несколько переизданий, последнее выпущено в 2008 году [42]. В 1868 г. авторы также выпустили книгу «Могилы и эпитафии героев, павших в Крыму и Скутари» [44]. Данной издание содержит перечни похороненных только на холме Каткарта, без упоминания других кладбищ. В конце приводятся литографические эскизы надгробий разных типов, установленных на этом кладбище.

Литографии художника В. Симпсона показывают офицерское кладбище 4-й дивизии у форта на Каткартовом холме и могилы у вершины Балаклавской бухты [61, с. 14, 21]. (Рис. 6.)

Продолжая тему иллюстраций обратимся к периодике того времени. В ней ценны не только многочисленные статьи и упоминания кладбищ, но и тот иллюстративный ряд, которым они сопровождались. В отличие от текстовых источников, источники изобразительные способны показать не только основной некрополь на Каткартовом холме, но другие кладбища, а также отдельные надгробия, установленные военнослужащим конкретных подразделений или лично отличившимся в боях. Литографии севастопольских кладбищ широко представлены в газетах «Таймс», «Иллюстрейтед Таймс», «Иллюстрейтед Лондон Ньюз», «Графикс». (Рис. 7.) В целом, газеты стали для британцев способом отслеживания состояния кладбищ под Севастополем. Неравнодушные путешественники регулярно отсылали подробные сообщения для публикаций в газетах. В некоторых изданиях печатали выдержки из документов. Так, газе-

Рис. 6. В. Симпсон. Могилы в верховьях Балаклавской бухты. Литография из альбома «Театр военных действий на Востоке»

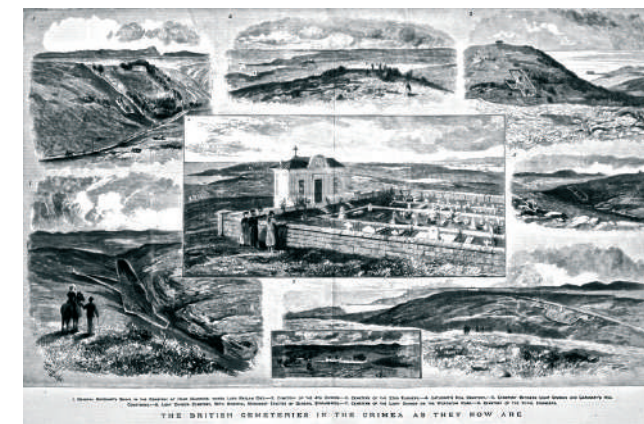

Рис. 7. Гриффис. Британские кладбища в Крыму как они выглядят сейчас. Иллюстрация из газеты «The Graphic» от 19 августа 1882 г.

1. Могила генерала Эсторта на кладбище Главной квартиры английской армии где умер лорд Раглан.
2. Кладбище 4-й дивизии.
3. Кладбище 23-го полка фузилеров.
4. Кладбище на Каткартовом холме.
5. Кладбище между некрополем Легкой дивизии и Каткартовым холмом.
6. Кладбище Легкой дивизии с мемориальным памятником, воздвигнутым генералом Штраубензе.
7. Кладбище Легкой дивизии у Воронцовской дороги.
8. Кладбище королевских инженеров

та «Независимый журнал» подробно разбирая итоги Парижского мира, опубликовала сообщение, что представитель Великобритании на конгрессе Лорд Кларендон получил заверение русского представителя графа Орлова о том, что английские кладбища будут поддерживаться в должном состоянии [65, с. 3]. В газете «Тимару Джеральд» от 30 июня 1873 г. были опубликованы основные тезисы доклада генерала Адье о состоянии британских кладбищ в Севастополе, включая предложение свести все кладбища в один некрополь на Каткартовом холме без перезахоронений [63]. Не менее интересна небольшая публикация от 13 января 1931 г. в газете «Пресс», в которой размещена заметка о посещении английского кладбища с восторженным отзывом о том, что «спустя 80 лет по окончании Крымской кампании английское кладбище, возвышающееся над долиной смерти является образцом красоты и порядка». Отмечает автор и что кладбище содержится на средства британского правительства; человек, получающий эти средства добросовестный: надгробные камни в порядке, дорожки чисты от сорняков, цветы ухожены; «кладбище — один из истинных островков Англии на чужбине» [55, с. 9].

Крымская война стала первым военным конфликтом, запечатленным на фотографии. Британские фотографы Роджер Фэнтон и Джеймс Робертсон сохранили изображения некоторых английских некрополей прямо в период их создания и благоустройства. Снимки кладбища более позднего периода так же широко представлены в сети Интернет. С расширением Интернета и оцифровкой источников стали доступны материалы публичных библиотек и частных коллекций. Фотографии кладбищ есть в Британской королевской коллекции и Библиотеке конгресса США, частных музеях.

После оцифровки стал доступным и огромный пласт мемуарной литературы, дневников и воспоминаний. Из них стоит особо выделить «Британскую экспедицию в Крым» Уильяма Говарда Рассела [58], «Рассказ о личном опыте и впечатлениях, полученных во время пребывания на Босфоре в годы Крымской войны» Лэди Алисии Блэквуд [38], автобиографию художника Вильяма Симпсона [60], мемуары Тэрезы Грей [49]. Важное место занимают «Воспоминания о военной жизни» генерала сэра Джона Адье («Adye» — встречаются разные варианты транскрипции Адье, Эди, Адиа.) [37]. Осенью 1872 г. он был направлен в Крым британским правительством с целью подготовки доклада о состоянии британских кладбищ и памятников, необходимости их реставрации и предполагаемых мерах по уходу за ними. Копии данного доклада хранятся в фондах Национального архива Великобритании и комиссии по охране британских военных захоронений за рубежом, что делает их малодоступными для исследователей. Зато основные тезисы доклада и выдержки из него включены в воспоминания генерала Адье.

Основной пласт мемуаров относится к периоду кампании в Крыму 1854–1856 гг., либо к первым двум десятилетиям после ее окончания. Упоминания на страницах автобиографий, отчеты на полосах газет становятся единичными уже к началу XX в.

И.Е. Григорьев Часть английского кладбища в окрестностях Севастополя. Фото, 1900 г. Из коллекции британской королевской семьи. На фотографии мраморный памятник-obelisk 18 офицерам, 27 сержантам и 475 стрелкам 2-го батальона Стрелковой бригады на английском кладбище под Севастополем

На этом фоне редкостью являются воспоминания о посещении кладбища в 1912 г. английского писателя, путешественника, русофила Стефана Грехема. Тема России, её природы, достопримечательностей и широты души русских людей одна из ведущих в его творчестве. В книге «Меняющаяся Россия», один из разделов посвящен визиту в Крым и Севастополь зимой 1912 г. Прибывший для осмотра полей бывших сражений, одним из первых, с целью отдать дань памяти погибшим в Крыму, британец С. Грехем посетил Каткартов холм. Описание некрополя автор делает на фоне рассуждений о бессмысленности минувшей войны, о поколениях молодых людей, сменяющих стариков и не знающих ничего о событиях в Крыму. На кладбище, охраняемом 4-мя псами за тяжелыми металлическими воротами, его встретил садовник — немец, не владеющий английским языком, господин Кремер (Herr Kremer). Посвятил Кремер его и в страницы истории некрополя: «Упокоенные вначале были похоронены не здесь. Мы собрали воедино все памятники, что смогли найти, но тысячи тел — безымянных и забытых — так и лежат на своих местах». Говоря об англичанах, посещающих некрополь, смотритель сообщил, что «раньше это были регулярные экскурсии, многие приезжали. Затем количество приезжающих сократилось до 20–30 человек в год, теперь (на 1912 г.) не более 5–6 человек англичан ежегодно». Упоминает он и, что «Каткартов холм излюбленное место для летнего променада севастопольцев, место встреч влюбленных; здесь очень красиво в июне, кладбище — сплошное море цветов» [48, с. 289–298].

Фигурирует тема британских воинских некрополей и в современной английской прессе. Одной из последних в свет вышла статья «Могила погибших в Крымской войне британцев осквернена, забыта, а земли используются» в газете Таймс. Обращая внимание читателя на плачевное состояние британских мемориалов автор обращается к истории некрополей. Важный вопрос, затрагиваемый в статье это позиция Комиссии Соединенного Королевства по охране памятников на могилах военных (the Commonwealth War Graves Commission), которая не включает крымские памятники в пределы своей юрисдикции. Сложившуюся ситуацию Ханна Люсинда Смит рассматривает через призму санкций, наложенных на России, Крым и Севастополь в 2014 г. после включения региона в состав РФ [66].

Перейдем к отечественным источникам. К 150-летию Крымской войны в 2004 г. в журнале «Историческое наследие Крыма» был опубликован императорский указ 1856 г. «о сохранении памятников и могил иностранных воинов, павших под Севастополем и в других местах России во время Восточной (Крымской) войны», который хранится в фонде Таврического губернского правления ГАРК (ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6643. Л. 1) [11, с. 168-169].

Дело из фонда 26 «Канцелярия Таврического губернатора» раскрывает подробности следствия, ведущегося после случаев мародерства на кладбище на Каткартовом холме в марте 1861 года [21].

Есть и отдельные документы местных архивов, косвенно связанные с английскими некрополями. Межевая канцелярия Таврической губернии составила план дач в окрестностях Севастополя. Кроме отдельных участков частных владений с указанием их хозяев на карте обозначены расположения отдельных английских кладбищ [20].

Немаловажным источником являются периодические издания. На страницах местных газет время от времени появлялись статьи о различных мероприятиях на кладбищах, назначениях консулов, ответственных за содержание некрополей. Упоминались и отдельные неприятные эпизоды, например, случаи мародерства. Так, в газете «Крымский вестник» сообщалось, что 19 января 1902 г. с одного из памятников на Каткартовом холме была украдена бронзовая фигура льва весом в 3 пуда (49, 14 кг) [14].

Особый интерес для исследователей представляют фотографические материалы. К 50-летию Севастопольской обороны в 1904 г. был выпущен альбом «Виды полей сражений Крымской кампании 1854–1855 гг.» по фотографиям полковника В.Н. Клембовского. На листе 119 представлено фото «английского кладбища на Зеленой горе», есть так же в альбоме и два вида частично сохранившегося до наших дней памятника близ 3-го бастиона и памятника на месте Балаклавского сражения [13, с. 32,84,85,119].

Период 30-х годов XX в. отражают воспоминания жителя Севастополя А.А. Касаткина. В них он приводит такие сведения об английском клад-

Рис. 9. Английское кладбище в Севастополе, конец 20-х – начало 30-х гг. XX века. Фото. Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника

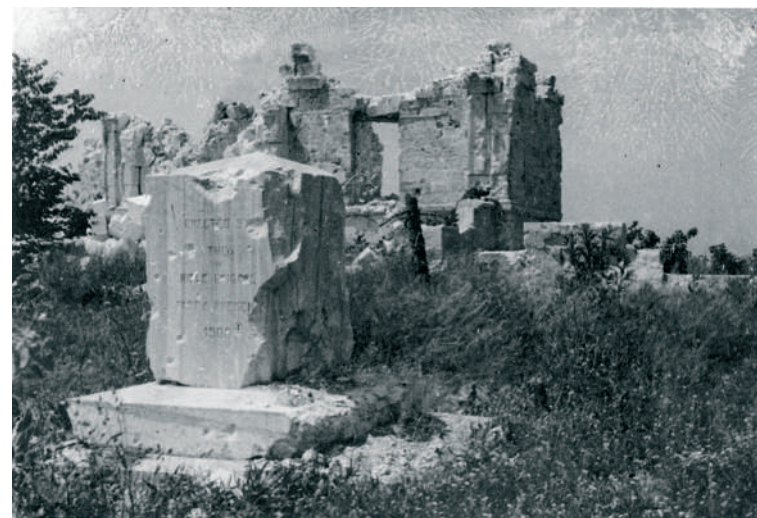

Рис. 10. Разрушенное английское кладбище в Севастополе, 1944 г. Фото. Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника

бище: 444 одиночные и братские могилы располагались восемнадцатью параллельными рядами. Большинство памятников были небольшими по размерам, не выше человеческого роста. Каждый памятник (без исключения) был своеобразным по архитектурному решению (стела, надгробие, ступенчатая пирамида, саркофаг) и по материалу (мрамор, гранит, цемент, чугунное литье). Приводятся автором выдержки из некоторых эпитафий кладбища на русском языке [12].

В 1939 г. кладбище на Каткартовом холме посетил поэт Константин Симонов. Впечатление он оставил в стихах [25, с. 89] (см. приложение 1).

Несмотря на субъективность стихов как исторических источников, данное произведение достоверно передает общую атмосферу английского кладбища на Каткартовом холме, особенности его обустройства, растительности, наличие на нем как общих, так и индивидуальных захоронений и даже то, что несмотря на обострение взаимоотношений между СССР и Великобританией в 1939 г., кладбище имеет сторожа, который «на английский манер стрижет траву». (Рис. 9.)

Ряд интересных фотоснимков находится в фондах Музея Оборона Севастополя. Фото, сделанные в период с 1930-х по 1968 гг. наглядно демонстрируют, как губительна для английского кладбища оказалась Великая Отечественная война. (Рис. 10.) Ряд современных фотографий отразили мероприятия, проводившиеся к 150-летию Крымской войны.

В их числе — открытие мемориала «английским воинам, погибшим в Крымской войне 1853–1856 гг.» у пос. Дергачи в 2004 г. Рядом с мемориалом лежат сохранившиеся фрагменты 2-х надгробий, перевезенных сюда с мемориала на Каткартовом холме: плита с могилы генерала Г. Каткарта и фрагмент надгробной плиты лейтенанта 7-го полка королевских фузилеров Оливера Колта. Разрозненные фрагменты надгробных камней представлены в лапидарии Центрального музея Тавриды. Вещественные источники, дошедшие до наших дней скудны. Это все, что мы сохранили до наших дней от 130 воинских некрополей, рассыпанных по Херсонесскому полуострову по окончании Крымской кампании.

Историография и источниковедческая база вопроса достаточно обширны. Сегодня, ведя речь об английском кладбище в Севастополе, мы имеем ввиду именно комплекс на Каткартовом холме. Сведения о других британских некрополях ничтожны, упоминаются они не позднее 1882 г., когда в качестве главного британского некрополя под Севастополем был окончательно обозначен Каткартов холм. Каменные надгробные памятники с них были перенесены без перезахоронения останков. Их территории, как и территории остальных кладбищ с не сохранившимися надгробиями (в первую очередь деревянными), чтобы не потревожить усопших были покрыты дерном и сровнены с землей. На этих землях растет и развивается город Севастополь, погребая инфраструктурой страницы своего прошлого. Д.М. Дубровин еще в 1857 г. написал «окрестности Севастополя — могила», и, увы, сказать где именно находятся эти могилы мы сможем только продолжая изыскания.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ АНГЛИЙСКОЕ ВОЕННОЕ КЛАДБИЩЕ В СЕВАСТОПОЛЕ

*Здесь нет ни остролистника, ни тиса.
Чужие камни и солончаки,
Проржавленные солнцем кипарисы
Как воткнутые в землю тесаки.*

*И спрятаны под их худые кроны
В земле, под серым слоем плитняка,
Побатальонно и позэскадронно
Построены британские войска.*

*Шумят тяжелые кусты сирени,
Раскачивая неба синеву,
И сторож, опустившись на колени,
На английский манер стрижет траву.*

*К солдатам на последние квартиры
Корабль привез из Англии цветы,
Груз красных черепиц из Девоншира,
Колючие терновые кусты.*

*Солдатам на чужбине лучше спится,
Когда холмы у них над головой
Обложены английской черепицей,
Обсажены английскою травой.*

*На медных досках, на камнях надгробных,
На пыльных пирамидах из гранат
Английский гравер вырезал подробно
Число солдат и номера бригад.*

*Но прежде чем на судно погрузить их,
Боясь превратностей чужой земли,
Все надписи о горестных событиях
На русский второпях перевели.*

*Бродяга-переводчик неуклюже
Переиначил русские слова,
В которых о почтенье к праху мужа
Просила безутешная вдова:*

*«Сержант покойный спит здесь. Ради бога,
С почтением склонись пред этот крест!»
Как много миль от Англии, как много
Морских узлов от жен и от невест.*

Севастополь, 1939 г.

Источники и литература:

1. Афанасьев Д.М. Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, изданный с целью благотворения на его развалинах. Николаев, 1857. — с. 48-49.
2. Афанасьев Д. Севастополь и его окрестности в настоящее время / Современник. — 1857. — Т. LXII. — СПб., 1857.
3. Валуева-Мунт А.П. Севастополь и его славное прошлое. — СПб., 1904. — с. 162–163.
4. Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. — Симферополь, 1894. — с. 272–273; 331–332.
5. Гуркович В.Н. Французское военное кладбище в Севастополе и его смотритель Жозеф Равве // Историческое наследие Крыма. 2004. — № 3-4. — С.112–125, 12–13.
6. Деремедведь Е.Н. Королевский вояж фрегата «Ариадна» (или путешествие Терезы Грей, совершенное в 1869 году). — [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskaya-rivera-avantyurnie-priklyucheniya-anglichanok-v-tavride8.html>
7. Деремедведь, Е. Крымское путешествие августейшей четы, или Дневник английской фрейлины: (Посещение Севастополя и Балаклавы принцем и принцессой Уэльскими, в свите которых была Тереза Грей) [Текст] / Е. Деремедведь // Крымское время. — 2008. — 31 июля.
8. Дьяконова И.А. Севастополь после Крымской войны 1856–1871 гг. // Материалы научно-исторической конференции «Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя — центр изучения и пропаганды истории Крымской войны 1853–1856 гг. и обороны Севастополя 1854–1855 гг. в Украине» 8 сентября 2009 г. Симферополь, 2010. — с. 106–107.
9. Иванов В. Б. Балаклава 2500 лет. От Одиссея и Дианы до наших дней: Историческая летопись / — 2-е изд., доп. — Севастополь: ЧП Иванова, 2010. — с. 169–175.
10. Иванов В.Б. Секретная операция «Аргонавт». — [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://ivb.com.ua/stat39.htm>;
11. Историческое наследие Крыма. — Симферополь, 2004. — № 8. — с.168–169.
12. Касаткин А.А. Севастополь. 30-е годы XX века. — [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://prichal.sevhome.ru/article.php?id=2088> — (проверено: 19.06.2020).
13. Клембовский В.Н. Виды полей сражений Крымской кампании 1854–1855 гг. СПб., 1904. — л. 32, 84, 85, 119.
14. Крымский вестник. — 1902, 21 января.
15. Малиновская Е.С. Деятельность иностранных органов внешних сношений в Таврической губернии (конец XIX — начало XX века). — [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://evropazavtra.ru/sompetitions/testiruem-skrytyyu/deyatelnost-inostrannykh-organov-vn.-> (проверено: 19.06.2020).
16. Матвеев В. Негостеприимная Таврида. К участию Сардинского королевства и его экспедиционного корпуса в Крымской войне в 1855–1856 гг. — Севастополь, 2005. — С. 146.
17. Орлов А.А. Англо-российский «крымский» дипломатический конфликт 1856–1868 гг. // Новая и новейшая история. — 2002. — № 3, с. 113–125.
18. Орлов А.А. Проблема сохранности иностранных военных некрополей в Крыму в 1856–1858 гг. и на современном этапе // Вестник военно-исторических исследований. Сборник научных трудов / Под ред. С.В. Белоусова. — Вып. 9. — Пенза: изд-во ПГУ, 2018. — 192 с. с. 72-84.
19. Парский Д. Севастополь и памятники его обороны. — Одесса, 1903. — с. 31, 194–195, 210, 217, 233, 234.
20. План дачи г. Севастополя 1832–1888 // ГАРК. — Ф. 377. — Оп. 13. — Д. 864. — 1 л.
21. По отношению Севастопольского Военного губернатора о разрытии могил на иностранном кладбище, находящемся на Каткартовом холме. 13 марта 1861–28 октября 1864 // ГАРК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 24224. — 155 л.
22. Протопопов. И.Н., Соваж. Исторический путеводитель по Севастополю. — СПб., 1907. — с. 58
23. Севастополь до Крымской войны и после оной. Историческое описание. Составлено и издано для путешественников Ф.В. Ливановым. — М., 1874. — с. 118.
24. Севастопольский альбом. Крымская война — 150 лет спустя / В. Б. Иванов. — Севастополь : ЧП Иванова Н.В., 2008 — с. 42—43.
25. Симонов К. Английское военное кладбище в Севастополе. — Поэтическая карта Крыма, Альманах. — Симферополь, 2010. — с. 89.
26. Черчилль У. Вторая мировая война. Книга 3, Т. 5-6. — М.: Военное издательство, 1991. — с. 540.
27. Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. — Симферополь, 2002. — с. 125–133.
28. Шавшин В.Г. Бастионы Севастополя — Севастополь: Таврия-Плюс, 2000. — с. 163.
29. Шавшин В.Г. Долина смерти. — Севастополь-Киев, 2005. — с. 115–123.
30. Шавшин В.Г. Имя дома твоего. Книга II. — Севастополь-Киев, 2012. — с. 269-270.
31. Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя. — Киев, 2004. — с. 271–274.

32. Шавшин В.Г. Над «долиной смерти» (Балаклавское сражение). — Симферополь, 2002. — с. 92-102.
33. Шпакова И.Е. Воинские некрополи Севастополя периода Крымской (Восточной) войны как часть общечеловеческих ценностей // Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя 1854–1855 гг.: результаты и перспективы исследований: к 165-летию начала Крымской (Восточной) войны и 190-летию со дня рождения великого русского писателя Л. Н. Толстого, участника Оборона Севастополя 1854–1855 гг.: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 9 сентября 2018, Севастополь / Министерство культуры Российской Федерации; Российское военное историческое общество; Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник». — Севастополь: ФГБУК «СВИМЗ», 2019. — с.73–75.
34. Шпакова И.Е. Духовно-нравственная система ценностей: воинские некрополи Севастополя периода Крымской (Восточной) войны как свидетельство увековечения памяти исторических событий // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. Выпуск № 5, 2014 – [Электронное издание]. — Режим доступа: <http://www.krimoved-library.ru/books/alminskie-chteniya-materiali-nauchno-prakticheskoy-konferencii-vipusk-N-5-17.html>;
35. Шпакова И.Е. Некрополи Севастополя периода Восточной (Крымской) войны — национальные духовные святыни // *Sacrum et Profanum*: сборник научных трудов. Вып. 5: Память в веках: от семейной реликвии к национальной святыне. — Севастополь, 2012 — с. 219–223;
36. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. — Севастополь, 2004. — С. 239–242;
37. Adye J.M. Recollections of a Military Life. — Macmillan & co. — NY, 1895. — P. 273–282.
38. Blackwood A. A. narrative of personal experiences & impressions during a residence on the Bosphorus throughout the Crimean War. — London: Hatchard, Piccadilly, 1881. — p. 258.
39. Brine Fr. Map of Sebastopol and surrounding country shewing the Russian defences, positions of the allied armies and their trenches, together with the British military and naval burial grounds. — London, 1857.
40. Clodfelter M. Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Encyclopedia of Casualty and Other Figures, 1492-2015, 4th ed. — P. 179.
41. Colborne. J., Brine. F. Graves and epitaphs of our fallen heroes in the Crimea & Scutari. — London, 1868. — P. 44.
42. Colborne, J. and Brine, F. 1856. The Last of the Brave; or Resting Places

- of Our Fallen Heroes in the Crimea and at Scutari. — London: Drew Gilpin Faust, 2008. — P. 66, 14 lithographs.
43. Colborne. J., Brine. F. The last of the brave; or resting places of our fallen heroes in the Crimea and at Scutari / J. Colborne and F. Brine. — London: Ackermann and Co, 1857. — P. 66. with 14 plates.
44. Fisher G. Resting Places of our Fallen Heroes in the Crimea // *The War Correspondent*. — 2010. — Vol. 27. — № 4.
45. From Editor: The British Memorial on Cathcart's Hill // *The War Correspondent*. — 1997. — Vol. 15. — № 2. — P. 8–11.
46. Garrett J. P. Tribute to the Fallen: The Evolution of Canadian Battlefield Burials during the First World War. - Dissertation. — Canada, the University of Western Ontario, 2018. — P. 36-40, 40–44.
47. Grant James. The Crimean War. — Barnsley, 2012. — [Электронное издание]. — Режим доступа: <https://books.google.com.ua/books?id=H1CuBQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
48. Graham S. Changing Russia. — John Lange Company, 1912. — p. 289–298.
49. Grey Theresa. Journal of a visit to Egypt, Constantinople, the Crimea, Greece in the suite of the prince and princess of Wales by the Hon Mrs. William Grey. - London.: Smith, Elder & Co, 15, Waterloo Place, 1869. — p. 178–179.
50. Hamley Edward, Sir. The war in the Crimea. With portraits and plans. — Edition 3. — New York, 1891. — p. 305–307.
51. Haythorntwaite Ph. The Cemetery on Cathcart's Hill // *The War Correspondent*. — 1996. — Vol. 14. — № 2. — p. 17.
52. Imperial War Graves Commission. The fourth annual report, 1922–1922. — London, H.M. Stationary Office, 1923. — p. 3.
53. Keating A.P. British soldiers' graves in the Crimea and the origins of Modern War Commemoration. - Ordnance: War + Architecture & Space. — Ire-land, university College Cork. — Edited: Gary A. Boyd, Denis John Linehan, 2013. — P. 223–236.
54. Keating A.P. The Empire of the Dead: British Burial Abroad and the Formation of National Identity. — Dissertation. — USA, The University of California, Berkeley, 2011. — P. 78–93; 97–99.
55. Press. Vol. LXVII, Issue 20134, 13 January 1931. - Page 9 (Advertisements Column 6).
56. Robins C. British Memorial outside Sevastopol // *The War Correspondent*. — 2013. — Vol. 31. — № 3. — p. 11–18.
57. Robins C. Crimean Battelfield tour 1993 // *The War Correspondent*. — 1996. — Vol. 11. — № 3. — P.10–12.
58. Russell, William Howard, Sir. The British expedition to the Crimea. — London: G. Routledge & Co, 1858. — p. 370, 486–489, 604–605. Следует отметить, что в переводе книги В.Г. Рассела на русский язык, изданном в 2014 г. (Британская экспедиция в Крым / Уильям

- Х. Рассел. – М.: Принципиум, 2014. – Т. 1–2 с ил.), фрагменты текста с описанием работ по благоустройству британских некрополей, предпринятые воинами накануне отбытия на родину и описанные им на с. 604–605 англоязычного издания 1858 г., отсутствуют.
59. Shepherd J.A. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War. – Vol. 1. – Liverpool, University Press, 1991. – P. 140, 507–508, 677.
 60. Simpson W. The Autobiography of William Simpson, R. I. (Crimean Simpson). – London, 1903. – p. 216–222.
 61. Simpson W. The Seat of War in the East. - Vol. 1. – London, Colnaghi and Co, 1855–56. – Pl. 14, 21.
 62. Smith K. Sevastopol in 1904 // The War Correspondent. – 1996. – Vol. 14. – № 2. – P. 18–19.
 63. Timaru Herald, Vol. XIX, Issue 911, 30 June 1873.
 64. The Graves of the soldiers in the Crimea // HC Debates, 07 March 1856. – Vol. 140, С. 2040–32040. – [Электронное издание]. – Режим доступа: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1856/mar/07/the-graves-of-the-soldiers-in-the-crimea#column_2040.
 65. The History of the Congress of Paris // The Perth Gazette and Independent Journal of Politics and News. – Friday, 26th September, 1856. – P. 3.
 66. The Times. Graves of Britain's Crimean War Dead Are Desecrated, Exploited and Forgotten by H.L. Smith. – June, 19. – 2019.
 67. The War Correspondent. – 2013. – Vol. 31. – № 3.

Ольга Ивановна Малиновская
 директор ГКУК «Севастопольский
 городской национально-культурный центр»
 г. Севастополь
Olga Ivanovna Malinovskaya
 Director of Sevastopol National Cultural Center
 Sevastopol

**МЕРОПРИЯТИЯ К СТОЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ
 ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЕННОГО ОРДЕНА
 СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ
 (1769–1869) В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
 MEASURES TO THE CENTENARY OF THE ESTABLISHMENT
 OF THE IMPERIAL MILITARY ORDER
 OF ST. GEORGE (1769–1869) IN THE TAURIDA PROVINCE**

Аннотация: в статье на основании новых архивных документов прослеживается история награждения проживавших в Таврической губернии кавалеров императорского военного ордена Св. Георгия 4-й степени и лиц, имеющих золотое оружие за храбрость или знак отличия Военного Ордена медалью в память столетнего юбилея этого ордена. Статья будет полезна всем, интересующимся фалеристикой и судьбами участников Крымской войны и обороны Севастополя 1854–1855 гг.

Abstract: the article shows the history of awarding the cavaliers of the Imperial Military Order of St. George (4th degree) and persons awarded the gold weapons for the courage or insignia of the Military Order with a medal in memory of the centenary of this order on the basis of new archival documents. The article will be useful to everyone who is interested in phaleristics and the fate of the participants of the Crimean War and the defense of Sevastopol in 1854–1855.

Ключевые слова: орден Св. Георгия, Крымская война, Таврическая губерния.

Keywords: Order of St. George, Crimean War, Taurian province.

«Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны, не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оного единственно тот, кто обязанность свою выполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх того ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия, особенным отличием...» Так гласил Статут Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденный 26.11.1769 году императрицей Екатериной II.

Орден имел 4 степени, из них орденом Св. Георгия 1-й и 2-й ст. награждались за выдающуюся воинскую доблесть по усмотрению императора, а награждение орденами 3-й и 4-й ст. возлагалось на специальные Думы, состоящие из кавалеров этого ордена (Рис. 1). Сверх этого офицеры награждались орденом Св. Георгия 4-й ст. за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах и за совершение определенного числа (18, 20) морских кампаний (с 15.05.1855 г. награждение за выслугу было заменено на орд. Св. Владимира 4-й ст.).

Рис. 1. Орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1–4 степеней

К Военному ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия причислялся особый Знак отличия Военного ордена (солдатский Георгий) (Рис. 2). Введен он был в 1807 году императором Александром I для награждения воинских нижних чинов за выдающуюся храбрость, оказанную в бою против неприятеля.

В том же году был подписан указ о причислении Золотого оружия (шпаги, кортика, сабли) к «прочим знакам отличия». Награждение Золотым оружием производилось за проявленную личную храбрость и самоотверженность. Само Золотое оружие считалось отдельной самостоятельной наградой, но в 1869 году награждённые им получили общественный статус Георгиевского кавалера.

Рис. 2. Знак отличия Военного Ордена

Рис. 3. Бронзовая медаль в память столетнего юбилея императорского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия

26 ноября 1869 года в России торжественно отмечался столетний юбилей ордена Св. Георгия. К этой дате с разрешения Министра Императорского Двора В.С. Степановым и Н.И. Григоровичем был выпущен сборник, включающий сведения о святом Георгии, обзор законодательных актов о Военном ордене св. Георгия и о Знаке отличия Военного ордена с приложением статистических сведений о количестве награжденных. Отдельный раздел сборника был посвящен частям Русской армии и Флота, имеющим Георгиевские боевые знаки отличия. Справочный аппарат издания включал полный список кавалеров ордена четырех степеней за 100 лет и алфавитный указатель к нему.

Наряду с этим высочайшим повелением была изготовлена бронзовая медаль в память столетнего юбилея императорского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия для кавалеров этого ордена 4-й степени и лиц, имеющих золотое оружие за храбрость или знак отличия Военного Ордена (Рис. 3). Именно об этом сообщалось в циркулярном письме Министра внутренних дел от 6 марта 1872 года, адресованном Таврическому губернатору генерал-майору А.Е. Рейтерну [3, л. 1]. В возможно короткий срок следовало направить в Канцелярию Министерства Императорского Двора именные списки с указанием места жительства проживающих в Таврической губернии отставных кавалеров Св. Георгия 4-й ст. и состоящим в ведомстве МВД отставным военным офицерам и гражданским чиновникам, имеющим золотое оружие за храбрость или знак отличия Военного Ордена.

Сбор сведений осуществлялся через городские и уездные жандармские управления, куда 24 марта 1872 года были направлены соответствующие распоряжения [3, л. 2–2 об.].

Переписка с уездами велась до 30 июня 1872 года. Последний список был прислан уже после отправки в Петербург сводного перечня кавалеров Св. Георгия.

Из донесений с мест следовало, что в г. Бахчисарае, Перекопском и Мелитопольском уездах кавалеров ордена Св. Георгия 4-й ст. и лиц, имеющих золотое оружие или знак отличия Военного Ордена, не оказывалось.

В г. Севастополе, в Феодосийском и Бердянском уездах не проживало лиц, награжденных золотым оружием и ЗОВО.

В Ялтинском уезде не нашлось награжденных, состоящих по МВД.

Симферопольское городское полицейское управление 14 июня прислало рапорт о том, что в городе никого не имеется, а спустя два дня прислало список из 6 человек.

Анализ присланных списков показал, что их составители зачастую не различили кавалеров Св. Георгия и нижних чинов, награжденных Знаком отличия Военного ордена. Разобраться с этим помогают, в какой-то степени, звания награжденных.

В конечном счете, по материалам архивного дела удалось составить сводный список из 136 человек, проживавших на 1872 год в Таврической губернии (см. Приложение). Из них штаб и обер-офицеры составили – 44; нижние чины – 89; чиновники – 3 человека. В ряде случаев указывались причины награждения и номера наград. Последние не всегда совпадают с номерами, приведенными в открытых интернет-источниках.

Любопытно, что капитан 1 ранга Бардаки Михаил Иванович и капитан 2 ранга Кокораки Андрей Христофорович в списке упомянуты дважды. Виною тому — особенность административно-территориального подчинения Севастополя, часть которого относилась в Ялтинскому уезду, а часть — к Симферопольскому. В результате кавалеры оказались внесенными в списки и от города Севастополя и как проживающие в Симферопольском уезде (в последнем случае — без указания инициалов).

По списку можно проследить судьбы участников Крымской войны. Служивший в Балаклавском греческом пехотном батальоне Бозбана Константин Петрович, награжденный Знаком отличия Военного ордена за участие в отражении англо-французских войск при нападении 14 сентября 1854 года на Балаклаву [4, с. 353], в 1856 году вышел в отставку, покинул Балаклаву и проживал в деревне Алматархан Симферопольского уезда [3, л. 4].

Служивший в 43 флотском экипаже Белый Евстафий Климович получил Знак отличия Военного ордена за отличие, оказанное при обороне г. Севастополя в бою против англо-французов 5 августа 1855 г. После войны он жительствова в с. Кардашинке Днепровского уезда, но на момент сбора сведений о награжденных содержался за воровство в Алешковском тюремном замке [3, л. 26 об.], что по статуту было несовместимо со званием Георгиевского кавалера.

Полнота и достоверность предоставленных сведений в ряде случаев вызывает сомнения. Трудно поверить, что в Севастополе и Балаклаве не нашлось никого из нижних чинов, имеющих Знак отличия Военного

ордена. Кроме указанных в севастопольском списке лиц, из других источников известно об офицерах, награжденных солдатским Георгием за участие в обороне Севастополя и проживавших на тот момент в городе. Среди них — находящиеся в отставке поручик Добровольский Родион Филиппович (1827?–25.05.1876), подпоручик Кондараки Аристид Евстафиевич (1830, Симферополь–21.02.1876), поручик Кузин Павел Григорьевич (1826–02.03.1902), подпоручик по рабочим экипажам Рыбаков Авксентий (Аксентий) Алексеевич (1821?–08.09.1893), поручик арсенальных рот Харичков Николай Васильевич (1829?–06.12.1899) [2, с. 32–36].

В итоге, 23 июня 1872 года от Таврической губернии в МВД был направлен список лишь из 40 чел. с фамилиями 38 кавалеров ордена Св. Георгия 4-й ст., 1 награжденного золотым оружием и 1 служащий МВД, имеющий Знак отличия Военного ордена [3, л. 50–51].

Из офицерских чинов в этот список не вошли четверо, как не служившие по части МВД: генерал-лейтенант Суходольский [Елисей Петрович?] (Золотая сабля «За храбрость» на георгиевском темляке), генерал-майор Лагорио [Карл Феликсович] (ЗОВО 4 ст. за Кавказ, Золотая сабля «За храбрость» на георгиевском темляке (1860)), майор Быстрицкий (ЗОВО) и капитан Третьяков [Николай Иванович?] (орден Св. Георгия 4-й ст., Золотое оружие с надписью «За храбрость»).

По той же причине не вошли в список награжденных юбилейной медалью и все оставшиеся. Между тем среди них были 27 человек, получивших Знак отличия Военного ордена за участие в Крымской войне и обороне Севастополя. Двое участвовали в Синопском сражении, один в Балаклавском.

Среди нижних чинов в списках упоминаются 2 матроса Гвардейского экипажа. В кампанию 1854–1856 годов чины экипажа участвовали в боевых действиях как морская часть, составляя экипажи кораблей Балтийского флота. Но в нашем случае, скорее всего, упомянутые матросы были направлены на службу в Гвардейский экипаж за отличие в обороне Севастополя уже после окончания Крымской войны.

Закончилась история с награждением через год, когда 16 августа 1873 года 40 медалей с прилагаемым списком были получены в Симферополе [3, л. 55–56 об.]. О вручении медалей по принадлежности предписывалось уведомить Канцелярию Министерства Императорского Двора. Таким образом, в деле отложились расписки с автографами награжденных, среди которых участники обороны Севастополя П.И. Барановский, М.А. Манта (Рис. 4) и др.

За этот год подполковник Я.М. Шляков переехал в Севастополь, где награда и нашла героя, а вот капитан 2 ранга А.Х. Кокораки скончался, и его медаль была возвращена. История умалчивает, кому достались 2 лишние медали, выписанные Бардаки и уже покойному Кокораки, по крайней мере, об их возврате не сообщается.

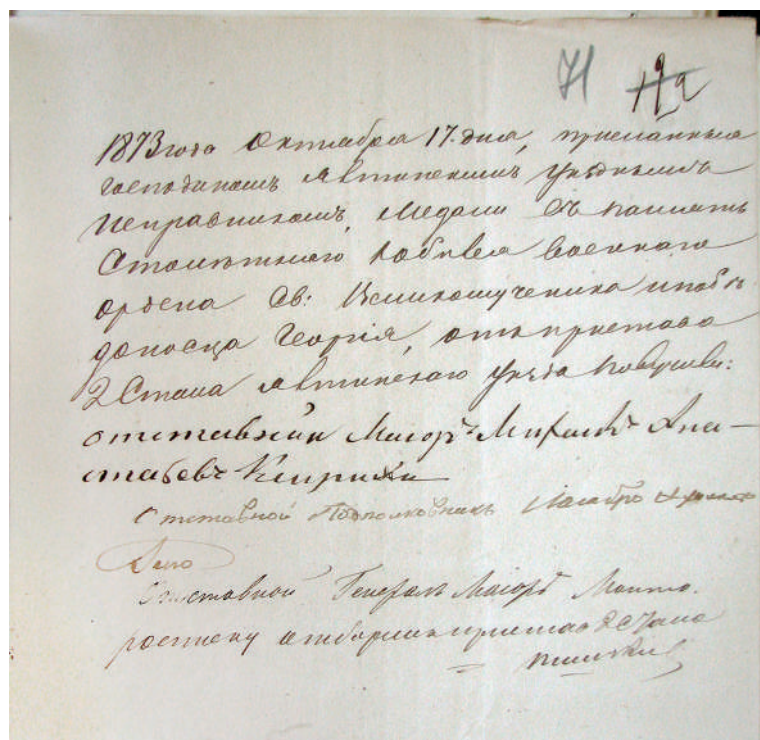

Рис. 4. Расписки М.А. Ксиряхи, Л.А. Ризо и М.А. Манто в получении медали

В этом году отмечается 250-летие учреждения императорского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Надеемся, что материалы статьи будут полезны всем, интересующимся фалеристикой и судьбами участников Крымской войны и обороны Севастополя.

Источники и литература:

1. А.С. Меньшиков в Крымской войне. Ч. 2. Приказы 1853–1855 гг. // сост. А.В. Ефимов. — Симферополь, 2019. — 280 с.
2. Малиновская О.И., Ляшук П.М. Захоронения участников Крымской войны на старом севастопольском городском кладбище // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск XII(V). Серия Б. Новая и новейшая история. Избранные материалы X Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузищина. — Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2013. — С. 25–36.

3. О собрании сведений о кавалерах ордена св. Георгия 4 степени // ГАРК. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 25667. — Л. 1.
4. Прошения и рапорты чинов Балаклавского пех. греческого батальона // Николупулос И. Греки и Россия. XVII-XX вв. Сборник статей. — СПб., 2007. — С. 299–427.

Список сокращений:

ГАРК – Государственный архив Республики Крым
 ЕИВ – Его Императорское Высочество
 ЗОВО – Знак отличия Военного ордена
 КМА – корпус морской артиллерии
 КФШ – корпус флотских штурманов
 МВД – Министерство внутренних дел
 МК – морских кампаний
 ОСГ – орден Св. Георгия
 отс. – отставке
 пех. – пехотный
 РЭ – рабочий экипаж
 ФЭ – флотский экипаж

Приложение
СВЕДЕНИЯ О НАГРАЖДЕННЫХ ОРДЕНОМ СВ. ГЕОРГИЯ 4 СТ., ЗНАКОМ ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА
И ЗОЛОТЫМ ОРУЖИЕМ ЗА ХРАБРОСТЬ, ПРОЖИВАВШИХ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1872 г.

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
1.	фельдфебель	Рудзинский Феликс	ЗОВО 4 ст.		Симферопольский уезд, 1 стан, в [...] ской казённой даче стражином	
2.	унтер-офицер	Курбатов Иван	ЗОВО 4 ст.		Симферопольский уезд, 1 стан, селение Зуя	
3.	унтер-офицер	Бозбана Константин [Петрович]	ЗОВО 4 ст.	№ 104519	Симферопольский уезд, 2 стан, д. Алматархан	Был 14.09.1854 при нападении на Балаклаву англо-французскими войсками, за что награждён ЗОВО [2, с. 353].
4.	контр-адмирал	Барановский Петр [Иванович]	ОСГ 4-й ст. за 18 МК	№ 9027(01.02.1852)	г. Симферополь, 1 часть	
5.	капитан 1 ранга	Бардаки [Михаил Иванович?]	ОСГ 4-й ст. за 18 МК	№ 6562 (05.12.1841)	г. Симферополь, 1 часть	
6.	капитан 2 ранга	Серебряков Егор []	ОСГ 4-й ст. за 18 МК	№ 9532 (26.11.1854)	г. Симферополь, 1 часть	
7.	капитан 2 ранга	Кокораки [Андрей Христофорович]	ОСГ 4-й ст. за 18 МК	№ 6121(03.12.1839)	г. Симферополь, 1 часть	
8.	поручик Вольнского пех. полка	Иванов Александр [Иванович]	ЗОВО 4 ст.			
9.	подполковник Литовского пех. полка	Шляков Яков [Матвеевич]	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы	№ 9811 (26.11.1855)	г. Симферополь, 3 часть	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
10	капитан-лейтенант чф	Лазарев Константин Андреевич	ОСГ 4-й ст. за храбрость	№ 9542 (06.12.1854)	г. Ялта	
11.	капитан 1 ранга	Ильинский Дмитрий Васильевич	ОСГ 4-й ст. за храбрость	№ 9538 (06.12.1854)	г. Ялта	
12.	генерал-лейтенант	Жигмонд Семен Осипович	ОСГ 4-ст. за 25 л. службы	№ 9647 (26.11.1855)	г. Ялта	
13.	майор	Кирихи Михайло Анастасьевич	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы	№ 10135 (26.11.1858)	г. Балаклава	
14.	подполковник	Рязс Ламбро Ахилеевич (Ахиллович)	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы	№ 10179 (26.11.1859)	г. Балаклава	В списках – майор.
15.	генерал-майор	Манто Матвей Афанасьевич	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы	№ 8879 (01.02.1852)	г. Балаклава	
16.	подполковник	Звенигородский Николай Федорович, князь, полицейстер Карасубазара	ОСГ 4 ст.	№ 8731 (26.11.1851)	г. Карасубазар	
17.	штабс-капитан в отс.	Григорьев Степан Григорьевич	ОСГ 4 ст.		г. Карасубазар	
18.	поручик в отс.	Давидов Даниил Давидович	ОСГ 4 ст.		г. Карасубазар	
19.	унтер-офицер	Кузнецов Алексей Кондратьевич	ЗОВО 4 ст.		г. Карасубазар	
20.	генерал-лейтенант	Ратч Федор Иванович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (05.12.1841)	№ 6471 (05.12.1841)	г. Севастополь	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
21.	генерал-лейтенант	Варицкий Николай Демьянович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1848)	№ 7948 (26.11.1848)	г. Севастополь	
22.	генерал-майор	Хомутов Лев Филиппович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1851)	№ 8742 (26.11.1851)	г. Севастополь	
23.	капитан 1 ранга	Хомутов Яков Филиппович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (11.12.1840)	№ 6352 (11.12.1840)	г. Севастополь	
24.	генерал-майор	Ставранки Михаил Иванович	ОСГ 4 ст. за 25 л. (1844)	№ 7366 (17.12.1844)	г. Севастополь	
25.	генерал-майор	Крыкин Дмитрий Васильевич	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1848)	№ 8115 (26.11.1848)	г. Севастополь	
26.	генерал-майор	Попов Петр Федорович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1854)	№ 9482 (26.11.1854)	г. Севастополь	
27.	генерал-майор	Луговской Иван Павлович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1856)	№ 9949 (26.11.1856)	г. Севастополь	
28.	капитан 1 ранга	Кокораки Николай [Христофорович]	За отсутствием из города сведения не отобраны	№ 6623 (05.12.1841)	г. Севастополь	
29.	капитан 2 ранга	Кокораки Андрей [Христофорович]		№ 6121 (03.12.1839)	г. Севастополь	За отсутствием в городе сведения не отобраны
30.	капитан 1 ранга	Бардаки Михаил Иванович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (05.12.1841)	№ 6562 (05.12.1841)	г. Севастополь	
31.	капитан 1 ранга	Реунов Константин Степанович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1841)	№ 9161 (26.11.1853)	г. Севастополь	
32.	капитан 2 ранга	Хомутов Павел Филиппович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (11.12.1840)	№ 6351 (11.12.1840)	г. Севастополь	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
33.	капитан 2 ранга	Рамклу Николай Федорович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1851)	№ 8743 (26.11.1851)	г. Севастополь	
34.	подполковник	Радионоев Евдоким Радионович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (№ 4326, 26.11.1854)	№ 9502 (26.11.1854)	г. Севастополь	
35.	подполковник КФШ	Топорков Дмитрий [Васильевич]	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы	№ 10015 (26.11.1856)	г. Севастополь	«При Топоркове нет указа об отставке и грамоты, поэтому в каком году он получил орден св. Георгия ему не известно».
36.	подполковник	Клементьев Константин Прокофьевич	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (26.11.1857)	№ 10090 (26.11.1857)	г. Севастополь	
37.	подполковник	Лошевич Александр Иванович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (№ 6772, 28.12.1855)	№ 9835 (26.11.1855)	г. Севастополь	
38.	капитан	Турков Константин Михайлович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (№ 8883, 26.11.1856)	№ 10019 (26.11.1856)	г. Севастополь	
39.	капитан	Иванов Егор Трофимович	ОСГ 4 ст. за 25 л. службы (№ 8882, 26.11.1856)	№ 10018 (26.11.1856)	г. Севастополь	
40.	подполковник в отс.	Рудевки Александр Александрович	ОСГ 4 ст.	№ 4662 (25.12.1831)	Феодосийский уезд, д. Мушай Шеймнанской волости	
41.	подпоручик в отс.	Малиновский Николай	ЗОВО		Феодосийский уезд, д. Камышлык Сальнской волости	
42.	унтер-офицер в отс.	Панченко Епифан	ЗОВО		Феодосийский уезд, с. Салах Сальнской волости	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
43.	генерал-лейтенант	Суходольский [Елисей Петрович?]	Золотая сабля «За храбрость» на георгиевском темляке	№ 7905 (26.11.1847) (Интернет)	г. Феодосия	
44.	генерал-майор	Лагорио [Карл Феликсович]	ЗОВО, Золотая сабля «За храбрость» на георгиевском темляке	ЗОВО (1842); Золотая драгунская сабля с надписью «За храбрость» за отличие в делах против горцев (19.03.1860)	г. Феодосия	
45.	вице-адмирал	Соколов [Николай Михайлович]	ОСГ 4 ст.	№ 9877 (26.11.1855)	г. Феодосия	
46.	майор	Быстрицкий	ЗОВО		г. Феодосия	
47.	капитан	Третьяков [Николай Иванович?]	ОСГ 4 ст., Золотое оружие с надписью «За храбрость»	№ 9607 (13.05.1855)	г. Феодосия	
48.	коллежский секретарь	Иванов	ЗОВО		г. Феодосия	
49.	фельдфебель	Есеев Степан	ЗОВО		г. Феодосия	
50.	унтер-офицер	Краснин Андрей	ЗОВО		г. Феодосия	
51.	унтер-офицер	Постов Андрей	ЗОВО		г. Феодосия	
52.	унтер-офицер Волынского пех. полка	Наумов Андрей	ЗОВО		г. Феодосия	За 27 августа 1855 г. уволен в бессрочный отпуск 16.11.1856 г.
53.	унтер-офицер	Бетхер Ян	ЗОВО		г. Феодосия	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
54.	боцман 2 роты 41 ФЭ в отс.	Еремченко Максим Иванович	ЗОВО, № 94052		г. Ногайск Бердянского уезда	25 декабря 1853 г. за истребление на Синопском рейде турецкой эскадры 18 ноября 1853 г.
55.	унтер-офицер	Ложник Дмитрий Евстафиевич	ЗОВО		селение Дмитриевка Бердянского уезда	
56.	унтер-офицер	Желихов? Демьян Зиновьевич	ЗОВО		селение Дмитриевка Бердянского уезда	
57.	матрос 1 статьи 35 ФЭ	Малионко Яков Павлович	ЗОВО		селение Андреевка Бердянского уезда	
58.	матрос 1 статьи 40 ФЭ	Бойко Николай Васильевич	ЗОВО		Селение Андреевка Бердянского уезда	
59.	матрос 40 ФЭ	Бабенко Андрей Андреевич	ЗОВО		Селение Андреевка Бердянского уезда	Наиболее отличившимся при нападении 26 мая 1855 г. неприятеля на левый фланг нашей у Севастополя оборонительной линии. 15 мая 1855 за отличие, оказанное при третьем бомбардировании 2 мая 1855 г.
60.	матрос 1 статьи 35 ФЭ	Григорев Иван Каленикович (Каленикович)	ЗОВО		Селение Андреевка Бердянского уезда	
61.	квартирмейстер 40 ФЭ	Романец Федор	ЗОВО		Селение Николаевка Бердянского уезда	ЗОВО для наиболее достойнейших, состоящих во все время бомбардирования неприятелем г. Севастополя в прислуге у орудий на батареях 1 Отделения. 30 мая 1855 г. за отличие, оказанное при второй бомбардировке, продолжавшейся с 30 марта по 3 апреля 1855 г.

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
62.	боцман 40 ФЭ	Лобода Василий	ЗОВО		Селение Николаевка Бердянского уезда	За отличие, оказанное при защите в последнее время г. Севастополя и отбитии штурма 27 августа 1855 г. 12 ноября 1855 г. за отличия, оказанные при штурме 27 августа 1855 г.
63.	матрос	Обломой Данило	ЗОВО		Селение Николаевка Бердянского уезда	
64.	унтер-офицер Елецкого пех. полка	Иванов Роман Иванович	ЗОВО, № 107042		Селение Берестовое Бердянского уезда	За отбитие штурма г. Севастополя 6 июня 1855 г.
65.	матрос 1 статьи 37 ФЭ	Малеванец (Малованец) Евтихий Данилович	ЗОВО, № 99426		Селение Берестовое Бердянского уезда	За оказанное мужество и храбрость при бомбардировании 5 октября гор. Севастополя на бастионе № 4, Приказ от 24.11.1854 г. № 129 [1, с. 64]
66.	квартирмейстер	Щепечкин Иван Иванович	ЗОВО, № 109962		Селение Берестовое Бердянского уезда	
67.	квартирмейстер 33 ФЭ	Муха Слон (Семен) Иванович	ЗОВО, № 93829		Селение Берестовое Бердянского уезда	За отличие, оказанное при истреблении турецкой эскадры на Синопском рейде 18 ноября 1853 г.
68.	матрос 1 статьи	Падалка Лукьян Емельянович	ЗОВО, № 13030		с. Поповка Бердянского уезда	
69.	матрос 1 статьи	Омельченко Потап Антонович	ЗОВО, № 98289		Селение Берестовое Бердянского уезда	
70..	мастеровой 18 РЭ	Михайленко Михаил Васильевич	ЗОВО, № 102761		с. Поповка Бердянского уезда	3 февраля 1855 г. за успешное устройство моста через гаваанскую бухту под неприятельскими выстрелами.
71.	?	Дьяченко Тихон Лукьянович	ЗОВО, № 104978		с. Поповка Бердянского уезда	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
62.	боцман 40 ФЭ	Лобода Василий	ЗОВО		Селение Николаевка Бердянского уезда	За отличие, оказанное при защите в последнее время г. Севастополя и отбитии штурма 27 августа 1855 г. 12 ноября 1855 г. за отличия, оказанные при штурме 27 августа 1855 г.
63.	матрос	Обломой Данило	ЗОВО		Селение Николаевка Бердянского уезда	
64.	унтер-офицер Елецкого пех. полка	Иванов Роман Иванович	ЗОВО, № 107042		Селение Берестовое Бердянского уезда	За отбитие штурма г. Севастополя 6 июня 1855 г.
65.	матрос 1 статьи 37 ФЭ	Малеванец (Малованец) Евтихий Данилович	ЗОВО, № 99426		Селение Берестовое Бердянского уезда	За оказанное мужество и храбрость при бомбардировании 5 октября гор. Севастополя на бастионе № 4, Приказ от 24.11.1854 г. № 129 [1, с. 64]
66.	квартирмейстер	Щепечкин Иван Иванович	ЗОВО, № 109962		Селение Берестовое Бердянского уезда	
67.	квартирмейстер 33 ФЭ	Муха Слон (Семен) Иванович	ЗОВО, № 93829		Селение Берестовое Бердянского уезда	За отличие, оказанное при истреблении турецкой эскадры на Синопском рейде 18 ноября 1853 г.
68.	матрос 1 статьи	Падалка Лукьян Емельянович	ЗОВО, № 13030		с. Поповка Бердянского уезда	
69.	матрос 1 статьи	Омельченко Потап Антонович	ЗОВО, № 98289		Селение Берестовое Бердянского уезда	
70..	мастеровой 18 РЭ	Михайленко Михаил Васильевич	ЗОВО, № 102761		с. Поповка Бердянского уезда	3 февраля 1855 г. за успешное устройство моста через гаваанскую бухту под неприятельскими выстрелами.
71.	?	Дьяченко Тихон Лукьянович	ЗОВО, № 104978		с. Поповка Бердянского уезда	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
72.	7 43 ФЭ	Бычек Иван Степанович	ЗОВО, № 106357	№ 106567	с. Полова Бердянского уезда	За отличие оказанное при отражении неприятельского штурма на Севастополь в июле 1855 г. 26 мая 1855 г. за отличие оказанное против англо-французов при обороне г. Севастополя.
73.	матрос Гвардейского экипажа	Лесняк Парфентий Иванович	ЗОВО, № 104951		Селение Орловка Бердянского уезда	ЗОВО на четыре бастиона собственн на прислугу при орудиях во время штурма 6 июня 1855 г. на оных находящуюся.
74.	рядовой Виленского пех. полка	Овчаров Яков Саввинович	ЗОВО, № 93160	Селение Орловка Бердянского уезда		
75.	бомбардир	Шелев Сафрон Савельевич	ЗОВО, № 80777		В Обычном Бердянского уезда	
76.	унтер-офицер	Надин Козьма Антифеевич?	ЗОВО		местечко Большой Токмак Бердянского уезда	
77.	квартирмейстер	Лобурь Кирило Иванович	ЗОВО		местечко Большой Токмак Бердянского уезда	
78.	квартирмейстер	Запужлычи Дмитрий Иванович	ЗОВО		местечко Большой Токмак Бердянского уезда	
79.	мастеровой 3 класса 18 РЭ	Герасименко Сельвестр Тарасович	ЗОВО		местечко Большой Токмак Бердянского уезда	В 1855 г. за Угущение неприятельской бомбы, павшей в пороховой погреб Николаевской батареи Севастопольского порта.
80.	мастеровой 2 статьи 19 РЭ	Лобач Григорий Афанасьевич	ЗОВО		с. Колан Бердянского уезда	ЗОВО на четыре бастиона собственн на прислугу при орудиях во время штурма 6 июня 1855 г. на оных находящуюся.

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
81.	рядовой	Чаринский Степан Гаврилович	ЗОВО		с. Работино Бердянского уезда	
82.	унтер-офицер	Фостик Иосиф Степанович	ЗОВО		селение Малая Токманка Бердянского уезда	
83.	квартирмейстер	Чикайло Максим Яковлевич	ЗОВО		селение Малая Токманка Бердянского уезда	
84.	квартирмейстер	Кавун Аксентий Андреевич	ЗОВО		селение Малая Токманка Бердянского уезда	
85.	рядовой	Курилиц Гаврило Демьянович	ЗОВО		с. Петропавловка Бердянского уезда	
86.	рядовой	Гриценко Дорофей Гордеевич	ЗОВО		с. Петропавловка Бердянского уезда	
87.	рядовой	Держаев Парфентий Данилович	ЗОВО		с. Ново-Михайловка Бердянского уезда	
88.	унтер-офицер Томского пех. полка	Зинченко Василий Тимофеевич	ЗОВО		с. Вознесенка Бердянского уезда	За отличие в деле против турок с 20 октября 1853 по 3 января 1854 г.
89.	унтер-офицер	Ярош Алексей	ЗОВО		в с. Александровке Бердянского уезда	
90.	матрос 1 статьи 33 ФЭ	Луг Алексей Иванович	ЗОВО		в с. Покровке Бердянского уезда	Наиболее отличившимся при втором усиленном бомбардировании Севастополя нижним чином, состоявшим в прислуге для действия из орудий.
91.	унтер-офицер	Борщенко Петр Петрович	ЗОВО		в с. Александровке Бердянского уезда	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
92.	унтер-офицер	Кунев Мефодий	ЗОВО		в с. Ново-Константинове Бердянского уезда	
93.	капитан 1 ранга	Максугов Павел Петрович, князь, начальник г. Бердянска и порта	Золотая сабля с надписью «За храбрость», 08.09.1855		г. Бердянск	за отличия, оказанные как при неоднократных бомбардировках Севастополя и славном отражении штурма 6 июня 1855 г., так и вообще при обороне Севастополя
94.	матрос 1 статьи 4 роты Гвардейского экипажа	Кравченко Андрей Алексеевич	ЗОВО		с. Чалбасы Днепропетровского уезда 1 стана	
95.	боцманмант 29 (34?) фЭ	Коваленко Никифор Иванович	ЗОВО		с. Чалбасы Днепропетровского уезда 1 стана	
96.	квартирмейстер 43 фЭ	Коваленко Аким Ефстафиевич	ЗОВО		с. Чалбасы Днепропетровского уезда 1 стана	За отличие, оказанное при защите в последнее время г. Севастополя и отбитии штурма 27 августа 1855 г. 28 ноября 1855 г. за отличие, оказанное против англо-французов при обороне г. Севастополя.
97.	боцманмант	Циленко Филипп Ерофеевич	ЗОВО		с. Чалбасы Днепропетровского уезда 1 стана	
98.	рядовой	Коваленко Харитон Никитич	ЗОВО		с. Чалбасы Днепропетровского уезда 1 стана	
99.	унтер-офицер, Гусарского ЕИВ князя Николая	Кондратьев Афанасий Ефремович	ЗОВО		в Новософиевке Бехтерской волости Днепропетровского уезда	За разные подвиги отличной храбрости и самоотвержения в деле 13 октября 1854 г. (Балаклавское сражение). За отличную

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
	Максимилиановича полка					храбрость и мужество, оказанные в разных делах против англо-французов в 1854 г.
100.	? 29 фЭ	Настаскинко (Настасенко) Харитон Иванович	ЗОВО		в Кардашинке Днепропетровского уезда	16 ноября 1854 г. за вылазку с 15 на 16 число к неприступным траншеям.
101.	?	Клименко Иван Мартынович	ЗОВО		на Кардашинских хуторах клин. Днепропетровского уезда	
102.	? 43 фЭ	Белый Ефстафий Климович	ЗОВО		Жительство в с. Кардашинке (Днепропетровского уезда), ныне содержится за воровство в Алешковском поремном замке.	5 августа 1855 г. за отличие, оказанное против англо-французов при обороне г. Севастополя.
103.	?	Семен Никифорович Лупа	ЗОВО		на слободке при г. Алешках (Днепропетровского уезда)	
104.	унтер-офицер	Мартыненко Иван	ЗОВО		2 стана Днепропетровского уезда в с. Князь-Григорьевке	
105.	унтер-офицер	Конюзов Григорий Кононович	ЗОВО		в селении Горностаевке (Днепропетровского уезда)	
106.	рядовой	Алексей Андреевич Зайцев	ЗОВО		в селении Горностаевке (Днепропетровского уезда)	
107.	рядовой	Наторный Иван Федорович	ЗОВО		в селении Горностаевке (Днепропетровского уезда)	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
108.	унтер-офицер	Слобода Людвиг Машевич	ЗОВО		в с. Каиры (Днепропетровского уезда)	
109.	рядовой	Якименко Харитон Демьянович	ЗОВО		в с. Каиры (Днепропетровского уезда)	
110.	матрос 1 статьи, 45 фЭ	Малик Максим Корнеевич	ЗОВО		в с. Каиры (Днепропетровского уезда)	17 июля 1855 г. за отличие при защите Севастополя.
111.	боцман	Мельничено Ефрем Григорьевич	ЗОВО		в с. Любимове (Днепропетровского уезда)	
112.	унтер-офицер	Матроек Григорий Герасимович	ЗОВО		в с. Любимове (Днепропетровского уезда)	
113.	рядовой	Пастыров Андрей	ЗОВО		в с. Любимове (Днепропетровского уезда)	
114.	фельдшер	Дмитриев Иван Дмитриевич	ЗОВО		В Черноморской экономии графа Мордвинова (Днепропетровский уезд)	
115.	матрос 1 статьи, гвардейский экипаж.	Черкасов Фрол Яковлевич	ЗОВО		в селении Маячне (Днепропетровский уезд)	За отличие во время обороны Севастополя. 9 июля препровождены из Военного министерства, 22 июля 1855 г. получены 1000 знаков.
116.	рядовой	Пулев Федор Степанович	ЗОВО		в селении Маячне (Днепропетровский уезд)	
117.	унтер-офицер	Воронов Матвей Петрович	ЗОВО		в селении Маячне (Днепропетровский уезд)	
118.	боцманмант	Лукияненко Иван	ЗОВО		в с. Васильевне Днепропетровского уезда	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
119.	квартирмейстер	Коршун Андрей Григорьевич	ЗОВО		в с. Казачьи лагера Днепропетровского уезда	
120.	фейерверкер	Шанин Михаил Григорьевич	ЗОВО		в с. Казачьи лагера Днепропетровского уезда	
121.	унтер-офицер	Ступин Давид Яковлевич	ЗОВО		на Казачьелалерских хуторах Днепропетровского уезда	
122.	прапорщик	Конас Михаил	?		с. Збурьевка Днепропетровского уезда	
123.	фейерверкер	Громов Андрон	ЗОВО		с. Збурьевка Днепропетровского уезда	
124.	бомбардир	Конюенко Иов	ЗОВО		с. Збурьевка Днепропетровского уезда	
125.	фейерверкер	Онофриев Антон	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	
126.	боцман, 30 фЭ	Лукияненко Кондрат	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	
127.	бомбардир	Соломаха Алексей	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	
128.	бомбардир	Грибов Антон	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	
129.	квартирмейстер	Ворущук Иван	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	В 1855 г. за утешение неприятельской бомбы павшей в пороховой погреб Николаевской батарее Севастопольского порта.
130.	фейерверкер	Федоров Корней	ЗОВО		с. Голая пристань Днепропетровского уезда	

№ п/п	Звание	Ф.И.О.	Награда	Номер и дата награждения (Интернет)	Место проживания, должность	Примечания
131.	фейерверкер	Карцев Павел34 фЭ	ЗОВО		с. Голая пристань Днепровского уезда	
132.	боцман	Белый Лука	ЗОВО		с. Голая пристань Днепровского уезда	За вылазку к неприятельским траншеям в ночи с 28 на 29 декабря 1854 г.
133.	капитан 1 ранга	Морозов Николай Ильич	ОСГ 4 ст.	№ 7843 (26.11.1847)	г. Евпатория	
134.	унтер-офицер КМА	Янков Иван Кирилович	ЗОВО		г. Евпатория	ЗОВО для наиболее достойнейших состоящих во все время бомбардирования неприятелем г. Севастополя в прислуге у орудий на батареях 2 Отделения нашей оборонительной линии, постоянно отличавшихся мужеством и примерной неустранимостью. 25.05.1855 г. на 4 бастиионе за отличную храбрость и мужество против неприятеля.
135.	унтер-офицер урядничного Балаклавского греческого пех. батальона	Калагерос Афанасий (Кологерас Афанасий Дмитриевич.	ЗОВО		г. Евпатория	Был 14.09.1854 г. при нападении на Балаклаву англо-французскими войсками, в плену у англичан находился с 14.09.1854 по 14.04.1856, в 1856 проживал в селении Кадыновке близ Балаклавы [4, с.394-396].
136.	Обер-телеграфист, губернский сенсетабль	Карелин	?		г. Евпатория	

Роман Александрович Манилов
директор Благотворительного Фонда
имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной,
настоятель храма в честь Святителя Иоанна Архиепископа
Сан-Францисского и Шанхайского г. Твери.
г. Тверь

Roman Alexandrovich Manilov
Director of the Ekaterina Bakunina Charitable Foundation
Tver

СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИИ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ **THE FORMATION OF A MEDICAL SISTER'S PROFESSION IN BESIEGED SEVASTOPOL DURING THE CRIMEAN WAR IN 1853–1856 AND THE ACTIVITIES OF THE SISTER OF MERCY EKATERINA BAKUNINA**

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о возникновении в Севастополе во время обороны города в 1854–1855 гг. во время Крымской войны профессионального женского медицинского служения, на основе которого в России во второй половине XIX в. впервые появилась профессия медицинской сестры.

На основании воспоминаний военных врачей — участников обороны Севастополя в 1854–1855 гг. Н.И. Пирогова, Г.Х. Ульрихсона и Х.Я. Гюббенета показывается трансформация служения сестер милосердия Крестовоздвиженской общины, призванных быть сиделками в военных госпиталях, в профессиональное медицинское служение под наблюдением и руководством военных врачей.

Abstract: the article considers the issue of the emergence in Sevastopol during the defense of the city in 1854–1855 of professional female medical service, on the basis of which the profession of a medical sister first appeared in Russia in the second half of the XIX century.

The material shows the transformation of the ministry of the sisters of mercy of the Holy Cross-Exaltation community, based on the memoirs of military doctors N.I. Pirogov, G.H. Ulrichson and H.J. Gubbenet, participating in the defense of Sevastopol in 1854–1855.

Ключевые слова: сестры милосердия, Крестовоздвиженская община сестер милосердия, профессия медицинской сестры в осажденном Севастополе.

Keyword: sisters of Mercy, Holy Cross Community of Sisters of Mercy, profession of a medical sister in besieged Sevastopol.

На Крымской войне, где работали русские сестры милосердия Крестовоздвиженской общины под руководством А.П. Стахович, Е.А. Хитровой, Е.П. Карцевой и Е.М. Бакуниной, в госпиталях противника работала одна дама — англичанка Флоренс Найтингейл, ставшая впоследствии европейским символом женского медицинского служения.

Сам День медицинской сестры, являющийся Международным днем, учрежден в память Флоренс Найтингейл, и приурочен ко дню ее рождения 12 мая. Когда мы в России празднуем этот день, мы воистину становимся теми Иванами, которые не помнят или не хотят помнить своего родства.

В 1921 г. приказом Наркома Здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко были упразднены все общества сестер милосердия, а также, как было сказано в постановлении, «упраздняется и само слово милосердие».

Впоследствии, в поисках нравственных ориентиров в медицине, когда весь опыт дореволюционного служения русских сестер милосердия был предан забвению, было принято решение о праздновании дня медицинской сестры по международному образцу.

Вот как писал Н.И. Пирогов, бывший руководителем Крестовоздвиженской общины сестер милосердия во время Крымской войны, о первенстве Флоренс Найтингейл в деле сестринского служения.

«Может, конечно, носиться слух в Западной Европе будто бы мисс Нейтингель с 37 сестрами, «дамами высокой души» была первая, которая по собственному желанию, приехала в Крымскую войну, чтобы с сестрами взять на свое попечение всех больных и раненых, находящихся в амбулатории.

Мы, русские, не должны позволять никому переделывать до такой степени историческую истину. Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принятом...

В октябре 1854 г. Крестовоздвиженская община получила высочайшее соизволение, а в ноябре того же года она находилась уже на театре войны в полной деятельности. О мисс Нейтингель и о ее «высокой души дамах» мы в первый раз услышали только в начале 1855 г.» [1. с. 197].

Отметим лишь один исторический факт. В то время как английские сестры работали в относительно спокойной обстановке глубокого тыла, в безопасных госпиталях Скутари рядом со Стамбулом, а сама Флоренс лишь ненадолго с инспекцией приезжала в Балаклаву, то наши сестры милосердия прошли суровую школу оказания помощи раненым воинам в осажденном Севастополе, под ежедневными обстрелами и бомбардировками, а также на передовой.

Из 30–40 английских женщин, приехавших в госпиталь в Скутари, половина вынуждены были покинуть общину и вернуться в Англию, не выдержав сложностей личностных взаимоотношений с Флоренс Найтингейл, которая была весьма непростым человеком.

Как сообщалось в обзоре действий Крестовоздвиженской общины во

время Крымской войны *«умерли при исполнении обязанностей, верные своему призванию семнадцать сестер»* [1.с.132]. Несколько сестер, не выдержав кровавых ужасов и психологически — напряженной обстановки в госпиталях Севастополя, сошли с ума. Как говорится, комментарии излишни.

Но именно эта напряженная обстановка, когда при большом количестве раненых катастрофически не хватало врачей и фельдшерского персонала, способствовала тому, что наши сестры милосердия, в отличие от сестер сиделок в союзнических госпиталях, становились рядом с врачами за операционные столы и ассистировали при операциях.

Именно здесь, в Севастополе в обстановке вынужденного участия сестер Крестовоздвиженской общины непосредственно в операционном процессе, родилась и сама профессия медицинской сестры, временем рождения которой можно считать 1855 г., а ее основоположником — Н.И. Пирогова — руководителя сестринской деятельностью в осажденном Севастополе.

Благодаря высокому авторитету и влиянию учредительницы Крестовоздвиженской общины вл. кн. Елены Павловны Романовой и Н.И. Пирогова женщины были допущены не только к госпитальному служению, чего раньше никогда не было, но и к госпитальному служению непосредственно на самом театре военных действий.

Сестры милосердия и т.н. сердобольные вдовы были в России и до учреждения в 1854 г. Крестовоздвиженской общины. Женщины, подвизавшиеся на ниве милосердного служения ближнему, эпизодически и частным образом занимались патронажным уходом и попечением за сиротами, престарелыми, увечными в немногочисленных богоугодных заведениях и обществах, а также в некоторых больницах, но никогда ранее сестры милосердия не допускались до прямого профессионального медицинского служения больным и тем более раненым.

Неудивительно, что некоторые из сестер, пройдя школу в Севастопольских госпиталях под руководством Н.И. Пирогова, впоследствии уже самостоятельно организовывали медицинские учреждения разного уровня, как, например, это сделала Е.М. Бакунина, открывшая в начале 60-х годов XIX в. в своем имении Казицино на тверской земле первую бесплатную больницу для крестьян, где самостоятельно оказывала им профессиональную первичную медицинскую помощь.

Вспоминая работу в Севастополе, Н.И. Пирогов писал:

«Здание, где мы помещались (Дворянское собрание), само не раз получало бомбы с неприятельских кораблей. Раны почти все представляли страшные разрывы членов от бомб большого калибра. От 150 до 200 ампутаций в других тяжелых операций случалось исполнять каждый день, имея ассистентами одних сестер» [1. с. 202].

«Старшая сестра второго и третьего отделений Екатерина Михайловна Бакунина отличалась своим усердием. Ежедневно днем и ночью можно было застать ее в операционной комнате, ассистирующе

при операциях; в это время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом всего Собрания, она обнаруживала со своими сообщницами присутствие духа, едва совместное с женскою натурою и отличавшее сестер до самого конца осады. Трудно решить, чему должно более удивляться, хладнокровию ли этих сестер или самоотвержению в исполнении обязанностей» [1. с.119].

«Двери залы ежеминутно отворялись и затворялись; вносили и выносили по команде... На трех столах кровь лилась при производстве операций; отнятые члены лежали горами... Бакунина постоянно присутствовала в этой комнате с пучком лигатур в руке, готовая следовать на призыв врачей» [1. с. 121].

«В это тяжкое время без неутомимости врачей, без ревностного содействия сестер... не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшим за Отечество» [1. с.121].

Военный врач Г. Ульрихсон вспоминал, что опытные сестры Крестовоздвиженской общины, такие как Е. Бакунина и некоторые другие так *«пригляделись к разнообразным операциям, что любая из них сама бы могла произвести ампутацию, если бы ей это было дозволено» [2. с. 519].*

В своих воспоминаниях о работе в осажденном Севастополе заведующий главным перевязочным пунктом и хирургической частью в гарнизоне профессор Х.Я. Гюббенет так писал о медицинской деятельности сестер милосердия: «Только очевидец мог составить себе верное понятие о самоотвержении и героизме этих женщин... На перевязочных пунктах и в госпиталях они продолжали делать перевязки раненым, несмотря на то, что бомбы то и дело летали кругом них и наносили присутствующим тяжелые раны. Еще более удивления достойны многие из них, с истинно христианской любовью ассистировавшие при самых трудных операциях, перевязывавшие кровоточащие сосуды с величайшим хладнокровием...» [3. с. 61].

Сразу после окончания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины, заслужившие высокий авторитет в Севастополе, были допущены к работе с больными в госпиталях и больницах Санкт-Петербурга, а в здании самой общины на Фонтанке открылась собственная больница, где оказывалась профессиональная медицинская помощь, как сестринского, так и врачебного характера.

Сестры общины работали во 2-м Сухопутном госпитале, в двух чернорабочих больницах (у Сахарного моста и в доме Синебрюхова), Морском госпитале у Калинкина моста, а также в Кронштадтском военном госпитале.

Именно Е.М. Бакунина, а после ее ухода из общины следующая настоятельница общины Е.П. Карцева добились того, что в госпиталях официально был введен постоянный сестринский уход.

В 1863 г. военный министр Д.А. Милютин издал указ о введении в госпиталях военного ведомства постоянного сестринского ухода за боль-

ными из числа сестер Крестовоздвиженской общины (Именной указ 14 января 1863 г., объявленный в приказе Военного Министра 26 января о Положении о сестрах Крестовоздвиженской общины, назначаемых для ухода за больными в военных госпиталях. Свод Законов, № 39165. Январь 1863 г.).

Таким образом Крестовоздвиженская община сестер милосердия, созданная вл. кн. Еленой Павловной и руководимая Н.И. Пироговым, сыграла в истории отечественного здравоохранения огромную созидательную роль, так как именно профессиональная и самоотверженная деятельность сестер общины и породила саму профессию медицинской сестры.

Из всех сестер общины Н.И. Пирогов всегда выделял Е.М. Бакунину. Ее, Екатерину Хитрово и Елизавету Карцеву он называл тремя столпами общины [1 с.206].

В отличие от Е.М. Бакуниной, Е.А. Хитрово и Е.П. Карцева работали в Симферополе, куда привозили уже прооперированных в Севастополе раненых, и непосредственно профессиональный медико-операционный уход за ранеными, в госпиталях Симферополя сестры не осуществляли.

К сожалению, Е.А. Хитрово, прибывшая в Крым в сентябре 1855 г. и назначенная настоятельницей общины в конце ноября, пробыла в этой должности слишком мало, так как скоропостижно скончалась от тифа 2 февраля 1856 г.

Сама Е.М. Бакунина с большим уважением относилась к Е.А. Хитрово, называя ее недосыгаемым идеалом и образцом сестры милосердия.

О самой же Е.М. Бакуниной Н.И. Пирогов писал так:

«Бакунина с увлечением предалась всецело служению больным и с полным самоотвержением несла эту тяжелую службу. Она сделалась примером терпения и неустанного труда для всех сестер общины. Вся ее личность дышала истиной, полная гармония царствовала между ее чувствами и ее действиями. Она точно составляла слиток всего возвышенного. Чем более она встречала препятствий на своем пути самозабвения, тем более выказывала она ревности и энергии» [1 с.206].

Во всем этом проявилась характерная черта личности, отличавшая многих представителей семейства Бакуниных, и присущая этому дворянскому роду. Если кто-либо из Бакуниных обращался к какому-либо делу, то он отдавался ему с полным самоотвержением и самозабвением, посвящая себя целиком избранному служению.

Е.М. Бакунина обладала не только завидным здоровьем для такого служения, — скажем, что она во время обороны Севастополя переболела тифом, но сразу после выздоровления вновь стала ухаживать за ранеными, — но и крепкой, устойчивой психикой, без владения которой невозможно было выдержать все ужасы и тяготы ежедневной жизни под обстрелами и кровавую обстановку на самих перевязочных пунктах.

Н.И. Пирогов вспоминал: *«В летописях науки раны такого рода, с какими мы в продолжение этого времени постоянно имели дело, едва*

ли не беспримерны.

Тысячи пушечных ядер и бомб являли свою разрушительную силу над человеческим телом. Надлежало действовать без малейшего промедления, чтобы сохранить жизнь, которую уносило быстрое истечение крови. Страшное потрясение всей нервной системы, в весьма многих случаях, делало бесполезным, даже вредным, употребление хлороформа.

На хирургических столах почти непрерывно подавалась хирургическая помощь, при содействии сестер. Большая танцевальная зала Богородного собрания...наполнялась сотнями людей, подвергшихся операциям и...опять очищалась, чтобы дать место новым страдальцам» [1. с. 114–115].

Учитывая все выше сказанное, можно смело утверждать, что если основоположником сестринского дела в России по праву должно считать Н.И. Пирогова, (который, кстати, был тверским дворянином) то первой профессиональной медицинской сестрой, без всякого преувеличения, можно смело считать одну из самых деятельных сестер Крестовоздвиженской общины, верную помощницу и сподвижницу Пирогова, тверскую дворянку Екатерину Михайловну Бакунину.

Н.И. Пирогов стал не только основоположником сестринского дела в России, но и сформулировал основной нравственный принцип профессионального служения женщин в медицине. Говоря о деятельности одной из старших сестер Крестовоздвиженской общины Елизаветы Петровны Карцевой, Николай Иванович так высказался о сути сестринского служения: «Истиной сестрой милосердия можно назвать лишь ту, которая свои формальные обязанности сестры милосердия превратит в духовное призвание жизни» [1. с. 211].

Без всякого сомнения, можно сказать, что эти высокие слова применимы и к современной профессии медицинской сестры.

Источники и литература:

1. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. — М., 1950.
2. Голикова Л. «Все, что я мог сделать для Севастополя, я сделал... К 200-летию со дня рождения Н.И. Пирогова // Севастопольский Ежегодный Визит Альманах. — Севастополь, 2010.
3. Губбенет Х.Я. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1855 годах. — М., 2016.

Ирина Владимировна Перегуда (Деревяникина)

Заместитель председателя «Общества потомков участников Крымской войны 1853-1856 гг.»

член Общества войны 1812 года,

член Союза писателей России,

член Международного Союза Эстрадных деятелей

г. Москва

Irina Vladimirovna Pereguda (Derevyanikina)

Deputy Chairman of the "Society of Participants in the Crimean War of 1853-1856"

Moscow

РОДИНА МОЯ – ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Памяти моих родных

Аннотация: статья посвящена истории семьи жителей Севастополя Василевских–Деревяникиных, участию представителей семьи в обороне Севастополя 1854–1855 гг. и Великой отечественной войне 1941–1945 гг.

Abstract: the article is devoted to the history of the family of residents of Sevastopol Vasilevsky-Derevyanikin, the participation of family representatives in the defense of Sevastopol in 1854–1855 and the Great Patriotic War of 1941–1945.

Ключевые слова: оборона Севастополя 1854–1855 гг., оборона Севастополя 1941–1942 гг., Бамбука Георгий Иванович, Балаклавский греческий пехотный батальон, Деревяникина, Василевский.

Keywords: defense of Sevastopol 1854–1855, defense of Sevastopol 1941–1942, Bambuka Georgy Ivanovich, Balaklava Greek infantry battalion, Derevyanikina, Vasilevsky.

Георгий Иванович
Бамбука.

Мне довелось появиться на свет в самом красивом городе мира, легендарном Городе-Герое Севастополе, через 5 лет после его освобождения от фашистов. Город лежал в руинах, практически был сметён с лица земли, не осталось ни одного целого строения.

Моя бабушка, Вера Дмитриевна Василевская, урожденная Сатирова, родилась в 1897 году в прелестной греческой деревушке Лаки, Ялтинского уезда, земли которой были отведены для поселения воинов Балаклавского греческого пехотного батальона. Почти все наши предки были офицерами этого батальона.

В семье было 18 детей, к началу XX века осталось лишь шестеро. Четырёх сестёр бабушки я застала, у всех были свои семьи, и они очень были дружны и помогали друг другу во всём. В греческих семьях было принято лет с десяти девочек брать в услужение к родственникам. Мою бабушку взяли родные в Севастополь, сестру Лену родственники Ставрополья (Константиновы-Ставраки) в Балаклаву. Родители их рано покинули этот мир, и родственники опекали детей.

Вера работала, училась, вскоре вышла замуж. Василевский Михаил Иванович служил на Черноморском флоте на эскадренном миноносце «Поспешный» машинистом. В 1917 у них родился мальчик, его назвали Евгений. Вскоре Михаила Ивановича назначили комиссаром на восстановление Самаро-Златоустовской железной дороги, через два года его убили.

Бабушка с малышом отправилась домой в Крым. По дороге их несколько раз грабили, Вера всё, что было у неё ценного, меняла на еду, переболела тифом. Бог милостив был к ним. С жуткими препятствиями они добирались до Севастополя. Волосы после болезни только отросли, и родные с трудом узнали в этой измождённой женщине свою Верочку, стали откармливать, отпаивать, помогали кто чем мог.

Бабушка работала в газете «Красный Черноморец». Сегодня это любимая газета всех моряков — «Флаг Родины». Редакция газеты до сих пор находится у Минной стенки, мы жили рядом на ул. Таможенной, д. 5. Бабушку все очень любили и уважали, после войны к нам часто забегали сотрудники, журналисты, писатели, приносили что-то вкусное. Директор редакции Александр Кужавский был моим крёстным. Бабушка работала корректором, а во время войны чем только не занималась.

22 июня 1941 года в 3 часа 07 мин. Севастополь одним из первых ощутил ужасы войны. Город проснулся от странного свиста и гула самолётов и содрогнулся от взрывов падающих бомб. Накануне были выпускные балы в школах, город веселился и радовался, и вдруг война. Мой дядя Женя уже служил на флоте. С первого до последнего дня воевал, участвовал в операциях Краснознамённого Черноморского флота.

Василевский Евгений Михайлович служил на крейсере «Молотов», у которого во время страшного боя оторвало корму, Евгений чудом уцелел. Затем была канонерская лодка «Красный Андиган», которая затонула у Новороссийска. Матросы не знали отдыха, перекурив, шли дальше в бой, дядя рассказывал, когда матросы поднимались в атаку в чёрных бушлатах, фашисты кричали: «Чёрные Дьяволы!»

Дядя Женя со своим однополчанином Колей Моисейцевым из Москвы сражались с врагом, защищали Севастополь. Они воевали на Малой земле, участвовали во многих десантных операциях. Когда к Севастополю в июне 1942 года не могли подходить большие корабли и подводные лодки, морские экипажи перевели на тральщики. Эти небольшие суда «КАТЩ-540», «КТ-262», «КТ-189» и другие обеспечивали город всем

необходимым, доставляли военных, еду, боеприпасы, керосин и многое другое, на них служили товарищи Женя и Коля. Из разрушенного, державшегося из последних сил города, эти маленькие суда забирали раненых, женщин, стариков, детей и под непрекращающимися бомбёжками уходили на Кавказ.

За смелость, мужество и проявленный героизм Евгения Василевского выбрали комсоргом 22-й дивизии 2-й бригады тральщиков. После удачной высадки десанта в Феодосийско-Керченской операции и на Малую землю, выживших моряков торжественно приняли в Коммунистическую партию, и они были этим очень горды. Евгения за заслуги пред Родиной и Черноморским флотом товарищи выбрали парторгом 11 Дивизиона катеров тральщиков.

Мои дяди — Василевский Евгений Михайлович и Моисейцев Николай Николаевич (после войны дядя Женя женился на сестре друга Николая), моряки Черноморского флота, герои боёв за Севастополь, Новороссийск, Керчь, собираясь после войны за праздничным столом 9 мая, поднимали первый тост за не вернувшихся с войны, однополчан, друзей, товарищей. Под кителем всегда была тельняшка, а на кителе блестили ордена и медали. Орден «Красной звезды» почитался особо, медали «Ушакова», «Нахимова», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа». А медаль «За Победу над Германией» гордо носили и дяди, и Вера Дмитриевна, и моя мама. Дядя Женя с 1947 года жил в Москве, продолжал служить Родине, вырастил двоих детей. В 1997 году ушёл от нас, с почестями захоронен на Даниловском кладбище. Дядя Коля ушёл раньше.

Ещё один мой дядя, Михаил Шевченко, до сих пор считается без вести пропавшим. Он был лётчиком, его самолёт пропал над Керчью в 1942 году. Он — кузен моей мамы, сын ее сестры, из династии греческой Каликаки и Василькиоти.

До революции все балаклавские греки были известными рыбаками, дружили с А. Куприным. Жили тихо, мирно по традициям греков. Белые чистенькие домики на склонах гор, с беседками, увешанными гроздьями винограда, с цветущими садами на берегу удивительно маленькой уютной голубой Балаклавской бухты. Во время Великой Отечественной войны мой двоюродный дедушка Каликаки Павел Константинович, руководитель рыболовецкого совхоза, бесстрашно выходил в море. Весь улов отдавали матросам, защищавшим Севастополь.

В 1924 году Вера Дмитриевна вышла второй раз замуж за Деревянкина Юрия Ефимовича, внука Деревянкина Якова Осиповича, казака, атамана, сотника, героя Отечественной войны 1812 года. В рядах Войска Донского Яков Осипович гнал французов до Парижа, участвовал в сражениях у Бородино, под Малоярославцем, на Березине, под Лейпцигом был ранен. За проявленный героизм получил орден Св. Георгия 3-й ст. В 1815 году вернулся домой на Дон, награжден орденом Св. Анны 3-й степени и др.

Мой дедушка, Деревянкин Юрий Ефимович, служил в Севастополе на крейсере «Коминтерн», эскадренном миноносце «Незатопленный», эсминце «Петровский», крейсере «Червона Украина». Член ВКП(б).

Моя бабушка Вера Дмитриевна в 1942 г. на одном из последних пароходов была эвакуирована на Кавказ, жила в Сочи, Туапсе, Батуми. Жизнь была тяжелой, бабушка поехала в эвакуацию со своей 16-летней дочерью Юлией, моей матерью. Мама работала с 22 июня 1941 года в редакции газеты «Красный Черноморец». В Севастополе судьба не дала детям другого выбора, как защищать свою страну, вчерашние школьники копали лопатами оборонительные сооружения в скалах, помогали раненым. Бабушка хорошо знала журналистов, писателей, корреспондентов, кинооператоров, репортёров, в том числе и оператора Микосу. Она рассказывала, какие это были интересные, героические, умные и талантливые люди. Они много шутили, смеялись даже тогда, когда хотелось плакать. Как жаль, что многие так и остались молодыми навсегда.

Моя мама, Деревянкина Юлия Юрьевна, инвалид 1-ой группы, ветеран Великой Отечественной войны, была скромным человеком, старалась не вспоминать юность. 9 мая всегда с грустью вспоминала свой любимый город, друзей, очень скучала по Севастополю, из которого уехала в 1973 году. Юлия Юрьевна была членом организации ветеранов Южного Административного Округа (ЮАО) города Москвы, её всегда поздравляли с Днём Победы Мэр г. Москвы Ю. Лужков и Президент России В.В. Путин. Имя Юлии Юрьевны Деревянкиной внесено в «Книгу Памяти Южного Административного Округа». Как важно вовремя просто поздравить ветеранов, чтоб они чувствовали, что мы о них помним.

Я, Деревянкина Ирина Владимировна, по мужу Перегуда, уехала из Севастополя в 1969 году. Севастополь для меня это само счастливое время в моей жизни, где каждый камень был героем, где мы росли пропитанные героизмом. Нас воспитывали быть патриотами России, морская форма, корабли на рейде всё будоражило наши чувства, хотелось ровняться на родных! В Москве окончила ГИТИС, продюсерский факультет сутками работала, как режиссёр ставила, снимала концерты. В Госконцерте была сопровождающей зарубежных исполнителей мирового масштаба, таких как — Ван Клиберн, Билли Джойл, Демис Руссос, Адриано Челентано, Стинг, Пришес Вилсон, группами «Пинк Флойд», «Модерн Токинг», с театром «Ла Скала» и многими другими. Была директором ансамбля «Бим-Бом», с гастрольями объездили весь Советский Союз. Организовывала фестивали и конкурсы, была руководителем программ «Рок-Панорама», «Танцуйте с нами» и др. С 1989 года создала свою фирму «ДИВ», организовывала и проводила ежегодные Благотворительные акции для Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза «Боевого Братства» и др. 9 мая 1991 году сняла фильм-спектакль «СУД» Игоря Талькова.

Совместно с Центральным Телевидением снимала концерты, вернувшихся из США Михаила Шуфутинского и Владимира Кузьмина,

была спонсором новогодних огоньков 1991 и 1992 годов и пластинки «От Матвея» начинающей группы «Любэ». По Центральному телевидению в эфире шли концерты, снятые мной как режиссёром «Памяти Игоря Талькова», «Ледовый балет» Татьяны Тарасовой», «Сталлоне Рокетшоу», «Памяти друга» Олега Газманова и Алексея Глызина, программы «Танцуйте с нами» и др.

Сегодня являюсь членом различных общественных организаций: «Севастопольского землячества», РОО «Ветераны Краснознамённого Черноморского флота», «Союза «Боевое Братство», «Российского Союза ветеранов Афганистана», «Общества Потомков героев 1812 года, 1-й Мировой войны», член «Союза писателей-переводчиков России», «Международного Союза деятелей эстрадного искусства», «Московского общества Греков», член Партии «Единая Россия» с 2001 г., советник Управы Таганка и др.

Мне было на кого равняться, было с кого брать пример. По праву могу гордиться своими родственниками — героями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., русско-турецких войн, в которых участвовали мои предки — греки, офицеры Балаклавского греческого батальона, позже адмиралы и генералы Черноморского флота Ставраки М.И., Сатири Е.Н., Антипа С.А., Бардаки П.И., Василькиоти С. и Калиаки П.

Я горжусь своим двоюродным прадедом — Бамбукой Георгием Ивановичем, портрет которого экспонируется в Панораме «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.».

Георгий Иванович Бамбука родился в 1836 г. в Балаклаве в семье офицера греческого батальона. В 18 лет он был зачислен рядовым в батальон, закончил балаклавскую школу унтер-офицеров. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. участвовал в деле балаклавцев с англичанами и французами 14 (26) сентября 1854 г., в сражении при селении Кадыкой 13 (25) сентября 1854 г., в наступлении отряда князя М.Д. Горчакова на правый фланг противника 24 октября (6 ноября) 1854 г. и в Чернореченском сражении 4 (16) августа 1855 г., вовремя которого получил контузию. За отличие при обороне Севастополя был награжден знаками отличия Военного ордена 4-й, 3-й и 2-й степеней.

Горжусь своим прапрадедом Яковом Осиповичем, героем Отечественной войны 1812 года, моими дядями Женей, Николаем, Михаилом, дядей Павой, моей бабушкой и мамой. Думаю, что они заслужили остаться в памяти родной страны — России и любимого города Севастополя.

Алексей Вадимович Петрушкевич
кандидат исторических наук
заместитель директора Государственный
научно-исследовательский институт реставрации г. Москва
Aleksey Vadimovich Petrushkevich
PhD in historical sciences
The State Research
Institute for restoration
Moscow

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА А.И. БАРЯТИНСКОГО THE QUESTION ABOUT THE ICONOGRAPHY OF FIELD MARSHAL GENERAL A.I. BARYATINSKY

Аннотация: статья подготовлена в рамках работы по научно-исследовательской теме: «Иконография генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского. Исследования, атрибуция, реставрация». Объектом исследования является комплекс живописных, графических и скульптурных портретов выдающегося российского государственного и военного деятеля XIX в. генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского.

Цель работы — издание сводного научного каталога разноплановых произведений из отечественных и зарубежных государственных хранилищ и частных собраний.

Исследование проводится в совокупности методов: историзм и искусствоведческий дополнен историко-предметным методом атрибуции произведений портретной живописи России первой половины XIX в.

Новизна исследования состоит во введении в научный оборот максимально полной систематизированной иконографии А.И. Барятинского, в том числе ранее неизвестных и неатрибутированных произведений. Результаты работы будут использованы при реставрации исследованных памятников и их научном экспонировании.

Abstract: the article was prepared as a part of a research theme: «Iconography of field Marshal General Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky. Research, attribution, restoration».

The object of research is a complex of paintings, graphic and sculptural portraits of an outstanding Russian statesman and military figure of the XIX century field Marshal Prince Alexander Ivanovich Baryatinsky.

The purpose of this work is to publish a consolidated scientific catalog of diverse works from domestic and foreign state repositories and private collections.

The research is carried out in a combination of methods: historicism and

art criticism is supplemented by the historical-subject method of attribution of works of portrait painting in Russia in the first half of the XIX century.

The novelty of the research is in the introducing into scientific circulation the most complete systematized iconography of A.I. Baryatinsky, including previously unknown and unattributed works.

The results of this work will be used in the restoration of the studied monuments and their scientific display.

Ключевые слова: Александр Барятинский, князь, генерал-фельдмаршал, Крымская (Восточная) война, Кавказская война, наместник Кавказский, иконография

Keywords: Alexander Baryatinsky, prince, field marshal general, Crimean (Eastern) war, Caucasian war, Viceroy of the Caucasus, iconography

Личность выдающегося российского государственного деятеля генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского широко известна.

Участник Кавказской и Крымской войн, Наместник Кавказский и Командующий Кавказской армией оставил значительный след в военной, в первую очередь, истории.

Иконография А.И. Барятинского многочисленна и разнообразна. Наиболее известны его графические изображения, широко тиражированные после окончания Крымской войны (издания В. Тимма и В. Дарлинга), а также после взятия высокогорного аула Гүниб (1859 г.), что нанесло решающий удар по мюридизму и организованному сопротивлению горцев на северо-восточном Кавказе (издания того же В. Тимма, репродукции живописных работ Т. Горшельта, Ф. Рубо и других).

Тем не менее, многие портреты А.И. Барятинского, особенно периода его молодости, малоизучены и не опубликованы.

Новизна исследования состоит во последовательному введению в научный оборот максимально полной систематизированной иконографии А.И. Барятинского (комплекс его живописных, графических, скульптурных и фотографических портретов), в том числе ранее неизвестных и неатрибутированных произведений.

Несмотря на то, что жизни и деятельности Александра Ивановича были посвящены многочисленные и достаточно значительные труды, (в первую очередь его первого биографа А.А. Зиссермана)¹, его портретные изображения приводятся неполно, и, на наш взгляд, фрагментарно. Обвинять авторов в этом, впрочем, несправедливо, так как размещая в своих книгах портреты, они преследовали в первую очередь иллюстративную цель.

Первое краткое упоминание двух портретов Барятинского (без воспроизводства самих изображений) приводит Д.А. Ровинский, допустив при этом ошибку в биографических данных фельдмаршала (назвав местом смерти Скерневицы, вместо Женева)².

Значительно более подробно перечень его тиражированных портретов дает В.Я. Адарюков в своем «Словаре русских литографированных портретов», где описывает шестнадцать произведений, публикуя одно из них.

Несколько портретов Барятинского опубликовано в капитальном издании «Столетие военного министерства. 1802–1902» под редакцией генерал-лейтенанта Д.А. Скалона. Там, кроме уже упоминавшихся литографий, приведен фотопортрет работы петербургской мастерской А.И. Денъера из Собственной Его Величества библиотеки в Зимнем дворце, а также репродукция с пастельного портрета художника В. Дартигина-ва 1834 г. (?) из собрания портретов Императорской Главной квартиры. Современное местонахождение оригинала последнего, наиболее интересного, нами пока не установлено.

Помимо упомянутых, портреты Барятинского приводились в трудах посвященных царствованию Александра II и в других дореволюционных изданиях, в том числе в Военной энциклопедии. Особенно многочисленны и разнообразны они в периодических журналах («Русская старина», «Русский архив» и другие), а также в книгах, посвященных Кавказской войне.

Советский период стал в этом отношении гораздо скромнее. Тем не менее, портрет Барятинского работы Г.Г. Гагарина, хранящийся в Государственном Русском музее публикуется в «Литературном наследстве» в 1948 году. Эту публикацию, вместе с воспроизведением более раннего портрета Барятинского в «Русском архиве» (См. «Русский архив», 1888, № 1, перед с. 93) упоминает Лермонтовская энциклопедия. В 2001 году рисунок Гагарина публикует А.В. Корнилова (См. А. В. Корнилова. Григорий Гагарин : Твор. путь / (От романтизма к русско-византийскому стилю). М. : Искусство, 2001. — 256 с. : ил. С. 107.).

Первая попытка создать примерный свод портретных изображений Барятинского была предпринята нами в 2000 г. (См. А.В. Петрушкевич. Новое в иконографии генерал-фельдмаршала А.И. Барятинского// Война и художественная культура: Сб. докладов.- Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. — 140 с.).

В работах новейшего времени заслуживает внимания ряд его портретов (в том числе многочисленные фотографии, некоторые - ранее неизвестные), иллюстрирующих капитальную монографию старшего научного сотрудника Центра Кавказских исследований МГИМО МИД России В.М. Муханова. (См. Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский. М.: Центрполиграф, 2007. 428 с.).

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ А.И. БАРЯТИНСКОГО

Князь Александр Иванович Барятинский (2 [14] мая 1815 год; Ивановское, Курская губерния — 25 февраля [9 марта] 1879 год; Женева, Швейцария) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант.

Принадлежал к аристократическому роду князей Барятинских. Его отец, князь Иван Иванович (1767—1825), был одним из состоятельнейших людей России, унаследовав многочисленные имения и около 35 тысяч крепостных душ. В 1813 году он сочетался браком с 20-летней баварской графиней Марией Келлер (1792—1858), племянницей российского фельдмаршала Петра Витгенштейна. В православии она стала Марией Фёдоровной.

Неизвестный художник.
Портрет князя Ивана Ивановича Барятинского с женой и детьми
(дочерью Ольгой и сыном Александром). Холст, масло. После 1815 г.
© «Томский областной художественный музей»

Семья поселилась в курском имении — селе Ивановском Льговского уезда, где для размещения молодой жены была выстроена образцовая усадьба Марьино. Дворец усадьбы пользовался большой известностью в России и даже удостоился посещения императором Александром I и членами императорской семьи.

Родился будущий фельдмаршал в 1815 году. Был старшим сыном и получил прекрасное домашнее образование. В 1825 году, когда Александру было 10 лет, умер отец. В 1829 году мать повезла его вместе со вторым сыном Владимиром в Москву для «усовершенствования в науках». Воспитанием обоих братьев занимался известный в то время педагог англичанин Эванс, преподававший юношам «классиков и литературу».

М. Шардон. Портрет Александра Ивановича Барятинского в детстве.
Холст, масло. 1817 г.

Художественно-педагогический музей игрушки имени Н.Д. Бартрама,
Сергиево-Посадского филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Высшая школа народных искусств (академия)»

После переезда в 1831 году в Санкт-Петербург у юноши созрело желание поступить на военную службу. Выдержав серьёзную борьбу с родными, он, при содействии императрицы Александры Фёдоровны, поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с зачислением юнкером в кавалергардский полк, над которым шефствовала императрица Мария Фёдоровна. В школе он учился вместе с Михаилом Лермонтовым. Обучение длилось два года. После окончания школы, 8 ноября 1833 года он был произведён в корнеты с зачислением в лейб-кирасирский Наследника Цесаревича полк.

Вёл бурную жизнь, присущую гвардейской молодёжи. Петербургский высший свет полнился слухами о любовных похождениях молодого корнета Барятинского. В разговорах о скандальных романах Барятинского всё чаще стало мелькать имя дочери императора, великой княжны Марии Николаевны.

Это вызвало неудовольствие императора Николая Павловича, и Барятинскому пришлось серьезно задуматься, как поправить свою пошатнувшуюся репутацию. Князь Александр Иванович недолго колебался в выборе средств и заявил горячее желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев.

М. Даффингер. Портрет А.И. Барятинского.
Бумага, акварель. 1838 г.

Воспр. по Georg Kugler. Staatskanzler Metternich und seine Gäste: die wiedergefundenen
Miniaturen von Moritz Michael Daffinger, Josef Kriehuber und anderen Meistern aus dem
Gästebuch der Fürstin Melanie Metternich. Graz; Wien; Köln: Verl. Styria, 1991. Т. 71

В 1835 году Барятинский принял участие в бою в верховьях реки Аби-на и был ранен пулей в бок. Рана оказалась очень тяжелая (пуля засела глубоко и до конца его жизни не была извлечена), некоторое время князь находился между жизнью и смертью. По возвращении в том же году в Петербург на лечение он был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость».

Шли годы, однако Александра Ивановича неодолимо манил к себе Кавказ: он отправился туда в 1845 году командующим 3-м батальоном Кабардинского егерского полка, с которым принимал участие во всех заметных делах предпринятой летом того же года экспедиции в Дарго. Она была неудачна по своим последствиям, и главным ее достижением было занятие Андийских высот, выпавшее на долю князя Барятинского. Это сразу поставило его имя в один ряд с выдающимися кавказскими героями. Отличился он также 13 июня при разгроме соединений Шамиля близ сел Гогатль и Анди. Раненный пулей в голень правой ноги навывлет, он остался в строю. После этого сражения Барятинский получил орден Св. Георгия 4-й степени.

Г. Гагарин. Бал у княгини М.Ф. Барятинской.
Бумага, акварель. 1830-е гг. Государственный Русский музей.
Третий офицер слева - Александр Барятинский

По возвращении, в начале 1846 года в Петербург, Барятинский для поправки расстроенного здоровья направился за границу; но проездом через Варшаву принял по поручению фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича командование над летучим отрядом, назначенным для преследования и истребления краковских мятежников. Поручение это Барятинский успешно выполнил в пять дней.

27 февраля 1847 года, по возвращении в Россию, он был назначен командиром Кабардинского егерского полка и затем принимал постоянное участие в военных действиях в Чечне, особенно отличился в бою при Гергебиле в составе отряда М.И. Аргутинского-Долгорукова, за что был награжден чином генерал-майора.

Барятинский был серьезен, педантически требователен и беспощадно строг к соблюдению дисциплины; перед его нахмуренными бровями трепетали старые кавказцы, о его личности ходили легенды. Наряду с текущими служебными делами он пристально следил за общим ходом дел на Кавказе, изучал страну, ее обычаи и нравы.

В октябре 1850 года Барятинский был назначен командиром Кавказской резервной гренадерской бригады; зимою следующего года разбил наголову атаковавшие его превосходящие силы чеченцев. В 1851 г. стал командующим 20-й пехотной дивизией и исполняющим обязанности начальника левого фланга Кавказской линии. У него стало больше возможности для самостоятельных действий, которые еще более рельефно обнаружили его блестящие дарования.

В июле 1853 года Барятинский назначен начальником главного штаба войск на Кавказе.

«Начавшаяся в 1854 году Крымская война помешала сосредоточиться на действиях против имамата Шамиля, и в этот период активных операций против горцев не велось. Барятинский должен был переключиться на турецкую угрозу: в октябре он заменил заболевшего генерала В.О. Бебутова на посту командующего корпусом, действовавшим на границе с Турцией. В июле 1854 года князь принял активное участие в сражении при Кюрюк-Даре с 60-тысячной Анатолийской армией Мушир-Зериф-Мустафы-Паши, где русские войска полностью разгромили противника. За это сражение Александр Иванович получил орден Св. Георгия III степени».

С 1856 году он стал главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом (впоследствии наименованным Кавказской армией) и исправляющим должность кавказского наместника.

Вступив в управление краем, по всему пространству которого велась нескончаемая война, стоившая России огромных жертв людьми и средствами, князь Барятинский оказался на высоте своего назначения. Единство действий, направленных к общей цели, неуклонная последовательность в ведении их, выбор сподвижников — все это увенчалось блестящими результатами.

Через три года весь восточный Кавказ был покорен, и неуловимый до толе Шамиль отдал себя великодушию победителя. Именно Барятинский, желая избежать бессмысленного кровопролития, убедил имама сдаться, пообещав ему и его семье полную безопасность. О победе русских войск князь объявил следующим лаконичным приказом: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию». Заслуги князя по взятию Гуниба, означавшего фактическое окончание Кавказской войны, были отмечены орденами св. Георгия 2-й степени и св. Андрея Первозванного с мечами. Въезд Барятинского в Тифлис сопровождался пышными торжествами, с постройкой триумфальной арки.

За новые успехи Барятинский произведен в чин генерал-фельдмаршала и назначен шефом Кабардинского пехотного полка.

Бесперывная боевая деятельность и труды по управлению краем расстроили здоровье князя: последнюю экспедицию в Дагестан он совершил уже с большим трудом, ему приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы не показывать окружающим, как велики его страдания.

6 декабря 1862 года он был уволен, согласно прошению, от занима-

емых им должностей, но при этом оставлен членом Государственного совета.

Однако заботы о судьбе России не оставляли его. В письмах к государю Барятинский рисует Россию как представительницу славянского мира, первенствующую на Европейском материке.

В эти годы Барятинский мог, наконец, жениться на давно любимой им женщине, Елизавете Дмитриевне Давыдовой, урожденной княгине Орбелиани. Этот брак был связан со сложной романтической историей, вызвавшей в свое время немало толков.

Последние дни своей жизни Барятинский провёл за границей и умер от болезни сердца в Женеве на 48-м году службы на 64-м году жизни. По завещанию его тело было перевезено в Россию и погребено в его родовом имении, в селе Ивановском Курской губернии.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВКУСЫ СЕМЬИ БАРЯТИНСКИХ

Детство А.И. Барятинского прошло в усадьбе Марьино, построенной его отцом Иваном Ивановичем.

И.И. Барятинский решил построить дворец на правом возвышенном берегу небольшой речки Избицы, примерно в двух верстах к югу от «палат» Мазепы.

На плане этой местности, составленном в первое десятилетие XIX века, сохранились наброски контуров будущего дворца и пометки И.И. Барятинского: показано местоположение дома и посадки деревьев по дороге из села Ивановского в деревню Нижняя Грунь, образовавшие впоследствии широкую аллею, ведущую в усадьбу «Марьино».

Проект дворца был заказан курскому архитектору Карлу Ивановичу Гофману, который выполнил его к концу 1811 года.

Существующие чертежи дворового и паркового фасадов, выполненные К.И. Гофманом в 1811–1812 годах, позволяют судить о первоначальном виде дворца. До наших дней дошла картина А. Бруни «Урожай», запечатлевшая его около 1817 года.

Симметричность главного северного фасада дворца подчеркнута выступающей в курдонер центральной частью, с куполом и четырехколонным портиком ионического ордера. Под этим портиком на уровне второго этажа имеется широкая терраса, по боковым сторонам которой устроены угловые балконы.

Боковые части главного фасада имеют пилястры ионического ордера, между которыми устроены декоративные ниши. К одноэтажным крыльям дворца, образующим парадный и хозяйственные дворы, примыкают двухэтажные здания служебного назначения.

Центральная часть южного паркового фасада дворца имела три большие арки, украшенные колоннами ионического ордера, а боковые части — по пять крупных полуциркульных окон, разделенных пилястрами ионического ордера. С угловых полуциркульных балконов центральной части паркового фасада к открытой террасе вели каменные лестницы.

А. Бруни. Урожай (Дворец в Марьино).

Холст, масло. Около 1817 г.

Курский областной краеведческий музей.

Мальчик с букетом цветов в руках — Александр Барятинский

Широкая гранитная лестница спускалась с открытой террасы в парк.

Общая композиция дворца и отдельные ее детали позволяют отнести эту постройку к позднему классицизму.

Летом 1818 года основные строительные работы в новой усадьбе были завершены, и архитектор Гофман в письме от 15 ноября 1818 года сообщал И.И. Барятинскому из села Ивановское: «Честь имею донести вашему сиятельству о производстве строения, что нонишним 1818 году летним временем зделано и какие в чем были успехи. В главном корпусе каменная работа окончена, как-то своды, парадная лестница и другие с нижнего этажа в бельэтаж в кирпиче окончены. Плотницкая работа, как-то накаты верхняя и нижняя все окончены... столярная работа происходит довольно успешно... во флигелях все отделано... Оранжерея последняя часть в кирпиче окончена... Ворота, как-то з большой дороги, так и при доме окончены. Мост через две недели будет окончен... Богадельня и больница на означенном месте... и по приказанию Федора Александровича Голубцова заложены и выгнаны под цоколь... Ваше сиятельство желает знать когда можно будет жить в новом доме. Я полагаю совсем отделается в 1820 году, когда я буду иметь все то, что нужно и никаких остановок не будет...»

Несколько поколений князей Барятинских собирали редкие художественные и исторические ценности, которые составили впоследствии

разнообразные коллекции дворца в Марьине. Основу этого огромного собрания заложил князь Иван Иванович Барятинский.

Из архивных документов мы знаем, что в Англии, Франции, Германии, Италии князь приобретал живописные произведения, скульптуру, мебель, фарфор, книги, рукописи и отправлял их морем в Одессу, а оттуда в село Ивановское, в новый марьинский дворец.

Интерьеры громадного здания, отделанные с изысканным вкусом, были украшены портретами предков Барятинских и картинами на мифологические сюжеты.

Сохранилась переписка И.И. Барятинского с художниками и скульпторами и изданное на французском языке в 1823 году «Описание картин, сделанное историческим живописцем Бруни у его сиятельства князя Барятинского в его замке Марьино Курской губернии». В нем подробно указаны содержание и размеры росписей интерьеров, изображающих в аллегорических образах детей И.И. Барятинского. В письме от 14 февраля 1820 года Антонио Бруни сообщал И.И. Барятинскому о том, что эскизы плафонов для Марьино были просмотрены и одобрены известным итальянским архитектором и гравером Франческо Кампорези, работавшим в конце XVIII — начале XIX века.

В 1837 году действительный статский советник К.И. Арсеньев и поэт В.А. Жуковский, сопровождавшие в путешествии на юг наследника цесаревича, посетили Марьино. В «Путевых заметках» К.И. Арсеньев писал: «...Марьино — обычное пребывание владельцев во время приезда их в Курскую губернию. Дом в Марьине и по обширным размерам, и по изяществу архитектуры, и по богатому убранству внутреннему вполне заслуживает название вельможного дворца: картины, украшающие множество зал, важны как произведения отличных художников, но еще более драгоценны по фамильным воспоминаниям; по ним можно прочесть всю историю этого древнего знаменитого княжеского рода и высоких его родственных связей».

М. Болеславский.
Портрет А.И. Барятинского.
Холст, масло. 1845 г.
Самарский художественный музей

Среди произведений живописи в картинной галерее Марьино находилось большое полотно художника Т. Горшелъта «Штурм аула Гуниб на Кавказе в 1859 году», изображающее взятие русскими войсками 24 августа 1859 года высокогорного аула Гуниб. В этом сражении русские войска, руководимые А.И. Барятинским, взяли в плен вождя горцев Шамиля. Это положило конец многолетней Кавказской войне. Пленный Шамиль был сослан в Калугу, вблизи которой находились имения Барятинских. В декабре 1869 года Шамиль и его семья некоторое время жили в Марьине, о чем свидетельствуют две памятные доски, хранящиеся в Рыльском краеведческом музее.

Картинную галерею Барятинских составляли сотни произведений мастеров западноевропейской и русской живописи. Здесь были представлены художники итальянской, немецкой, французской и голландской школ. Полотна Тициана, Тьеполо, Гвидо Рени, Лампи, Виге-Лебрен, Винтергальтера, Теннерса и других украшали интерьеры дворца.

Коллекция русской живописи включала работы Ф. Рокотова, В. Боровиковского, Ф. Алексеева, П. Соколова, А. Орловского, И. Тербенева, В. Тропинина, И. Айвазовского, А. Степанова, В. Поленова и многих других. Эти произведения вошли в собрания лучших музеев страны.

В Марьине хранилось и огромное количество скульптуры, украшавшей не только интерьеры дворца, но и парк. Особо следует выделить работу итальянского мастера К. Финелли «Рождение Венеры», выполненную в Риме. Она была установлена в центре ротонды на Круглом острове марьинского пруда. Сейчас это произведение находится в Курском краеведческом музее.

В Москве в ГМИИ экспонируется скульптура, изображающая Марию Федоровну Барятинскую в образе античной богини. Автор ее — ученик датского скульптора Б. Торвальдсена Ф. Биссен — выполнил копию с оригинала, созданного учителем. Оригинал находится в Копенгагене в музее Б. Торвальдсена.

Многие произведения скульптуры из Марьино хранятся в Рыльском краеведческом музее. Среди них работа известного немецкого скульптора А. Триппеля «Бюст Нерона», выполненные неизвестными авторами портреты Петра Великого, принца Гольдштейн-Бека, а также композиции «Аполлон», «Туалет Венеры», «Спящий мальчик» и другие.

Интерьеры дворца в Марьине украшали также ценные коллекции часов, бронзы, фарфора, оружия, мебели, осветительных приборов. Хранились здесь и личные вещи фельдмаршала Александра Ивановича Барятинского: его фельдмаршальский жезл, наградное оружие, ордена, седла и бархатный халат, подаренный Шамилем.

В марьинском дворце имелась ценнейшая библиотека, одна из лучших в России. Собрание редких книг и рукописей было страстным увлечением Ивана Ивановича Барятинского и в особенности его сына Александра Ивановича.

В библиотеку князей Барятинских вошли крупные собрания книг

известных библиофилов: графа И.М. Виельгорского, археолога П.М. Строева, ученых И.А. Гурьянова и А.Ф. Гильфердинга, книголюба В.И. Касаткина и другие. Это в основном и определило состав книг и рукописей библиотеки Барятинских.

Множество старинных грамот, масонских рукописей, манускриптов эпохи Великой французской революции, автографов выдающихся деятелей русской и зарубежной культуры имелись в библиотеке, большинство из них хранится сейчас в Государственном Историческом музее в Москве.

Музыкальный раздел библиотеки составляли произведения для оркестра, инструментальных ансамблей, для пения, фортепиано и гитары, сольные и хоровые вокальные произведения и театральная музыка, всего 556 сочинений. Здесь были также альбомы с русскими, итальянскими и старинными французскими романсами и песнями XVIII века.

В 1882 году Барятинские решили передать свою библиотеку в Исторический и Румянцевский музеи, но в Марьине оставалось еще очень много ценных книг.

После Великой Октябрьской социалистической революции из Марьина в 1918 году было вывезено 18 тысяч томов, поступивших в библиотеку Румянцевского музея, сейчас хранящихся в Российской Государственной библиотеке, Государственном Историческом музее и в Исторической библиотеке в Москве.

Комиссия Наркомпроса, состоящая из специалистов, отобрала наиболее ценные произведения живописи и скульптуры, фарфор, мебель и прочее и направила их в государственные хранилища.

Журнал «Художественная жизнь» писал в 1919 году: «Из Ивановского было вывезено более 200 весьма ценных картин мастеров русской, немецкой, французской, итальянской и голландской школ... редкие коллекции часов, бронзы, старинного фарфора, оружия... огромная библиотека и архив»

РАННИЕ ПОРТРЕТЫ А.И. БАРЯТИНСКОГО (на примере портрета работы м. Болеславского)

В коллекции русской живописи первой половины XIX века Самарского художественного музея с 1919 года хранится шесть небольших, одинаковых по размеру (50х41, 5 см) полотен художника М.А. Болеславского (даты жизни неизвестны). На трех из них имеется процарапанная черенком кисти по сырому маслу авторская подпись «М. Boleslawsky Petropolis 1845» (М. Болеславский. С.-Петербург. 1845г.). Подписи стоят внизу и плохо читаемы.

В инвентарных книгах музея эти произведения получили следующие названия: портрет молодой женщины, портрет кирасира, портрет артиллерийского офицера и т.д. Но, с 60-х годов XX века уже было известно, что один из женских портретов (инв.№ Ж–98) является уменьшенной копией с портрета Марии Ивановны Барятинской, в замужестве Кочубей (1818–1843). Оригинал, принадлежащий кисти знаменитой шотландской

художницы Кристины Робертсон, мз коллекции Марьино через ГМФ поступил в Государственный музей искусств Ташкента. Второй аналогичный вариант этого портрета хранится в ГМИИ.

На оборотах данной серии портретов нет отметок, номеров или штампов ГМФ, так как они поступили из имения графов Орловых-Давыдовых «Усолье». Как известно, женой графа Владимира Петровича Орлова-Давыдова была Ольга Ивановна Барятинская.

Из трех неизвестных мужских портретов легче всего было выявить Александра (Иллюстрация 3), так как известно довольно много его изображений. Но, почти все они относятся к зрелому возрасту, когда он был в зените славы: генерал-фельдмаршалом, покорителем Кавказа и членом Государственного Совета. Изображения, относящиеся к ранней юности чрезвычайно редки. Но, такой портрет нашелся в фондах фототеки ГТГ, представляющий работу художника Л. Сотта (выявленный М.С. Тарасовой в недавнее время, как анонимный в собрании Воронежского художественного музея)(Иллюстрация 7). При сравнении с ним не вызывает сомнения, что портрет князя Александра Ивановича Барятинского в данной серии числится по инвентарным № Ж–100. На нем мы видим закутанного в «николаевскую» шинель с меховым воротником кокетливого офицера с завитыми белокурыми волосами и пшеничными усами. О многом говорит и его холеная рука, унизанная кольцами, которой он придерживает борт шинели.

О. Верне.
Портрет А.И. Барятинского.
Холст, масло. 1837 г.
Galleria nazionale d'arte
moderna Viale delle Belle Arti,
Rome, Italy

Известно описание внешности Александра в юности: высокий, статный, обаятельно красивый, с прелестными голубыми глазами и выющимися белокурыми волосами. Как отмечалось нами ранее, эта привлекательная внешность едва не стала причиной многих бед: кутежи, попойки, слабые успехи в науках, долги, выпутаться из которых, однажды помогли Пушкин с Соболевским, — не могли довести до добра. С.Ю. Витте, помнивший с детства Барятинского по Кавказу отмечал в воспоминаниях: «Он был чрезвычайно красив и считался первым Дон-Жуаном во всех великосветских петербургских гостиных. Как молва, не без основания, говорит, Барятинский был очень протезируем одной из дочерей императора Николая, насколько я помню, Ольгой Николаевной. Т.к. отношения между ними зашли несколько далее, чем это было допустимо, то император Николай, убедившись в этом воочию, выслал кн. Барятинского на Кавказ, где он и сделал свою карьеру». Как, мы уже знаем из его биографии, в возрасте 20 лет он простился с Петербургом и выехал на Кавказ, где с самых низших, обер-офицерских чинов, стал отличаться замечательной храбростью и во время стычек с горцами многократно получал сквозные пулевые ранения; говорят, что живот князя Барятинского как решето».

Новое место службы, далекое от столицы и связанное с ежедневной опасностью, резко изменило характер Барятинского: он стал равнодушен к светским развлечениям, остриг кудри, отпустил бакенбарды, немного сгорбил, в 35 лет ходил с палкой — одним словом. стал иметь вид бравого военного, а не изящного царедворца.

Л. Сотта.
Портрет А.И. Барятинского.
Холст, масло. 1840 г.
Воронежский художественный музей.

Пожалуй, последним известным нам, «светским» портретом его молодости стал портрет работы М. Даффингера (Иллюстрация 8), происходящий из памятного альбома княгини Мелании Меттерних, супруги австрийского канцлера. Данный портрет, которому нами отведено отдельное исследование, еще раз подтверждает артибуцию портрета Барятинского из «самарской» серии, благодаря значительному сходству с прототипом.

Источники и литература:

1. Аврамов Н.П. Грозный имам Кавказа Шамиль в Калуге. — Калуга, 1909.
2. Алексеева Т.В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII–XIX вв. — М., 1975.
3. Арсеньев К.И. Путевые заметки о южной России. — Ч. 8. — СПб., 1844.
4. Башилов И. Описание Курского наместничества вообще и порознь: всякого города и уезда, с планами городам и картами уездам, сочиненное в 1785 году курским губернским землемером порутчиком Иваном Башиловым. 1785 г. ЦГВИА, ф. ВУА, рукопись 1785 г.
5. Богданович Е. Род князей Барятинских. — СПб., 1898.
6. Брянчанинов Н. Страницы прошлого//Столица и усадьба. — 1914. — №9. — С.
7. Воспоминания князя Виктора Ивановича Барятинского. — М., 1904.
8. Габель В., Федоров С. Марьино. — Курск, 1956.
9. Грабарь И.Э. История русского искусства. — Т. 2. — М., изд. Кнебель, 1908–1915.
10. Долгорукий П. Российская родословная книга. — Ч. 1. Князья Барятинские. — СПб., 1854.
11. Жуков Ю.Н. Сохраненные революцией. — М., 1985.
12. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815–1879. Т. I и II. — М., 1888–1889.
13. Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский//Русский архив. — 1888. — № 1.
14. Инсарский В.А. Воспоминания//Русский архив. — 1868, 1869, 1873, 1874, 1888, 1889, 1896; Русская старина. — 1874, 1894, 1895, 1897, 1898.
15. История русской архитектуры. — М., 1956.
16. Ищенко Б.А. Оркестр князей Барятинских//Записки воронежских краеведов; Вып. 1. — Воронеж, 1979.
17. Княгиня Мария Федоровна Барятинская. — СПб., 1858.
18. Кончин Е. Эмиссары восемнадцатого года. — М., 1981.
19. Костомаров Н.И. Мазепа и мазепинцы//Костомаров Н.И. Собр. соч. — Кн. 6. — СПб., 1905.
20. Курские губернские ведомости. — 1860. — № 10. О превращении

имения кн. Барятинских в заповедное.

21. Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней расправы прокурором. — М., 1786.
22. Листов В.Н. Ипполит Монигетти. — Л., 1976.
23. Николаев П.С. Барятинский, кн. Александр Иванович, генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа// Ист. вестник. — 1885. — Т. XXII. — Дек.
24. Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. — Курск, 1860.
25. Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. — Курск, 1893.
26. Познанский В.В. Усадьба Марьино//Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Курская область. — М., 1979.
27. Поместья Мазепы и Искры: Дом гетмана Мазепы в с. Ивановском (Курская губ.)//Нива, — 1886. — № 21.
28. Розанов И.Н. Библиотека А.И. Барятинского — конгломерат шести библиотек. — Рукопись, 1937 г.
29. Русский биографический словарь. — Т. II. — СПб., 1900.
30. Русские портреты XVIII и XIX столетий. — СПб., 1906.
31. Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. — М., 1984.
32. Самсонов В.И. Из прошлого Курского края. — Курск, 1952.
33. Трофимова Т. Обзор музыкального архива Барятинских. — ГБЛ, отд. рукописей, ф. 19, 1936 г.
34. Трофимова Т. Музыкальное наследство композитора Михаила Юрьевича Виельгорского//Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина; Вып. 2. — М., 1939.
35. Федоров С., Габель В. Усадьба Марьино//Архитектура СССР. — 1956. — №8.
36. Федоров С.И. Марьино. — Воронеж, 1965.
37. Федоров С.И. Марьино. Памятник усадебного зодчества. — Воронеж. 1988.
38. Федоров С.И. Марьино. — М., 1976.
39. Федоров С.И. Палаты Мазепы в селе Ивановском: Дворцово-парковый ансамбль Марьино//Архитектурные очерки Курского края. — Воронеж, 1982.
40. Цапенко М.П. Архитектура Левобережной Украины XVII–XVIII вв., — М., 1967.
41. Цапенко М.П. По западным землям курским и белгородским. — М., 1976.
42. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов / сост. Д. А. Ровинский. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886–1889. Т. 1: А — Д. — 1886. — XVI с., 736 стб.: ил. С. 206–207.
43. Адарюков В.Я. Словарь русских литографированных портретов: с 160 фототип. снимками / В.Я. Адарюков и Н.А. Оболянинов; сост. при участии и под ред. С.П. Виноградова. Т.1 [и единств.]. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916. X, 319, [4] с.: ил.; С. 101–103.

44. См.: Столетие военного министерства. 1802–1902: Конспекты исторических очерков столетия Военного министерства / Гл. ред. генерал-лейтенант Д. А. Скалон. — СПб.: Тип. т-ва М.О. Вольф, 1902–1914.
45. Военная энциклопедия: Т. 1–18 / Под ред. полк. В.Ф. Новицкого и др. — СПб.; Пг.: Т-во И. Сытина, 1911–1915. Т. 4. перед С. 405.
46. Литературное наследство. Том 45/46: М.Ю. Лермонтов. II / АН СССР. Ин-т лит. (Пушкинский Дом); [Подгот. к печ. И. Сергиевский и Б. Эйхенбаум; Подбор ил. Н. Пахомова; Худ. ред. И.С. Зильберштейн]. — М.: Изд-во АН СССР, 1948. — 805 с., ил. С. 745.
47. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Науч.-ред. совет издательства «Советская энциклопедия»; Главный редактор Мануйлов В.А., Редколлегия: Андроников И.Л., Базанов В.Г., Бушмин А.С., Вацуро В.Э., Жданов В. В., Храпченко М. Б. — М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 50.
48. Georg Kugler. Staatskanzler Metternich und seine Gäste: die wiedergefundenen Miniaturen von Moritz Michael Daffinger, Josef Kriehuber und anderen Meistern aus dem Gästebuch der Fürstin Melanie Metternich. Graz; Wien; Köln: Verl. Styria, 1991. Т. 71.
49. Т.Ф. Алексушина. Семейная галерея Барятинских из коллекции Самарского художественного музея.//Наследие-современность. Международные конференции художественных музеев 1998 и 1999 годов. Сборник научных сообщений. Самарский областной художественный музей. Самара. 2000. — 328 с.

Елена Евгеньевна Румянцева
доктор экономических наук, профессор
Президент Центра экономической политики и бизнеса
г. Москва

Elena Evgenievna Rumyantseva
Grand PhD in economical sciences, professor,
Center of Economic Policy and Business
Moscow

**АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СКУЛЬСКИЙ (1832–1887):
ЕГО ИМЯ ВЫБИТО НА ПАМЯТНИКЕ-ОБЕЛИСКЕ ГЕРОЕВ
АЛЬМИНСКОГО СРАЖЕНИЯ, НО ОН ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ
ARKADY VASILIEVICH SKULSKY (1832–1887): HIS NAME
IS ENGRAVED ON THE MONUMENT-OBELISK OF THE HEROES
OF THE ALMINSKY BATTLE, BUT HE MIRACULOUSLY SURVIVED**

Аннотация: в статье представлены результаты исследований Е.Е. Румянцевой и ряда членов ее семьи, в том числе найденные ей архивные документы об участии ее прапрадеда, представителя древнего ярославского дворянского рода А.В. Скульского в Крымской войне 1853–1856 гг. и награждении за проявление мужества и храбрости в ходе Альминского сражения в качестве командира 4-го взвода 1-го батальона Владимирского полка.

Abstract: the article presents the research results of E.E. Rumyantseva and the members of her family, including the archival documents about the participation of her great-great-grandfather, the representative of the Yaroslavl noble family A.V. Skulsky in the Crimean War and the rewarding for the heroism during the Alminsky battle as the commander of the 4th platoon of the 1st battalion of the Vladimir regiment.

Ключевые слова: генеалогические исследования, военная обязанность, храбрость, героизм, ранение, плен, государственные награды

Keywords: genealogical research, military duty, courage, heroism, wound, captivity, state awards.

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО СОЗДАНИЮ ДОСТОВЕРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ,
В ТОМ ЧИСЛЕ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ**

История России в настоящее время является одной из многочисленных дискуссионных тем, в обсуждении которых фигурируют, к сожалению, не только достоверные источники, но и домыслы ряда авторов, искажающие действительность. Например, В.Н. Головин утверждает, что

почти всем дворянам удавалось откупиться от выполнения воинской обязанности [1, С. 15]. Материалы, предоставленные Российским государственным военно-историческим архивом (РГВИА), опровергают данное утверждение.

В исследовании истории России переломным можно считать конец 1990-х годов, когда представление истории перестало опираться исключительно на объективные закономерности общественного развития, отождествлявшиеся с обезличенностью и стихийностью исторического процесса, и было положено начало гуманизации истории как науки, исследованиям личности и ее влияния на ход истории [2]. Органы власти стали признавать генеалогические исследования, развивать разные формы сотрудничества с семьями в сфере более полного раскрытия российской истории — через внеклассную школьную деятельность, музеи и др. В конце 1990-х годов были открыты архивные документы, сохранившиеся с прошлых веков, для их изучения населением, а не только специалистами. В связи с этим трудоемкая и все равно затратная работа по освоению источников, представленных в государственных архивах, по нашему мнению, пока еще далека от завершения.

Академик АН СССР Тарле Е.В. специально издал свою книгу, посвященную Крымской войне, в период Великой Отечественной войны. Он подчеркнул в этой актуальной для того времени книге, что между европейскими странами и СССР периода 1940-х годов существовали большие различия в интерпретации истории, сохраняющиеся и до настоящего времени, но в отношении интерпретации истории Крымской войны их как раз не было. Историки всех стран мира были единодушны в своем независимом друг от друга признании заслуг павших в боях воинов, которые «вместе покоятся в братских могилах на берегах Черного моря»... [3, С. 7].

Ляшук П.М. и Сундуков С.Ф. указывают, что в связи со столь поздним появлением первоисточников только в 1999 году вышла первая книга об Альминском сражении. «Сегодня эти издания составляют уже целую библиотеку», — пишут они [4, С. 3]. Но в этой библиотеке почти ничего нет о героическом участии Аркадия Васильевича Скульского (Рис. 1), моего прапрадеда по дедушкиной линии со стороны матери, — ни в Альминском сражении, ни в целом — о достойном исполнении им воинской обязанности на протяжении 10 лет.

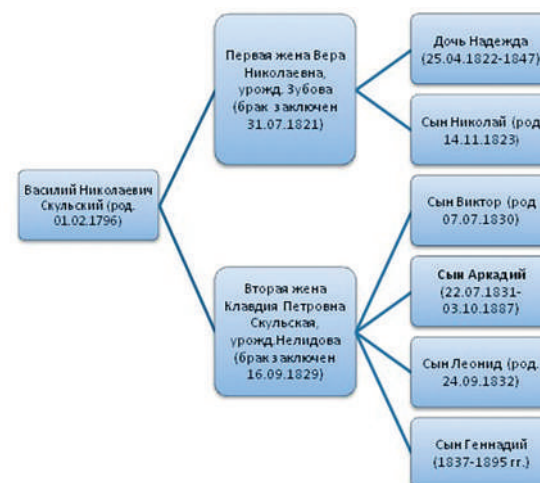
При этом работа с открытыми источниками, касающимися биографии А.В. Скульского, стала возможна лишь в начале 1990-х годов — с разрушением идеологически созданного негативного отношения к представителям российских дворянских семей (при изучении в советской школе трудов и биографий выдающихся писателей и поэтов, происходивших большей частью из дворян, без какой-либо критики их дворянского происхождения). И в отличие от нескольких десятков других представителей древнего рода Скульских об А.В. Скульском можно найти много упоминаний (позитивных при этом) в публикациях современных исследователей, что свидетельствует не только о его запоминающемся участии в Альминском сражении, но и о значимости его личности в истории России.

Аркадий Васильевич Скульский
(стоит) с братом
Николаем Васильевичем,
также участником обороны
Севастополя 1854–1855 гг.

СЕМЬЯ А.В. СКУЛЬСКОГО

Аркадий Васильевич Скульский родился 22 июля (3 августа) 1831 года в семье предводителя в 1833–1838 гг. Любимского уездного дворянского собрания [5, С. 73]. На месте его родового поместья ничего не осталось, хотя наша семья с готовностью продолжала бы все необходимые семейные традиции по сохранению родового имущества, как это заведено на протяжении веков во всех развитых странах. Как сказано в фильме «Дворянские усадьбы Любимского уезда», созданном в 2018 г. коренными жителями Любима в связи с развитием интереса к использованию бренда истории дворянских родов в гостиничном бизнесе в этих местах, «добротный двухэтажный дом дожил бы до наших дней, если бы потихоньку не был бы разобран нашими современниками. От усадьбы сохранились фрагменты подъездной дороги, пруд и аллеи из лип и тополей» [6]. Из фрагмента генеалогического дерева, составленного в ходе проведения генеалогических исследований — по тем источникам, которые была возможность отыскать, видно, во-первых, что методологически неверно говорить об одной какой-то фамилии в роде, в нашем случае — только о фамилии Скульских, например, потому что с точки зрения равенства прав граждан в семье и сторона отца, и сторона матери обладают одинаковыми правами и местом в истории рода.

Поэтому, исходя из принципа равенства прав мужчин и женщин, история рода — это всегда история многих фамилий, а не одной какой-то. Если исследовать дальнейшие родовые связи конкретно нашей семьи, то кроме представителей фамилии Скульских, в ней также были не менее выдающиеся и знатные представители рода Черевиных (как раз А.В. Скульский был женат на А.Н. Черевиной, моей прапрабабушке) с их связями, сын А.В. Скульского был женат на М.П. Куломзиной — представительнице известного в России рода Куломзинных, а внук А.В. Скульского — мой дед — В.Д. Скульский — на представительнице также примечательного рода Румянцевых, моей бабушке В.В. Румянцевой, идущего своими корнями к Оливеру Кромвелю и Дмитрию Донскому.

Во-вторых, даже такой краткий фрагмент генеалогического дерева А.В. Скульского показывает, что не по всем нашим предкам нам за период с 1960-х годов до сих пор удалось установить точные даты их жизни, а некоторые даты жизни и смерти по разным источникам разнятся на год (в т.ч. и по А.В. Скульскому), все еще уточняясь в ходе продолжения в настоящее время нашей работы в государственных архивах, официально разрешенной в России сравнительно недавно. Достаточно подробные биографические данные о многих представителях фамилии Скульских нами уже были опубликованы и представлены в открытом доступе [8].

И, наконец, в-третьих, следует отметить одну из особенностей жизни дворян Скульских в XIX веке — они не только храбро и достойно исполняли свои воинские и гражданские обязанности, но и в семейном плане были из поколения в поколение не праздно мыслящими и действующими персонами, а семейственными и многодетными. Трудности жизни в дворянской семье женщин, те невзгоды, которые им приходилось преодолевать, включая, вероятно, недостаточно развитую медицинскую

помощь, обуславливали их ранний уход из жизни — и отец А.В. Скульского (В.Н. Скульский) овдовел и именно поэтому был женат дважды, и А.В. Скульский в связи со смертью своей первой жены также был дважды женат, и сводная сестра А.В. Скульского — Надежда — к несчастью для семьи, умерла в 25 лет, оставив двух маленьких детей. Представительница другого известного дворянского рода — княгиня А.Ю. Дулова — в своих воспоминаниях рассказывает об отце А.В. Скульского — Василии Николаевиче, что после смерти своей старшей дочери он помог своему зятю Г.Х. Зографу, отцу их с ушедшей из жизни дочерью двоих детей жениться второй раз (подыскал ему хорошую жену, т.к. Г.Х. Зограф сам не хотел этого делать, и подарил на свадьбу молодым дом для их отдельного, более комфортного проживания). Такие судьбоносные изменения сделали впоследствии Г.Х. Зографа более богатым человеком, чем В.Н. Скульский — семья Г.Х. Зографа получила большое наследство, на которое он даже содержал оркестр из 20-ти человек, благополучно переехав из Любимского уезда Ярославской губернии в Москву [9, С. 18–24].

В этих же мемуарах есть строки, посвященные Крымской войне и личности А.В. Скульского. А.Ю. Дулова вспоминает, что Крымская война принесла много горестей и разочарований. «Жертв с нашей стороны было неоправданно много. Лихоимство, казнокрадство, страсть государя Николая Павловича к муштре и плац-парадам пагубно сказались на состоянии армии. Спасала доблесть и врожденное чувство долга командиров, офицеров, а также неизбежная привычка русского солдата терпеть, выполнять приказы и делать свое дело., — писала она. — Все помещики России для действующей армии изготавливали бинты, перевязки, корпии и т.п. ... Пришло известие, что в сражении под Альмой убит один из трех сыновей Василия Николаевича Скульского, находившихся на войне, общий любимец, веселый и приветливый Аркадий Васильевич»... Когда Аркадий Васильевич вернулся, «боже мой, как ликовали родные и многочисленные его друзья, узнав о чудесном спасении общего любимца. Ведь это было воистину «воскрешение из мертвых» [9, С. 29–33].

Спустя столько лет трогательно находить все позитивные отклики о наших предках.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА А.В. СКУЛЬСКОГО И ПОДВИГ В АЛЬМИНСКОМ СРАЖЕНИИ

А.В. Скульский продолжал семейные традиции поведения «как должно храброму офицеру», о чем мы, в частности, узнаем в чудом сохранившихся до наших дней двух делах об А.В. Скульском — 1857–58 гг. и 1860 г.

Два официальных дела Военного министерства Российской империи о А.В. Скульском, предоставленные Е.Е. Румянцевой как представителю рода Российским государственным военно-историческим архивом (РГВИА) для работы с ними.

В соответствии с проведенными нами исследованиями, можно достоверно утверждать, что пятнадцать представителей дворянского рода

Скульских могли принимать непосредственное участие в Отечественной войне 1812 как на территории России, так и в заграничных походах Русской Армии — брали Париж. Отец А.В. Скульского — артиллерийский штабс-капитан Скульский Василий Николаевич (и его дело также было найдено нами в сентябре 2019 г. в РГВИА как значимое и для историков, и для потомков событие), — с 18 лет участвовал в заграничных походах России против наполеоновской армии.

В 19 лет после окончания ярославской гимназии 5 апреля 1950 г. А.В. Скульский был зачислен унтер-офицером в Гренадерский Императора Австрийского полк, который до 1877 года находился в постоянной реорганизации в качестве резервного и запасного. Возможно, отбывание воинской обязанности в этом полку требовало личных связей и/или откупа, что со стороны А.В. Скульского предоставлено не было, а он, как и его родня, был нацелен на реальную, а не мнимую военную службу как исполнение своей воинской обязанности, которая не была для него и всех других добровольной.

Поэтому (по нашему предположению) он в 21 год (19 июля 1852 г.) по распоряжению руководства был переведен из бездействующего, не участвующего в боевых действиях Гренадерского Императора Австрийского полка в действующий Владимирский пехотный полк (А.В. Скульский был родом из Ярославля, а Ярославский пехотный полк 28 января 1833 года был присоединён к Владимирскому полку).

В Альминском сражении А.В. Скульский русской стороной, которая из-за недостатка людей почти не подбирала пленных, был сочтен убитым. Будучи тяжело раненым, он был не только не добит, а подобран англичанами и взят в плен, в котором находился с 8 сентября 1854 г. по 14 апреля 1856 г. Удивительно, что силы противника его даже лечили от ран на островах Мраморного моря, а затем увезли в Англию. Пребывание А.В. Скульского в плену и вообще эта особенность Крымской войны (по собранным нами материалам) — тема отдельной научной статьи. По словам А.В. Скульского, «французы были ангелы сравнительно с англичанами; в последних таилось что-то дьявольское, демоническое. Одну усадлу доставлял нам (пленным офицерам) посольский священник» [9, С. 32–33].

Высочайшим приказом 20 декабря 1854 г. А.В. Скульский был исключен из списков полка в числе убитых. Вернулся из плена 14 апреля 1845 г. Был зачислен во Владимирский полк через 2 месяца после возвращения 18 июня 1956 года.

В связи с тем, что А.В. Скульский был внесен в списки убитых (ошибка была допущена и по прапорщику И.В. Шацкому, вернувшемуся из плена вместе с А.В. Скульским в один день), он был исключен из списков, представленных за героизм, проявленный в Альминском сражении, к государственной награде. А по возвращению из плена он рискнул обратиться с рапортом о повторном рассмотрении документов по его первой за все

время его военной службы, важной для него государственной награды, к которой его после Альминского сражения представило начальство. На основании данного рапорта со всем скептицизмом, присущим российской государственной бюрократии, действующей в интересах «не своих», были проанализированы все поданные ранее документы, затребовано подтверждение от генерала-лейтенанта О.А. Квицинского, который дополнительно (в целях проведения данной проверки) подтвердил в своем свидетельстве от 23 октября 1957 г., что А.В. Скульский «прошлого 1854 года Сентября 8-го в сражении при реке Альме, командуя 4-м взводом в 1-м батальоне того полка, находясь впереди колонны, примерною храбростью и мужеством поощрял людей и вел себя как должно храброму офицеру»...

Как следует из архивного дела, А.В. Скульский все-таки был удостоен государственной награды (самого низкого уровня) — орденом Святого Станислава 3-й степени, как сказано в Указе Императора от 27 марта 1858 г., «за отличное мужество и храбрость, оказанные в сражении при реке Альме 8-го Сентября 1854 года» [10, С. 15], которая была ему вручена с взысканием при этом с него как получателя награды расходов 15 рублей серебром на ее изготовление [10, С. 19].

За доказанное архивными документами героическое поведение в боях имя А.В. Скульского в г. Севастополе было выбито на памятнике погибших воинов Владимирского полка (эта надпись представлена и настоящее время) и на памятной доске Свято-Никольского храма на Братском кладбище [11] (эта памятная доска в настоящее время, к сожалению, в Храме не представлена как пока невосстановленная). И, как выясняется (в контексте исторической памяти), все это было сделано многими людьми того времени хоть и с ошибкой, но очень заслуженно.

Источники и литература:

1. Головин В.Н. Военные усилия России в Мировой войне. — М.: Directmedia, 2013 г. — <https://military.wikireading.ru/82796>
2. Ерохина М.С. Историческая личность: современное методическое изучение. //Преподавание истории в школе. — 1996. — № 7. http://izd.pskgu.ru/projects/pgu/storage/metami/metami01/metami01_14.pdf
3. Тарле Е.В. Крымская война — М.: Военмориздат, 1941–1943. — 2 т.; Т. II. — 1941. — М.: 1943 г. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01005137178#?page=17>
4. Ляшук П.М., Сундуков С.Ф. Сражение на берегах Альмы. Сборник документов и материалов. — Симферополь: АнтикВА, 2007.
5. Тихвинский П.А. Список г.г. губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии. - Ярославль: издание С.В.Михалкова, 1898. — <https://www.prilib.ru/item/370945>
6. Золотые крупицы прошлого: «Дворянские усадьбы Любимского

уезда». Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=ttTW9VOrFMI>

7. Ельчанинов И.Н. Материалы для генеалогии ярославского дворянства: в 9-ти выпусках. Выпуск 3. — Ярославль, Типография Губернского правления, 1915. — 15 с.
8. Скульская Л.В., Румянцева Е.Е. Значение генеалогического фактора для формирования позитивных основ развития общества (на примере исследований истории дворянского рода Скульских) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). — Краснодар: КубГАУ, 2015. — № 01(105). <http://ej.kubagro.ru/2015/01/pdf/41.pdf>
9. Дулова Е.В. /Морозов Б.Н. Для памяти минувших дней. Мемуары, дневники, письма. — М.: Буки Веди, 2016. — 412 с. — С. 18–23
10. Дело о награждении за героическое участие в Альминском сражении. Министерства военного Департамента инспекторского 3-го Отделения 1 Стола № 536 По рапорту Владимирского пехотного полка Поручика Скульского о награждении орденом св. Станислава 3-й степени с мечами. Началось 11 октября 1857 года. Кончилось 16 мая 1858 года // Российский военно-исторический архив. Фонд 395 опись 163 ед.хр. 276.
11. Парский Д.П. Севастополь и памятники его обороны. Издание 1901 г. Переиздание — М.: Рипол Классик, 2013. — 330 с.

Алина Владимировна Самсоненко
научный сотрудник ФГБУК «Севастопо-льский военно-исторический музей-заповедник»
г. Севастополь
Alina Vladimirovna Samsonenko
Federal State Cultural Institution
«Sevastopol Military-Historical Museum-Preserve»
Sevastopol

**МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
1854–1855 гг. А.А. ПОПОВА ИЗ ФОНДОВ
СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА**

**MATERIALS OF THE PARTICIPANT OF THE DEFENSE
OF SEVASTOPOL 1854–1855 A.A. POPOV FROM THE FUNDS
OF THE SEVASTOPOL MILITARY HISTORY MUSEUM-RESERVE**

Аннотация: в статье представлен комплекс экспонатов об адмирале Андрее Александровиче Попове, известном российском кораблестроителе, участнике обороны Севастополя 1854–1855 гг. Предметы были переданы из семьи Поповых-Мороко в музей в конце 1970-х гг.

Abstract: the article includes the materials about Admiral Andrey Alexandrovich Popov, a famous Russian shipbuilder, a participant in the defense of Sevastopol in 1854–1855. This complex was transferred from the Popov-Moroko family to the Museum in the late 1970s.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, адмирал А.А. Попов, кораблестроение, российский флот, музей, фонды музея, коллекция, музейный экспонат.

Keywords: Crimean war, defense of Sevastopol, admiral A.A. Popov, shipbuilding, russian fleet, museum, museum funds, collection, museum piece.

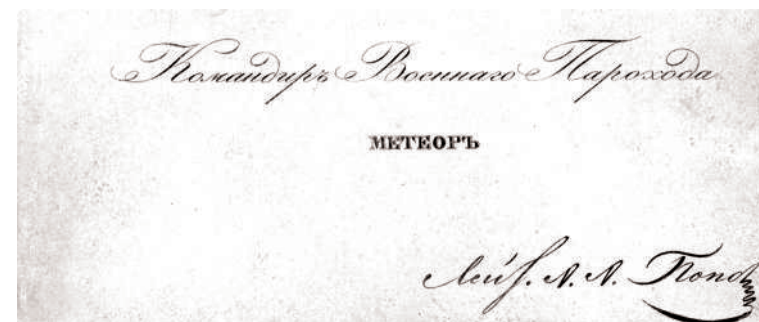
В фондовой коллекции ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник» хранится комплекс музейных предметов, полученный от Мороко Варвары Александровны, внучки участника обороны Севастополя 1854–1855 гг. адмирала А.А. Попова. Комплекс содержит фотографии семьи Поповых, его награды, документы, книги и личные вещи.

Попов Андрей Александрович родился 22 сентября (4 октября) 1821 г. в Петербурге, в семье управляющего Охтинской верфью, известного корабле-строителя генерал-майора Александра Андреевича Попова (1788–1859).

С раннего детства Андрей Александрович любил читать и увлекался историей флота. В 1838 г. он закончил Морской кадетский корпус в Петербурге в чине мичмана с зачислением в Черноморский флот. Принимал

Фотография. Попов Андрей Александрович (1821–1898) – участник обороны Севастополя 1854–1855 гг., кораблестроитель, адмирал. Севастополь. 1850-е гг. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. НВ – 17134

Визитная карточка А.А. Попова – капитана вспомогательного крейсера Черноморского флота «Метеор». 1850-е гг. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. А – 19741 (КП – 52940)

участие в боевых действиях против горцев на Кавказе, нес службу на кораблях Черноморского флота. В фондах музея-заповедника хранится одна из самых ранних фотографий Андрея Александровича, на которой он с выразительными глазами расположился на палубе парусного судна.

Со временем Андрей Александрович был назначен капитаном вспомогательного крейсера — парохода «Метеор». Весной 1853 г. капитан-лейтенант Попов был командирован в Константинополь для сбора сведений об укреплениях западного побережья Черного моря. На визитке можно увидеть почерк лейтенанта А.А. Попова

С началом Крымской войны (1853–1856) Попов вернулся в Севастополь и занял должность офицера особых поручений при В.А. Корнилове, а после его гибели, при П.С. Нахимове [1, С. 194]. Попов руководил установкой орудий, доставленных с затопленных на Севастопольском рейде кораблей. В период осады города Андрей Александрович заведовал артиллерийским снабжением всей оборонительной линии Севастополя [1, С. 267].

За Крымскую кампанию Попов был награжден Золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом Св. Анны 3-й степени и орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Андрей Александрович начал войну в чине капитан-лейтенанта, а закончил в чине капитана 1 ранга [5, С. 27]. На протяжении всей жизни Андрей Александрович будет получать заслуженные награды, одна из них Звезда ордена Св. апостола Андрея Первозванного.

Кокарда в виде звезды ордена Св. Апостола Андрея Первозванного, с головного убора генерал-адъютанта А.А. Попова. Россия. Вторая половина XIX в. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. Н – 9827 (КП – 48598)

Настольный кабинетный звонок. Россия. Вторая половина XIX в. Предмет из личного кабинета А.А. Попова. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. В – 2263 (КП – 28991)

В 1855 г. Андрей Александрович был назначен флигель-адъютантом и командирован на укрепленные порты побережья Балтийского моря.

В 1856 г. Попов стал начальником штаба Кронштадтского порта и руководил постройкой новых военных судов. Под его руководством с Соломбальской верфи (г. Архангельск) сошли 14 винтовых корветов и 12 клиперов.

В 1858–1861 гг. А.А. Попов перешел из Кронштадта в Японское море, проводил исследования побережья Приморья.

В 1861 г. Попов произведен в контр-адмирала и назначен командиром Тихоокеанской эскадры. В 1860-х гг. совершает экспедиции к берегам Англии и Америки. Из этого периода жизни контр-адмирала до наших дней сохранились два предмета, которые украшали его рабочий кабинет

В 1867 г. А.А. Попов избран членом кораблестроительного отдела Морского технического комитета, а в 1868 г. — членом Совета торговли и мануфактур. Попов был активным сторонником строительства в России парового броненосного флота. Начиная с 1867 г., он разработал ряд оригинальных проектов кораблей [2, С. 183]. Одним из лучших проектов стал броненосец «Петр Великий», в свое время он считался одним из наиболее сильных военных судов в мире.

В 1869–1870 гг. А.А. Попов руководил строительством полуброненосных фрегатов. Фрегат «Генерал-адмирал», спущенный на воду в 1872 г. в Петербурге, стал первым в мире океанским броненосным крейсером. Там же, в Петербурге, с начала 1860-х гг. Попов с женой Варварой обустраивают квартиру, в которой живут с дочерьми.

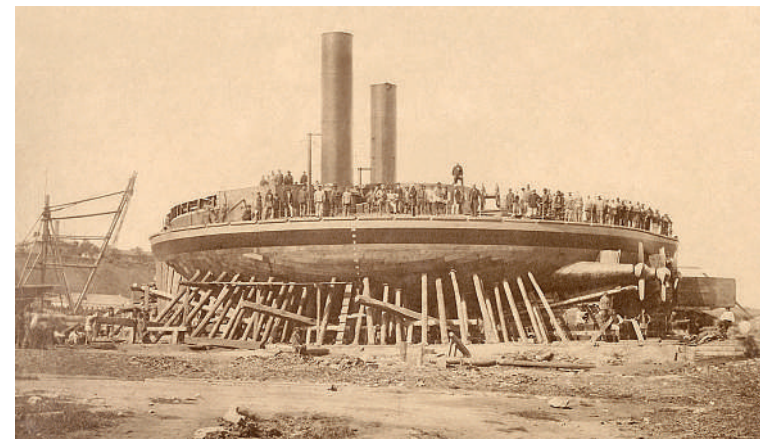
Корабельная кабинетная лампа. Россия. Вторая половина XIX в. Предмет из личного кабинета А.А. Попова. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. В – 2264 (КП – 28992)

Фотография. Андрей Александрович Попов в кругу семьи, его жена Варвара и дочери Елизавета и Юлия. Санкт-Петербург. Начало 1880-х гг. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. НВ – 16942

Фотография. Лестница и вестибюль квартиры семьи Поповых в Петербурге, на ул. Канонерской, 5. Санкт-Петербург. Вторая половина XIX в. На нижнем этаже квартиры располагалось конструкторское бюро, где изготавливали чертежи кораблей А.А. Попова. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. НВ – 18727

Фотография. Строительство броненосца «Вице-адмирал Попов». Фото Н. Короедова. Николаев. Начало 1870-х гг. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. НВ – 16943/3

А.А. Попов разработал и предложил новый тип броненосных судов с большим водоизмещением и малой осадкой — круглые суда, так называемые «поповки». Однако «поповки» оказались неудачными в тактическом отношении, и остались экспериментальными кораблями [2, С. 201]. На фотографии конца 1870-х гг. строительство броненосца «Вице-адмирал Попов» на Николаевской верфи (илл. 9).

«Поповки» служили в российском флоте до 1903 г., после чего были исключены из списков флота и переданы Николаевскому порту [2, С. 202]. В память о важном этапе жизни Андрея Александровича, один из друзей презентовал карманные часы с изображением «поповки», в фондах музея-заповедника хранится верхняя крышка часов.

Верхняя крышка от карманных часов с изображением военного судна. Россия. Конец XIX в. Принадлежали А.А. Попову. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. В – 3648 (КП – 52941)

Приветственный адрес А.А. Попову, от сослуживцев, почитателей и учеников. Санкт-Петербург. 1896 г. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. А – 12149 (КП – 25302)

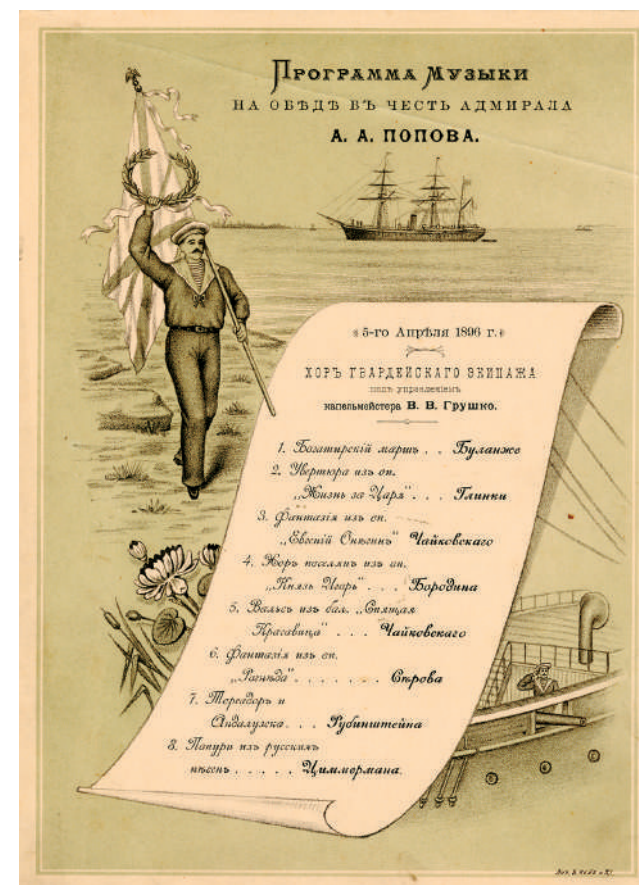
В 1871 г. Андрей Александрович произведен в генерал-адъютанты, в 1872 г. — в вице-адмиралы. В 1877 г. Попов был назначен начальником штаба эскадры. Он возглавил проектирование и наблюдение за строительством первых русских миноносцев [2, С. 187]. В годы русско-турецкой войны (1878–1879) Попов руководил переоборудованием торговых судов в крейсера.

В 1891 г. Андрей Александрович произведен в полные адмиралы.

В 1896 г., на 75-летнем юбилее Попова сослуживцы, почитатели и ученики презентовали ему Приветственный адрес, который хранится в фондах музея.

Скончался адмирал А.А. Попов 6 (18) марта 1898 г. в Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище.

Среди экспонатов, полученных от Мороко Варвары Александровны, имеются так же фотографии правнука Попова А.А., капитана III ранга Андрея Евгеньевича Мороко, который нес службу на подводной лодке Черноморского флота (1950–1960-е гг.). В семье Поповых-Мороко сохранилась традиция се-мейной преемственности, касающаяся не только родовых имен, но и выбора дела всей жизни.

Программа музыки на обеде в честь адмирала А.А. Попова. Санкт-Петербург. 1896 г. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. А – 12150 (КП – 25303)

Лента с Андреевского флага, которым был накрыт гроб с телом адмирала А.А. Попова. Россия. 1898 г. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника. М – 920 (КП – 25646)

Фотография. Капитан III ранга
Андрей Евгеньевич Мороко.
Севастополь. 1950 г.
// Из фондов Севастопольского
военно-исторического музея-
заповедника. НВ – 16945/2

Источники и литература:

1. Жандр А.П. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова / собр. и объясненные А. Жандром. — СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1859. — 396 с.
2. Мельников Р.М. История отечественного судостроения в 5 томах. Том II. Паровое и металлическое судостроение во второй половине XIX в. — СПб., 1996. — 544 с.
3. Нахимов П. С. Документы и материалы / Составители: Спиридонова Л. И., Фёдорова Г. Н. — СПб.: Петербургский институт печати, 2003. — Т. 1. — 432 с.
4. Протопопов И. Очерк осады и обороны Севастополя / Сост. под руководством инж.-полк. Геммельмана И. Протопопов. — Одесса: Тип. Окружного Штаба Одес. воен. Округа, 1885. — 170 с.
5. Рерберг П.Ф. «Севастопольцы». Участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах / сост. и изд. П. Ф. Рерберг. — СПб. : [Т-во Р. Голике и А. Вильборг], 1903.

Фотография. А.Е. Мороко (второй слева) в кают-компании. Севастополь.
1950 г. // Из фондов Севастопольского военно-исторического музея-заповедника.
НВ – 16945/1

Татьяна Васильевна Слепнева
президент Культурно-просветительского фонда «Ника»,
бакалавр теологии
г. Тверь
Tatyana Vasilievna Slepneva
president of the Cultural and Educational Foundation «Nika»,
Bachelor of Theology
Tver

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ: ЕЁ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.

THE EMERGENCE OF THE HOLY CROSS-EXALTATION COMMUNITY OF SISTERS OF MERCY: ITS GOALS, TASKS AND ACTIVITIES DURING THE CRIMEAN WAR 1853–1856.

Аннотация: на основе архивных документов и личных воспоминаний участников освещаются причины создания Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и основные направления её деятельности во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Abstract: on the basis of archival documents and personal memoirs of the participants, the reasons for the creation of the Holy Cross-Exaltation Community of Sisters of Mercy and the main directions of its activities during the Crimean War 1853–1856 are covered.

Ключевые слова: Крымская война, Крестовоздвиженская община сестер милосердия, великая княгиня Елена Павловна, Николай Иванович Пирогов, Екатерина Михайловна Бакунина.

Key words: Crimean War, Holy Cross-Exaltation Community of Sisters of Mercy, Grand Duchess Elena Pavlovna, Nikolai Ivanovich Pirogov, Ekaterina Mikhailovna Bakunina.

В XIX в. в России наблюдался рост частной благотворительности, которой занимались прежде всего представители императорской семьи и люди высшего сословия. Развивалась церковная благотворительность, организовывались православные общества и братства, деятельность которых была направлена на помощь бедным слоям российского общества.

В это же время стали появляться женские объединения для помощи бедным и больным, основанные на принципе христианского служения ближнему.

Во время Крымской войны в сентябре 1854 г. началась осада Севастополя союзными войсками Англии, Франции и Турции. К появле-

нию большого количества раненых русская армия оказалась не готова.

Врачи, фельдшеры, санитары не могли оказать им своевременную помощь, что приводило к большим человеческим потерям: не хватало рук для перевязки и ухода. Профессор Медико-хирургической академии Николай Иванович Пирогов, анализируя статистические данные больниц Санкт-Петербурга, пришёл к выводу, что даже непрофессиональный, но милосердный уход позволял снизить процент умерших после операций больных [1, Л. 80]. Он поделился этими наблюдениями с великой княгиней Еленой Павловной, которая предложила создать общину, объединяющую верующих женщин для милосердного служения раненым. Уникальность идеи великой княгини состояла в создании женской общины, которая могла бы действовать непосредственно в зоне проведения военных действий [2, Л. 209].

Несмотря на скептицизм, с которым воинское начальство встретило эту идею, помощь была оказана на самом высоком уровне. Елене Павловне удалось заручиться поддержкой великого князя Константина Николаевича [2, Л. 516] и изменить мнение императора Николая I. Высочайшее согласие было получено с условием, что сёстры будут соблюдать все требования военно-госпитальных порядков и указания врачей [2, Л. 211].

Результатом стало основание в октябре 1854 г. Крестовоздвиженской общины. Она была учреждена великой княгиней Еленой Павловной и находилась под её непосредственным покровительством и на её денежном обеспечении. Община создавалась как временное учреждение на период военных действий в Крыму для того, чтобы «организовать частную помощь и устроить женский уход за ранеными и больными на самом театре военных действий» [3, Л. 24].

Николай Иванович выразил готовность принять на себя попечительство над сёстрами и быть посредником между ними и медицинским начальством [3, Л. 25]. В итоге на Крымскую войну Пирогов отправился не только как главный врач армии, но и как руководитель общины сестёр милосердия.

Появлению такого женского объединения способствовали не только внешние предпосылки: сама Крымская война всколыхнула российское государство. Елена Павловна обратилась с воззванием «Ко всем русским женщинам, не связанным обстоятельствами семейными, желающим принести свою долю жертвы и добра... Отчизне» [4, Л. 66]. Это встретило поддержку в обществе, и «уже в октябре 1854 года собрались первые 30 человек, готовые поехать в Крымские госпитали для служения раненым и больным» [3, Л. 24 об].

Согласно первым учредительным документам, сёстры Крестовоздвиженской общины милосердия в прифронтовой полосе должны были выполнять задачи ухода за ранеными и больными, а также оказывать духов-

но-нравственное попечение у постели раненых и умирающих [5, Л. 74 об].

Для оказания более качественной помощи раненым и больным в общину в первую очередь принимались те, у кого уже был опыт ухода за больными. Тех, у кого не было такого опыта, но было неотступное желание участвовать в этом служении, направляли на работу сиделками в тифозные отделения больниц Санкт-Петербурга и Москвы на несколько недель для испытания себя. «Не надо упорствовать из-за ложного стыда», — мягко говорила Елена Павловна тем, кто не смог выдержать эту суровую проверку [6]. Все сёстры перед поездкой проходили тщательную медицинскую подготовку. Вспоминая о своей первой встрече с Екатериной Михайловной Бакуниной, врач Александр Сеницын указывал на высокий профессионализм сестёр общины [7, Л. 211–215].

Прибыв к месту военных действий, сёстры сразу же включились в работу. Им было поручено исполнение самых трудных обязанностей в дневных и ночных дежурствах на главном перевязочном пункте, где «они с полным усердием и самоотвержением принялись за трудную обязанность служить ближнему» [8, Л. 2].

В севастопольских госпиталях, куда впоследствии была распределена основная часть общины, оказалось, что раненые и больные «были лишены [в них] всякого ухода» [9, Л. 111]. С целью изменения такого положения руководитель общины — Н.И. Пирогов — предпринял разделение сестёр на три категории: перевязывающих, аптекарш и хозяйек. Это распределение принесло огромную пользу для больных. В течение короткого времени уже были заметны плоды их деятельности: наладилась медицинская помощь, улучшилось питание и, как результат, снизилась смертность. Перевязывающие сестры оказывали помощь фельдшерам, аптекарши хранили медикаменты и осуществляли надзор за их выдачей, сестры-хозяйки заботились о чистоте белья, а также контролировали раздачу раненым воды и еды. «Малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись самым совестливым образом... Сёстры мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжких язв» [9, Л. 111].

В марте 1855 г. с усилением боёв и резким возрастанием количества раненых возникла нехватка медицинского персонала. Сёстрам общины пришлось оказывать помощь при проведении операций: «Ежедневно днём и ночью можно было её [Е.М. Бакунину] застать в операционной комнате, ассистирующею при операциях; в то время, когда бомбы и ракеты то перелетали, то не долетали и ложились кругом <...> она обнаружила со своими сообщницами присутствие духа» [8, Л. 6]. Это самопожертвование стало свидетельством подлинной христианской любви, что соответствовало высокой цели милосердного служения ближнему.

Сёстрам также приходилось осуществлять и послеоперационный уход, «раздавая питьё и лекарства, тщательно наблюдая за всем поряд-

ком и переменами с больными» [3, Л. 28 об]. С обретением опыта они действовали не только по предписанию врачей, но и проявляли индивидуальный подход к каждому раненому для «большей пользы» [3, Л. 29].

Военное время корректировало жизнь общины. Сёстрам пришлось включаться во все возможные направления деятельности в госпиталях. В инструкции под названием «Сёстрам Крестовоздвиженской общины для прочтения и исполнения» [10, Л. 75] указывалось, что «со всеми занятиями они должны ознакомиться заблаговременно, привыкнуть и научиться» [10, Л. 76]. Предполагалось, что, во-первых, со временем их назначения будут меняться, а во-вторых, исполнив во время дежурства свои непосредственные обязанности, каждая сестра должна быть готова помочь другим [10, Л. 76].

Кроме заботы о физическом здоровье раненых и больных, перед сёстрами стояла задача попечения об их душевном и духовном состоянии. Важной стороной жизни сестёр стало облегчение страданий больных христианским утешением и молитвами согласно Клятвенному обещанию: «по долгу христианского милосердия не только буду печься о телесном, но и о душевном здравии болящих, и по сему святому долгу буду сердцем и устами приносить за них молитву Богу ...» [11, Л. 200].

Они стремились также поддержать больных духовно, свидетельствуя о спасительности Святых Тайн и подготавливая их к Святому Причащению.

Важной стороной жизни сестёр стало их свидетельство о христианской вере. Были случаи обращения солдат из иноверцев в христианство. Сёстры становились их крёстными и несли о них попечение [6].

Для успокоения душевного состояния раненых сёстры писали и отправляли письма родственникам, их пересылка осуществлялась за счёт средств общины [5, Л. 73].

Помимо несения своих прямых обязанностей в военно-временных госпиталях и прифронтовых лазаретах им был поручен «нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков» [11, Л. 200]. Это вызвало противодействие администрации госпиталей, однако благодаря вмешательству высшего военного руководства «за сёстрами был удержан весь надзор над госпиталями» [11, Л. 200]. Такое нововведение было направлено против злоупотреблений и воровства чиновников и принесло хорошие плоды. «Бакунина, — писал Н.И. Пирогов, — пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное. Не удивительно, что подобное вмешательство и такая деятельность женщин не могли быть приятны господам командирам и официальным инспекторам» [11, Л. 200].

Преимущество сестёр, не состоящих на государственной службе, было в том, что их нельзя было ни подкупить, ни разжаловать, нельзя было предложить им пойти на компромиссное решение. Бакунина опи-

сала эту сторону своего служения так: «Я должна была сопротивляться всеми средствами и всем своим умением злу, которое разные чиновники, поставщики и прочие причиняли в госпиталях нашим страдальцам. Сражаться и сопротивляться этому я считаю своим священным долгом» [6].

Сёстрам были доверены хранение и выдача денежных пособий, которые полагались солдатам и матросам за полученные увечья. О большой ответственности, возложенной в этом деле на сестёр, говорят следующие строки воспоминаний Е.М. Бакуниной: «Наши раненые просят взять деньги на хранение, но, приняв, надо записать всё аккуратно: имя, полк, родину, родных. У меня в один день собралось до 2000 рублей серебром, и как страшно было их беречь: ведь не имели мы сначала ни комодов, ни сундуков. Ещё хлопотливее, если раненый просит рубль или 50 копеек, и сестра должна разменивать 50-рублевые купюры, а разменять их тогда было очень трудно» [6].

В течение всей Крымской кампании одной из задач медицинской службы стало участие в планомерной эвакуации раненых во временные военные госпитали в глубь страны. В сентябре 1855 г. организовалось транспортно-эвакуационное отделение сестёр Крестовоздвиженской общины, которое возглавила Екатерина Михайловна Бакунина. Перед ней Н.И. Пирогов поставил задачу «осмотреть всё на этапах и передать [ему] свои замечания» [12, Л. 75], чтобы «под надзором старшей, с достаточным запасом перевязочных вещей, медикаментов, чая, сахара и белья <...> транспортируемые не терпели на пути никаких недостатков» [8, Л. 9].

В результате первой поездки было выявлено множество упущений в работе эвакуационной службы: неоказание своевременной медицинской помощи на этапах, плохое содержание и некачественное питание больных и раненых. Это стало очередной задачей, которую сёстрам предстояло решать.

Ещё одним направлением деятельности стал сбор статистических данных о процессе выздоровления раненых или проявившихся осложнениях. В патриотических настроениях сестёр милосердия ни у кого не было сомнений, но они, отражая интересы раненых, а не военного ведомства, собирали честные статистические данные о потерях, чтобы общество знало реальную цену, заплаченную за каждый обстрел и каждую вылазку [1, Л. 140].

Во время войны сёстрам пришлось трудиться на пределе сил из-за большого количества раненых, больных и умирающих. Несмотря на тяжёлые условия жизни, на перенесённые болезни и контузии, они не потеряли присутствия духа в деле воплощения милосердной любви к страдающему человеку. Нельзя говорить о самоотверженных действиях сестёр на фронте, объясняя их только патриотизмом и чувством долга, — это было внутреннее стремление сестёр по исполнению своего христианского при-

звания.

Первоначальные сомнения военного начальства о нужности женского труда милосердия и помощи в военных госпиталях были полностью разрушены. Своей честностью и готовностью помогать сёстры Крестовоздвиженской общины заслужили горячую любовь всей армии: «Это их вдовушка князя Михаила прислала», — говорили с благодарностью солдаты между собой о великой княгине. ... Меня это очень порадовало как доказательство того, что мы полезны и любимы», — вспоминала Е.М. Бакунина [6].

Их деятельность была высоко оценена на государственном уровне. Незадолго до заключения мира великий князь Константин Николаевич обратился к Елене Павловне и всем членам основанной ею общины с благодарственным письмом за их служение и пожелал «упрочить у нас это полезное учреждение», выразив со своей стороны готовность содействовать этому «всеми зависящими от Морского ведомства средствами» [3, Л. 30 об].

Опыт Крестовоздвиженской общины в организации помощи больным и раненым в зоне военных действий оказался востребован и впоследствии лёг в основу деятельности Российского общества Красного Креста.

Источники и литература:

1. Захаров И.С. Николай Иванович Пирогов: реформы и бессмертие / И.С. Захаров. СПб.: Изд-во ФГУП ЦКБ МТ «Рубин», 2009. 176 с.
2. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. Пирогов и школа жизни / А.Ф. Кони. М.: Юридическая литература, 1969. 565 с.
3. ЦГИА СПб. Фонд Ф. 392. (Крестовоздвиженская община сестёр милосердия (г. Петроград, 1845–1917)). Оп. 1. Д. 491.
4. Сысоев В.И. Сестра милосердия Екатерина Бакунина / В.И. Сысоев. СПб.; Тверь: Золотая Книга Санкт-Петербурга, 2012. 376 с.
5. ЦГИА СПб. Фонд Ф. 392. Оп. 1. Д. 74.
6. Бакунина Е.М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tvereparhia.ru/publikaczii/tverskie-drevnosti/10304-ekaterina-mikhajlovna-bakunina-vospominaniya-sestry-miloserdiya-krestovozdvizhenskoj-obshchiny#Глава%204>, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 15.09.2017).
7. Сеницын А. Воспоминания врача Сеницына о Екатерине Михайловне Бакуниной / А. Сеницын // Вестник Европы. 1898. № 7. С. 214–230.
8. Пирогов Н.И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых и больных, в военных

госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 по 1 декабря 1955. СПб., 1856.

9. Из отчётов Н.И. Пирогова о действиях сестёр Крестовоздвиженской общины // Война и милосердие. М.: Изд-во Свято-Димитриевского училища сестёр милосердия, 2003. 320 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Sv_Dim_school/War_Charity_2.pdf, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2018).
10. ЦГИА СПб. Фонд Ф. 392. Оп. 1. Д. 89.
11. Пирогов Н.И. О Крестовоздвиженской общине (из письма к Э.Ф. Раден от 27 февраля 1876 г, Вишня) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Sv_Dim_school/War_Charity_6.pdf, свободный. Загл. с экрана (дата обращения: 11.04.2018).
12. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания / Н.И. Пирогов. М.: Директ-Медиа, 2014. 291 с.

Список сокращений:

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Ирина Константиновна Спиридонова

научный сотрудник

ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»

г. Севастополь

Irina Konstantinovna Spiridonova

Federal State Cultural Institution

“Sevastopol Military-Historical Museum-Preserve”

Sevastopol

«РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБОРА СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА — УСЫПАЛЬНИЦЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ФЛОТОВОДЦЕВ-АДМИРАЛОВ. 2011–2014 ГГ.». (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ МУЗЕЯ)

«RECONSTRUCTION OF ST. VLADIMIR CATHEDRAL — THE TOMB OF PROMINENT ADMIRALS. 2011–2014». (BASED ON THE MATERIALS OF THE MUSEUM FUNDS)

Аннотация: в сообщении на основе архивных документов, исторических источников, научных отчетов по реставрации собора св. Владимира за 2011–2014 гг., представлены сведения об истории реставрационных работ в соборе специалистами ООО «Монопорстройсервис» и реставраторами Студии военных художников имени М.Б. Грекова, о музеефикации в соборе, о восстановлении архитектурных элементов внутреннего интерьера собора, фресок, орнаментировки, благоустройстве территории.

Abstract: the article contains information about the history of restoration work in the cathedral, about the museification and the restoration of architectural elements of the interior of the cathedral, frescoes, ornamentation, improvement of the territory based on archival documents, historical sources and scientific reports on the restoration of St. Vladimir Cathedral in 2011–2014.

Ключевые слова: реконструкция, собор св. Равноапостольного князя Владимира-усыпальница флотоводцев-адмиралов, лессировка камня, фрески, орнаментировка, музеефикация, иконостас.

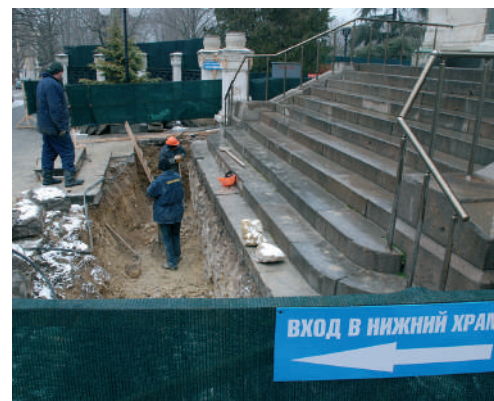
Keywords: reconstruction, Cathedral of St. Vladimir, stone lessening, frescoes, ornamentation, museification, iconostasis.

Собор св. Равноапостольного князя Владимира — усыпальница выдающихся флотоводцев-адмиралов, один из немногих сохранившихся храмов города XIX в., является одним из шести объектов Музея обороны Севастополя.

Собор сильно пострадал во время бомбежек и обстрелов города в 1941–1942 гг. Вопрос о восстановлении собора решился в 1965 г.

Здание собора святого
Равноапостольного
князя Владимира –
усыпальница выдающихся
флотоводцев-адмиралов.
2014 г.

Укрепление фундамента
здания собора. 2011 г.

[6; 1–66/37]. После испытаний и разрушений в годы Великой Отечественной войны, воздействия подпочвенных вод и глинистой почвы здание Владимирского собора оказалось в критическом состоянии, требовался капитальный ремонт собора.

Первая реконструкция была проведена в 1967–1973 гг. [7, 62], вторая — в 1989–1995 гг. [7, 65]. Третья, последняя реконструкция, проведенная на средства и с привлечением специалистов Министерства обороны РФ, выполнена в 2011–2014 гг.

Группа специалистов провела комплексное обследование здания Владимирского собора и дала оценку его техническому состоянию и состоянию настенной живописи собора. Обследование выявило проседание фундамента и смещение купола храма. Кроме этого, в техническом задании разработаны решения по усилению конструкций здания, реставрацию стен фасада и цоколя, а также воссоздание архитектурных элементов внутреннего интерьера собора, восстановление фресок, благоустройство территории.

В начале реставрационных работ были оговорены условия эксплуатации памятника: собор использовать по назначению; нижний храм отвести для музея (экскурсионная работа), верхний храм — для нужд церкви.

В ноябре 2011 г. из Москвы приехала группа художников Студии военных художников имени Грекова во главе с директором студии Соколовым Андреем Петровичем, который привез Проект реставрации живописи собора [8, 3].

На совместном совещании было принято решение оставить утраты, полученные во время войны, с целью музеефикации. Выбоины от осколков пуль и снарядов на ступенях лестницы, стенках здания и колоннах на северном фасаде были максимально сохранены.

Специалисты фирмы ООО «Монопорстройсервис» в первую очередь произвели работы по укреплению фасада здания. По периметру собора была вырыта траншея шириной 2,5 м, длиной 110 м, в уровне верхней части фундамента выполнен охватывающий железобетонный пояс —

арматурный каркас из стали. Пазухи между ленточным фундаментом и железобетонным поясом заполнили бетоном, была выполнена битумная гидроизоляция [2, 24], затем траншею засыпали строительным отсеком.

Перед реставрацией камня на фасадах собора здание закрыли «рубашкой».

В ходе работы специалисты определили, что каменная кладка стен из блоков Инкерманского месторождения белого и серого цветов подверглась процессам разрушения и выветривания, эрозии, повреждена сколами от пуль и осколков снарядов [2, 26]. В результате была выполнена лессировка (восстановление чередования камней светлых и более темных), как было первоначально при строительстве собора в конце XIX века. После этого была сделана расчистка и шлифовка фасада, выполнена гидрофобная защита, предохраняющая стены здания от разрушения, особенно во время сильных ветров с моря. Выполнено обеспыливание промышленным пылесосом, затем сняты предохраняющая от пыли сетка и леса [10, 18].

Надписи на порталах на фасадах здания собора сильно пострадали в годы войны, подверглись выветриванию, эрозии, была утрачена облицовка цветным мрамором [2, 27–29]. В ходе работы утраченные элементы были воссозданы, надписи восстановлены, при этом был использован мрамор двух видов: желтый итальянский и красный турецкий, затем покрыты сусальным золотом. Над дверью северного портала надпись на старославянском языке: «Ублажат мя вси роды» (Возвеличат меня все народы) [1, стих 7].

Реставрационные работы специалистов по камню и художников-живописцев производились параллельно.

Внутри здания собора были поставлены леса, так как высота собора более 30 м. Проводились работы по усилению конструкций здания собора. Своды, подпружные арки и иные конструкции в соответствии

с проектом были стянуты в верхней части гладкой круглой арматурой, а колонны были укреплены специальными металлическими бандажными конструкциями, которые были декорированы художниками.

Реставрационные работы во Владимирском соборе начались в ноябре 2011 г. За непродолжительный период времени строители практически очистили стены от слоя старой штукатурки, затем приступили к усилению стен металлической сеткой и к установке направляющих. Это являлось основой для слоя новой штукатурки.

Вначале художники осмотрели и оценили состояние росписей и орнаментирования на стенах и сводах храма, сделали заключение о состоянии памятника: живопись имеет участки аварийного отставания красочного слоя от основы, а также отставания штукатурки от каменной кладки. При обследовании обнаружены пустоты практически под всей поверхностью штукатурки. По всей поверхности памятник покрыт слоем стойких поверхностных загрязнений. Видны аварийные участки шелушения красочного слоя на 90 процентов поверхности [5, 24].

В течение двух недель художники работали над аварийным укреплением отстающей от основы штукатурки и живописного красочного слоя, используя при этом профилактическую наклейку из папиросной бумаги, смоченную раствором рыбьего клея крепостью 10 процентов, устранив шелушение красочного слоя [5, 25].

Для выяснения лучшего способа реставрации живописи художники выполнили работы на пробных участках живописи тремя методами закрепления штукатурки, попытались найти свою методику для сохранения уникальной живописи художника А.Е. Карнеева (1833–1896). Орнаментация стен и сводов художника Рафаэло Изелла (1835–1890) была практически утрачена. В результате проб нашли свой метод проведения реставрации фресок и восстановления орнаментирования в соборе.

Поверхности, предназначенные под золочение (фоны медальонов, фоны четырех евангелистов) предварительно были окрашены силикатной краской «Аллигатор» оранжевого цвета для придания золоченой поверхности глубокого теплого оттенка. Золочение производилось при помощи сусального золота фирмы Манетти (Италия), которое наклеивалось клеем «Мордан» [5,30].

Что касается восстановления орнаментирования, художники с сохранившихся участков живописи переводили контуры орнамента гелевой ручкой на полупрозрачную бумагу-кальку. После этого в условиях мастерской собранный материал тщательно измеряли и систематизировали. Заново нарисованные элементы орнамента переводились при помощи копировальной бумаги на трафаретную самоклеющуюся пленку, в которой вырезались окрашиваемые участки. Далее трафаретная пленка наклеивалась на размеченную поверхность, и при помощи поролоновых тампонов наносился прорезанный орнамент соответствующего цвета. Окончательная обводка орнаментов проводилась тонкой линией при помощи специальной кисти с длинным ворсом-штрипелем [5,30].

Художники восстановили орнаменты на стенах и сводах, в куполе, апсидах, сделали обводку и написали фон во всех композициях. Восстановление живописи проводилось в пределах утрат красочного слоя. Тонировки производились в соответствии с тоном и цветом авторской мозаики, в стиле Российской академической живописи периода второй половины XIX века [5,30–31].

В результате работы устранено аварийное отставание красочного слоя от основания. В полной мере восстановлена связь между штукатурным основанием и каменной кладкой, удалены все поверхностные загрязнения, проведена полная реконструкция отсутствующих участков орнаментирования и художественного произведения в соответствии с цветом, тоном и стилем первоначального проекта [5, 31].

В верхней церкви собора металлической сеткой усилены стены и своды, выполнены штукатурные работы, подготовлен грунт для живописных работ. Поврежденные участки росписей художники закрепили специальным основанием, утраченные росписи написали заново в соборе внутри с архивными сведениями. В реставрационной работе художники использовали технологию Кейма (жидкое стекло) [5, 31].

Работы начались с алтарной части храма, в алтаре вся живопись была написана заново согласно архивным сведениям.

Художник-реставратор Иван Петрович Крившинко [9], руководитель группы художников в Севастополе, молодой талантливый художник, выполнил большую часть реставрационных работ в соборе внутри и на внешних фасадах здания. И.П. Крившинко заново написал живопись в алтарной части собора по технологии немецкого художника Кейма [5; 3,34].

В сентябре 2012 г. восстановлены фрески в куполе: Господа Вседержителя и восьми Ангелов у Небесного Престола, барабане, парусах. В парусах восстановлены изображения четырех святых Евангелистов – св. Матфея, св. Иоанна, св. Луки, св. Марка [2, 39].

В ноябре 2012 г. художник И.П. Крившинко закончил восстановление фресок «Страшный Суд» и «Недремлющее око» над входной дверью на западной стене собора [2, 39].

В конце сентября 2012 г. художники начали реставрационные работы на паперти: написана фреска «Спас Вседержитель», в полукругах арок с обеих сторон паперти написаны кресты (по архивным фото), также на северном и южном фасадах в аркадах написаны иконы.

Иконостас воссоздан реставраторами по старым чертежам из белого мрамора в Турции [2, 39]. Его устанавливали специалисты из Турции, работая 24 часа в сутки. Царские и дьяконовские врата выполнены из дерева, обрамлены металлом, покрыты сусальным золотом. Севастопольские художники Е.Н. Карпова и ее отец Н.М. Карпов, члены Союза художников, написали 12 икон для иконостаса собора — 6 больших и 6 маленьких [2, 39].

Для верхнего и нижнего храмов Владимирского собора были заказаны два паникадила и семь светильников, выполненных в Львове в 2013 г.

Прежнее паникадило в верхней церкви было демонтировано, но из него взят один элемент — двуглавый орел, который венчает новое паникадило.

В центре нижнего храма бронзовое паникадило с лампами из бело-голубого стекла, восстановленное по архивным рисункам бронзовых и литейных дел мастера французского подданного А.П. Морана (1819–?). [7, 29].

В нижней церкви с 1969 по 1920 гг. производились захоронения адмиралов Российского флота, было похоронено девять выдающихся адмиралов Российского флота, могилы были расположены вдоль стен в два ряда, не сохранились. Надгробия были восстановлены, представляют собой плиты из черного полированного гранита с белым цоколем площадью 1,3 кв. м. На плитах выполнены надписи с накладными геральдическими элементами (литье с золочением) с обозначением имени и даты смерти адмирала [2; 4].

С левой стороны храма похоронено пять адмиралов: «Контр-адмирал Петр Карпов, скончался 21 сентября 1869 года», «Адмирал Владимир Шмидт, скончался 12 февраля 1909 г.», «Вице-адмирал Иван Дефабр, скончался 1 октября 1910 г.», «Генерал-адъютант адмирал Иван Диков. Скончался 30 сентября 1914 г.», «Вице-адмирал Саблин, скончался 17 октября 1920 г.»

С правой стороны храма похоронены четыре адмирала: «Адмирал Иван Шестаков, скончался 21 ноября 1888 г.», «Адмирал Павел Перелешин, скончался 28 февраля 1901 г.», «Вице-адмирал Сергей Тыртов, скончался 10 января 1903г.», «Вице-адмирал Григорий Чухнин, ранен 28, скончался 29 июня 1906 г.»

В марте–апреле 2014 г. художники И.П. Крившинко, С. Хабаров и С. Акиншин написали две композиции «Крещение Руси» и «Князь Владимир» на стенках нижней церкви, в месте, отведенном для крещальни. Художники взяли для написания фресок сюжеты картин В.М. Васнецова¹, которые выполнены для украшения Храма Святого князя Владимира в Киеве [9].

В юго-восточной части ограды собора был построен фиал-чаша для водоосвящения из белого мрамора, привезенная из Турции. Украшает фиал резная фигурная решетка на основании из белого Альминского камня [2, 4].

¹ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926) — русский художник-живописец и архитектор, мастер исторической и фольклорной живописи. Большую часть своей жизни В.М. Васнецов посвятил созданию монументальных произведений религиозного характера. Наиболее известные произведения этого жанра были сделаны для украшения Храма Святого князя Владимира в Киеве. Одним из таких творений стало «Крещение князя Владимира», работа над которым велась в период с 1885 по 1896. «Крещение Руси» — фреска художника над входом на хоры во Владимирском соборе в Киеве написана в 1895–96 гг.

Фрески в крещальне крипты

Мраморные доски с именами Георгиевских кавалеров

Фрески в крещальне крипты

Крипт. Колонны из вознесенского гранита

Десять колоколов перед установкой на звоннице собора святого Владимира. 2012 г.

Кроме этого, в северо-восточной части на территории храма построено одноэтажное здание для воскресной школы [2; 17–18].

В 2010-е гг. новые колокола для Владимирского собора были заказаны на колокольном заводе Шувалова в городе Тутаеве Ярославской области, где были отлиты 12 колоколов [3], среди которых выделяется прорезной колокол с барельефами 4-х адмиралов и памятными текстами о них. Памятные тексты по просьбе настоятеля собора о. Алексея помогли подобрать научные сотрудники музея, используя документы и архивные материалы.

Под барельефом адмирала М.П. Лазарева надпись: «Это был человек таких качеств, каким бы могла гордиться любая нация»; под барельефом В.А. Корнилова — «Отстаивайте же Севастополь»; под барельефным портретом В.И. Истомина - «Твое имя с благоговением будут произносить потомки»; под барельефом П.С. Нахимова — «Жизнь каждого принадлежит Отечеству». Прорезной колокол весит 490 кг [10, 18]. После освящения колоколов 18 февраля 2014 г. специалисты подняли все 10 колоколов на звонницу Владимирского собора, для чего предварительно была разобрана кровля звонницы.

Несколько слов о реставрации креста на куполе Владимирского собора. Бронзовый вызолоченный крест для Владимирского собора выполнен бронзовых и литейных дел мастером А.П. Мораном в 1870–гг. Высота креста 3 м 80 см, размах сторон креста 2 м 10 см [7, 30].

Специалисты выполнили следующие работы по реставрации креста: заменили и установили двойной хомут основания креста, была выровнена нижняя часть креста с последующей зачисткой, рихтовкой, шпаклевкой, грунтовкой, антикоррозийной защитой. Затем был нанесен лак «Мордан» с покрытием поверхности креста сусальным золотом [2; 8, 19–20].

Крест над Владимирским собором перенес все тяготы войн, богореческих экспериментов, индустриализацию, не был снят, не был переплавлен. Крест сиял и продолжает сиять над собором, видный отовсюду.

В 2011–2014 гг. во Владимирском соборе были выполнены реставрационно-восстановительные работы, проведена полная реконструкция собора.

Директор Студии военных художников им. М.Б. Грекова А.П. Сытов, руководитель реставрационных работ, составил и передал рекомендации по условиям сохранения живописи Владимирского собора, памятника истории и архитектуры XIX века.

Есть надежда и вера в то, что эти рекомендации по условиям сохранения живописи и здания собора будут выполняться, чтобы сохранить для будущих поколений уникальный памятник героям Крымской войны и обороны Севастополя 1854–1855 гг.

Источники и литература:

1. Библия. Новый завет. Евангелие от Марка. Гл. 1, стих. 7
2. Зайцев. А.В. Научный отчет по реставрации Собора Святого

Равноапостольного князя Владимира. — Севастополь, 2013 г. /Архив СВМЗ. 5–3.1–3.

3. Колокола Шувалова - [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.stfond.ru/gallery.htm?id=9026>
4. Непомнящих О. В старину считалось, что нет двух колоколов одинакового звучания, а у каждого звонаря — свой почерк. // Слава Севастополя. 2013. 6 марта.
5. Паспорт реставрации памятника истории и культуры. Внутреннее убранство Собора во имя св. Святого благоверного Князя Владимира. 2011 г. / Архив СВМЗ. 5–3.1–1.
6. Постановление Государственного Комитета по делам строительства УССР Госстроя УССР № 1–66/37 от 11.01.1965 г.
7. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира — усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского флота. Симферополь. 2004.
8. Студия военных художников им. М. В. Грекова. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/moscow/3031>
9. Храм святого Владимира в Киеве. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://bellezza-storia.livejournal.com/190694.html>
10. Щербакова Е. Сохранить и приумножить. / Флаг Родины. 2012 г. 25 февраля.

Анжелика Артуровна Фесенко
кандидат исторических наук,
ученый секретарь ГБУК города Севастополя «РИБС»
г. Севастополь
Anjelika Arturovna Fesenko
PhD in Historical sciences,
Central City Library
Sevastopol

**ПРАКТИКА ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ
«ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН» НА ПРИМЕРЕ УЧАСТНИКА
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ, КОМЕНДАНТА СЕВАСТОПОЛЯ,
АДМИРАЛА ПЕТРА ИВАНОВИЧА КИСЛИНСКОГО
PRACTICE OF ASSIGNMENT OF THE RANK
«HONORARY CITIZEN» ON THE EXAMPLE OF PARTICIPANT
OF CRIMEAN WAR, COMMANDANT OF SEVASTOPOL,
ADMIRAL PETER IVANOVICH KISLINSKY**

Аннотация: статья посвящена проблеме присвоения звания «Почетный гражданин города» на примере адмирала П.И. Кислинского. Автору удалось проследить процедуру присвоения звания, выявить новые факты в жизни и деятельности адмирала, определить его вклад в развитие приморского города Севастополя.

Abstract: this article is dedicated to the problem of assignment of honorary citizenship having as an example admiral P.I. Kislinsky. Author has managed to track a procedure of assignment of the rank and reveal new facts from admiral's life and doings, to define his contribution into development of seaside town Sevastopol.

Ключевые слова: почетный гражданин, Петр Кислинский, город Севастополь, комендант крепости, адмирал, городская дума, указ императора, Крымская война, Музей Севастопольской обороны, Братское кладбище.

Key words: Honorary Citizen, Peter Kislinsky, city of Sevastopol, commandant of the stronghold, admiral, city Duma, emperor's order, Crimean war, Museum of defense of Sevastopol, Brotherhood cemetery.

Постановка проблемы: по архивным документам установить являлся ли П.И. Кислинский почетным гражданином города. Проследить процедуру присвоения звания «Почетный гражданин». На примере адмирала Кислинского показать за какой вклад в развитие города человек мог быть удостоен звания «Почетный гражданин города».

Formulating the problem: using the archive documents to figure out

whether P.I. Kalinsky was assigned an honorary citizenship. To trace the procedure of assignment of honorary citizenship. On the example of admiral Kalinsky to demonstrate for what kind of contribution into development of the city one could be granted honorary citizenship.

Петр Иванович Кислинский родился 5 октября 1806 года в городе Владимире. В 15 лет поступил в Морской кадетский корпус. В архиве РГА ВМФ, в документах Морского училища сохранились письмо Петра Кислинского в Великому Государю с просьбой о зачислении его в кадетский корпус: «...Просит недоросль из российских дворян греко-российского исповедания Петр, Иванов сын. Отец мой родной надворный советник, сын Петров, ныне мне от роду 15 лет, обучившись читать, писать и части арифметики на службу Вашего Императорского Всепопданства никуда еще не определен. А посему всепопданнейше прошу откомендовать меня в Морской кадетский корпус кадетом». К прошению прилагается свидетельство о том, что Петр законный сын Ивана Кислинского, надворного советника и что отец его значится по дворянским спискам Ардадьевского уезда [1].

В 1823 году произведен в чин мичмана и направлен на Черноморский флот. С тех пор верой и правдой нес службу под Андреевским флагом, участвовал в морских баталиях во время русско-турецких войн, отличался находчивостью и бесстрашием.

В годы русско-турецкой войны 1828-1829 гг. П.И. Кислинский командовал иолом №22, канонерской лодкой «Барсук». За отличие в морском сражении под Варной был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. Вскоре к этому ордену добавилась новая заслуженная награда — орден Св. Владимира 4-й степени с бантом. Офицера отметили за умелые командирские действия на корабле «Пантелеймон» при взятии Сизополя и разгроме вражеских кораблей в Фаросском заливе [2].

В документах РГА ВМФ в фонде Канцелярии главного морского штаба имеется интересное дело, заведенное на Петра Кислинского — это тайный надзор за поведением лейтенанта.

4 апреля контр — адмирал М.Н. Кумани «имеет особый надзор за поведением и усердием в службе лейтенантом 31 экипажа Кислинского командующего канонерской лодкой «Барсук». Еще в бытность русско-турецкой войны П. Кислинский сказал прямо в лицо Государю императору о том, что это война никому не нужна. «Неодобрительно высказывался на счет правительства и военных действий». После чего, государь император повелел А.С. Грейгу установить за лейтенантом тайный надзор. К Кислинскому тайно был приставлен флотский по Севастополю начальник г. Панайоти. Неоднократно и адмирал Грейг и Панайоти отправляли письма императору с отзывами на лейтенанта Кислинского. Вот, например, один: «исправный и усердный по службе офицер, а равно свиде-

тельствую о поведении и нравственности его с должною похвалою и в поступках его не замечено ничего предосудительного или позорного». Все документы имеют гриф секретности. Несмотря на усердие офицера и должное служение Отечеству, тайный надзор за Кислинским продолжался семь лет и только был снят при адмирале М.П. Лазареве. Адмирал лично обратился к государю императору 19 ноября 1833 года и 4 декабря 1835 года надзор был снят [3].

Главные командиры и его наставники в П. Кислинском не ошиблись, затем были новые бои, и опять в числе достойнейших звучала фамилия Кислинского. В 1831–1832 гг. он участвовал во взятии крепости Геленджик, затем крейсировал вдоль абхазских берегов. За храбрость в боевых действиях против горцев в 1834 году Петр Иванович был отмечен золотой саблей «За храбрость». Службу продолжил на корабле «Память Евстафия» и в 1839 году произведен в капитан-лейтенанты. До 1842 года служил в Абхазии и за участие в 18 морских кампаниях был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1844–1846 гг. он командовал корветом «Оливуца» в эскадре вице-адмирала К.Ф. Литке, затем с великим князем Константином Николаевичем участвовал в плавании по Средиземному морю. В 1846 году Кислинский награжден орденом Св. Анны 2-й степени и неаполитанским орденом Св. Фердинанда [4].

В Севастополь в 1848 году Петр Иванович вернулся обстрелянным и многоопытным боевым офицером.

Когда началась Крымская война, с первого до последнего дня П.И. Кислинский состоял в гарнизоне — с 13 сентября 1854-го по 27 августа 1855 года. Сначала в чине капитана 1 ранга командовал линейным кораблем «Ягудиил». Еще 11 сентября 1854 года этот корабль был введен в самый конец Южной бухты и поставлен на якорь левым бортом к Пересыпи. Позиция оказалась чрезвычайно выгодной, но и опасной. 5 октября 1854 года «Ягудиил» не только успешно соревновался с английскими батареями, но даже высадил команду из 75 человек для помощи 3-му бастиону, почти полностью разрушенному после взрыва порохового погреба. Из них на корабль вернулись только 25 человек [5].

После этого англичане обратили на «Ягудиил» особое внимание. Каждый день экипаж вырубал из корпуса каленые ядра, а однажды бомба пробила ют и разорвалась в кают-компании. 11 октября корабль получил 72 пробоины, и оставлять его у Пересыпи стало слишком опасно. Поэтому было приказано отводить корабль днем к Северной стороне, а ночью возвращать назад. Однако это не помогло! 21 февраля 1855 года две ракеты попали в корабль, одна разрушила каюту командира «Ягудиила» [6].

Затем П.И. Кислинскому доверили командовать батареями на Пересыпи третьего отделения оборонительной линии, которые успешно отразили нападение англичан во время штурма 6 июня 1855 года (ныне на этом

месте находятся железнодорожный вокзал и сквер). В тот день Кислинский был ранен.

6 декабря 1854 года Петр Иванович за заслуги при обороне Севастополя награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, назначен флигель-адъютантом. 20 июля 1855 года произведен в чин контр-адмирала с назначением финансового вознаграждения «на 800 рублей в год на 12 лет». Два года командовал 5-й бригадой Черноморской флотской дивизии [7].

После окончания войны Кислинского перевели на новый для него, боевого моряка, участок службы. В мае 1858 года он был назначен севастопольским комендантом и исполняющим обязанности военного губернатора и занимал эти две должности целых шесть лет, пока в 1864 году военное губернаторство не было упразднено. В должности севастопольского коменданта находился до 1873 года. В 1874 году произведен в полные адмиралы [8].

После Крымской войны город был совершенно разрушен. Для осмотра казенных зданий и доков возвратился городской архитектор М.И. Эппингер. Начался подъем затонувших судов. За расчистку севастопольских бухт взялся гражданин США Джон Гоуэн (Гауэн). В 1862 году он продал пароход «Лайонс» севастопольским купцам Петру Телятникову и Якову Долголенко за 8600 рублей и уехал. Городовой магистрат был заведен имущественными делами. В связи с утерей документов владельцев недвижимого имущества и уничтоженных пожаром документов жителями города восстанавливались купчие крепости, взыскивались долги. В Севастополе была создана «комиссия, учрежденная при севастопольском порте, для удовлетворения частных владельцев за затопленные в Севастопольской бухте купеческие суда». При наличии судовых документов возмещался ущерб [9].

Возродить нормальную жизнь в Севастополе и выпало на долю Петра Ивановича. Работа закипела по всем направлениям. Со дна расчищаемых бухт были подняты затопленные корабли. Именно по инициативе Кислинского в Севастополе было создано отделение Государственного банка. И хотя Севастополь долго называли «мертвым городом», благодаря П.И. Кислинскому приметы новой жизни становились явственнее: они зримо проступали в лабиринтах узких улочек Корабельной стороны, Зеленой горки, где селились вернувшиеся яличники, мастеровые, отставные матросы. Открылся рынок в Артиллерийской бухте. Потребность населения в товарах первой необходимости удовлетворяли лавки, питейные заведения, кондитерские, устроенные в нескольких деревянных домах по улице Морской. В центре города было открыто несколько гостиниц, оборудованных предприимчивыми купцами. Севастополь начинал новую жизнь.

Благодаря прозорливости и стараниям Петра Ивановича 24 апре-

ля 1856 года Кабинетом министров одобрено учреждение пароходного акционерного общества для Черного, Азовского и других морей, получившего название «Русское общество пароходства и торговли» (РОПит). Общество имело пароходы, которые обеспечивали перевозку пассажиров и различных грузов [10].

При П.И. Кислинском в 1867 году на средства, по подписке собранные моряками, строился и открывался памятник русскому флотоводцу, мореплавателю и исследователю Антарктиды адмиралу М.П. Лазареву.

Спустя время севастопольский порт отнесли к портам 2 класса, потом объявили Севастополь, куда заходило все больше и больше судов из разных частей света, коммерческим портом... Город реально начал возрождаться.

Однако имя Кислинского связано не только с боевой и созидательной историей города, он был инициатором благотворительных мероприятий в городе. Возглавив местную комиссию по созданию музея Севастопольской обороны, Петр Иванович организовал сбор добровольных пожертвований в фонд музея. Как пишется в Обзоре градоначальства за 1869 год, в этом музее сосредоточены «различные предметы, служащие воспоминанием Крымской кампании, защиты г. Севастополя и его героев: как-то: картины, эстампы, гравюры, карты, оружие и прочее. — Музей помещается в доме, принадлежащем наследникам графа Тотлебена, и содержится на счет дохода с участка земли, в Бердянском уезде, Высочайше пожалованного в собственность музея в 1 день декабря 1869 года». Экспонатами стали не только личные вещи, фотографии и документы участников обороны, позже музей пополнился картинами художников И.К. Айвазовского, В.Е. Маковского, Ф.А. Рубо [11].

За успешную деятельность на благо Севастополя и севастопольцев уже в мирное время Кислинского наградили орденами Св. Станислава 1-й степени с мечами, Св. Анны 1-й степени с мечами, Белого орла.

Так были отмечены заслуги П.И. Кислинского на официальном уровне. А благодарные севастопольцы 16 мая 1873 года на заседании городской Думы присвоили ему «за неутомимость и храбрость в период обороны, за труды на благо города, в связи с 50-летним юбилеем службы» звание почетного гражданина города Севастополя, что и было утверждено Высочайшим указом [12].

Портрет Петра Ивановича, как полагалось при почетном гражданстве, украсил зал заседаний городской Думы.

В Севастополе П.И. Кислинский женился, он венчался с Анной Ивановной Головиной в 1836 году в соборной Адмиралтейской Николаевской церкви. В процессе исторического поиска удалось выяснить, что благодарная память севастопольцев сохранилась не только о Петре Ивановиче, но и о добрых делах его супруги Анны Ивановны. Пусть в более скромных масштабах, но она также помогала горожанам — в организации обще-

ственных мероприятий в пользу бедных. Спектакли ее благотворительного женского театрального кружка, поставленные на импровизированной сцене полуразрушенного здания Морского собрания, лотереи по распродаже женских украшений приносили средства на помощь бедным, в том числе и на проведение рождественских и пасхальных праздников для детей малоимущих.

Не дожив до очередного юбилея нескольких месяцев, адмирал П.И. Кислинский скончался и был похоронен, как положено герою, на Братском кладбище Северной стороны Севастополя. Надгробие сохранилось до сегодняшнего времени, сооружено на средства семьи и представляет собой обелиск из белого мрамора на ступенчатом пьедестале-жертвеннике. Наверху обелиска — рельефное изображение знамени. На лицевой стороне пьедестала — мемориальная надпись: «Адмирал Петр Иванович Кислинский. Родился 5 октября 1806 г. Скончался 17 июня 1880 г.». Памятник отличается изяществом геометрического орнамента, тонкой высокохудожественной резьбой [13].

В городе, где земля была обильно полита кровью защитников первой обороны, увековечивали память о них, сохраняя имена героев для новых поколений севастопольцев.

Источники и литература:

1. Российский Государственный архив Военно-морского флота (далее РГА ВМФ), Ф.432, Морское училище оп.5, Документы воспитанников, д.2878, м/п №2886, л.1–3.
2. РГА ВМФ, Ф.406, Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства (коллекция). оп.3, д.56, Формулярный послужной список Кислинского Петра Ивановича 147 л. — л.34.
3. РГА ВМФ, Ф.205, Канцелярия начальника главного морского штаба оп.1, д. 2130 Об учреждении тайного за поведением лейтенанта Кислинского надзора, о увольнении офицера в отпуск и снятии с него надзора лл.33. 10,10 об; 27,27 об.
4. РГА ВМФ, Ф.406, Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства (коллекция). оп.3, д.56, Формулярный послужной список Кислинского Петра Ивановича 147 л. — л.36.
5. Левченко Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805–1900). — Миколаїв, 2006. — 300 с. — С.275.
6. РГА ВМФ, Ф.920, Севастопольский порт, (1783–1917), оп.9 д.56 536л. — л.670 О взорванной вражеской бомбе на корабле Ягудиил в 1855 году.
7. Закревский Н. Севастополь//Морской сборник. — СПб.,1863. — №6. — 256 с. — С.34.
8. РГА ВМФ, Ф.920, Севастопольский порт, (1783–1917), оп.9, д.59, 94 л. — л. 2, О состоянии Севастополя после Крымской войны.

9. РГА ВМФ, Ф. 410 Канцелярия морского министерства, оп.2, д.1529, л. 165, О расчистке севастопольских бухт и о вознаграждении владельцев судов при наличии документов, 66 л. — л.9–10.
10. Шевченко С.М. Деятельность Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856–1878 годах // Севастополь: Взгляд в прошлое /Сборник научных трудов сотрудников Государственного архива г. Севастополя / Сост. В.В.Крестьянников. — Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. — 356 с. — С.98
11. Архив города Севастополя (АГС), Ф.15, Обзор Севастопольского градоначальства за 1879 и 1884 гг. оп.1, д.2, л.12, 18 л.; д.4, л.11, 17 л. Отчеты севастопольских градоначальников за 1879 и 1884 гг.
12. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), Ф. 26, оп.1, д.25982, л.2,3. Протокол заседания городской думы г. Севастополя.
13. Севастополь: Взгляд в прошлое/ Сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя// Сост. В.В. Крестьянников. — Севастополь: ЧП Арефьев, 2006. — 356 с. — С.98

Людмила Николаевна Христофорова
 член Совета Общества потомков участников
 Крымской войны 1853–1856 гг.

действительный член Российского Дворянского Собрания
 г. Москва

Lyudmila Nikolaevna Khristoforova
 member of the Council of the Society of Descendants
 of the Crimean war of 1853–1856
 member of the Russian Noble Assembly
 Moscow

О ДИНАСТИИ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ ХРИСТОФОРОВЫХ - УЧАСТНИКОВ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.

ABOUT THE NAVAL OFFICERS KHRISTOFOROV'S DYNASTY - PARTICIPANTS OF THE CRIMEAN WAR 1853–1856.

Аннотация: делегация потомков защитников Севастополя в Крымской войне (1853–1856 гг.) посетила те места, где сражались их предки. Потомки молились в православных храмах, где увековечены имена их родных и близких. Настало время пересмотреть отношение к Восточной войне и вспомнить имена всех героев, отдавших свои жизни за русский Крым и Севастополь, среди которых были русские морские офицеры — братья Николай, Павел, Григорий и Александр Христофоровы.

Abstract: the Delegation of the descendants of the defenders of Sevastopol in the Crimean war (1853–1856) visited the places where their ancestors fought. Descendants prayed in Orthodox churches, where the names of their relatives and friends are immortalized. It is time to reconsider the attitude to the Eastern war and to remember all the names of the heroes who sacrificed their lives for the Russian Crimea and Sevastopol, among whom were Russian naval officers — brothers Nicholas, Paul, Gregory and Alexander Hristoforov.

Ключевые слова: Крымская война, оборона Севастополя, моряки-черноморцы, православные храмы, потомки участников Крымской войны, братья Николай, Павел, Григорий и Александр Христофоровы.

Keywords: Crimean war, defense of Sevastopol, Black sea sailors, Orthodox churches, descendants of participants of the Crimean war, brothers Nicholas, Paul, Gregory and Alexander Khristoforov.

Крымская война 1853–1856 гг. и героизм её участников незаслуженно обделены вниманием современных историков. В советский период о ней вообще старались не вспоминать, считая, что это была империалистическая война, в которой Россия потерпела сокрушительное поражение. Однако, всё большее количество исторических документов, открываемых сегодня, свидетельствуют о том, что данное утверждение требует серьезных корректив. И наша задача — потомков тех людей, кто отстаивал

Севастополь и Крым в годы Восточной войны, как тогда её называли, — восстановить историческую справедливость и вернуть из небытия имена участников, за которых вся историческая Россия молилась и склонялась перед их подвигом — 349 дней самоотверженной обороны Севастополя.

Де-юре Общество потомков участников Крымской войны создано в Москве в 2018 году, хотя де-факто оно существует уже довольно давно и объединяет многочисленных прямых потомков и родственников участников Крымской войны 1853–1856 годов. Цель общества: распространение исторических фактов о событиях того периода и героизме его участников, публикация семейных архивов и документов, участие в исторических конференциях, встречи со школьниками, общественностью, работа в проектах по увековечению памяти защитников Отечества и многое другое.

Хочется вспомнить нашу предыдущую поездку, когда по приглашению руководства Национального музея героической обороны и освобождения Севастополя и ряда общественных организаций в сентябре 2015 г. к 160-летию со дня окончания первой обороны Севастополя 1854–1855 гг. небольшая делегация членов Российского Дворянского Собрания — потомки и родственники легендарного вице-адмирала В.А. Корнилова, адмирала П.А. Перелешина, генерал-адъютанта К.А. Шильдера, генерал-майора А.Н. Воронцова-Вельяминова, капитан-лейтенанта 38-го флотского экипажа Н.К. Христофорова, наказного атамана Донского казачьего войска М.Г. Хомутова, подпоручика А.В. Скульского, унтер-офицера Балаклавского Греческого батальона Г.И. Бамбуки прибыли на священную землю.

По итогам этой поездки Общество потомков участников Крымской войны выпустило сборник «Крымская война 1853–1856 гг. в воспоминаниях потомков её участников», в который вошли не только материалы из семейных архивов потомков, но и выступления членов делегации на исторической конференции, посвященной 160-летию со дня окончания первой обороны Севастополя, а также подробный репортаж о самой поездке [1].

Программа поездки была насыщенной и включала не только посещение мемориалов и памятных мест, но и многочисленные встречи с членами общественных организаций, духовенством, представителями городских властей, офицерского корпуса и жителями города.

8 сентября члены делегации посетили Свято-Владимирский собор — усыпальницу российских адмиралов М. П. Лазарева, В. А. Корнилова, В. И. Истомина, П. С. Нахимова, где поклонились праху прославленных русских флотоводцев, а также приняли участие в праздничном молебне по случаю прибытия в Севастополь мощей и иконы Святого праведного воина Феодора Ушакова.

Свято-Владимирский собор — одна из главных достопримечательностей города. Эта православная церковь одновременно является и местом захоронения русских адмиралов и морских офицеров. Церковные службы проходят сегодня в верхнем храме, где на внутренних стенах со-

бора свинцовыми буквами записаны имена офицеров, отличившихся при обороне Севастополя и удостоенных ордена Святого Георгия.

В нижнем храме находятся четыре мемориальные плиты с именами погребенных адмиралов. Захоронения объединены общим надгробием в виде большого креста из черного мрамора, посередине которого расположен золотой крест, обвитый лавровым венком и с надписью «НИКА» («побеждай»).

Всего в нижнем храме одиннадцать захоронений. Не случайно собор стал памятником героям севастопольской обороны 1854–1855 годов. Помимо четырех уже названных флотоводцев, здесь похоронены еще 9 адмиралов русского флота: П.А. Перелешин, П.А. Карпов, М.И. Дефабр, В.П. Шмидт, И.М. Диков — участники Первой обороны Севастополя, С.П. Тыртов, Г.П. Чухнин, М.П. Саблин — командующие Черноморским флотом, И.А. Шестаков — управляющий Морским министерством в 80-е годы XIX века.

На одной из 26 мемориальных плит во Владимирском соборе Севастополя мы можем прочитать имя Николая Ксенофоновича Христофорова [2,3] среди имён других офицеров Российского флота, которые до конца выполнили свой долг перед Отечеством.

Николай Христофоров принадлежал к славной морской династии: он и его три младших брата пошли по стопам отца и после окончания Морского кадетского корпуса стали морскими офицерами.

Родоначальник династии Ксенофонт Николаевич Христофоров, русский дворянин греческого происхождения, православный, житель Екатеринославской губернии. Окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. До 1817 г. служил на Черноморском флоте. Затем был «уволен от службы» в звании капитан-лейтенанта и с 1818 г. состоял исправником в Екатеринославском земском суде.

Открыв Алфавит послужных списков чинов Морского ведомства 1761–1801 гг., находим запись о мичмане К.Н. Христофорове за 1801 г. [4]

У Ксенофонта Николаевича родилось 4 сына, продолживших династию черноморских офицеров. В первом браке: Николай — капитан-лейтенант, Александр — генерал-майор. После смерти первой жены (имя пока не установлено) в 1827 г. второй брак с Анной Григорьевной Левенец, дочерью судьи Полтавского поветового суда. В этом браке родились два сына: Григорий — капитан 2-го ранга, после отставки преподаватель в Морском кадетском корпусе; Павел (род. 1831) — лейтенант.

Все братья окончили Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, где поочерёдно были произведены в гардемарины, а по окончании Морского кадетского корпуса произведены в мичманы.

К сожалению, о братьях Павле и Григории мало что известно. Надеюсь, дальнейшие изыскания принесут свои плоды. Гораздо больше информации сохранилось о Николае и Александре.

Сейчас мало кто помнит о том, что первыми «учителями» русских мореходов были именно греки. В России был создан Греческий кадетский

Н.К.Христофоров.
С фотографии 1852–1853 гг.

Капитан-лейтенант
38-го флотского экипажа,
командир Александровской батареи
Н.К. Христофоров.

Л.Н. Христофорова
во Владимирском соборе
у памятной плиты с именем
Н.К. Христофорова.

корпус (называвшийся также корпусом чужестранных единоверцев) для обучения детей греческих переселенцев. После окончания Греческого корпуса основная часть выпускников, получившая первый офицерский чин мичмана, поступала на российскую службу, главным образом в Черноморский флот. Здесь их деятельность была связана с известными именами А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, А.Г. Орлова, Г.А. Потёмкина. Многие из них достигли на службе в Российском Флоте штаб-офицерских (капитаны I и II рангов) и флагманских (от капитана бригадирского ранга или капитан-командора до адмирала) чинов.

По данным учёного-фалериста Валерия Александровича Дурова («Греческие моряки в России XVIII–XIX вв.»), за период с конца 1760-х до начала 1900-х только высоких адмиральских и генеральских званий были удостоены свыше 30 греческих офицеров (вспомним имена некоторых известных русских адмиралов: Алексиано Панагиоти, Николай Кумани, Михаил Манганари, Константин Патаниоти, Григорий Папахристо), а кавалерами высшего российского ордена Св. Георгия стали более 100 греческих морских офицеров.

Семейная легенда гласит, что род Христофоровых пошёл от греческого мореплавателя-торговца, приплывшего в стародавние времена на благодатную землю Крыма и осевшего здесь, основав династию, две основных ветви которой составляли виноделы и мореходы. Сама фамилия

«Христофоров» связана с семейной реликвией — иконой, изображающей Св. Христофора, переносящего на руках младенца Иисуса через водную преграду (икона была утрачена в период с 1918 по 1920 год). Как известно, Святой Христофор считался также и покровителем мореплавателей.

На византийских иконах Св. Христофор изображался с песьей головой или головой волка.

Иконы Христофора «с песьей главою» были официально запрещены распоряжением Святейшего Синода от 21 мая (1 июня) 1722 года как «противные естеству, истории и самой истине». После запрета Христофор изображается антропоморфно, в образе воина. Известны переписанные изображения с записанной собачьей головой. Исключение составляют лишь старообрядцы, которые продолжали (и до сих пор продолжают) почитать Христофора-кинокефала.

На старинной семейной иконе, по рассказам моего деда, Христофор изображен с головой волка, переносящим младенца Христа через водную преграду. Икона утрачена в период 1918—1920 гг.

Имя Николая Ксенофоновича Христофорова увековечено на стенах Свято-Владимирского собора в Севастополе.

Николай Ксенофонович Христофоров (1817–1856), капитан-лейтенант 38-го флотского экипажа, потомственный морской офицер, принимавший участие в Крымской войне вместе с тремя своими братьями — Павлом, Григорием и Александром (все офицеры, служившие на разных кораблях Черноморского флота).

По окончании Морского кадетского корпуса он был произведен в мичманы и 13 лет (1837–1850 гг.) служил на разных судах Черноморского флота, плавал с десантными войсками между Севастополем и Одессой, участвуя в боевых операциях с флотом по созданию Черноморской береговой укрепленной линии. В августе 1852 г. произведен в капитан-лейтенанты.

С 13.09.1854 по 27.08.1855 гг. капитан-лейтенант 38-го флотского экипажа Н.К. Христофоров состоял в гарнизоне Севастополя командиром приморской Александровской батареи.

Начавшаяся 13 сентября 1854 года героическая оборона Севастополя, на протяжении всех 349 дней и ночей, стала примером мужества и отваги защитников города. Высокий ратный дух, самоотверженность, мужество и бесстрашие проявляли не только военные, но и обычные жители города, которые работали и на возведении укреплений, приносили воинам воду, помогали раненым.

Севастополь был хорошо укреплен с моря, а с суши к моменту высадки союзников его укрепления были в зачаточном состоянии. К началу обороны в Севастополе для обороны с моря было 8 батарей. Позднее, к середине мая 1854 г. было оборудовано еще 6 батарей [5].

Вход в бухту Севастополя защищали четыре стационарные батареи Александровская, Константиновская, Николаевская и Михайловская, всего четырнадцать батарей береговой обороны были вооружены 610 орудиями различных систем и калибров.

На Южной стороне было пять батарей: № 10-го, Александровская, № 8-го с бастионом № 7-го, Николаевская и Павловская. На Северной стороне — три батареи: Константиновская, Михайловская и № 4-го.

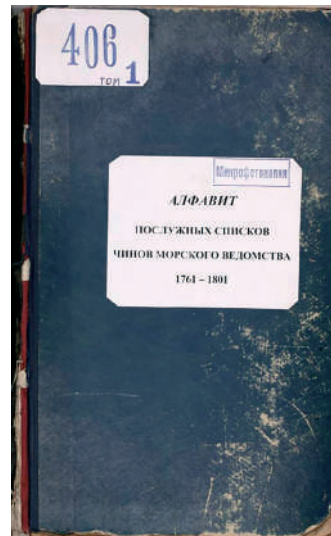
Назначение Александровской батареи — обстрел взморья от батареи № 10 до северной косы. Кроме того, оборона входа на рейд и переднюю часть самого рейда.

Александровская батарея вместе с Константиновской составляла первую линию рейдовых батарей, задачами которых были вести огонь по входу на рейд и подходу к нему, а также тыльная оборона рейда. Константиновская батарея вместе с Александровской и Батарей № 10 составляли сильную перекрестную оборону акватории у входа на рейд.

На Александровской батарее находилось всего 56 орудий (пушки, единороги, мортиры и др.) и 585 человек прислуги.

Однако по решению военного совета, созданного вице-адмиралом Корниловым, 11 сентября между Константиновской и Александровской батареями, были затоплены 7 кораблей Черноморского флота и еще 8 — в феврале 1855 года. Затонувшие корабли стали непреодолимым препятствием для вражеской эскадры.

Практически с первого момента, когда 13 (25) сентября 1854 г. в городе было объявлено осадное положение, и до трагического дня, когда по приказу главнокомандующего князя Горчакова в ночь на 28 августа (9 сентября) 1855 г. войска были переправлены на Северную сторону, а остатки славного Черноморского флота затоплены на рейде, капитан-лейтенант Николай Христофоров умело и бесстрашно командовал Александровской батареей.

За отличие, проявленное при отражении 2-й бомбардировки Севастополя, адмирал П.С. Нахимов ходатайствовал о награждении Н. К. Христофорова орденом Св. Владимира 4-ой степени. Всего же за отличия при обороне Севастополя Н.К. Христофоров был награжден тремя военными орденами: Св. Георгия 4-го класса, Св. Владимира 4-й степени с бантом и Св. Станислава 2-й степени с мечами.

В Морском сборнике №7 за 1855 г. опубликован Высочайший приказ о награждении среди прочих капитан-лейтенанта 38-го флотского экипажа Христофорова орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом «За отличия, оказанные при обороне Севастополя, и в особенности вовремя второго усиленного бомбардирования сего города». [6]

		Год	число	счета
<u>Христофоровы</u>	Иванъ Соломоновичъ	1777	9	1002, 1016
	сержантъ...	1778	12	988
	"	1780	15	1193
	адъютантъ...	1783	18	12
<u>Христиановичъ</u>	Махмудъ Тимуръ	1786	44	134
	лейтенантъ...	1797	49	152
	"			
<u>Христофоровъ</u>	Василій Христофоровичъ	1786	46	134
	капитанъ...	1797	48	166
	"			
<u>Христофоровъ</u>	Александровичъ	1801	2	1296
	мичманъ...			
<u>Хрущовъ</u>	Василій	1761	1	108
	звѣт.-лейтенантъ...	1762	2	66
	лейтенантъ...			
<u>Хрущовъ</u>	Николай Алексеевичъ	1772	4	521, 532
	мичманъ...	1774	6	172
	"	1778	10	1162
	лейтенантъ...	1788	11	1112
	"	1789	13	385
	капитъ 2 р...	1790	26	100

В 1801 г. К.Н. Христофорову присвоено звание мичмана (запись в Послужных списках чинов морского ведомства 1761–1801).

После взрыва Александровской батареи капитан-лейтенант Н.К. Христофоров 19.09.1855 г. прибыл в Николаев, где вступил в командование сомкнутым укреплением 3-го отделения оборонительной линии г. Николаева на восточном берегу р. Буг. Был тяжело ранен 9.10.1855 г. при обстреле укрепления англо-французским флотом и месяц спустя 22.11.1855 г. скончался от ран в Морском госпитале г. Николаева, где и был похоронен на кладбище при Морском госпитале. Высочайший указ об «Исключении из списков умерших», где значится имя капитан-лейтенанта Христофорова Н.К., был опубликован лишь в феврале 1856 года. Вероятно, именно поэтому есть разногласия в датах смерти Н.К. Христофорова: в некоторых источниках указан год смерти 1855, а в некоторых — 1856.

Можно найти упоминание о капитан-лейтенанте Христофорове в знаменитом романе М.М. Филиппова «Осажденный Севастополь» [7]:

«...У подъезда стояла наготове оседланная лошадь, а Корнилов сел пить чай и, проглотив стакана два чаю, поспешил дописать последние строки письма к жене. Капитан-лейтенант Христофоров, назначенный курьером в Николаев, ждал письма. Окончив, Корнилов передал Христофорову письмо и золотые часы, доставшиеся от отца.

— Передайте, пожалуйста, жене, — сказал он. — Часы мои должны принадлежать старшему сыну: боюсь, чтобы здесь их не разбить».

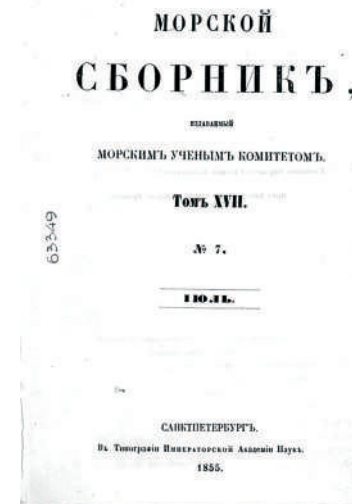
Упоминается Н.К. Христофоров среди имен других черноморских офицеров в мемуарах Василия Александровича Кокорева в рассказе «Путь севастопольцев» (в книге «Экономические провалы»), где повествуется о знакомстве автора с группой офицеров Черноморского флота, которых он пригласил к себе в имение во время вынужденной остановки поезда по пути из Санкт-Петербурга в Москву.

Его брат Александр Ксенофонович Христофоров (25 фев. 1825–1885?) поступил в 1835 г. в Морской корпус кадетом. В 1841 — гардемарин, в 1843 — мичман с назначением в Черноморский флот. С 1849 — лейтенант. С 1851 — дежурный офицер в основанной в этом же году (7.10.1851) в здании Морского собрания и двух примыкающих к нему флигелях Школе флотских юнкеров, переименованной в 1856 г. в Гардемаринскую роту флотских кадет. В 1858 году Александр был назначен помощником командира Гардемаринской роты.

В 1854–1855 гг. А.К. Христофоров также принимал участие в обороне г. Севастополя. За отличие, проявленное при обороне города, награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Именно Александр принял на себя обязанность помогать после смерти Николая его семье.

По воспоминаниям моего деда, Александр Ксенофонович был человеком «легкого, общительного и веселого нрава». «Баловень судьбы», как про него говорили. Казалось, всё давалось этому человеку легко, всё он делал «с шутками-прибаутками».

После закрытия в 1862 году Черноморской гардемаринской роты капитан-лейтенант А.К. Христофоров 22.06.1863 г. стал директором Пор-

— XII — (Войс)

ФЛОТСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ КАПИТАНЪ-ЛЕЙТЕНАНТАМЪ:
 Св. Анны 4-й ст., съ бантомъ: 38-го, Христофорова 2-му; 37-го, Иванову 2-му; 29-го, Алексееву 1-му.
 Св. Анны 2-й ст.: 12-го, Крылова и 42-го, Иванова.
 Св. Анны 3-й ст., съ бантомъ:
 Капитану 2-го ранга 29-го, Рернова и Капитану-лейтенанту 43-го Шелова; Капитанамъ: Корпуса Морской Артиллерии Лунинскому; Командиру Арестантской №28 роты, Андреевскому и 17-го Рабочего экипажа, Проничкину Крылову.
 Св. Анны 4-й ст., съ наградой «за храбрость»:
 Флотскихъ экипажей Мичманамъ: 31-го, Чернопольскому 2-му; 41-го, Сokolovu 2-му; Корпуса Морской Артиллерии Поручику Солнцеву 1-му; Подпоручикамъ: Морскихъ Арестантскихъ ротъ №24-го, Бокоренко; №28-го, Ермоленко.

— С П И С О КЪ —

ОФИЦЕРОВЪ И НАСЛОВИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ, ВОИНСКОМУ ВЕДОМСТВУ ПОДЛЕЖАЩИХЪ ЗАПИСИ 22 Июня 1855 года.

Пропорщикамъ: Корпуса Флотскихъ Штурмановъ 1-го, 18-го Рабочего экипажа, <u>Мельнику Васильеву</u>	115
Состоящему по Адмиралтейству, <u>Григорьеву Портоменко</u>	145
Капитану Командира Севастопольскаго порта: Секретарю, Коллеж. Секретарю, <u>Ивану Полежаеву</u>	211 42
Помощнику Секретаря Коллежскому Регистратору <u>Петру Севастьянову</u>	114 28
Журналисту Штаба Командира Севастопольскаго порта, Коллеж. Секретарю, <u>Семену Бачкову</u>	85 71
Севастопольской Кругъ-Комиссарской части, въ должности Секретаря, Коллежскому Секретарю <u>Андрею Волкову</u>	78 65

— XI —

Золотые сабли украшенные бриллиантами съ надписью «за храбрость»: За храбрость при оборонѣ Севастополя Вице-Адмиралу Новосильскому и за отличие при отбитіи 6 числа штурма Командиру 1 бригады 4 Флот. дивизіи Контръ-Адмиралу Нахичеву.
 За храбрость при оборонѣ Севастополя: Золотая табакерка бриллиантами украшенная съ портретомъ Его Величества, Вице-Адмиралу Рогову.
 Агенты по чинамъ: Адмиралу Нахичеву, Флотскихъ экипажей Капитанамъ 1 ранга: 30-го, Флигель-Адъютанту Его Императорскаго Величества, Киселевскому; 38-го, Вилку; 33-го, Михайлову и 44-го, Керну.
 22 Июня, 1855 года.
 За отличие, оказанная при оборонѣ Севастополя, и съ особенностію во время штурма усиленнаго бомбардированія неприятелемъ сего города.
 Св. Анны 2-й ст., съ Императорскою короною: Состоящему по флоту, старшему Адъютанту штаба 5 Флотской дивизіи, Капитану-лейтенанту Осипову и Начальнику Морской Артиллеріи въ Севастополь, Полковнику Смоляеву.
 Св. Анны 2-й ст. Командиру 18-го Рабочаго экипажа, Полковнику Монизию: Исправляющему должность Главнаго Доктора Севастопольскаго Морскаго госпиталя, Коллежскому Советнику Болотонову и Кругъ-Комиссару Севастопольскаго порта, Надворн. Советнику Ильченко.
 Св. Анны 3-й ст., Коллежскому Ассессорамъ: Севастопольскаго портоваго Канцелярства, Казначее Роскошскому и Севастопольской канторы надъ портомъ, Секретарю Иванову.
 Въ тотъ же день удостоился Высочайшаго утверждения, награды назначеннымъ Главномъ командующимъ Морскими и Сухопутными силами въ Крымъ.

Высочайше утверждённый приказ от 22 июня 1855 г. о награждении капитан-лейтенанта Христофорова орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом «За отличия, оказанные при обороне Севастополя»

товой ремесленной школы. Школа находилась в одном из трехэтажных зданий флотских казарм. Обучение было приходящим и рассчитано на 4 года. Принимались подростки 13–15 лет. С 22.08.1872 капитан 1-го ранга Александр Ксенофонович Христофоров — начальник Морских юнкерских классов в Николаеве (располагались классы в двух флигелях Морского собрания) — до 3.07.1882 г., когда Классы были ликвидированы.

30.06.1882 г. он произведен в генерал-майоры с назначением в распоряжение Главного командира Черноморского Флота и портов; 23.12.1885 г. уволен от службы [8,9].

Множество славных защитников Севастополя было похоронено на Братском кладбище Севастополя. К 1856 г. на Братском кладбище покоились свыше 40 тыс. русских воинов, погибших и умерших от ран и болезней в оборону Севастополя.

Вскоре после окончания войны началось патриотическое движение по увековечению памяти павших. На Братском кладбище было решено соорудить часовню или храм во имя Святого чудотворца Николая. В сентябре 1856 г. Император Александр II дал разрешение на сооружение храма на «добровольные пожертвования».

Начался сбор пожертвований. В июне 1857 г. был утвержден проект храма, разработанный архитектором Н.А. Авдеевым. 05.09.1857 г. были освящены и заложены первые камни Храма во имя Святого Николая Чудотворца. Под закладные блоки положили медали: «За защиту Севастополя» и «В память войны 1853–1856 гг.». Планировали построить храм за 3 года — построили за 13 лет.

Своей формой храм напоминает прославленные египетские пирамиды — символы вечности и покоя. Высота пирамиды — 27 метров. На пирамиде возвышается массивный каменный крест высотой 6,8 метра. Основанием пирамиды служит высокий цоколь, сложенный из квадратов, обработанных крупным рустом. Квадраты прочеканены свинцом, отлитым из пуль, собранных на местах сражений [10].

На гранях пирамиды вмонтированы плиты из темного гранита с перечислением воинских соединений, принимавших участие в обороне, временем пребывания в осажденном Севастополе и понесенных потерь. Изнутри на стенах укреплены 38 плит с именами 943 погибших офицеров.

Мемориальные доски с наименованием частей войск севастопольского гарнизона установлены к 50-летию первой обороны и на церкви Святого архистратига Михаила, где скончался адмирал П.С. Нахимов.

Сохраненные православной церковью имена свидетельствуют о том уважении, которое проявляли церковь и все общество к защитникам Отечества, о духовной связи между Спасителем и его паствой — человечеством.

В настоящее время все больше людей начинают интересоваться историей России, осознавая тот огромный вклад, что внесли их предки в ее процветание. И задача потомков рассказать о них, сохранить их имена в летописи народной и продолжить их деяния.

Общество потомков участников Крымской войны выступило с инициативой: принять Государственную программу, направленную на установление исторической правды и увековечение имён защитников Отечества в Крымской войне, реставрацию храмов, надгробий на Братском кладбище Севастополя и других городах, установление памятных досок в населённых пунктах, где родились герои. Подобная программа могла бы стать национальной объединяющей для всей России, ведь в Крымской войне принимали участие военнослужащие со всех уголков нашей страны. Вспомним лишь названия некоторых полков — Владимирский, Костромской, Камчатский, Московский, Архангелогородский, Томский, Суздальский, Киевский и многие другие!

Источники и литература:

1. Российское Дворянское Собрание. Крымская война 1853–1856 гг. в воспоминаниях потомков ее участников. М.: 2016. С. 24–33, 71–73, 93–96, 112–118;
2. Рерберг П.Ф. «Севастопольцы». Участники 11-ти месячной обороны Севастополя в 1854–1855 годах. СПб. 1903–1907 в 3-х томах. Вып. 2: Сборник портретов участников 349-ти дневной обороны Севастополя в 1854–1855 годах. — 1904. С. 27;
3. Общий морской список. — Часть X. С. 377, 379, 380. С-Пб., 1898;
4. РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 414;
5. Тотлебен, «Оборона Севастополя» т. I, СП-б, 1863 г., стр.89;
6. Морской сборник. — 1855. — № 7;
7. М.М. Филиппов «Осажденный Севастополь» М., «Воениздат», 1977, с. 238;
8. Ляшук П.М. Герои «Севастопольской страды»: Биографический справочник.// серия: «Памятники и поля сражений Крымской войны». — Симферополь, Таврия-плюс, 2002. — С. 42;
9. Энциклопедический словарь «Николаевцы, 1789–1999 гг.»;
10. Протоиерей Георгий Поляков, Владимир Шавшин. За веру, Царя и Отечество. Свято-Никольский храм-памятник Братское кладбище Крымская (Восточная) война. Изд. второе. Москва-Севастополь, 2013. С. 705.

ПЕРВАЯ СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ **FIRST SISTER OF MERCY OF THE CRIMEAN WAR**

Наверное, эта тема должна была появиться, хотя бы ради сохранения памяти об одном из обидно забытых почти героев Восточной (Крымской) войны. Только делать это придется осторожно. События 1854–1856 гг. в Крыму настолько мифологизированы, часто в угоду тому или иному политическому строю, что сложно извлекать одно из «белых пятен», не рискуя получить обструкцию и обвинения в предвзятости.

Когда речь заходит о сестрах милосердия, то любой, кто мало-мальски знаком с событиями обороны Севастополя, почти не задумываясь, назовет имя Даши Севастопольской. Более того, именно она считается первой сестрой милосердия Крымской войны. Но так ли это? Это только потому, что ее, во многом собирательный образ, появившись в так называемых «книгах для чтения солдат и народа» много издаваемых во второй половине XIX в. удачно вошел в массы, символизируя всенародный характер Крымской войны и подвиг всех слоев населения, вставших на защиту Отечества — и военных и гражданских. Это был правильный пропагандистский ход. Перечень определенного числа героев, прежде всего включавший в себя персонажей известных по многочисленным публикациям, передаваемым в массах «на слух», таких как матрос Кошка, адмиралы Нахимов, Корнилов, генерал Хрулев составил основу высочайше утвержденного набора славных имен Севастопольской обороны. В тоже время, некоторых называли очень осторожно. Например, генерала Тотлебена. Очень удачный, скажем, выбор. Он благополучно пережил события революции, и почти в полном объеме переключался в советскую историографию. В почти таком виде он существует и поныне, хотя, казалось, за постсоветские годы могли бы появиться новые герои. Но, увы, кинематограф СССР не особенно любил всегда и любит поныне события Крымской войны, ограничившись снятым в 1946 г. полнометражным фильмом «Адмирал Нахимов». Потому, после его выхода, популяризация Крымской войны в массах советских граждан благополучно завершилась. Количество героев ее не изменилось.

После лихих 1990-х, количество исследований выросло, но по какому-то странному стечению обстоятельств, они большей частью относились к политике, экономике и прочим околовоенным деталям. Исследователи почему-то не желали особенно спускаться в траншеи и окопы, ограничиваясь геополитикой и стратегией кампании.

Некоторое количество героев войны тогда были извлечено из небытия или выведено из тени, но, увы, далеко не все.

В вопросах медицины, например, стали называть имя не только Н.И. Пирогова, но и его «оппонента» — профессора Киевского университета Х.Я. Гюббенета, великого, оказавшегося в тени великого. Стала известна деятельность Крестовоздвиженской общины, американских и прусских врачей-добровольцев. Но вопрос, кто же был первым из женщин, которые бескорыстно и добровольно стали помогать защитникам Севастополя, ухаживая за ранеными, сомнению не подвергался — Дарья Севастопольская-Михайлова, матросская дочь, купившая на свои средства повозку и отправившаяся за армией на Альму. С ней связывали почти любой рисунок с изображением женщины возле раненого. О ней говорили, показывая девушку с ведром воды на панораме Ф.А. Рубо. Никто не ставит под сомнение ее подвижничество, но историческая справедливость настоятельно требует открыть завесу над именем той, кого действительно называли первой сестрой милосердия Крымской кампании (1854–1856 гг.). Хотя ответ на этот вопрос не «тайна за семью печатями», а, как говорится, на поверхности. Нужно лишь внимательно читать воспоминания участников событий.

Когда я попытался впервые собрать информацию о той, которую такой называли, то был искренне потрясен. Скажу сразу, ее судьба достойна пера хорошего литератора и сценариста добротного исторического фильма, если не сериала. В этой истории есть все: любовь, война, драма, страдания и подвиг.

Не одна Дарья стала первой оказывать помощь раненым. На следующий же день после сражения при Альме жительница Севастополя А.С. Толузакова с несколькими добровольцами отправилась на поле боя для помощи пострадавшим. Позднее она трудилась в самом городе, обращалась за пожертвованиями к севастопольским купцам, работала на перевязочном пункте близ Малахова кургана, где было до двух тысяч человек. Кроме того, солдатские и матросские жены и вдовы, с согласия госпитальной администрации, получили право содержать у себя на дому раненых и больных в связи с трудностями размещения их в госпиталях.

Однако совершенно особо стоит гражданский подвиг Елизаветы Михайловны Хлапониной, урожденной Борисовой. Одна из самых красивых девушек Севастополя, только что повенчанная с подполковником Дмитрием Дмитриевичем Хлапониным, блестящим офицером, выпускником Михайловской артиллерийской академии 1837 г., командиром легкой №5 батареи 17-й артиллерийской бригады, она прибыла с мужем в Крым в 1854 г.

Дмитрий Дмитриевич происходил из семьи небогатой. Известно, что он был племянником помещика Василия Матвеевича Хлапонины, усадьба которого находилась в 15 верстах от Белгорода. Говорят, что там даже было село Хлапонинка, возле которого открытым способом добывали уголь.

О ней много пишет в своих воспоминаниях адъютант князя А.С. Меншикова подполковник Аркадий Александрович Панаев: «...Одним из лучших батарейных командиров тех войск, которые постепенно прибывали в Севастополь летом 1854 года, был подполковник Дмитрий Дмитриевич Хлапонин. Недавно повенчанный, он приехал к нам с молодой женою, очень красивой наружности. Елизавета Михайловна Хлапонина, рожденная Борисова, возбудила живейшее внимание севастопольского общества. По вечерам, когда на Екатерининской пристани играла музыка и в числе гуляющих бывала Хлапонина, то собирался оживленный кружок людей, дороживших милою, приятною беседою Елизаветы Михайловны». [1, С. 15].

Этой красивой парой восхищались все. Даже сам главнокомандующий князь Александр Сергеевич Меншиков не упустил возможности пообщаться с ней и был впечатлен: «...Отвлеченный служебными занятиями, я не успел еще провести о появлении в Севастополе красавицы Хлапопиной, как князь, проезжая как-то со мною мимо Екатерининской пристани, сказал:

— Здесь появилась красавица, которая вскружила голову нашему Кирьякову. Надо взглянуть...

Мы сошли с лошадей и князь, спустившись по ступенькам на пристань, присоединился к кружку, образовавшемуся около Елизаветы Михайловны и где во всеуслышание разглагольствовал Кирьяков. Светлейшему представили Е. М. Хлапонину; он поговорил с ней несколько минут и когда опять сел на лошадь, то сказал мне: «миловидная и умненькая особа!». [1 С. 15-16].

В другой раз князь встретил ее, проезжая со свитой на Альминскую позицию и вновь выказал свое расположение: «...еще до высадки неприятеля, светлейший, объезжая расположение войск на северной стороне, зашел вдали амазонку, совершенно одну.

— Это Хлапонина! — сказал он мне, подъезжая ближе; — как же это она одна... Не случилось ли чего? Надо спросить...

Когда же князь, осведомившись у нее, узнал, что муж ее, которому надо было зачем-то заехать на батарею, оставил Елизавету Михайловну на несколько минут, то сказал: «в таком случае мы будем охранять вас до его возвращения».

И действительно, светлейший не тронулся далее, пока не возвратился Хлапонин». [1, С. 15].

Идиллию разрушила война. За несколько суток до Альминского сражения она находилась с мужем в расположении батареи у села Бурлюк. Вскоре стало известно, что неприятель высадился и движется на Севастополь. Стало ясно, что 8(20) сентября он атакует русские войска на Альминской позиции. Дмитрий Хлапонин сказал Елизавете срочно собираться и ехать домой, в Севастополь, но русские женщины тем и отличаются, в трудное время не хотят оставлять своих мужей перед опасностью: «...К ночи с 7-го на 8-е сентября неприятель не воротился на старую по-

зицию, а ночевал тут же, т. е. верстах в шести от нас, за небольшим повышением. Вследствие этого, наши аванпосты в две линии далеко не уходили: казаки находились в Булганакской ложине, а гусары на том месте, на которое с вечера выходила бригада 17-й дивизии.

Атаку со стороны союзной армии надо было ожидать утром; поэтому войска, рано позавтракав, отправили обозы к реке Каче, а сами стали готовиться к бою. Тогда-то, на месте, отведенном для перевязочного пункта, совершенно случайно, для всех неожиданно, явилась наша первая русская «сестра милосердия» — Елизавета Михайловна Хлапонина. Не могу не посвятить нескольких слов воспоминанию об этой достойнейшей женщине». [1, С. 14].

Именно Панаев назвал ее «первой» и, по всей видимости, совершенно прав. Никто не ожидал, что она поступит так, но 8-го числа утром, когда армия готовилась к бою и обозы отправлялись к Каче, неожиданно на перевязочном пункте «...совершенно случайно... появилась наша первая русская «сестра милосердия» — Елизавета Михайловна Хлапонина. [1, С. 14].

Оказывается, что она, простившись рано утром с мужем, уже было отправилась в Севастополь, но, доехав до разворачивавшегося перевязочного пункта и, увидев малочисленность медицинского персонала, решила остаться: «...Ранним утром 8-го сентября, когда мы выпроваживали обозы с Альминской позиции, Елизавета Михайловна была на бивуаке, простилась с мужем и отправилась к Севастополю. Проезжая мимо перевязочного пункта, она увидела собрание полковых докторов, остановилась и спросила, что тут такое будет? Ей отвечали, что сюда, когда начнется сражение, будут приносить раненых для перевязки. Первою мыслью Хлапопиной было: что, если вдруг да принесут сюда ее мужа? Далее она не поехала и осталась на перевязочном пункте». [1, С. 15, 28].

Непосредственно на позиции медицинская служба, как и вообще все тыловое обеспечение во время Альминского сражения были подготовлены самым негодным способом. Не было не только необходимого числа перевязочных пунктов, но даже достаточного количества носилок для раненых. Этим объясняется «...огромное число увечных, оставленных на поле сражения». [2. С. 522].

В войсках Меншикова для оказания помощи непосредственно на поле боя были развернуты только два медицинских пункта с тремя врачами на каждом. Каждый предназначался для обслуживания своего фланга. Весь остальной медицинский персонал, включая повозки, был отправлен к реке Кача. Предполагалось, что раненые после оказания первой помощи будут доставляться туда, а уже оттуда эвакуироваться в Севастопольские госпитали. Трудно сказать, чем руководствовался Меншиков — наивным непониманием реальности и надеждой на то, что, как и на Булганке, союзники после артиллерийской дуэли прекратят движение, или просто не уделил этой проблеме внимания, доверив подчиненным.

Бывший штабс-ротмистр гусарского полка Евгений Арбузов вспо-

минал, что уровень медицинской службы оставлял желать лучшего. Был страшный дефицит бинтов и перевязочных материалов. В то же время склады почтового отделения в Симферополе были переполнены огромным количеством их, присланным из всех уголков России. Но бинты были только в лазаретах и считались драгоценными. У солдат их не было совсем. [3. С. 409–410].

Судя по всему, Хлапони́на, видя столь бедственное положение военных медиков, оказалась на перевязочном пункте 17-й пехотной дивизии, который был ближе остальных расположен к передовым линиям и уже в первые часы боя оказался под сильным огнем. Естественно, ни о каком возвращении в Севастополь речи больше не шло. Она осталась при врачах и сразу нашла, чем заниматься: «... «...Дело началось: снаряды и пули залетали даже и сюда, раненых несли, но между ними не было мужа Хлапониной. Сознавая, что и она может приносить посильную пользу, Елизавета Михайловна засучила рукава, опоясалась салфеткой и принялась за дело не замечая ни усталости, ни голоду, ни опасности. Облитая кровью, она перевязывала раны с необыкновенною энергиею и только отступление наших войск увлекло Хлапони́ну вместе с перевязочным пунктом к Севастополю» [1. С. 16].

Легкая №5 батарея 17-й артиллерийской бригады вступила в бой, едва обозначился противник, показавшийся на плато, близ морского берега: «...видя обходные колонны, тянувшиеся вдоль морского берега, и желая усилить левый фланг...» [4. С. 8, 23]. Князь отправил В.М. Веригина привести к батальону подполковника Раковича остальные три батальона Минского пехотного полка, приказав для этого вызвать полк из главного резерва вместе с легкой №5 батареей 17-й артиллерийской бригады. Эта батарея, обогнав Минский полк, подошла к флангу 4-го батальона Московского полка, оставив интервал, в который вошел 1-й батальон Минского полка. 3-й батальон стал левее батареи. Орудия Хлапони́на произвели первые артиллерийские выстрелы в Альминском сражении.

Бог услышал молитвы этой великодушной женщины: муж ее не был ранен, но у лошади его ядром оторвало голову и - замечательная вещь! лошадь, без головы, устояла на ногах несколько, секунд, покуда Хлапони́н успел соскочить с нее... тогда только труп коня рухнул на землю» [1. С. 15].

На этот раз повезло — отделался контузией ноги. Но батарее досталось крепко, особенно от гранат французских 12-фунтовых орудий. Несколько гранат разорвалось между орудиями. Осколками перебило ноги штабс-капитана В.Н. Демидова [5]. Были убиты 4 и ранены 6 нижних чинов.

История батареи Хлапони́на полна героизма, проявленного не только людьми, но, даже, животными. Всех, кто видел это, поразила и растрогала лошадь из 5-й батареи. С оторванной челюстью она тащи́лась за батареей с таким упорством, что, видимо, даже у суровых ездовых не поднялась рука ее прикончить. Как отличный николаевский солдат,

она честно выполняла свой воинский долг и от самой Альмы шла за батареей «...помахивая головой и неся на себе казенную сбрую, как бы на сдачу» [1. С. 28]. Уже в Севастополе сбрую с нее сняли, погладили, пожалели и она «...отошла на бугорок, постояла, постояла, ткнулась головой в землю, кувыркнулась через шею и — дух вон; артиллеристы по ней вздохнули, как по товарищу» [1. С. 28]. Животные тоже могут быть героями, особенно когда они на службе...

Елизавета Михайловна осталась при муже и его славной батарее, которая отменно действовала на Альме до последнего, теряя людей и лошадей, сдерживая продвижение французов. Далее был Севастополь, где Хлапони́на отдала свой дом под один из первых лазаретов в осажденном городе.

Оказавшись в городе, Хлапони́на не могла уже теперь оставить полюбившегося ей дела помощи раненым и продолжала работать в госпиталях и на перевязочных пунктах... Она стала примером для других женщин Севастополя. Примеру первой сестры начали следовать многие из дам Севастополя.

Но эта потрясающе красивая и героическая история кончилась плачевно. К сожалению, у войны свои законы. Уцелев на Альме, подполковник Хлапони́н принес в жертву Отчизне свое здоровье при обороне Севастополя. Во время очередной бомбардировки он был тяжело ранен в голову и контужен в ноги. Тогда, после утомительной круглосуточной работы, она вышла из помещения перевязочного пункта подышать свежим воздухом. Вблизи от перевязочного пункта Елизавета Михайловна встретила группу носильщиков, на носилках лежал тяжело раненый. Взглянув на лицо пострадавшего, она узнала в нем своего мужа¹.

Панаев описал свою встречу с ним, последнюю в Крыму: «...Однажды, на обратном пути с князем от Бельбека к лагерю, мы встретили экипаж, в котором наша прекрасная сестра милосердия везла раненого мужа в Симферополь... Не забыть мне этого ужасного зрелища! Сильно контуженный и раненый, Хлапони́н сидел подле жены вытянувшись, с вытаращенными глазами и открытым ртом. Князь пристально всматривался в путников, потом быстро отвернулся: глаза его наполнились слезами» [1. С. 15].

Ей пришлось вывозить своего изуродованного мужа из Севастополя. Только спустя несколько лет Дмитрий Дмитриевич несколько поправился и даже получил работу в комиссариате: «...служил насколько позволяли силы; но контузия взяла свое и Дмитрий Дмитриевич, помявшись, принужден был наконец и вовсе отказаться от служебной деятельности» [1. С. 16].

Дальше все было совсем плохо. Елизавета содержала на свое скуд-

¹ Для излечения от ран находился в Севастопольском госпитале с момента ранения до 15 октября 1854 г. За отличие в Альминском сражении награжден чином капитана

ное пособие мужа-инвалида, нуждаясь во всем. Панаев иногда встречал их в Петербурге, помогал, чем и как мог, но изменить положение вещей не мог: «... Ныне муж и жена бедствуют в Петербурге, забытые всеми: она, первая, по времени, сестра милосердия, не напоминает о себе по скромности и, для поддержки своего и мужнина существования, недавно еще искала места или работы» [1. С. 16].

Судьба этой пары оказалась трагической. После войны Елизавета Хлапонина и ее израненный муж, забытые всеми и по своей скромности не напоминавшие о своих заслугах, бедствовали без средств к существованию [1. С. 16]. Как это по-нашему!

За свой гражданский подвиг Елизавета Михайловна Хлапонина была награждена медалью «За усердие» на владимирской ленте, а также медалями «За защиту Севастополя» и «В память Крымской войны» на георгиевских лентах. Ее образ увековечен в «Севастопольской страде» С.Н. Сергеева-Ценского и в «Обороне Севастополя» М.М. Филиппова. Вот только памятник той, которую защитники главной базы Черноморского флота считали первой из сестер милосердия, Севастополь так до сих пор не увидел. Может быть, эта несправедливость когда-нибудь будет устранена, «лубочное отношение» к событиям и истории Крымской войны сменится серьезными исследованиями.

Источники и литература:

1. Панаев А.А. Князь Александр Сергеевич Меншиков. СПб., 1877 г.
2. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове // Русская старина. Том 79. СПб., 1893 г. С. 522.
3. Арбузов Е. Воспоминания о кампании на Крымском полуострове в 1854 и 1855 гг. // Военный сборник. №4. СПб., 1874 г. С. 409–410.
4. Приходкин Ф.И. Альминское сражение // Военный сборник. СПб., 1870 г. С. 23, 8.

Алла Александровна Шелаева

кандидат филологических наук

доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры

Санкт-Петербургского государственного университета

г. Санкт-Петербург

Alla Alexandrovna Shelaeva

PhD in philological sciences, associate professor of the department of history

of Western European and Russian culture

Institute of history of St. Petersburg state University

Saint-Petersburg

АКТРИСА П.И. ОРЛОВА-САВИНА В РОЛИ

ДОБРОВОЛЬНОЙ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

«НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ»

В КРЫМУ 1855 ГОДА: НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА К НЕЙ

КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАСТРОЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ

И ОЦЕНКАХ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ

ACTRESS P.I. ORLOVA-SAVINA AS A VOLUNTEER NURSE

«IN THE THEATER OF WAR» IN THE CRIMEA IN 1855:

UNKNOWN LETTERS TO HER AS A SOURCE OF INFORMATION

ABOUT PUBLIC ATTITUDES AND ASSESSMENTS

OF THE CRIMEAN CAMPAIGN

Аннотация: статья посвящена «Симферопольскому дневнику» известной русской драматической актрисы П. И. Орловой-Савиной, принявшей участие в Крымской кампании 1855 года. С 17 мая по 21 июля актриса в качестве сестры милосердия находилась в Симферополе и вела ежедневные записи, характеризующие внутреннее устройство госпитальной базы осажденного Севастополя с ее достоинствами и недостатками. Статья также вводит в научный оборот ранее не известный источник личного происхождения — письмо Н. И. Куликова, старшего брата П. И. Орловой-Савиной, которое является откликом на ее дневник и выражает настроения петербургского общества в период Крымской войны.

Abstract: the article is dedicated to the «Simferopol diary» of the famous Russian dramatic actress P.I. Orlova-Savina, who took part in the Crimean campaign 1855. From May 17 to July 21 the actress as a volunteer nurse was in Simferopol and kept daily notes characterizing internal structure of the hospital base of besieged Sevastopol with its advantages and disadvantages. The article also introduces into the scientific circulation a previously unknown source of personal origin — a letter from N. I. Kulikov brother of P. I. Orlova-

Savina, which is a response to her diary and expresses the mood of Saint-Petersburg society during the Crimean War.

Ключевые слова: «Симферопольский дневник», П.И. Орлова-Савина, госпитальная база, сердобольная сестра, Е.М. Бакунина, Н.И.Пирогов, осажденный Севастополь, хищения военных снабженцев.

Keywords: «Simferopol diary», P.I. Orlova-Savina, a hospital base, a volunteer nurse, E.M. Bakunina, N. I. Pirogov, besieged Sevastopol, of military supplies.

Организация русской медицинской службы в годы Крымской (Восточной) войны и движение медицинских сестер в последние годы стали предметом пристального внимания исследователей. В 2010 году вышла талантливая монография Ю.А. Наумовой «Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг.». В освещении Наумовой непопулярная ранее, в связи с общими итогами войны и Парижским миром 1856 года, тема зазвучала привлекательно для историков и публицистов. Ее книга вызвала поток рецензий и откликов, но, несмотря на многочисленные упреки автору в противоречивости, в излишней доверчивости к данным официальных источников и, наоборот, нежелании использовать зарубежную литературу по теме как недостаточно добросовестную по части обобщений и статистики, она остается самым значительным исследованием по истории Крымской войны и работы медицинской службы в это лихолетье, ставшее серьезным испытанием для всего российского общества.

Один из выводов, прозвучавших на страницах книги Наумовой, обусловил перспективы дальнейшего развития темы. «Взглянуть на «изнанку» Крымской войны, писала автор, – можно только через призму воспоминаний ее участников». Изучение русской медицинской службы в Крымскую войну, в основном, тем не менее, до сих пор опиралось на ограниченное количество источников, связанных с именем Н.И. Пирогова и деятельностью участников Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, учрежденной по инициативе Великой княгини Елены Павловны в ноябре 1854 года. «Севастопольские письма» Н. И. Пирогова 1854–1855 гг., дважды изданные в 1899 и 1907 гг., отражали драматические эпизоды сражений немногочисленной команды известного хирурга, в которую входили и 68 первых медицинских сестер, со смертью от ран и болезней, также активно уносивших жизни солдат, офицеров и обслуживающего персонала госпиталей. Холера, тиф, воспаление легких, эпидемический скорбут, кровавый понос – набор диагнозов, упоминаемый Пироговым как повседневное явление в военно-полевых условиях.

Крымская война, несмотря на многочисленные потери (из 532115 больных и раненых умерло 104,799 чел.), тем не менее, представила довольно значительные возможности русской военно-медицинской части [6, с.195–205], большинство из которых также связано с именем Н. И. Пирогова. Практика, возникшая во время Крымской войны, выработала организационные принципы военной медицины, которые остаются актуальными по сей день, в том числе и в мирной жизни: это сортировка раненых и больных по 5 категориям, устанавливающим очередность оказания помощи, введение специализации среднего медперсонала с четким разделением обязанностей: операционные сестры, аптекарши, сестры-хозяйки и сестры, сопровождающие транспорт. Однако внедрить эти принципы во всем пространстве госпитальной базы осажденного Севастополя Пирогову не удалось. Поэтому представляют интерес те источники, которые отражают мрачные картины внутреннего устройства госпитальной жизни Симферополя, оказавшегося вне влияния Пирогова. К ним относится и так называемый «Симферопольский дневник» актрисы П.И. Орловой-Савиной, впервые опубликованный в 1994 г. в составе ее театральных мемуаров и потому не получивший оценки как документ эпохи, связанной с Крымской войной.

Несколько слов об авторе «Дневника». П.И. Орлова-Савина, урожденная Куликова, по первому мужу Орлова, по второму Савина — известная драматическая актриса. Родилась в 1815 г. в семье крепостного лакея, дослужившегося до должности управляющего и впоследствии получившего вольную от владелицы П.А. Анненковой. В девять лет она поступила в Московскую театральную школу и, закончив ее, блистала на сцене Малого театра. Ее учителями были М.С. Щепкин и В.И. Живокини, партнером П.М. Мочалов, о которых она оставила яркие воспоминания. Творческий диапазон П.И. Орловой-Савиной был чрезвычайно велик. Она пела и танцевала в водевилях, с большой психологической глубиной

раскрывала шекспировские образы и национальные русские характеры. Мемуары П.И. Орловой-Савиной свидетельствуют также об ее литературном даре. Судьба актрисы складывалась непросто. Крепостное прошлое ее семьи и примеры из жизни крепостных соучениц, проданных хозяевами в составе крепостных театральных трупп конторе Императорских театров, заставило ее задуматься о собственном социальном положении. Она решила пренебречь чувствами и в 19 лет вышла замуж за пожилого актера-дворянина И. В. Орлова, который кроме происхождения не обладал никакими достоинствами и талантами, имел деспотический характер и был склонен к алкоголизму. Традиции семьи, религиозное воспитание и отвращение к обычаям московской театральной жизни, которые предполагали легкомысленное отношение к актрисе в обществе, вынудили Прасковью Ивановну сохранять этот трудный для нее брак до смерти мужа в 1862 году. Лишь через год Прасковья Ивановна выходит замуж за получившего образование за рубежом представителя известной купеческой фамилии К.Ф. Савина и проводит остаток жизни в г. Осташкове, занимаясь устройством местных самодеятельного театра и оркестра, благотворительностью и поддержкой церковных учреждений.

«Симферопольский дневник» — свидетельство духовной зрелости его автора — был создан в период присутствия Орловой-Савиной в 1855 г. в Симферополе, куда она прибыла инкогнито под подлинной фамилией мужа Копылова в качестве добровольной сестры милосердия. Он стал результатом ее каждодневных обязательных записей с 17 мая по 21 июля, которые в виде писем отсылались актрисой в Петербург брату Н.И. Куликову, актеру, писателю и драматургу. Письма имели характер семейной переписки, но обстоятельства личной жизни актрисы определялись ее бескорыстным активным служением отечеству, обретали значимость исторического документа и потому вызвали общественный интерес. Так, существуют сведения, что А.А. Краевский был готов опубликовать письма Орловой в «Отечественных записках», но его предложение не было принято семьей. Содержание «Дневника» трудно анализировать, так как он отражает повседневную жизнь Симферополя в авторском восприятии, в интерпретации отдельных фактов и оценках действующих в его пространстве лиц часто субъективен, опирается на личные наблюдения. Тем не менее, он дает полное представление о Симферополе как госпитальной базе Крымской войны и в известной мере по своему содержанию перекликается с воспоминаниями Н.И. Пирогова, который ритм жизни города, волей обстоятельств превращенного в военный госпиталь: «Я пробыл в Симферополе целую неделю и осмотрел всех раненых в двадцати разных местах. Здесь заняты ими все публичные места: губернское правление, дворянское собрание, благородный пансион и много частных домов: и здесь, так же, как в Севастополе, от 9 часов утра до 4 часов, я был всякий раз занят в госпитале осматриванием больных, перевязкой и операциями. Жил в скверном номере «Золотого якоря», по вечерам ловил блох и вшей, ездил по грязным улицам ...» [3,27].

Прасковья Ивановна по совету местной администрации, в частности В. М. Княжевича, который занимался сестрами милосердия, приехав в Симферополь, сразу отказалась от сотрудничества с членами Крестовоздвиженской общины. Их деятельность была централизована и велась под наблюдением некоей госпожи Распоповой, много раз замеченной в небрежном отношении к своим прямым служебным обязанностям и отсутствию в Симферополе ради отдыха на даче. Орлова получила в свое ведение дом, ставший больницей первоначально для нескольких десятков пациентов, которых сестра должна была обеспечить всем необходимым для жизни и лечения. Как следует из дневниковых записей, медикаментов, продовольствия, постельных принадлежностей и белья не хватало. Актрисе приходилось постоянно привлекать собственные средства для поддержания жизни «страждущих»: покупать чай, травы, вино, табак, снабжать выходивших или переправляемых в другие госпитали сухим пайком. Кроме этих забот были и другие, связанные с приготовлением пищи: она варит бульон, кисель, заваривает чай и с лечебными целями — ставит горчичники, ассистирует при хирургических операциях, не будучи подготовленной к этой деятельности. Знание европейских языков помогает ей наладить контакты между больными и докторами, из которых не все владели русским языком, то есть служить переводчицей. В этой же роли она выступала при контактах с больными и ранеными из числа противника. Попутно она отмечает, что содержание пленных выгодно отличалось от содержания русских солдат и офицеров. Через месяц службы 21 июля она записывает в дневнике «Рана русская больнее!», приветствует раздельное содержание русских и иностранцев в больничных условиях и предпочитает служение соотечественникам. Неблагоприятный для русских ход военных действий в июне 1855 г. вскоре увеличил нагрузку на медицинских работников. «В Севастополе большое дело...», — записывает Прасковья Ивановна, — и ее подопечные исчисляются уже не десятками, а сотнями, среди которых теперь в большинстве не больные, а раненые, и она обслуживает уже не один, а два дома, кроме прочих обязанностей, занимаясь также перевязками по шесть часов в день. Постепенно на почве общих забот о медикаментах у Прасковьи Ивановны возникают контакты с сестрами Крестовоздвиженской общины, которым она помогает шить из холста бинты и с которыми делится лекарствами. Однако лишь одно имя упоминается в Дневнике — Екатерины Михайловны Бакуниной. Другие сподвижницы по симферопольской страде остаются в дневнике безымянными, несмотря на симпатию к ним и сожаление о болезнях и смертях некоторых из них. Через весь дневник как лейтмотив проходит тема злоупотреблений и хищений интендантских служб, подчеркивается неоперативное снабжение лекарствами. «Просто ужас, что делается», — восклицает Орлова, когда рецепты без церемоний разрываются в связи с отсутствием лекарств или лекарства доставляются не живым, а трупам. Другой случай, — пишет Орлова, — когда требование принимается, но не выполняется якобы из-за отсутствия лекарств,

а стоимость заказа, подтвержденного подписью сестры, используется в других целях. В этих обстоятельствах Прасковья Ивановна вырабатывает противодействие интендантским уловкам: просит требование назад и не дает тем самым, как она выражается, «обманывать больных и правительств». Высокопоставленный симферопольский чиновник В. М. Княжевич просит Орлову сократить в письмах обличение злоупотреблений и беспорядков. Он осторожно намекает на перлюстрацию корреспонденции в военное время, но она настаивает на том, что по ее наблюдениям «солдатики обвешивают и обмеривают». С миской супа, непригодного для пищи, и куском затхлого хлеба в качестве доказательств злоупотреблений она идет к генералу Остроградскому с жалобами на снабженцев. Не называя фамилий, Орлова, вопреки просьбам Княжевича, включает в письма известные слухи о миллионных хищениях, обогативших интендантов, сопровождая их выразительными описаниями внешности фигурантов этих дел, по которым без труда можно догадаться об именах запятнавших себя в хищениях военных снабженцев.

Особое место в Дневнике занимают размышления Орловой об организации в Симферополе развлечений. Картины городской жизни указывали на общее неблагополучие, болезни, нищету и голод, к которым вели дороговизна продуктов, недостаток лекарств и врачей. Город, переполненный беженцами из Керчи и других мест, разоренных войной (население Симферополя внезапно выросло с 12000 до 60 000), был на грани эпидемии. В нем не действовали бани и ощущался недостаток воды. «Кроме войны здесь холера и тиф страшно истребляют» — восклицает в отчаянии актриса, каждый вечер очищая себя от блох и вшей, принесенных из госпиталя. «Ах, как тяжело смотреть на это близко!». Но все эти трудности быта, замечает она, не производят никакого «влияния на театр», который открыл в городе антрепренер Зверев и который действует три дня в неделю, не подчиняясь указу об ограничении развлечений в период траура в связи со смертью императора и несмотря на ужасы повседневной жизни. Эти размышления актрисы перекликаются с содержанием письма Н.И. Куликова, адресованного П.И. Орловой-Савиной в Симферополь, но не вошедшего в состоявшиеся публикации «Симферопольского Дневника». Оно выражает настроения той части общества, которая не скрывала своей боли за поражение в войне и стремилась помочь России возродить былое величие и вернуться к мирной жизни. Текст письма свидетельствует о духовной близости Н.И. Куликова и его героической сестры, в нравственных принципах, основанных на христианской морали и традициях семейной жизни. Приводим его с некоторыми сокращениями¹:

«Милая бесценная сестра! Сегодня я получил 2-е твое письмо с дневником и благодарю тысячу раз за оное. Помилуй! Да ты пока я пишу,

¹ Автор благодарит д. и. н., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Т. В. Андрееву за указание на цитируемый документ.

не пустишь играть хотя бы в пользу раненых... Помилуй Бог от этого!

Я бы на твоём месте и губернатору посоветовал закрыть театры: если будет и Симферополь взят и разорен неприятелем, то единственно за это поущение правительства.

Для чего спектакли там, где пост, молитвы, слезы?... Пусть отступники играют в лагере под Севастополем, потешая дьявола: им простительно, когда и все дела их и самая война с нами идет по наущению его и для потех ему! А мы, подражая западному образованию, насильно веселимся как дети, упоминаемые в Евангелии: «Плакохом Вам — и не рыдайте». Да и вообще упрямые ребятишки, когда /.../, сквозь слезы приплясывая, кричат «Э, э! Что взяли? Не больно, не больно!». Ну, да я уж и не знаю, как выразить тебе /.../, реку и всю ясность предчувствия настоящих и будущих казней за театры, и за музыку на бульварах во время общенародных несчастий?! Почему же церковь, мораль наша, ковчег спасения, данный нам от Бога, церковь, которую /.../, почему же она в смиренной молитве взывает к Богу: «мы немощны, враги сильны и многочисленны, они окружили нас ... помоги и спаси нас, Господи!». (Не помню слово в слово, но смысл тот же). Так для чего же нам притворяться, актерствовать, выписывать подлую итальянскую оперу², как например в Петербург на будущую зиму?!

Все журналы прославили и возвеличили Ивана Ивановича Излера³ за то, что он тешит публику, заставляя ее забывать страх от холеры, а Бог, по словам Филарета, с тем и послал на сей бич, чтобы мы опомнились и не забывали вразумление Его... чем же все кончилось? Иван Иванович давно банкрот, а холера несколько лет сряду гостит в Петербурге! Также я дивлюсь, почему ты Княжевичу, тем паче господину Мажурову⁴, не сказала о горчице и прочих недостатках у больных?

Не могу понять, как могут иные наживаться не только от казны во время войны, но даже от раненых и увечных... Впрочем, так же как могут грабить сирот, брать взятки и проч., и проч. /.../. Страшно за человечество, страшно! Прощай. Успокоюсь и примусь за поэзию.

Н. Куликов.

Июня 12 дня 1855 года»

² Оценка автором письма итальянской оперы носит эмоциональный характер и, скорее всего, связана с тем обстоятельством, что в январе 1855 года в Крым на помощь союзникам прибыл 15-тысячный корпус Сардинского королевства.

³ Иван Иванович (Иоганн Люциус) Излер (1810–1877) — арендатор увеселительных садов и кондитерской в Петербурге. Имя его упоминается в письме в связи с тем, что 6 июня 1855 года специальная афиша его увеселительного заведения пригласила петербуржцев на музыкальный вечер [5, с.533].

⁴ В. М. Княжевич и Мажуров — чиновники, отвечающие за материальное обеспечение госпиталей в Симферополе

Источники и литература:

1. Орлова-Савина П. И. Автобиография / Подгот. текста, вступ. статья и указатели И. С. Преображенской. – М., Худож. лит., 1994.
2. Архив СПБИН РАН. Ф. 115. Собрание рукописных книг. № 241. Дневник» П.И. Орловой. 1855 г. 119 л.
3. Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд. АН СССР, 1950.
4. Бакунина Е.М. Воспоминания // Вестник Европы. 1898. № 3.
5. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3-х тт. Т. 2. Деятельный век. Кн. вторая. Г – И. СПб., 2003.
6. Сестры милосердия в России XIX — нач. XX: Крымская война 1853–1856 г. СПб., 2014.

Снежана Павловна Шендрикова
доктор исторических наук, профессор
Гуманитарно-педагогическая академия
(филиал) в г. Ялта
КФУ им. В.И. Вернадского
Snezhana Pavlovna Shendrikova
Grand PhD in historical sciences, professor
Humanitarian and pedagogical academy
(branch) in Yalta Yalta

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ SOCIO-CULTURAL LIFE OF SEVASTOPOL AFTER JOINING CRIMEA TO THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация: освоение Российской империей присоединенных территорий в XVIII в. проявилось в активной урбанизации местных городов. Целью данной научной публикации является презентация исторического опыта в контексте развития приморских городов после присоединения Крыма к России в 1783 г. Достижение обозначенной цели автор видит посредством рассмотрения проявления урбанизации и активного развития на примере Севастополя. Результатом анализа исторического опыта в данной научной статье выступает определение места и роли Российской империи в развитии крымских городов после присоединения полуострова в контексте социокультурной сферы. Это в свою очередь демонстрирует актуальность затронутой в статье тематики. Выводом исследования является мысль о прямой связи урбанистических процессов в одном из приморских городах Крыма, а именно Севастополе, с активными планомерным освоением полуострова Российской империей.

Abstract: the development of the Russian Empire annexed territories in the XVIII century manifested in the active urbanization of local cities. The purpose of this scientific publication is the presentation of historical experience in the context of the development of coastal cities after the annexation of Crimea to Russia in 1783. The author sees the achievement of the designated goal by examining examples of urbanization and active development on the example of Sevastopol. The result of the analysis of historical experience in this scientific article is to determine the place and role of the Russian empire in the development of the Crimean cities after the annexation of the peninsula on the example of the socio-cultural sphere. The conclusion of the study is the idea of a direct connection of urban processes in one of the coastal cities of the Crimea, especially Sevastopol, because of the active and systematic development of the

peninsula of the Russian Empire.

Ключевые слова: *урбанизация, город, социальная сфера, население, общество, полуостров, экономика, хозяйство, промышленность.*

Keywords: *urbanization, city, social sphere, population, society, peninsula, economy, economy, industry.*

После присоединения Крыма к Российской империи полуостров активно осваивался. Особенно это стало заметным во второй половине XIX в., когда ведущие приморские города интенсивно получали статус курортных, оздоровительных и торговых центров регионов. Однако рассматривать это как глобальную урбанизацию нельзя, поскольку крымские приморские города и сейчас невелики. Вместе с тем у каждого из них есть своя история становления и развития, в которой театральная жизнь предстает одним из важнейших факторов.

После присоединения Крыма к России и объявления манифеста императрицы Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей кубанской стороны под Российскую державу» от 8 апреля 1783 г. перед властью встал вопрос о выборе гавани у юго-западного побережья полуострова, где предполагалось построить стратегически необходимый военный порт. Осмотрев в апреле 1783 г. бухту у поселка Ахтиар, капитан II ранга И.М. Берсенев рекомендовал ее в качестве базы для кораблей будущего Черноморского флота. 3 июня 1783 г. на западном берегу Южной бухты были заложены первые каменные дома, в частности дом командующего севастопольской эскадрой Т. Меккензи, часовня, кузница в Адмиралтействе и пристань, в последствии названная Графской [1, с. 103], а в южной части гавани, на Николаевском мысе, приступили к сооружению каменного шлюпкового причала и лестницы. Этот день, 3 июня 1783 г., и принято считать днем основания Севастополя. 10 января 1784 г. вышел указ Екатерины II, в котором императрица распорядилась учредить в Ахтиарской бухте «...военный порт с адмиралтейством, верфью, крепостью и сделать его военным городом». Этим указом было законодательно закреплено появление на карте нового города, который в дальнейшем было приказано именовать Севастополем. В 1804 г. город был официально объявлен главным военным портом Черноморского флота, а в 1809 г. — и военной крепостью.

В переводе с греческого Севастополь означает «город, достойный поклонения, город славы», «высокочитимый, священный». За всю историю своего существования Севастополь не раз доказывал полное соответствие своему названию. «Построенный на земле, пропитанной духом аланов и киммерийцев, тавров и скифов, греков, византийцев<...>и османов» [2, с. 7], Севастополь и сегодня является одним из крупнейших городов юга России. Созданный сначала как военно-морская база, он стал центром науки и образования, культуры и духовности. С первых дней существо-

вания основным населением Севастополя были русские военные моряки: элита дворянского общества, интеллигентные и образованные люди, воспитанные в лучших традициях своего времени.

Несмотря на свое, прежде всего военное предназначение (так, например, в 1822 г. из 25 тыс. жителей менее 500 человек были гражданскими), уже в начале XIX в. Севастополь получил статус города-курорта. Здесь в свое время были отстроены купальни, открыта грязелечебница. В последующие годы руководство города планомерно занималось развитием курортного хозяйства Севастополя. Уже к концу XIX в. здесь имелись 14 гостиниц, а грязелечебница в Песочной бухте была оборудована по самым высоким стандартам того времени. Активно работали несколько купален и пансионатов в бухтах Омега, Песчаная, Учкучевка. Вскоре Севастополь стал привлекать к себе внимание российской интеллектуальной элиты. Л. Толстой, А. Некрасов, В. Брюсов, М. Горький, А. Ахматова и многие другие писатели, поэты и люди искусства в свое время жили и работали в Севастополе [3, с. 150].

В контексте культурной жизни Севастополя следует несколько слов сказать о театральном искусстве в городе, которое в первой половине XIX в. было тесно связано с именем известного на юге России антрепренера Д. Журавовского. В конце 30-х годов XIX в. антрепренер серьезно задумался об организации достойного театрального здания в приморском городе. Предприимчивый Д. Журавовский, понимая роль и учитывая возможности руководства военно-морского флота, смог решить сложный вопрос. О новом театральном здании пресса писала: «Дом этот строится на прекрасном месте, близ бульвара, на горе к южной бухте, подле фонтана» [4]. Новое здание для театра было возведено и открыто весной 1842 г. Активно способствовали решению этого вопроса (в частности, в выделении средств), как уже упоминалось, морские офицеры и лично адмирал М. Лазарев. Площадь, на которой был построен первый стационарный театр в Севастополе, называлась Театральной (ныне — площадь имени адмирала Ф. Ушакова). Сохранилась докладная записка, адресованная Таврическому губернскому правлению от 7 июня 1843 г. относительно театра купца Д. Журавовского [5, л. 6]. «Красивое двухэтажное каменное здание, с четырьмя колоннами на фасаде выделялось среди одноэтажных домов<...>Зрительный зал имел 150 мест в партере, два яруса лож и галерею. Сцена была довольно большой. В закулисной части находилась гримерная для мужчин. Актрисы переодевались в своих жилых комнатах» [6, с. 4]. Это позволяет сделать вывод о том, что среди других провинциальных театров, севастопольский отличался тем, что его строительство сопровождалось соблюдением всех стандартов и требований к театральным сооружениям того времени. В свое время он по праву был признан лучшим из периферийных театров на юге России. Краевед Г. Перминова отмечает, что здание было примечательно не

только своей архитектурой, но и тем, что в 1846 г. в нем прошли гастроли великого мастера отечественной сцены М. Щепкина [7, с. 5].

Значительный прогресс промышленной и социальной сферы Российской империи в пореформенный период сказался на экономическом развитии южных регионов. На тот момент активно осваивался потенциал Крыма, причем одной из важнейших задач в этом вопросе была модернизация инфраструктуры крымских портов. И здесь в первую очередь, на наш взгляд, следует говорить о Севастополе. Одновременно с военным возрождался и коммерческий порт города, занимавший западный берег южной бухты. Если в 1866 г. товарооборот Севастополя и Феодосии исчислялся 2 млн. 799 тыс. 940 руб., то уже в 1880-е гг. среднегодовой товарооборот этих портов вырос до 18 млн. 700 тыс. руб., а к концу XIX в. среднегодовой товарооборот исчислялся более, чем 24 млн. руб. [8, с. 156]. В этой связи грузооборот внутреннего судоходства в денежном выражении увеличился от 6,2 млн. руб. до 21 млн. руб. [8, с. 120]. Кроме того, 1875 г. для Таврической губернии был ознаменован пуском в эксплуатацию первой железной дороги, которая обеспечивала сообщение от станции Лозовая (современная Харьковская область Украины — авт.) в Севастополь. Это открывало широкие перспективы для развития российской военно-морской базы и всего южного побережья.

В рамках изменений в административной вертикали власти в 1873 г. было создано севастопольское градоначальство. 17 января 1881 г. на имя Таврического губернатора направилось распоряжение главы департамента полиции барона И. Велию, в котором согласно выше утвержденного 12 октября 1874 г. «Устава военных сборов» предписывалось следующее: «На устройство маскарадов и драматических представлений Военные Собрания обязаны испросить разрешение местного полицейского начальника, причем на сцене допускается только постановка пьес, разрешенных цензорами драматических сочинений при Главном Управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурой оригиналов». Кроме того, при исполнении на музыкальных вечерах или концертах музыкальных пьес, не опубликованных в прессе, необходимо было получить разрешение местного цензурного учреждения. Кроме этого на каждый спектакль для представителя полиции необходимо было в зрительном зале устанавливать кресло [9, л. 215].

Бурное развитие экономики страны в целом, и Крыма в частности, проникновение на территорию полуострова идей русской культуры и образованности, распространение научных знаний и модных веяний в жизни общества того времени превратили полуостров в один из центров культурной жизни юга России. Становление Крыма как курорта относится именно ко второй половине XIX в. Одновременно с этим имело место и развитие театра, особенно в приморских городах Таврической губернии. Сюда в этот период на гастроли хотели попасть многие профессиональ-

ные театральные труппы.

Вторая половина XIX в. для Севастополя ознаменовалась не только восстановлением города после разрушительных последствий обороны во время Крымской войны. Благодаря усилиям А. Бертье-Делагарда был оборудован первый водопровод в Севастополе, спланировал там Приморский и Военный бульвары, восстанавливал после Крымской войны Адмиралтейство. Прогрессивные тенденции экономического развития Российской империи, которые имели место в отечественной истории под влиянием реформ 1860–1870 гг., для Крыма в первую очередь отразились на развитии железнодорожного и водного транспорта. Привлекательность Севастополя как курорта, повышенное внимание к нему представителей столичной верхушки и интеллигенции привели к сближению периферии с центрами культурной жизни государства. Это стало результатом популяризации Севастополя среди высокопрофессиональных трупп из крупных городов России.

В начале XX в. Севастополь был одним из крупнейших и развитых городов Таврической губернии как в промышленно-экономическом, так и в культурном аспектах. Если после Крымской войны население города составляло 5 тыс. человек, то через 19 лет — 11 тыс., через 30 лет — 25, 3 тыс.; в 1895 г. количество жителей достигло довоенного уровня. В 1900 г. в нем проживало уже около 60 тыс. человек. [10, с. 11]. Развитие торгово-промышленного комплекса обусловило внушительный подъем торговли. Севастополь стал крупным экономическим центром юга России.

Подводя итоги, следует сказать, что после присоединения Крыма к Российской империи на полуострове наблюдался новый этап в развитии социально-экономической, политической, административной и культурной сферы жизни общества. Принятые и осуществлявшиеся на тот момент Государственные программы, были направлены на максимально быстрое освоение вновь присоединенных к империи земель. Одним из ярких подтверждений тому является использование природных, географических, исторических и прочих возможностей в контексте развития приморских городов, в частности Севастополя. Решения социальных проблем полуострова стали результатом социокультурного прогресса и активного развития крымских городов. Севастополь же, практически сметенный с лица земли после Крымской войны, в короткие сроки был восстановлен и отстроен заново.

Источники и литература:

1. Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя / В.Г. Шавшин. — Севастополь; К.: ДС-Стрим, 2003. — 384 с.
2. Иванов В. Б. Севастополь. Историческая летопись, 1783 — 2008 гг. / В. Б. Иванов; ред. А. А. Касаткин. — Севастополь: ЧП «Иванова», 2008. — 480 с.: фот.
3. Шендрикова С.П. История театра в Крыму (1820 – 1920 гг.) :

монография / С.П. Шендрикова. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. — 464 с., цв. илл.

4. Концерт в Севастополе // Одесский вестник. — 1847. — 21 мая (№ 41).
5. Государственный Архив Республики Крым (далее — Госархив РК). Ф. 26 Канцелярия Таврической губернии, г. Симферополь, Оп. 1. Д. 12536 О доставлении сведений о театрах и театральных пьесах, 28 л.
6. Васильева Л.И. Театр легендарного города / Л.И. Васильева. — К.: Мистецтво, 1988. — 86 с.
7. Довгань Т.А. 100 лет Севастопольскому академическому русскому драматическому театру им. А.В. Луначарского / Т.А. Довгань. — Симферополь: Пекитан, 2011. — 95 с.
8. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1 / П.Н. Надинский. — Симферополь: Крымиздат, 1951. — 229 с.
9. Госархив РК. Ф. 197, Оп. 1. Д. 412 Симферопольского полицмейстера бумаги по разным предметам: прошения, рапорты, объявления, заявления. О разрешении к постановке украинских пьес за 1881 г., 952 л.
10. История городов и сел УССР: в 26 т. [Т. 26] Крымская обл. / пред. редкол. Л. Д. Солодовник. — Киев : Ин-т истории АН УССР: Укр. сов. энциклопедия АН УССР, 1974. — 623 с.

Екатерина Леонидовна Шильдер

Член Союза писателей России

г. Москва

Ekaterina Leonidovna Schilder

Member of the Union of writers of Russia

Moscow

**ГЕРОЙ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.
ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТ К.А. ШИЛЬДЕР ПОД СТЕНАМИ
КРЕПОСТИ СИЛИСТРИИ
К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО ГИБЕЛИ
THE HERO OF THE CRIMEAN WAR, ADJUTANT-GENERAL
K. A. SCHILDER, UNDER THE WALLS OF THE FORTRESS
SILISTRA TO THE 165TH ANNIVERSARY OF HIS DEATH**

Аннотация: в статье представлены материалы об участии инженер-генерала генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Рассказано о роли выдающегося военного инженера в уничтожении турецкой флотилии, переправе войск через Дунай, осаде крепости Силистрии.

Abstract: the article tells about the participation of engineer-General adjutant General Karl Andreevich Schilder in the Crimean (Eastern) war 1853–1856, about the role of an outstanding military engineer in the destruction of the Turkish flotilla, crossing the Danube, the siege of the fortress of Silistria.

Ключевые слова: Крымская война, военный инженер, турецкая крепость Силистрия.

Key words: Crimean war, a military engineer, the Turkish fortress of Silistra.

В последнюю свою войну, Крымскую войну, инженер-генерал генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер вступил, когда ему уже было 69 лет. «Деятельность ... генерала на служебном поприще занимает одно из важнейших мест в истории военно-инженерного искусства в России», — так сказано о жизни и военной службе К.А. Шильдера. [1]

До Крымской войны, в которой инженер-генерал генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер участвовал, он имел уже опыт всех войн первой половины девятнадцатого века. В справке по 3-му Отделению Инспекторского Департамента сказано следующее: «*Был в походах и сражениях в 1805 и 1812 годах против Французов, в 1828 и 1829 годах против Турок и 1831 году против Польских мятежников; в сражении близ с. Дранскул тяжело ранен пулею в ступень правой ноги*». [2]

Участвовал в Отечественной войне 1812 года, под началом военного инженера Оппермана строил Бобруйскую крепости, а потом и оборонял ее. Его усердие было отмечено Александром I: «*В воздание*

отличного усердия Вашего к службе и трудов, понесенных Вами во время Бобруйских крепостных работ, жалую Вас орденом святой Анны третьего класса...» [3].

В турецкой войне 1828-1829 годов, как и во многих других войнах того времени, главными задачами была защита и взятие крепостей. За взятием крепости Варна наблюдал император Николай I с флагманского корабля «Париж», стоящего вблизи на рейде. Осада крепости велась по плану полковника Шильдера и была успешно осуществлена без штурма. Взрыв второго бастиона предрешил участь крепости Варна. Заслуги Шильдера были отмечены награждением его орденом Георгия 4-ой степени. Лейб-гвардии Саперному батальону было вручено георгиевское знамя. Полковник Шильдер был произведен в генерал-майоры. С этого времени во все продолжение своей службы генерал Шильдер пользовался неизменным доверием и высоким расположением императора Николая.

Успех кампании 1829 года определяло взятие крепости Силистрии, взятие которой открывало от нижних областей Дуная к Константинополю. Здесь тоже осада крепости осуществлялась по плану Шильдера, но находился он под стенами крепости Силистрии без лейб-гвардии саперного батальона, командиром которого он являлся. Решались задачи — уничтожение турецкого флота, строительство переправы и осада крепости Силистрии. 5 мая 1829 года, пользуясь планшетным мостом, переправились на правый берег Дуная 34 батальона пехоты, 5 казачьих полка и 8 эскадронов конницы. А 18 июня 1829 года после взрыва минных горнов под крепостными стенами гарнизон Силистрии, не дожидаясь штурма, капитулировал. За покорение Силистрии генерал Шильдер был награжден орденом св. Георгия 3-го класса.

В монографии «Николай I. Его жизнь и Царствование» Николай Карлович Шильдер, сын Шильдер Карла Андреевича, описывает эти события. «25 июня, в день рождения императора Николая, получено было от графа Дибича известие о покорении крепости Силистрии, которая сдалась на капитуляцию генералу Красовскому. Силистрия взята была без штурма; осадными работами генерал-майора Шильдер, который благополучно довел крепость до сдачи одними лопатами. Победителю досталось 220 орудий, 80 знамен, флотилия и гарнизон в 10000 человек» [4].

Инженер-генерал, генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер — это особенное явление в истории России, он был не только военным, но и выдающимся инженером, изобретателем, достижения которого в инженерной науке интересны и в настоящее время. Некоторые изобретения К.А. Шильдера обеспечивают мировые приоритеты русской науки, к ним относится, например изобретение, создание и испытание первой в мире в мире цельнометаллической подводной лодки, которая была построена в Петербурге и испытана на Неве в 1834 году.

«Проведенное после Отечественной войны 1812 года разделение артиллерии и инженерных войск позволило начать обучение инжене-

ров, комплектование инженерных войск собственными инженерами, подготовленными для этой службы, и иметь свое собственное вооружение». [5]

Именно Карлу Андреевичу Шильдеру военная инженерная наука «обязана введением в России гальванизма для воспламенения минных зарядов, оказавшимся столь полезным при обороне Севастополя; принадлежит ему в России честь первого опыта подводного плавания, основанного на рациональных началах, и введения подводных мин, как существенного средства для приморской обороны; ... поддерживал у нас до Севастопольского погрома, с редкою энергией, научно-военное саперное дела», так пишет о своем отце генерал-лейтенант, историк Николай Карлович Шильдер. [6]

К.А. Шильдер разработал трубчатые мины, а при проведении взрывов с помощью гальванизма, опирался на идеи Шиллинга. И Использование на подводной лодке шестовых мин, гальванические и гальванодарные подводные мины, являлись совместной работой с академиком Якоби.

«Замечательна также деятельность Шильдера, как инициатора и организатора крепостных маневров, опытов и других способов практической подготовки инженерного корпуса в мирное время, благодаря которым наши инженеры, с Тотлебенем во главе, прошедшие в большом числе школу Шильдера, заняли потом почетное место в истории обороны Севастополя». [7]

Изобретение генерала Шильдера, а именно электровоспламенение для запуска ракет используемое до настоящего времени. Но даже в свое время Шильдер смог применить метод электровоспламенения ракет в случае запуска ракет из-под земли или из-под воды, именно, с подводной лодки.

«Кроме А.Д. Засядко русские ракеты имели, по словам К.И. Константинова, еще одного прекрасного протектора (защитника, покровителя) в лице инженерного генерала Шильдера, горячего покровителя по военным предметам». [8]

Не прошел даром и опыт осады крепостей Варны и Силистрии, обратился генерал Шильдер, к новым методам осады крепостей, которая после ее разработки стал называться «трубной системой обороны крепостей». Замена густой сети подземных галерей, Шильдер предложил готовить магистральную галерею, к которым должны примыкать короткие рукава, а в них устраивать подземные батареи. Только через 20 лет после работ Шильдера их смогли повторить во Франции.

Мировой приоритет в создании цельнометаллической подводной лодки принадлежит именно военному инженеру генерал-адъютанту Карлу Андреевичу Шильдеру. Именно в России в Петербурге на Александровском литейном заводе и был построен подводный корабль. «Первой же субмариной способной передвигаться под водой стала железная лодка конструкции генерал-майора К.А. Шильдера...» [9].

От идеи до воплощения в металле, таков способ реализации идей генерала Шильдера, первой в мире подводной лодки, имеющей и первый в мире экипаж из 13 человек. И это экипаж на подводной лодке длиной 6 метров совершил свой первый рейс, первый в истории России и мира подводный рейс. *«Уже при первых опытах с подводной лодкой Шильдера, проведенных в присутствии высшего начальства, с успехом демонстрировалась минное оружие»* [10].

Роль инженерных войск с каждой военной кампанией увеличивалась, а уж на территории Турции было много крепостей, для взятия которых требовались опытные саперы, такие, каким и был инженер-генерал К.А. Шильдер.

«Еще при отъезде князя Горчакова из Варшавы на Дунай для занятия Придунайских княжеств, Паскевич сказал ему, что в случае серьезных действий в Турции, следует потребовать туда генерала Шильдера. Князь Михаил Дмитриевич ... 29-го ноября 1853 года, он написал военному министру князю Долгорукову: «...ради Бога, выпроси мне генерала Шильдера. За него я бы отдал дивизию», ... «...Сейчас узнал, что Шильдер прибывает ко мне дней через десять. Он окажет мне драгоценную помощь, потому что мне предстоят, по крайней мере, три переправы через реку и одна осада». ... Генерал Шильдер будет нам в этом случае отличным помощником» [11].

Когда началась Восточная война 1853–1856 гг., генерал-адъютант Шильдер занимал в Варшаве должность начальника инженеров действующей армии. Вступая в Крымскую войну инженер-генерал, генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер позаботился о своих помощниках.

Генерал К.А. Шильдер для себя выбрал помощниками генерал-майора Петра Николаевича Дубенского, инженер-капитана Германа Карловича Фолькмута, своего прежнего адъютанта капитана Эдуарда Ивановича Тотлебена. Перед тем как прибыть в Бухарест генерал-адъютант Шильдер принял православие. Присоединение к православной церкви являлось продуманным желанием Карла Андреевича. 5-го января, в свой шестьдесят девятый день рождения, в сочельник, *«накануне отъезда в армию, состоялся обряд присоединения генерал-адъютанта Шильдера к греко-российскому исповеданию, в военной походной замковой церкви св. великомученика Георгия; при этом присутствовали только князь Варшавский и его супруга, княгиня Елизавета. При св. миропомазании ему наречено имя Александр, избранное генералом Шильдером, как встречавшееся неоднократно в его семействе»* [12].

До Бухареста, по согласованию с князем Варшавским, решено было генералу Шильдеру двигаться через Австрию. Генерала сопровождали его два адъютанта штабс-капитан Ахбауер и полевой инженер-поручик Тидебель. После Крымской войны уже генерал Тидебель будет руководить Военной инженерной академией.

Применение минного вооружения, которое разрабатывал К.А. Шильдер, позволило в Крымскую войну на Балтике защитить территории и

крепости и создать мощную преграду англо-французскому флоту. И хотя морские силы французов и англичан были велики, и уже имели 32 пароходо-фрегата против 9 пароходо-фрегатов, и смогли блокировать российский балтийский флот и в Кронштадте и в Свеаборге, но заставить русский флот выйти из-под защиты минных полей не смогли. В Кронштадте были использованы подводные мины, которые послужил главной защитой крепости.

О Крымской войне писало много историков, это и Зайончковский, Тарле, Богданович. Написал ее через судьбы военных К.А. Шильдера и Э.И. Тотлебена историк генерал-лейтенант Николай Карлович Шильдер, сын генерала К.А. Шильдера.

В 1872 году историк Николай Карлович Шильдер опубликовал очерк о генерал-адъютанте Эдуарде Ивановиче Тотлебене. Как семья Шильдер, так и семья Тотлебена, долгое время жила в Риге. Эдуард Иванович вступил осенью 1832 года кондуктором в третий класс Главного (ныне Николаевского) Инженерного Училища. Нужно отметить, что этим училищем и академией будет затем долгие годы руководить генерал-лейтенант, историк Н.К. Шильдер. Но здоровье не позволяло Тотлебену продолжать учебу, ему пришлось вернуться в Ригу в крепостную инженерную команду в должности дежурного офицера.

Но все же важная встреча для Тотлебена с генералом К.А. Шильдером состоялась в Красном Селе. Пребывание поручика Тотлебена в гренадерском саперном батальоне было не продолжительным, в 1840 году состоялся его перевод в учебный саперный батальон. Здесь при проведении практических занятий он привлек внимание своими познаниями и пониманием дела генерал-адъютанта Шильдера. С этого времени поручик Тотлебен находился рядом с генералом Шильдером. Но ему требовался и военный опыт. Два года Тотлебена не было рядом с генералом Шильдером, так как в 1848 году Тотлебен участвовал в военных действиях в отряде генерал-адъютанта Аргутинского-Догорукова на Кавказе против горцев. *«В 1850 году Тотлебен возвратился с Кавказа в чине капитана, получив золотую саблю за храбрость и орден св. Владимира 4-й степени с бантом»* [13].

В том же году Тотлебен по желанию начальника инженеров действующей армии генерал-адъютанта Шильдера был переведен в Варшаву и назначен адъютантом генерала с переводом во 2-й саперный батальон. Но семейные дела после года службы в должности адъютанта Шильдера, заставили его перевестись в Петербург, где в начале 1852 года Тотлебен женился на дочери гессен-дармштадского консула барона Гауфа.

Когда же от генерал-лейтенанта Шильдера поступило предложение отправиться вместе с ним на театр военных действий, то Тотлебен не замедлил явиться и выехал из Петербурга 27-го января, а в Бухарест прибыл 14-го февраля. Перед самым отъездом Тотлебен получил чин подполковника.

«На другой день по приезде в главную квартиру генерал Шильдер отправился уже в Журжу, где, как известно, только что была отбита попытка турок переправиться и укрепиться на нашем берегу Дуная. Отсюда начался гром шильдеровских батарей, которым вскоре огласилось все течение реки, и восторженные наши отряды стали беспрерывно тревожить турок. Появление попеременно в разных местах предприимчивого и восторженного старца, умевшего возбуждать во всех окружавших его лицах одушевляющую его неустрашимость и уверенность в успехе, производило чарующее впечатление; все просыпалось и проникалось его энергией, решимостью и нераздельной с ней верой в победу» [14].

Перед Шильдером ставилась задача уничтожения турецкой флотилии. И здесь он применил особый способ, который был связан со строительством батарей, а одну из них разместить на острове Радоман, в сфере огня из крепости, поставить полевую батарею совершенно открыто и обстрелять турецкую флотилию.

В письме из Бухареста Шильдер 2-го февраля написал свои впечатления об этом деле. *«Свершилось настоящее чудо: действуя с четырьмя пушками против сотни орудий из крепости Рушук, целой флотилии и одного большого парохода, мне удалось все это потопить или разбить вдребезги, не потерять ни одного человека и с тремя ранеными только; — такой случай еще не встречался в военных летописях...» [15].*

В Восточной (Крымской) войне было несколько важных этапов, которые определяли успех Дунайской кампании. Обеспечение переправы через Дунай относилось к такому важному этапу. После рассмотрения разных мест для переправы на правый берег Дуная, решено было одновременно произвести в трех пунктах — в Браилове, Галаце и Измаиле, продолжая демонстрации по всему занимаемому нами протяжению Дуная. Переправу через Дунай намечено было произвести с 9 на 10 марта главными силами со стороны Галаца и демонстративными отрядами со стороны Браилова и Измаила. Переправа, которую осуществил князь Горчакова, является уникальной операцией такого типа. Как по тому, как она была стратегически разработана, так и по превосходному исполнению. Переправа войск состоялась, не смотря на то, что в войсках сменился главнокомандующий.

«6 марта в главной квартире было получено известие о назначении Паскевича главнокомандующим и о скором прибытии его на театр военных действий. Одновременно князь Михаил Дмитриевич получил всемиловитвейший рескрипт с изъявлением искренней признательности государя за его полезные заслуги по командованию Дунайской армией» [16].

Князь Горчаков отметил генерала Шильдера за возведение весьма замечательных батарей и создание, двух мостов (у Галица и Браилова) из материалов, приготовленных для одного, генерала Коцебу за коман-

дование передового отряда при высадке у Браилова, генерала Ушаков, предводительствующего войсками, прославившимися под Тульчею, полковника Мирбаха, который был постоянно с охотниками передовых войск. Заслуженные награды получили за переправу через Дунай — генерал Лидерс — алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного; генералы Шильдер и Коцебу — ордена Св. Александра Невского с алмазами; генерал-лейтенант Ушаков — орден Св. Георгия 3-й степени. Этап Дунайской кампании был успешно выполнен.

Можно было ожидать и следующего главного действия русской армии — покорения крепости Силистрии. Этого и желал император Николай I, этого желали в самом начале Дунайской кампании и князь Паскевич, и князь Горчаков.

Как отмечает Зайончковский, наступил такой момент, когда главные лица в решении вопроса с осадой крепости Силистрии определились. Теперь у Паскевича появились главные действующие лица и главные помощники — князь Горчаков, генералы Коцебу и Шильдер.

Крепость же Силистрия, к осаде которой начиналась подготовка, отличалась от той, покорению которой было произведено в 1829 году. Гарнизон крепости в начале мая состоял из 16 000 человек. Количество орудий, бывших на вооружении, разными источниками показывается различно — от 50 (по английским источникам) до 120 (по русским).

Генерал Шильдер считал, что без полного обложения крепости вести работы по ее осаде неверный метод, и это было по силам армейским частям, которые после переправы находились на правой стороне Дуная под Силистрией. Но предложения по полному обложению крепости Силистрии не были приняты Паскевичем.

Генералу Шильдеру пришлось подчиниться воле главнокомандующего, и он поторопился приступить к атаке Араб-Табии и Песочного, чтобы только вовлечь в осадные работы, рассчитывая направить их впоследствии согласно своему предположению.

Конечно, генерала Шильдера считали не политиком, а солдатом, который выполнял свои задачи, для решения которых использовал все свои способности военного инженера и изобретателя. Но огромный военный опыт в случае осады Силистрии подсказывал ему, что самым важным после переправы войск является фактор времени, быстрой осады и взятия крепости.

Полное же доверие к фельдмаршалу Паскевичу императора Николая I не позволило отозвать того с Дунайского театра военных действий. Силы под Силистрией русской армии были огромны, первоначально до 63 тысяч человек, а затем и до 90 тысяч человек, при орудиях, число которых было более 25-и. С 3-го мая приговорительных работ по предложенной осаде подполковник Шильдер был назначен траншей-майором.

«8-го мая открыты были первые подступы против передовых укреплений крепости Силистрии, Араб-Табии и Плана-Табия; и с этого

времени до конца осады, подполковник Тотлебен безотлучно находился в траншеях... лично руководя всеми работами в вверенном ему отделе атаки» [17].

К 15 мая были распределены обязанности по проведению работ по осаде крепости, за генерал-лейтенантом Сельваном было командование войсками в траншеях, а за генерал-адъютантом Шильдером, заведование осадными работами.

28 мая фельдмаршал решил лично произвести грандиозный маневр под стенами Силистрии с войсками, в которых находились отряды генерала Хрулева, отряды генерала Гротенгельма, генерала Артамонова, в лагере оставались и резервные силы. Во время движения русских войск с Абдул-Меджида был открыт сильный огонь по колонне генерала Гротенгельма, где в это время и находился фельдмаршал, одно из ядер упало около лошади Паскевича. Считалось, что фельдмаршал получил контузию. 1 июня, был днем отъезда фельдмаршала из армии, и к обязанностям командующего вновь возвращался Горчаков.

В этот же день был смертельно ранен в траншеях и генерал-адъютант Шильдер, энергичный и доблестный руководитель осады крепости Силистрии. С 1-го июня обязанности распорядителя работ по осаде крепости перешли к траншей-майору Тотлебену.

Как оказалась, эта Дунайская компания Крымской войны оказалась для генерала последней. Узнав о ранении генерала Шильдера, полученного под Силистрией, Николай I написал своему генералу письмо. *«Давно хотел я сам сказать тебе, любезный Шильдер, как я огорчен известием о твоей тяжелой ране. Давно ценя тебя, я был уверен, что и в эту кампанию, ты молодецки, как всегда, исполнишь свое дело. В уничтожении турецкой флотилии, в быстрой постройке мостов для перехода через Дунай, в осадных под Силистрией работах, я вполне узнал своего старого сослуживца и свойственные ему бойкость и опытность. От всей души спасибо тебе за эти новые заслуги. Если успех не увенчал наших усилий, трудов и пожертвований, то, сожалея со мною о необходимости на время отложить начатое, утешайся мыслью, что ты все сделал, что только от тебя зависело для достижения цели. Я же между прочими потерями искренно жалею, что лишился твоего содействия, когда мне и России нужны тебе подобные. Но Бог милостив! Он поможет тебе и нашему общему делу. Напиши мне, как себя чувствуешь, и береги себя»* [18].

И все же саперы выполнили свою задачу по обеспечению подступов к крепости Силистрии. 7-го июня был взорван передний фронт укрепления Араб-Табия. В ночь с 8 на 9 июня войска ожидали сигнала штурма передовых силистрийских укреплений. Но штурм не произошло, был получен приказ князя Варшавского, который требовал немедленного снятия осады и возвращения войск на левый берег Дуная.

Справедливо будет отмечено, что план осады крепости Силистрии

был единственным, и составителем его был выдающийся военный инженер генерал-адъютант Карл Андреевич Шильдер. Можно только помнить о том, что потеря для Дунайской армии генерала Шильдера осталась невосполнимой. Император Николай I писал: «Потеря Шильдера меня крайне огорчила; такого второго не будет, и по знанию, и по храбрости» [19].

Наступил этап, когда траншей майор Тотлебен приступил к самостоятельным действиям. Уже *«2-го августа подполковник Тотлебен находился у князя Горчакова, который, ознакомив его с положением дел и (12).. объявил ему, что он командует его в распоряжение главнокомандующего в Крыму... Чтобы он старался быть полезным в Севастополе... не только при устройстве укреплений, но и всюду, где того требуют обстоятельства»*. [20]

В Севастополь прибыл Э.И. Тотлебен с письмом от Горчакова как ученик инженера Шильдера. Но у Меншикова был свой 6-й саперный батальон, и Тотлебену было предложено вернуться к Горчакову. И все же Тотлебен принял решение остаться в Севастополе. Уже 1-го сентября можно было наблюдать флот союзников. События развивались с той быстротой, которая заставила защитников Севастополя искать нужные решения для сохранения морской базы. Князь Меншиков на реке Альме пытался сдержать противника, но отступил. Корнилов топил корабли у входа в большую бухту. Тотлебен начал строить укрепления на южной стороне, чтобы неприятель не мог подойти со стороны Камышевой бухты. 19 сентября стали поступать первые подкрепление гарнизону от Меншикова. В это время в войсках союзников произошла смена командующего. 14 сентября командующим стал Канробер, а маршал Сентр-Арно скончался 17 сентября. Переломным моментом можно считать тот, с которого началось строительство обороны неприятелем - 27-28 сентября неприятель начал строить свою оборону. Строительство укреплений было проверено уже 5 октября, когда бомбардировка противника показала достоинства обороны Севастополя.

В Севастополе проявил себя Тотлебен не только как инженер, но и как военный, который оценивает обстановку и в других войсках. При отступлении наших войск после неудачного сражения 24 октября, артиллерия, утомленная продолжительным боем и обессиленная убылью людей, медленно двигалась по саперной дороге в Севастополь, между тем как пехота отошла уже вдоль берега бухты к городу. Были подбиты повозки. Приближался неприятель. *«Заметив опасность, угрожающую нашей артиллерии, полковник Тотлебен взял находившуюся недалеко роту Углического полка, рассыпал ее в цепь и, остановив шедший в хвосте колоны Бутырский полк, ввел его в дело. ... полковник Тотлебен выдвинул на позицию попавшиеся под руку четыре орудия, которые открыли огонь, будучи вскоре поддержаны несколькими другими»* [21].

Держались защитники Севастополя 349 дней, потом отошли войска на северную сторону. Заслуженное звание генерал-майора полу-

чил Тотлебен 10 апреля 1855 года, в начале июня, 6 и 8 числа, получил два ранения: в лицо и ногу пулей на вылет. Пострадал и дом Тотлебена, 9 июля бомба упала во двор дома. Осенью, 11 сентября генерал Тотлебен с повелением его Величества вызван был в Николаев и 14 сентября назначен генерал-адъютантом к Государю Императору. Деятельность генерал-адъютанта Тотлебена в Севастополе была окончена, эта деятельность принесла ему славу великого защитника Севастополя. Генерал Тотлебен 5 ноября направлялся по высочайшему повелению в Петербург, для заведования работами по усилению укреплений Кронштадта. Он ехал в спасенную крепость, защищенную минами генерала Шильдера, которую, благодаря такой защите не мог взять флот Англии и Франции.

Нам же остается сохранять память о георгиевском кавалере и выдающемся военном инженере генерал-адъютанте К.А. Шильдере. Память о его ученике генерал-адъютанте Эдуарде Ивановиче Тотлебене сохранена в памяти потомков. Будем помнить, что военный инженер Карл Андреевич Шильдер по праву является основоположником космической техники. Он обеспечил приоритеты России в вооружении, создал первую в мире цельнометаллическую подводную лодку, первый ракетносец в мире, был основоположником минного вооружения, в том числе и подводных мин, разработал новую систему обороны крепостей. Генерал отдал русской армии 50 лет, участвовал во всех войнах первой половины XIX века. Могила генерала уничтожена, как и храм лейб-гвардии Саперного батальона. Память только была отмечена проведением выставки в честь 230-летия со дня рождения инженер-генерала К.А. Шильдера в Музее артиллерии в Петербурге.

Источники и литература:

1. Мазюкевич М.. Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. СПб., 1876. С. 1.
2. РГВИА, ф. 395, оп. 146, д. 160, л. 10.
3. РГАЛИ. Ф. 3102. Оп. 2. Ед. хр. 303. Грамота на пожалование ордена св. Анны III-й степени поручику Шильдеру за подписью императора Александра I.
4. Шильдер Н.К. «Император Николай I. Его жизнь и царствование». СПб., Изд. А.С. Суворин. 1903 г. С. М., 1996. С. 238.
5. Шильдер Е.Л. «Немецкие инженер-генералы в Русской армии». Альманах том 2. «Немецкая диаспора в России. Прошлое и настоящее», М. 2015.
6. Шильдер Н.К.. Карл Андреевич Шильдер// Русская старина. 1875. Т. 14. С. 540.
7. Мазинг Ю.Г.. Карл Андреевич Шильдер (1785–1854). М., «Наука», 1989. С. 110.
8. Сонкин М. Русская ракетная артиллерия. Военное издательство ВМ СССР. М. 1952. С. 45
9. Кондратенко Р.В. «Первые российские подводники».

- Журнал «Вопросы истории». №10. 2010. С. 141
10. Шерр С.А. Изобретательская деятельность А.А. Шильдера в области подводного судостроения. Труды института истории естествознания и техники. АН СССР. Издательство АН СССР. 1956. С.140
 11. Шильдер Н.К.. Карл Андреевич Шильдер// Русская старина. 1875. Т. 14. С. 531
 12. Шильдер Н.К.. Карл Андреевич Шильдер// Русская старина. 1875. Т. 14. С. 533
 13. Граф генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. Составил Н. Шильдер. Санкт-Петербург: тип. Деп. Уделов. 1872. С. 5
 14. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. Том 2. Полигон. С.-Пб. 2002. С. 24
 15. Шильдер Н.К.. Карл Андреевич Шильдер// Русская старина. 1875. Т. 14. С. 731
 16. Зайончковский А.М. Восточная война 1853-1856. Том 2. Полигон. СПб. 2002. С. 45
 17. Граф генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. Составил Н. Шильдер. Санкт-Петербург: тип. Деп. Уделов. 1872. С. 11
 18. Мазюкевич М.. Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. СПб., 1876. С. 410
 19. Мазюкевич М.. Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. СПб., 1876. С. 416
 20. Граф генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. Составил Н. Шильдер. Санкт-Петербург: тип. Деп. Уделов. 1872. С. 11
 21. Граф генерал-адъютант Эдуард Иванович Тотлебен. Составил Н. Шильдер. Санкт-Петербург: тип. Деп. Уделов. 1872. С. 19

Елена Алексеевна Шрамкова
Педагог-организатор отдела воспитательной работы
ФГКОУ «Нахимовское военно-морское училище
Министерства обороны Российской Федерации» (Севастопольское
президентское кадетское училище)
г. Севастополь

Helena Alekseevna Shramkova
«Nakhimov naval College of the Ministry of defence of the Russian Federation»
(the Sevastopol presidential cadet Academy).
Sevastopol

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАХИМОВЦА НА ГЕРОИЧЕСКИХ ПРИМЕРАХ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 гг.

PATRIOTIC EDUCATION OF NAKHIMOVITES ON HEROIC EXAMPLES OF THE DEFENSE OF SEVASTOPOL IN 1854–1855.

Аннотация: в статье предложен апробированный сценарий внеурочного мероприятия по интеллектуальному направлению развития нахимовцев.

Abstract: the article offers the scenario of the extracurricular activities of intellectual direction of development of Nakhimovites.

Ключевые слова: внеурочная деятельность, нахимовец, инновационные педагогические технологии, воспитательный процесс, традиция, интеллектуальные игры, герой, оборона Севастополя, Крымская война.

Keywords: extracurricular activity, nahimovites, innovative pedagogical technologies, educational processes, custom, tradition, intellectual game, hero, defense of Sevastopol, Crimean war.

«Патриотизм как цель и результат патриотического воспитания молодёжи — это проявление любви к Родине, Отчизне, Отечеству», — говорит знаток русской словесности, этнограф, писатель Владимир Иванович Даль. В своём словаре он так трактует понятие «патриот»: «Патриот — любитель Отечества, ревнитель о благе его, отечественник, отчизнолюб.» [1]. У детей проявление чувства патриотизма начинается с памяти детства, с любви к матери, к дому, к своим друзьям, к родному городу. И лишь взрослея, они начинают понимать свою принадлежность к Отчизне, Родине, Отечеству. На процесс формирования патриотизма решающее влияние оказывают такие основные социальные факторы, как система воспитания и обучения подрастающего поколения, сложившаяся в государстве, государственная молодежная политика, средства массовой информации. Без опоры на прошлое, на культурное и историческое

наследие нельзя воспитать гражданина-патриота, рачительного труженика, заботливого семьянина, творческую и духовно богатую личность. Великий российский учёный Михаил Васильевич Ломоносов в своём научном труде об истории славян сказал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего» [1].

Работа с молодежью — сложный процесс, который не признает устаревших по времени форм и методик. Мы понимаем, что какие-то формы и методы воспитательной работы уходят в прошлое — становятся историей, а какие-то трансформируются, приобретают новое воплощение. Но постоянным и верным всегда остается девиз — создавать у подрастающего поколения настрой на созидательный труд, воспитывать молодежь на лучших традициях русского народа — культурного, духовного, нравственного и эстетического наследия России, помня о героическом прошлом своей Родины. Важное значение в реализации данных аспектов имеет эффективное использование новейших педагогических технологий (интерактивные методики, информационные технологии), обеспечивающих системно-деятельностный подход в воспитательном и образовательном процессах. Руководство, коллектив преподавателей и воспитателей филиала ФГКОУ «Нахимовское военно-морское училище Министерства обороны Российской Федерации» (Севастопольское президентское кадетское училище) (далее — филиала) понимают всю ответственность, которая возложена на них за воспитание нахимовцев. В свете требований Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (далее — ФГОС ООО) педагогический коллектив филиала заинтересован в высоком качестве своего труда, эффективности профессиональной деятельности в целом и в частности. ФГОС ООО представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы основного общего образования. К числу наиболее важных процессов педагогической деятельности относится воспитательная деятельность и воспитательные мероприятия, проводимые в филиале для формирования всесторонне развитой личности гражданина - патриота России. В филиале разработана и утверждена «Программа воспитания и социализации нахимовцев 5–9-х классов», в которой Раздел 11 гласит: «Целью воспитания и социализации воспитанников на ступени основного общего образования является социально-педагогическая поддержка становления личности воспитанника, развития высоконравственного, компетентного, творческого гражданина и патриота России, принимающего судьбу Отечества как свою личную, осознающего ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации, создание психологически комфортных условий для социализации в обществе, семье, успешной самореализации в воинской и иных видах профессиональной деятельности» [2]. Все воспитательные мероприятия регламентированы планом воспитательной работы филиала, соответствуют конкретным направлениям воспитатель-

ной работы, обусловлены требованиями Образовательной программы и направлены на эффективное решение воспитательных задач. Системно и последовательно руководствуясь вышеуказанными документами, грамотно используя современные методы и технологии, формулируя реалистичную цель и ставя выполнимые задачи, прогнозируя желаемый результат, организуется и проводится каждое воспитательное мероприятие в филиале.

Что же мы вкладываем в понятие «воспитательное мероприятие», «постановка цели и задач»? Воспитательное мероприятие — это организованное и целенаправленное занятие с нахимовцами воспитательного и образовательного характера, в том числе и организация досуга воспитанников. Целью проведения воспитательных мероприятий в филиале является формирование гражданско-патриотической и правовой личности нахимовца, при условии развития физической, нравственной, эстетической и социальной культуры воспитанников. В результате мы решаем важные задачи воспитания: содействие нахимовцам в овладении умениями и навыками организации социально значимой деятельности, развитие творческих и иных способностей нахимовцев, ключевых умений и лучших человеческих качеств. При этом обязательно придерживаемся известных принципов организации воспитательного мероприятия: добровольность участия воспитанников в соответствии с их интересами и способностями; личностно-ориентированный подход в развитии и формировании личности воспитанника; систематичность в организации; создание условий для проявления творческих возможностей, взглядов, мнений, свободы мысли; сочетание массовых, групповых и индивидуальных форм работы; сочетание игры и социально востребованной деятельности с опорой на духовные ценности: добро, истину и красоту.

В реализации внеурочной деятельности существует возможность расширить кругозор воспитанников с целью поиска ответов на интересующие их вопросы, выходящие за рамки курсов общеобразовательных предметов. Интеллектуальные игры «Что? Где? Когда?» являются традиционной формой воспитательной работы по интеллектуальному, культурно-эстетическому, духовно-нравственному и патриотическому направлениям воспитания в филиале. Игры проходят в три этапа: отборочные курсовые игры (между командами классов каждого курса (2, 3, 4, 5 курс), полуфинальные игры (между командами-победителями отборочных игр) и финальная игра (между командами-победителями полуфинальных игр), в соответствии с планом воспитательной работы филиала. В статье представлены апробированные материалы интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» по теме «Оборона Севастополя в Крымскую войну». Тему игры предложили нахимовцы, аргументируя важностью расширения знаний об истории легендарного города-героя Севастополя. Ведь именно Севастополь является ярчайшим примером патриотизма для всей России. Героизм защитников Севастополя в Крымскую и Великую Отечественную, стойкость жителей в третью оборону, отстоявших город и вернувших его

в «родную гавань» — Россию, способствуют грамотному воспитанию подрастающего поколения современности. Материалы содержит план проведения, вопросы, ответы, фотографии игр.

План-сценарий проведения интеллектуальных игр «Что? Где? Когда?».

Цель: Развитие и реализация интеллектуального потенциала, направленного на воспитание патриотических качеств личности нахимовцев.

Задачи:

- развитие компетенций: учебно-познавательных, коммуникативных и личностного самосовершенствования;
- формирование интереса и желания проявления своих способностей, интеллектуальных умений;
- мотивация учения и приобретения новых знаний;
- обобщение и углубление знаний о героической истории России;
- воспитание чувства патриотизма, ответственности;
- сплочение коллектива воспитанников;
- развитие таких качеств, как умение слушать другого человека, работать в группах.

Предварительная подготовка: в соответствии с годовым планом проведения интеллектуальных игр, не менее, чем за месяц до проведения каждой игры командам объявляется тема игры. Нахимовцы самостоятельно или вместе с воспитателями, пользуясь различными информационными ресурсами, готовятся к игре. Каждая команда придумывает название команды, выбирает девиз. В каждой команде 5 игроков. Педагог-организатор осуществляет подборку вопросов, необходимых видеофрагментов, создаёт презентацию и осуществляет общее руководство ходом игры. Ведущим и членами жюри являются нахимовцы.

Ход игр:

1. В киноконцертном зале команды нахимовцев, зрители и болельщики занимают места в зале. Капитаны команд подписывают карточки для ответов, команды повторяют девиз и настраиваются на игру.
2. На экране демонстрируется видеозаставка «Что? Где? Когда?». Педагог-организатор объявляет о начале игры, объявляет тему, порядок, правила, представляет нахимовцев, входящих в состав жюри и нахимовца - ведущего игры.
3. Ведущий объявляет команды, которые участвуют в игре. Каждая команда представляет своё название и девиз.
4. Игра состоит из трёх туров, в каждом из туров предлагается 5-10 вопросов:
 - 1 тур (от 5 до 10 вопросов с тремя вариантами ответов),
 - 2 тур (от 5 до 10 вопросов без вариантов ответов),
 - 3 видео-вопроса,
 - 3 тур (от 5 до 10 вопросов повышенной сложности),
 - предмет в «Чёрном ящике».

В течение 30 секунд командам необходимо записать ответ на

карточке и передать жюри. Когда команды сдали карточки с ответами, называется правильный ответ. Каждый правильный ответ оценивается в один балл. Вопросы и ответы демонстрируются на экране для зрителей и болельщиков. По окончании трёх туров баллы суммируются и команды распределяются по призовым местам: 1, 2, 3 место. В том случае, если команды набрали одинаковое количество баллов и претендуют на призовое место, задаются дополнительные вопросы командам. Дополнительные баллы команды получают за конкурс приветствия: от 1 до 3 баллов, а также за ответы на видео-вопросы и «чёрный ящик».

5. Жюри подводит и объявляет итоги каждого тура и общий итог в конце игры.
6. Члены жюри и педагог-организатор награждают грамотами команды за 1, 2, 3 места.
7. В полуфинальные и финальные игры выходят команды, занявшие 1, 2, 3 места в отборочных играх между командами каждого курса.
8. По итогам игр сезона определяется обладатель переходящего кубка. Тема: «Оборона Севастополя в Крымскую войну».

На экране демонстрируется видеозаставка «Что? Где? Когда?».

Ведущий: Добрый день! Тема игры «Оборона Севастополя в Крымскую войну».

Ведущий игры представляет и приглашает на сцену председателя жюри и нахимовцев — членов жюри. (рис.1).

Председатель и члены жюри интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» по теме «Оборона Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг.». Филиал НВМУ (Севастопольское ПКУ). 2019 г.

Ведущий: Сегодня соревноваться в знаниях о героической обороне Севастополя в период Крымской войны будут команды игроков, которые сейчас сами себя и представят. Приветствие команд оценивают председатель и почётные члены жюри. Предлагаю командам 6-В класса, 7-А класса, 7-В класса, 8-А класса, 9-А класса, 9-Е класса представить на строгий суд жюри название и девиз своей команды.

Команды декламируют название и девиз своей команды. (рис.2).

Ведущий: Жюри и команды представлены, и мы начинаем!

Звучит музыкальная тема «Что? Где? Когда?».

Вопрос «Черный ящик» интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» по теме «Оборона Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг.». Филиал НВМУ (Севастопольское ПКУ). 2019 г.

Ведущий: Игра состоит из трёх туров. Преимущество первого тура для игроков, в том, что в отличие от второго и третьего туров, командам предлагаются 7 вопросов с вариантами ответов. Необходимо выбрать правильный ответ. Внимание, 1 тур!!!

1. Кто разработал план оборонительных укреплений Севастополя: Э.И. Тотлебен, В.А. Корнилов или В.И. Истомин?

Ответ: Начальник инженерной службы Севастопольского гарнизона инженер-полковник Тотлебен Эдуард Иванович.

После прочтения каждого вопроса включается звук секундомера (30 секунд), по истечении которого команды должны принести карточки с ответами на стол жюри.

2. Первое в мире женское медицинское формирование по оказанию первой помощи раненым было создано во время осады Севастополя. Как оно называлось? Международное движение Красного Креста, Крестовоздвиженская община попечения о раненых и больных, Крестовоздвиженская община сестёр милосердия Красного Креста.
- Ответ: Крестовоздвиженская община попечения о раненых и больных.

3. Назовите фамилию народной сестры милосердия, наверное, самой известной в период обороны Севастополя Даши Севастопольской: Севастопольская, Михайлова, Иванова. Ответ: Дарья Лаврентьевна Михайлова.
4. Одной из визитных карточек Севастополя является Туманный колокол, установленный в Херсонесе. После оставления Севастополя войсками гарнизона, колокол вывезли вместе с другими трофеями в Англию, Францию или США? Ответ: Почти 60 лет колокол висел на одной из колоколен Собора Парижской Богоматери. В 1913 году он был возвращён России в знак восстановления дружбы.
5. Сколько бомбардировок Севастополя было предпринято: четыре, шесть или семь? Ответ: шесть бомбардировок.
6. Какое событие состоялось 24 октября 1854 года: Инкерманское сражение, Балаклавское сражение, убит Истомин В.И.? Ответ: Инкерманское сражение.
7. Сколько бастионов было построено под Севастополем: 4, 6, 8? Ответ: 8.
Жюри оглашает итоги конкурса приветствия и 1 тура игры.
Ведущий: второй тур.
1. 11 сентября 1854 года, ещё до начала обороны города, военным советом флота было принято решение. Какое? Ответ: затопить семь кораблей на входе в Севастопольскую бухту.
2. Как преимущественно использовались в период обороны Севастополя стоявшие в бухте корабли Черноморского флота? Ответ: как плавучие артиллерийские батареи.
3. Какое событие омрачило радость защитников Севастополя после отражения 1-й бомбардировки? Ответ: смертельным ранением вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова на Малаховом кургане. Владимир Алексеевич умер в госпитале.
4. В русской армии только 26 винтовок, стрелявших на большую дальность, выдавалось на роту, а в роте по боевому расписанию от 100 до 150 человек. Назовите это оружие. Ответ: штуцер.
5. 13 октября 1854 года считается траурным у военных какой страны? Ответ: Великобритании. В этот день во время Балаклавского сражения в результате «неточности переданного приказа» отряд британской легкой кавалерии бросился в атаку на артиллерийские позиции русских войск. За 15 минут под ураганным огнём пушек погибло 300 человек из 700.
6. Врачи какой страны оказывали активную медицинскую помощь в осажденном Севастополе? Ответ: США. В военных действиях Америка участия не принимала, но она поставляла медикаменты, а добровольцы — хирурги из США работали в Севастополе под руководством Пирогова.
7. Сколько дней продолжалась первая оборона Севастополя? Ответ: 349 дней.

Демонстрируется видеоролик «Оборона Севастополя».

Ведущий: Видео-вопросы.

1. Назовите героя данного видеофрагмента? Ответ: Матрос Петр Маркович Кошка.
2. Что это за место, и где оно находится? Ответ: крест на месте смертельного ранения вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова на Малаховом кургане.
3. О ком данный видеофрагмент? Ответ: о враче Николае Ивановиче Пирогове.
Жюри оглашает итоги 2 тура игры.
Ведущий: заключительный третий тур.
1. 27 августа 1855 года неприятель взял высоту, откуда хорошо просматривался и обстреливался весь Севастополь. По приказу Главнокомандующего князя Михаила Дмитриевича Горчакова Южная сторона Севастополя была оставлена гарнизоном. О каком месте идёт речь? Ответ: Неприятельские войска захватили бастион на Малаховом кургане.
2. Где во время обороны города подземное противостояние приобрело наибольший размах? Ответ: Военные действия под землей происходили перед Малаховым курганом и перед 5-м бастионом, но наибольший размах они приобрели перед 4-м бастионом.
3. О сражении 13 октября 1854 года были написаны строки:
«Бригада, вперёд! Разве дрогнут ряды?
Солдаты ещё не видят беды,
Что этот приказ влечёт...
Смело мчатся они на редут.
К дьяволу в лапы,
К смерти в объятия
Скачут все шестьсот...». О каком сражении написаны эти строки? Ответ: Балаклавское сражение.
4. «Как четвёртого числа
Нас нелёгкая несла
Горы отбирать...
На Федюхины высоты
Нас пришло всего три роты,
А пошли полки...» [3].
О каком сражении идёт речь? Дополнительный балл командам, которые напишут полностью дату этого сражения или назовут автора этой солдатской песни. Ответ: Чернореченское сражение 4 августа 1855 года. Автор Лев Толстой.
5. 18 марта 1856 года Крымская война 1853–1856 гг. закончилась подписанием документа, который определял послевоенные взаимоотношения европейских стран и России. Что это за документ? Ответ: Парижский трактат или Парижский мирный договор.
6. По условиям Парижского мирного договора Черное море станови-

лось...? Ответ: Черное море объявлялось нейтральным.

7. Как был отмечен подвиг защитников Севастополя?

Ответ: В 1855 году правительство учредило медаль «За защиту Севастополя». Впервые в мире награда была учреждена не за взятие крепости, а за её героическую защиту. Севастополь – это единственный в мире город, за оборону которого дважды учреждались медали. В Крымскую – «За защиту Севастополя», в Великую Отечественную – «За оборону Севастополя».

Звучит музыкальная заставка «Чёрный ящик», на сцену поднимается ведущая, а ведущий выносит «Чёрный ящик». Жюри во время отгадывания предмета в «Чёрном ящике» подсчитывает результаты третьего тура и общий счёт.

Ведущая: В «Чёрном ящике» находится предмет, угадав который с первой подсказки команда заработает два бала, со второй – один бал, с третьей – 0,5 бала. Итак, представляю вам подсказки:

2 балла — данный предмет придумали, чтобы не замерзнуть.

1 балл — после Крымской войны он вошел в моду по всей Европе.

0,5 балла — данный предмет сегодня с небольшими модификациями является непременным атрибутом лыжников, экстремалов всех видов, полярных экспедиций, военных и террористов.

Ответ: Англичане, прибывшие из достаточно теплой, хоть и сырой Великобритании, ужаснулись морозами крымской зимы в 1854–1855 годах. Войска не имели теплого обмундирования. И чтобы не замерзнуть англичане придумали вязаный капюшон с прорезями, который сегодня называют «балаклава».

Пока жюри подводит итоги, командам предлагают просмотреть на экране отрывок кинофильма «Оборона Севастополя».

Жюри оглашает итоги игры.

Награждаются грамотами призёры и победитель. (рис.3).

Победители и призёры интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?». Филиал НВМУ (Севастопольское ПКУ). 2019 г.

Данное воспитательное мероприятие подготовлено и проведено при тесном взаимодействии с сотрудниками Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник», (Музей обороны Севастополя) (далее — Музей). В начале каждого учебного года создается план совместных мероприятий Музея и филиала. План охватывает экскурсии в панораму «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», на Малахов курган, Сапун-гору и всем героическим местам города Севастополя. (рис.4 и рис.5).

Воспитанники филиала НВМУ (Севастопольское ПКУ) у здания панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Севастополь. 2019 г.

Воспитанники филиала НВМУ (Севастопольское ПКУ) принимают участие в мастер-классе фестиваля «Русская Троя». Севастополь, Исторический бульвар. 2019 г.

Важным элементом сотрудничества являются интерактивные лекции и викторины для нахимовцев в рамках внеурочной деятельности клуба интеллектуальных игр «Морской бой», «Что? Где? Когда?» и «Брейн-ринг». В прошедшем учебном году методистами Музея были проведены лекции с видеопрезентациями и викторины по темам: «Создание и развитие Черноморского Флота», «Адмирал П.С. Нахимов», «Граф Э.И. Тотлебен — гений севастопольской обороны», «Детство, опаленное войной», «Первый день войны в Севастополе», «От георгиевских кавалеров до Героев России», «Черноморский флот в боях за Севастополь 1941–1944 гг.», «Севастополь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» и другие (рис.6).

Проведение игры «Синопский бой» в рамках фестиваля «Русская Троя». Севастополь, Исторический бульвар. 2019 г.

Проведение лекции и викторины «Гений севастопольской обороны» сотрудниками ФГБУК «Музей обороны Севастополя». Филиал НВМУ (Севастопольское ПКУ). 2019 г.

Каждая лекция завершалась викториной. Особенно запомнилась нахимовцам лекция «Адмирал П.С. Нахимов» и игра «Синопский бой» (рис.7). Ежемесячно в филиале проходят выставки экспонатов Музея. (рис.8).

Грамотные экскурсоводы повествуют о событиях Крымской войны 1853–1856 гг., Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В пятилетие годовщины подписания Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным распоряжения о создании Севастопольского президентского кадетского училища нахимовцы, сотрудники совместно с представителями Музея развернули Государственный флаг России на плацу филиала.

Проведение экскурсии по передвижной выставке ФГБУК «Музея обороны Севастополя». Филиал НВМУ (Севастопольское ПКУ). 2019 г.

Результатом совместной деятельности Музея и филиала являются участие, победы нахимовцев в конкурсах, викторинах и заинтересованность воспитанников в приобретении новых знаний об истории Севастополя, Крыма и всей России. А это значит, что ребята взрослеют, начинают понимать свою принадлежность к Отчизне, Родине, Отечеству, и надеются, действительно станут ревнителями о благе Отечества, отечественниками, отчизнолюбями - настоящими патриотами России.

Источники и литература:

8. Афоризмы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://aphorism.ru/comments/advcsywpw.html>
9. Программа воспитания и социализации нахимовцев 5–9-х классов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://drive.google.com/file/d/0B7ihqJFRckprX2V3UJJPQ3Fjenc/view>
10. Мультиурок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/istorichieskaia-viktorina-oborona-sievastopolia-1854–1855-ghodov.html>

СОДЕРЖАНИЕ

Букатов А.А.	3
Ляшук П.М. АНГЛИЙСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ 1854–1855 ГГ. ИЗ БУХТЫ КАЗАЧЬЯ	
Вакулова Т.В.	15
К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.	
Высочков Л.В.	23
ОСАЖДЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ В ПИСЬМАХ. Д. КАМОВСКОГО К «МИЛОЙ МАРЬЕ АФАНАСЬЕВНЕ» (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН)	
Гельман Б.Н.	34
ВОИНЫ-ИНОВЕРЦЫ И ИНОСЛАВНЫЕ НА СЕВАСТОПОЛЬСКИХ БАСТИОНАХ	
Давыдова Т.И.	43
ПОЛЕВОЙ ИНЖЕНЕР В.Н. НАСАКИН	
Ефимов А.В.	48
МЕСТА ПОГРЕБЕНИЯ ЧИНОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА, ПАВШИХ ПРИ ЗАЩИТЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ (1854–1855 ГГ.)	
Иванов Н.Д.	64
КРЫМСКАЯ ВОЙНА (1853–1856 ГГ.) В ИСТОРИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН	
Карачевцев И.Е.	68
ПАМЯТНЫЕ МЕСТА В ТУЛЕ, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНАМИ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ., ГЕНЕРАЛА А.П. ХРУЩОВА И Л.Н. ТОЛСТОГО	
Кортацци Л.В.	82
Вепренцева Е.В. ДОСТОЙНЫЕ СЫНЫ ОТЕЧЕСТВА. ЧАСТЬ I. ЧАСТЬ II.	
Кутлер П.П.	100
ВИКТОР ИЛЛАРИОНОВИЧ ВАСИЛЬЧИКОВ И МОИ ПРЕДКИ В ГОДЫ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.	
Макаренко Г.И.	115
ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА ПО ИТОГАМ ВОСТОЧНОЙ (КРЫМСКОЙ) ВОЙНЫ	

Малиновская Е.С.	121
АНГЛИЙСКИЕ ВОИНСКИЕ НЕКРОПОЛИ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ. ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ	
Малиновская О.И.	147
МЕРОПРИЯТИЯ К СТОЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВОЕННОГО ОРДЕНА СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБЕДОНОСЦА ГЕОРГИЯ (1769–1869) В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ	
Манилов Р.А.	169
СТАНОВЛЕНИЕ ПРОФЕССИИ МЕДИЦИНСКОЙ СЕСТРЫ В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ	
Перегуда (Деревянкина) И.В.	175
РОДИНА МОЯ – ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ	
Петрушкевич А.В.	180
К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА А.И. БАРЯТИНСКОГО	
Румянцева Е.Е.	198
АРКАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СКУЛЬСКИЙ (1832–1887): ЕГО ИМЯ ВЫБИТО НА ПАМЯТНИКЕ-ОБЕЛИСКЕ ГЕРОЕВ АЛЬМИНСКОГО СРАЖЕНИЯ, НО ОН ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ	
Самсоненко А.В.	206
МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ. А.А. ПОПОВА ИЗ ФОНДОВ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	
Слепнева Т.В.	216
ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ СЕСТЁР МИЛОСЕРДИЯ: ЕЁ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.	
Спирidonova И.К.	223
«РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБОРА СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА – УСЫПАЛЬНИЦЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ФЛОТОВОДЦЕВ-АДМИРАЛОВ. 2011–2014 ГГ.». (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ МУЗЕЯ)	
Фесенко А.А.	234
ПРАКТИКА ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ «ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН» НА ПРИМЕРЕ УЧАСТНИКА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ, КОМЕНДАНТА СЕВАСТОПОЛЯ, АДМИРАЛА ПЕТРА ИВАНОВИЧА КИСЛИНСКОГО.	

Христофорова Л.Н.	241
О ДИНАСТИИ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ ХРИСТОФОРОВЫХ — УЧАСТНИКОВ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 ГГ.	
Ченнык С.В.	252
ПЕРВАЯ СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ	
Шелаева А.А.	267
АКТРИСА П.И. ОРЛОВА-САВИНА В РОЛИ ДОБРОВОЛЬНОЙ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ «НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ» В КРЫМУ 1855 ГОДА: НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА К НЕЙ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О НАСТРОЕНИЯХ В ОБЩЕСТВЕ И ОЦЕНКАХ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ	
Шендрикова С.П.	273
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
Шрамкова Е.А.	284
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НАХИМОВЦА НА ГЕРОИЧЕСКИХ ПРИМЕРАХ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 ГГ.	

Министерство культуры Российской Федерации
Российское военно-историческое общество

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 ГГ. И
ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ 1854–1855 гг.: РЕЗУЛЬТАТЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ».
К 165-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
1854–1855 ГГ.**

Материалы
всероссийской научно-практической конференции
7-9 сентября 2019 г.

Подписано в печать
Формат.... Печать офсетная

Издательство:
ФГБУК «Севастопольский военно-исторический музей-заповедник»
299011, Россия, г. Севастополь, Исторический бульвар, 1
Тел.: +7(8692)222–111
sev_panorama100@mail.ru
www.sevmuseum.ru

Полиграфическое исполнение:
ООО «Фирма «Салта» ЛТД»
295000, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Коммунальная, 24/3,
тел.: (3652) 24–84–72
www.saltaprint.com